
А. П. НЕЧАЕВЪ
ВЪ ЦАРСТВѢ
ВОДЫ
И ВѢТРА
2ое ИЗДАНІЕ
Изд А. Ф. Девріена

ВЪ ЦАРСТВѢ ВОДЫ И ВѢТРА.

ОЧЕРКИ и КАРТИНЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ ЗЕМЛИ

А. П. НЕЧАЕВА.

2-е изданіе, просмотрѣнное, исправленное
и дополненное.

Съ 134 рисунками.

Въ первомъ изд. Учен. Комит. Мин. Нар. Просвѣщ. признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслужив. вниманія при пополненіи какъ ученич. библ. средн. учебн. зав., такъ равно и безплатныхъ народн. библіотекъ и читаленъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

КНИГОПЕЧАТНЯ
ШМИДТЪ
ЗВЕНИГОРОДСКАЯ 20

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ предисловія къ 1-му изданію.

Книга эта стоитъ въ тѣсной связи съ другою моею книгою «Между огнемъ и льдомъ». Тамъ идетъ рѣчь о вулканахъ, землетрясеніяхъ и ледникахъ, здѣсь о работѣ воды и вѣтра. Обѣ книжки довольно полно охватываютъ вопросы того отдѣла физическаго землевѣдѣнія, который носитъ названіе динамики суши. Но само собой разумѣется, ни въ характерѣ изложенія, ни въ расположеніи матеріала нѣтъ ничего общаго съ учебникомъ или руководствомъ. Какъ и «Между огнемъ и льдомъ», книга эта возникла изъ статей, печатавшихся въ журналѣ «Всходы». Статьи эти значительно обработаны и дополнены, но во всякомъ случаѣ сохранили свой первоначальный *эпизодическій* характеръ. Въ подборѣ матеріала выдержанъ извѣстный планъ, позволяющій соединить эти очерки въ одну книгу, но тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ можетъ быть прочитанъ независимо отъ другихъ. Имѣя въ виду широкіе круги публики и преимущественно юнаго читателя (дѣтей средняго и старшаго возраста), авторъ старался очертить каждое явленіе въ возможно яркихъ образахъ и создать книгу, которая должна съ одной стороны возбуждать интересъ къ вопросамъ физической геологіи и географіи, съ другой стороны пополнять и укрѣплять свѣдѣнія, полученныя въ школѣ. Предназначая ее для самостоятельнаго чтенія, пришлось удѣлить немного мѣста теоріямъ, которыя лучше всего усваиваются на урокѣ, и наоборотъ видвинуть на первый планъ образы и картины. Поэтому въ широкихъ размѣрахъ дѣлались заимствованія художественныхъ описаній природы у русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, писателей и ученыхъ, напр., у проф. Д. И. Анучина, В. Витковскаго, проф. Воейкова, П. Гнѣдича, проф. Докучаева, Дмитріева, Е. Маркова, Мельникова-Печерскаго, Обручева, Н. А. Соколова, Свена-Гедина, проф. Клейна, Ливинг-

стона, Тиндаля, Реклю, Фламмаріона и др. Всѣ наиболѣе значительныя заимствованія отмѣчены кавычками, хотя нигдѣ не дѣлалось буквальныхъ выписокъ: слова цитируемыхъ авторовъ подвергались сокращенію и вообще передѣлывались настолько, насколько это необходимо, чтобы они стали вполнѣ доступными читателю. Нѣкоторые изъ разсказовъ, поставленныхъ въ кавычкахъ, комбинированы изъ нѣсколькихъ описаній, и въ такомъ случаѣ имя автора не указывается. Согласно съ главною задачей—дать живыя картины явленій, связанныхъ съ работою воды и вѣтра, въ книгу включенъ эффектный разсказъ Эмиля Зола «Наводненіе», съ небольшими сокращеніями, которыя необходимы были въ педагогическихъ видахъ. Переведенъ разсказъ заново Е. П. Нечаевой и проредактированъ авторомъ.

Отъ книги «Между огнемъ и льдомъ» этотъ трудъ отличается между прочимъ тѣмъ, что здѣсь автору приходится говорить объ явленіяхъ, съ которыми ему самому приходилось неоднократно сталкиваться въ природѣ. Поэтому на ряду съ картинами и образами, заимствованными у другихъ, онъ считалъ не безполезнымъ вложить въ книгу и отпечатокъ собственныхъ впечатлѣній.

Преслѣдуя прежде всего цѣли воспитательныя, авторъ вездѣ, гдѣ было возможно, старался отмѣтить подвиги ученыхъ изслѣдователей, вдохнуть благоговѣніе передъ ихъ несокрушимою энергіею и уваженіе къ ихъ трудамъ. Несмотря на эпизодическій характеръ, очерки имѣютъ въ виду заронить въ сознаніе читателя основы научнаго міросозерцанія. Общая идея книги—измѣняемость земли: все имѣетъ начало и конецъ, формы измѣняются непрерывно, пока существуетъ земля; человѣкъ не занимаетъ центральнаго положенія во вселенной, его жизнь только звено въ длинномъ циклѣ превращеній. Только знаніе даетъ человѣку могущество, и во всеоружіи науки онъ является побѣдителемъ стихійныхъ силъ.

Большое вниманіе обращено на явленія, свойственныя природѣ Россіи. Заинтересовать родною природой, на первый взглядъ унылою и невзрачной, но тѣмъ не менѣе богатою и разнообразною,—одна изъ существенныхъ задачъ книги. Поэтому въ ней найдется не мало матеріала, способнаго притти на помощь и преподавателю родной географіи. Въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ читатель найдетъ здѣсь многое изъ того, что систематически изложено авторомъ въ

его книгахъ, «Картины родины» (Типичные ландшафты Европ. Россіи), «Почва и ея исторія» и серіи брошюръ «Библіотека для всѣхъ». (Очерки изъ жизни и исторіи земли).

Въ популярно-научной книгѣ одинъ изъ первыхъ вопросовъ— иллюстраціи. Имѣя въ виду дѣйствовать на воображеніе и чувство читателя, авторъ украсилъ книгу снимками съ картинъ выдающихся мастеровъ русскихъ и иностранныхъ, Айвазовскаго, Архипова, Дубовскаго, Киселева, Флавицкаго, Ригера и др., а также многочисленными фотографическими снимками.

Настоящая книга вмѣстѣ съ «Между огнемъ и льдомъ» представляетъ только звено въ цѣлой серіи сочиненій, которыя авторъ намѣренъ въ будущемъ выпустить, постепенно разрабатывая ихъ на страницахъ дѣтскихъ журналовъ. Къ этой же серіи принадлежитъ и книжка «Изъ подземнаго міра», содержащая очерки полезныхъ ископаемыхъ.

Лестные отзывы печати о книгѣ «Между огнемъ и льдомъ», равно какъ и многочисленныя письма, полученныя отъ преподавателей и преподавательницъ, позволяютъ надѣяться, что эта книга сослужитъ свою службу не только въ широкихъ кругахъ читающей публики, но останется также не безполезной для семьи и школы.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Изданіе это выходитъ съ самыми незначительными измѣненіями. Сдѣланы мелкія исправленія и незначительныя вставки, нѣкоторыя рисунки замѣнены новыми.

А. П. Нечаевъ.

Январь. 1913 г.

По водопадамъ.

I.

Знаете ли вы, что такое водопады? Сила, красота и изящество,— все соединяется въ нихъ. Грозенъ весенній ледоходъ, страшны и могучи рѣчные разливы... Но что можетъ сравниться съ живописнымъ величіемъ падающей воды? Съ давнихъ временъ человѣкъ строилъ искусственные каскады и фонтаны и украшалъ ими свои сады и парки... Когда весна снова оживитъ окоченѣлую землю, и Нева сброситъ ледяные оковы, сядемъ на пароходъ и отправимся въ Петергофъ.

Чудная прогулка! Широкая гладь залива подернулась легкою дымкой тумана. Надъ нею необъятный просторъ неба... Петербургъ утопаетъ вдали, сверкая куполомъ Исаакіевскаго собора. Нѣжно плещутся волны, ласково дуетъ вѣтерокъ... Жадно вдыхается свѣжій воздухъ, новыя силы бодрятъ истомленное тѣло... Не долог̃ъ путь. Скоро петергофскій паркъ со всѣми своими чудесами принимаетъ насъ въ объятія. Какая масса воды! Большіе и малые фонтаны, водяныя бесѣдки, каскады,—все сливается въ одну волшебную картину. Посмотрите на эту дивную золотую лѣстницу (рис. 1). По гигантскимъ блестящимъ ступенямъ съ шумомъ несется широкая струя воды. Солнце заливаетъ ее потокомъ лучей, и она сверкаетъ безчисленными бриліантами, переливается нѣжными тонами радужныхъ красокъ. А вотъ выдвигается огромная фигура Самсона, самаго большого изъ фонтановъ. Вода всюду... Она шумитъ, взлетаетъ вверхъ, падаетъ внизъ, разбивается въ цѣлыя тучи мелкой пыли, сверкаетъ золотомъ и серебромъ (рис. 2). Дивное зрѣлище!

Представьте же, что всѣ фонтаны Петергофскаго парка слились въ одно громадное цѣлое, что его каскады-лѣстницы разрослись въ вышину и ширину до необъятныхъ размѣровъ, тучи водяной пыли поднялись до небесъ, брызги переполнили воздухъ, шумъ заглушилъ голосъ тысячной толпы, — это и будетъ водопадъ, но только самый сильный, самый могучій изъ всѣхъ водопадовъ міра...

Знаменитѣйшій водопадъ на земномъ шарѣ — Ніагарскій, въ Сѣверной Америкѣ. Это настоящее чудо свѣта, цѣлое падающее море! Шумъ его слышенъ на разстояніи 75 верстъ. Рѣка Ніагара — единственный путь, по которому устремляются воды четырехъ величайшихъ въ мірѣ озеръ: Верхняго, Мичигана, Гурона и Эри. Всѣ эти озера занимаютъ огромнѣйшую площадь въ 4.200 кв. миль; чтобы сравняться съ ними, Ладожское озеро должно было бы затопить Петербургскую и Олонецкую губерніи. Сначала воды Ніагары несутся широкимъ, величественнымъ и покойнымъ потокомъ. За нѣсколько верстъ до водопада берега начинаютъ сбли-

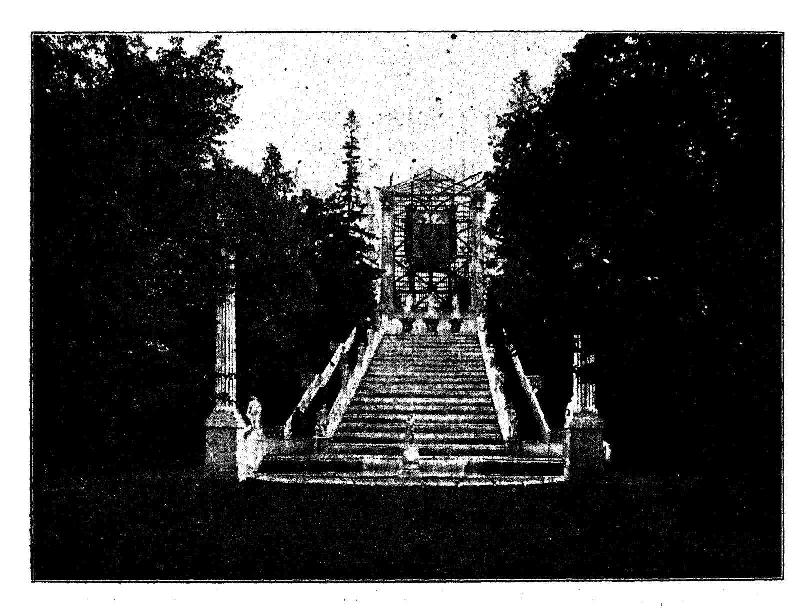

Рис. 1. Золотая лѣстница въ Петергофѣ.

жаться, теченіе становится быстрѣе, и наконецъ вся огромная масса воды низвергается съ высоты въ 25 саж. Чтобы получить такой обрывъ, надо было бы поставить другъ на друга три пятиэтажныхъ дома.

На мѣстѣ водопада изъ пѣнящихся водъ рѣки выдвигается небольшой островокъ. Онъ весь заросъ свѣжимъ густымъ лѣсомъ. Бѣшеныя волны образуютъ около него прихотливую кайму пѣны. Говорятъ, что на этомъ островѣ жило когда-то цѣлое стадо дикихъ козъ; онѣ погибли во время одной суровой зимы. Отсюда и весь островокъ получилъ названье Козьяго. Раздвоенная имъ рѣка низ-

вергается двумя потоками: правый называется американскимъ водопадомъ, лѣвый — канадскимъ. Первый не широкъ, — только 82 сажени. Второй представляетъ гигантскую подкову въ 242 саж. шириною: это почти 1/2 версты! Широкой завѣсой падаетъ черезъ него главная масса воды. Она кипитъ и клокочетъ на днѣ пучины. Надъ бездной поднимаются столбы водяной пыли и орошаютъ окрестность мелкимъ дождемъ. Лучи солнца играютъ на нихъ, переливаясь безчисленными огнями. Иногда широкая арка радуги повисаетъ въ воздухѣ, придавая водопаду новую прелесть. Ночью,

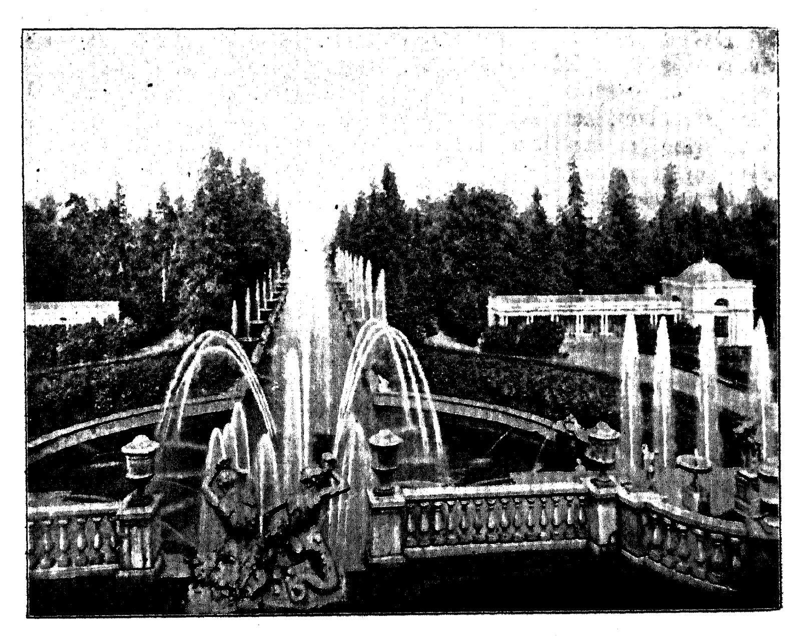

Рис. 2. Петергофскіе фонтаны.

при лунномъ освѣщеніи, Ніагара представляетъ чудное зрѣлище. Смотря по временамъ года, картина мѣняется. Лѣтомъ яркая зелень деревьевъ рѣзко выступаетъ на бѣломъ фонѣ пѣнящейся воды. Осенью Козій островъ покрывается пестрыми красками увядающей листвы. Зимою съ утесовъ свѣшиваются громадныя ледяныя сосульки. Точно бриліантовыя украшенія, сверкаютъ онѣ на солнцѣ (рис. 3). И среди этой ледяно-хрустальной рамы попрежнему низвергаются шумныя воды.

Весною во время ледохода развертываются грозныя картины. Точно остатки разрушенныхъ стеклянныхъ горъ, тѣснятся у краевъ

водопада громадныя ледяныя глыбы. Съ грохотомъ налетаютъ онѣ другъ на друга, разбиваются вдребезги и пропадаютъ въ бездонной пучинѣ воды. А какая сила у Ніагары! Могучая струя падающей воды ворочаетъ такіе огромные камни, какіе могли бы передвинуть только $6^{1}/_{2}$ милліоновъ лошадей! Нѣсколько лѣтъ назадъ по теченію пустили старый корабль. Собрались огромныя толпы народа, смотрѣли, что будетъ. Корабль стрѣлою помчался къ водопаду, на мгновеніе мелькнулъ въ его бурныхъ водахъ и исчезъ навѣки. Никто не видалъ и обломковъ его...

За водопадомъ рѣка сразу суживается. Бурныя воды ея несутся по глубокому и дикому ущелью. Особенно страшны «нижнія стремнины Ніагары». Это самое узкое мѣсто рѣки. Сдавленныя береговыми утесами, онѣ превращаются здѣсь во что-то ужасное. Нѣтъ ни пѣны, ни брызгъ. Но быстрота движенія поразительна. Достаточно сказать, что рѣка, имѣвшая болѣе версты въ ширину, здѣсь суживается до 50-ти саж. Дикое ущелье тянется на протяженіи 11 верстъ. Далѣе Ніагара вступаетъ въ пологую равнину, и воды ея спокойно докатываются до озера Онтаріо (рис. 4).

Въ былыя времена индѣйцы считали Ніагару священной. По ихъ вѣрованіямъ, на Козьемъ островѣ жилъ Великій Духъ. Ежегодно приносили ему въ жертву самыхъ красивыхъ дѣвушекъ. Изготовляли новый бѣлый челнъ. Вся въ цвѣтахъ и зелени сажалась туда юная жертва. За нѣсколько верстъ выше водопада челнъ пускали въ рѣку. На берегу толпился народъ. Всѣ слѣдили за его дикимъ движеніемъ. Вотъ наступаетъ торжественная минута... Челнъ у самаго обрыва. На мгновеніе онъ какъ-бы останавливается, потомъ вдругъ перевертывается и пропадаетъ въ пучинѣ.

Давно миновали дикія времена. Краснокожіе индѣйцы почти вымерли, и Ніагара не шумитъ уже, какъ прежде, въ безмолвіи дѣвственныхъ лѣсовъ. Величественный видъ водопада изъ года въ годъ привлекаетъ тысячи и десятки тысячъ путешественниковъ. Люди стекаются со всѣхъ концовъ міра, чтобы полюбоваться дивнымъ зрѣлищемъ (рис. 5).

Рестораторы и хозяева гостиницъ стремятся захватить всѣ мѣста, откуда открываются лучшіе виды. Разные предприниматели пользуются даровой силой водопада, и по берегамъ рѣки настроено уже множество фабрикъ и мельницъ. Грохотъ ихъ смѣшивается съ ревомъ водопада и нерѣдко даже заглушаетъ его. Человѣкъ посягнулъ на дикія прелести Ніагары, и немного требовалось времени, чтобы отъ нихъ не осталось и слѣда. Но, къ счастью любителей природы, американцы объявили берегъ водопада и Козій островъ національною собственностью: никто не можетъ здѣсь ни купить, ни арендовать землю. Точно также и канадское правительство устроило на своемъ берегу паркъ, гдѣ каждый имѣетъ

возможность любоваться безплатно величіемъ и красотою водопада. И съ той, и съ другой стороны къ услугамъ путешественниковъ многочисленные бесѣдки и балконы, пріютившіеся на обрывахъ скалъ, всюду, гдѣ развертываются самые живописные виды. Нѣсколько мостиковъ перекинуто надъ водопадомъ. Они соединяются съ берегомъ острова, выдвигающагося изъ водъ Ніагары. Здѣсь развертывается дивное зрѣлище. Земля дрожитъ подъ ногами. Кругомъ хаосъ пѣны и брызгъ...

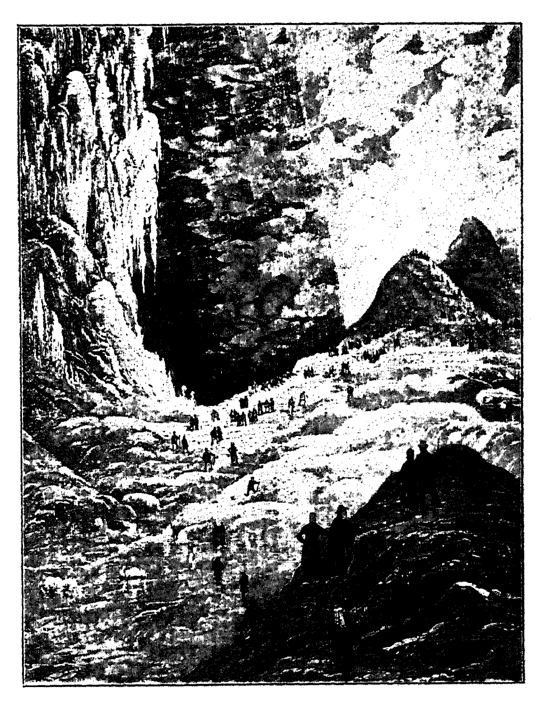

Рис. 3. У Ніагарскаго водопада зимою.

Многочисленныя желѣзныя дороги ведутъ ко всѣмъ замѣчательнымъ мѣстамъ берега. Одна изъ нихъ на всемъ 11-верстномъ протяженіи лѣпится по крутому обрыву. Внизу бурно шумитъ рѣка. Ниже водопадовъ черезъ ущелье перекинуто нѣсколько мостовъ. Первымъ былъ построенъ прекрасный цѣпной мостъ. Онъ возвышался на 35 саженъ надъ уровнемъ воды, и подъ нимъ могли свободно проходить самые большіе пароходы. Онъ весь былъ сооруженъ изъ желѣза и висѣлъ на проволочныхъ ка-

натахъ толщиною въ 10 дюймовъ. Каждый изъ нихъ былъ свитъ изъ 14.000 проволокъ! При первой пробѣ моста былъ пущенъ поѣздъ въ 2 милліона пудовъ вѣсомъ. Недавно этотъ мостъ сломанъ и замѣненъ новымъ, который въ видѣ прямой и легкой стальной арки перекинутъ съ одного берега на другой. Онъ возведенъ въ 1897 году. Другой мостъ предназначается для пѣшеходовъ и экипажей и существуетъ уже съ 50-хъ годовъ. Третій мостъ, по которому пролегаетъ путь Мичиганской дороги, построенъ въ 1883 году

Посѣтители Ніагарскаго водопада не всегда довольствуются внѣшнимъ осмотромъ его,—они спускаются въ самыя нѣдра водяной бездны, совершаютъ опасную прогулку подъ зелено-хрустальными каскадами Ніагары... Рядомъ съ Козьимъ островомъ лежитъ крошечный островокъ — Лунный. Прочный мостъ соединяетъ ихъ другъ съ другомъ. Подъ мостомъ обрывается полоса воды шириною около 10 саженъ. Это—Центральный водопадъ. Онъ имѣетъ видъ огромнаго хрустальнаго свода, подъ которымъ остается темный проходъ. Сквозной вѣтеръ вихремъ носится въ этомъ подводномъ коридорѣ. Потому онъ и называется «Пещерою вѣтровъ». Сюда можетъ проникнуть человѣкъ. Надѣвъ просмоленное платье, смѣльчакъ спускается по винтовой лѣстницѣ.

Вотъ что разсказываетъ путешественникъ, испытавшій всѣ ужасы такой прогулки:

«Спустившись, мы двинулись къ Центральному водопаду, который ревѣлъ надъ головой съ оглушительною силой. Проводникъ взялъ меня за руку и потащилъ въ самый водопадъ по мокрому, скользкому и наклонному карнизу скалы. Въ глазахъ у меня помутилось, я ничего больше не видѣлъ. Вода лилась и сверху, и снизу. Проводникъ прижималъ меня къ скалѣ и медленно подвигался бокомъ,—спиною къ водопаду. Немного сообразивъ свое положеніе, я вскинулъ глаза кверху и сквозь мглу брызгъ увидѣлъ черную скалу справа и водяную стѣну слѣва. Верхняя часть этой стѣны просвѣчиваетъ слабымъ зеленоватымъ цвѣтомъ, а ниже былъ цѣлый потокъ брызгъ. Дышать нечѣмъ,—вмѣсто воздуха одна водяная пыль. Держаться не за что. По скалѣ струится вода, полъ пещеры тоже совсѣмъ мокрый, съ наклономъ наружу, т.-е. прямо въ пучину. Положеніе непріятное и опасное. Единственная опора—рука проводника.. Но если онъ самъ поскользнется? Я закричалъ, но не услышалъ собственнаго голоса... Черезъ нѣсколько мгновеній мы вышли на деревянный мостикъ. Тутъ я былъ уже въ безопасности. Я промокъ насквозь и чувствовалъ и холодъ, и ужасъ. Однако-жъ стоявшій передо мною и улыбавшійся проводникъ вернулъ меня къ сознанію. Онъ показывалъ рукою наверхъ. Мы были прямо передъ водяною стѣною Центральнаго водопада. Брызги продолжали обдавать насъ съ головы до ногъ;

но все же здѣсь можно было кое-какъ дышать. Глазамъ моимъ представились двѣ яркія дуги, которыя я, какъ нѣкогда Ной, принялъ за символъ моего спасенія».

Еще страшнѣе путешествіе подъ водяными потоками канадскаго водопада. Такую прогулку совершилъ въ 1872 г. знаменитый англійскій ученый Тиндаль. Послушаемъ его разсказъ:

«Вечеромъ я встрѣтилъ проводника, который показываетъ Пещеру вѣтровъ. Видя, какой сильный интересъ возбуждаетъ во

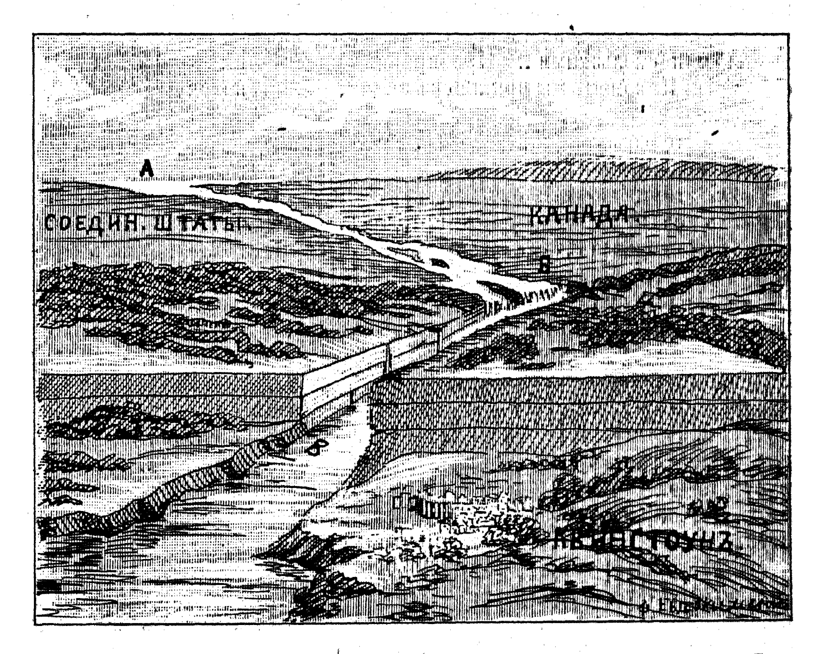

Рис. 4. Ніагара съ высоты птичьяго полета. Буквою А обозначено озеро Эри, буквою Б — водопадъ, а буквою В — озеро Онтаріо.

мнѣ Ніагара, онъ сдѣлался очень сообщителенъ и разсказалъ, что нѣсколько дней тому назадъ онъ совершилъ прогулку подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ зеленая вода падаетъ въ видѣ огромной подковы.

— «Поведите меня туда завтра,—сказалъ я.—Я хочу видѣть, что возможно.

«Въ отвѣтъ на это проводникъ внимательно осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ. Вѣроятно, онъ соображалъ, выдержитъ ли опасную прогулку стоявшій передъ нимъ худощавый человѣкъ. Потомъ онъ сказалъ, улыбнувшись:

— «Хорошо, я буду васъ ждать завтра утромъ.

«На другой день я пришелъ въ назначенное время. Сбросивъ съ себя одежду въ шалашѣ проводника, я надѣлъ двѣ пары шерстяныхъ панталонъ, двѣ шерстяныхъ куртки, три пары шерстяныхъ чулокъ и войлочные башмаки. Сверхъ всего я набросилъ клеенчатый плащъ съ капюшономъ и взялъ въ руку деревянную палку.

«Мы спустились внизъ. Проводникъ спросилъ меня, куда я хочу прежде итти,—въ Пещеру вѣтровъ или къ подковообразному водопаду. Я рѣшился начать съ болѣе труднаго, и мы повернули влѣво... Основаніе водопада завалено огромными глыбами камней, мокрыми и скользкими... Пробираясь среди нихъ, я промочилъ себѣ ноги. Наконецъ мы пришли къ значительному потоку. Проводникъ сказалъ:

— «Это самое трудное мѣсто. Если мы перейдемъ его, то можно будетъ подойти очень близко къ водопаду.

«Съ этими словами онъ вступилъ въ воду. Ему пришлось выдержать сильную борьбу съ потокомъ. Вода доходила до пояса, обдавала его пѣной. Но онъ устоялъ и благополучно достигъ противоположнаго берега.

«Я долго смотрѣлъ на потокъ и наконецъ послѣдовалъ примѣру проводника. Когда вода поднялась выше колѣнъ, я зашатался и попалъ въ быстрину. Бороться было невозможно. Я собрался съ силами и бросился назадъ. Благоразуміе требовало остаться на берегу, но развѣ я могъ остановиться передъ опасностью! Снова вода заклокотала вокругъ меня, я опять пошатнулся, но, напрягши всѣ силы, сдѣлалъ шагъ впередъ и успѣлъ схватить протянутую мнѣ руку проводника. Первая побѣда была одержана!

— «Еще ни одинъ путешественникъ,—сказалъ проводникъ,—не ступилъ на то мѣсто, гдѣ вы стоите.

«Мы стали пробираться туда, гдѣ вода пѣнилась особенно сильно. Трудно было устоять противъ напора брызгъ. Вокругъ насъ былъ невообразимый хаосъ. Повременамъ раздавался трескъ какъ бы отъ удара многихъ бичей. Онъ заглушалъ даже постоянный шумъ водопада. Увидѣть что-нибудь было невозможно.

«Между тѣмъ мы продолжали путь, пока не достигли края той пропасти, куда низвергается Ніагара.

«Я посмотрѣлъ наверхъ. и мнѣ представился громадный зеленый сводъ. Я былъ глубоко взволнованъ дивнымъ зрѣлищемъ. Проводникъ не зналъ, кто я такой, но, когда я наклонился къ его груди, чтобы защититься отъ брызгъ, онъ сказалъ мнѣ:

— «Какъ было бы хорошо, если бы вы *попробовали* описать все это.

«Онъ былъ правъ. Можно было только «попробовать», описать же такое явленіе — невозможно.

«Мы стали возвращаться... Проходили подъ громадными из-

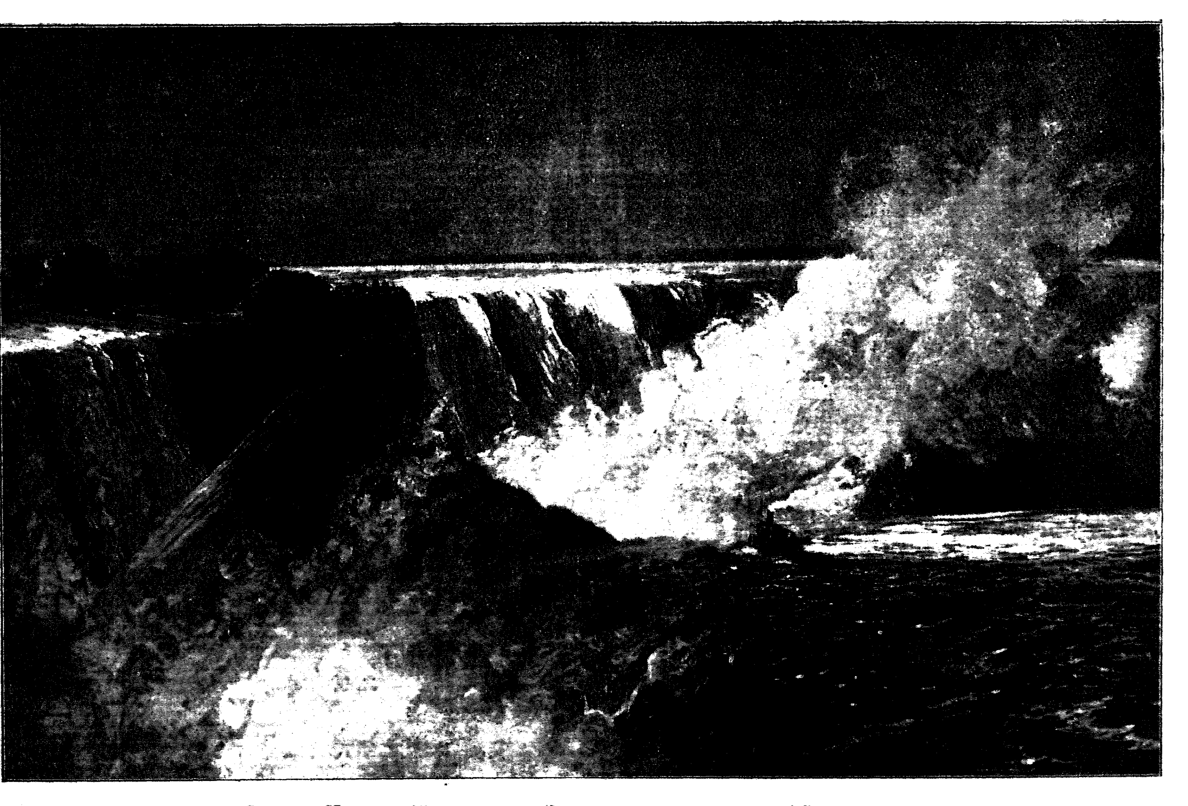

Рис. 5. Ніагарскій водопадъ. Съ картины художника Айвазовскаго.

вестковыми гигантами-утесами, черезъ причудливый лабиринтъ, образовавшійся изъ развалинъ скалъ, и наконецъ достигли потока, который причинилъ уже намъ столько хлопотъ. Проводникъ остановился и долго смотрѣлъ на него. Затѣмъ онъ вошелъ въ воду и съ неимовѣрнымъ усиліемъ удерживался на ногахъ. Немного дальше онъ поскользнулся и бросился къ берегу. Вторая попытка была удачнѣе: мы перебрались на другую сторону. Какъ и прежде, мнѣ была протянута рука. но я придумалъ другой способъ. Войдя въ воду, я могъ достать своей палкой до проводника.

— «Но удержите ли вы палку, когда поскользнетесь?—сказалъ проводникъ.

«Однако, мой планъ удался, и я благополучно достигъ противоположнаго берега. Здѣсь опасность кончилась, мы спокойно обошли каменныя глыбы и по деревянному мосту направились въ Пещеру вѣтровъ».

На другой день Тиндаль рѣшилъ осмотрѣть водопадъ снаружи, т.-е. подъѣхать къ нему на лодкѣ.

«Единственная лодка, на которой можно было совершить это путешествіе, была убрана на зиму. Скоро, однако, это затрудненіе было улажено. Оставалось отыскать сильныхъ и ловкихъ гребцовъ, которые свезли бы меня къ самому водопаду. Сынъ владѣльца лодки, очень молодой человѣкъ, соглашался свезти меня, но ему не хватало опытности. Наконецъ я узналъ, что нѣсколько выше на берегу рѣки живетъ человѣкъ, подходящій къ моимъ требованіямъ. Мы сговорились и 5 ноября, укутавшись съ головы до ногъ въ клеенку, втроемъ отправились въ путь. Старый гребецъ сразу направилъ лодку въ самую середину прибоя, къ подошвѣ американскаго водопада. Пѣна и брызги застилали намъ глаза. Только повременамъ все прояснялось. и въ эти минуты развертывался восхитительный видъ. Верхняя окраина водопада перерѣзана всевозможными преградами, которыя значительно увеличиваютъ красоту его. Тамъ и сямъ выдвигаются выступы скалъ. Вода ударяется объ нихъ и затѣмъ отскакиваетъ, разбиваясь въ цѣлыя тучи пѣны.

«Проплывъ нѣсколько времени вдоль Козьяго острова, мы подошли къ подковообразному водопаду и долго держались у его подножія. Передъ нами высилась скала. Она то покрывалась волною, то совершенно обнажалась. Нашъ гребецъ сдѣлалъ попытку обогнуть ее съ наружной стороны. Но въ этомъ мѣстѣ волненіе было черезчуръ сильно. Какъ ни боролись мы съ нимъ, теченіе овладѣло лодкой и съ неимовѣрной быстротой понесло насъ внизъ по рѣкѣ. Однако, гребцы не поддавались. Они пытались пройти между скалами и водопадомъ. Но и тутъ они могли только удержаться на мѣстѣ, не подвигаясь впередъ. Наконецъ старый гребецъ схватилъ веревку и выскочилъ самъ на одну изъ каменистыхъ глыбъ, надѣясь прикрѣпить къ ней лодку. Лодка ударилась о скалу

съ такою силой и такъ быстро отскочила назадъ, что онъ едва-едва успѣлъ снова сѣсть въ нее. Пришлось отказаться отъ рискованнаго предпріятія.

«Мы возвратились къ основанію американскаго водопада. Снизу онъ чрезвычайно красивъ, но въ сравненіи со своимъ сосѣдомъ, подковообразнымъ, кажется незначительнымъ. Мы направились въ середину рѣки, откуда большой водопадъ особенно хорошъ. Какъ облако на Монбланѣ увеличиваетъ высоту горы, такъ и здѣсь зеленая вершина водопада, окутанная блестящею пѣной, казалась еще выше».

Въ настоящее время у самаго подножія водопада ходитъ маленькій пароходикъ. Черезъ каждые два часа онъ совершаетъ свое опасное путешествіе. Желающихъ ѣхать всегда достаточно... Всѣ запасаются непромокаемыми плащами. Пароходъ приближается къ водопаду саженъ на 50. Здѣсь путешественники орошаются проливнымъ дождемъ водяныхъ брызгъ, но зато созерцаютъ такія картины, подобныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ.

Находились смѣльчаки, которые отваживались вплавь перебраться черезъ Ніагару.

Въ 1883 году американскій капитанъ Веббъ объявилъ, что дастъ зрителямъ за деньги интересное представленіе — переплыветъ нижнія стремнины Ніагары. Говорятъ, что онъ приносилъ себя въ жертву семьѣ, которую хотѣлъ такимъ способомъ обезпечить. Во всякомъ случаѣ, Веббъ былъ замѣчательный пловецъ. Однажды онъ въ Атлантическомъ океанѣ спасъ матроса, сброшеннаго вѣтромъ съ парохода. Мало того—онъ переплывалъ Па-де-Кале, а это составляетъ цѣлыхъ 40 верстъ.

На призывъ его объявленій собрались огромныя толпы народа. Вечеромъ 24-го іюля Веббъ подошелъ къ рѣкѣ и бросился въ стремнины. Скоро онъ показался по серединѣ рѣки. Ликующіе крики огласили воздухъ... Но еще мгновеніе, и они смѣнились гробовымъ безмолвіемъ: пловецъ исчезъ въ водоворотѣ. Напрасно тысячи глазъ искали его — онъ уже болѣе не показывался на поверхности воды. Четыре дня спустя тѣло его было найдено 15 верстами ниже, близъ г. Люистона.

Болѣе посчастливилось тѣмъ спортсмэнамъ, которые переплывали Ніагару въ бочкѣ. Такое рискованное путешествіе совершила въ 1902 году мистриссъ Тайлоръ. Бочка, построенная очень крѣпко, была выложена внутри подушками. Мистриссъ Тайлоръ тщательно осмотрѣла свое судно и вошла въ него. Бочку закрыли и пустили внизъ по теченію. Подойдя къ водопаду, она перевернулась вверхъ дномъ и исчезла въ массѣ пѣны. Собравшаяся толпа безмолвствовала, и тѣмъ грознѣе казался ревъ Ніагары. . Вдругъ бочка вынырнула далеко ниже водопада. Ее поймали и вскрыли. Г-жа Тайлоръ вышла изъ нея невредимой, только съ сильно разбитымъ лицомъ.

Безумная затѣя удалась. Впрочемъ, она не была новостью. Бочаръ изъ Филадельфіи Карлейль Грахамъ переплывалъ Ніагару въ бочкѣ 5 разъ, а знаменитый гимнастъ Блондель перешелъ ее по канату.

II.

Какъ и все на землѣ, Ніагарскій водопадъ незамѣтно измѣняется. Гигантскій обрывъ, съ котораго падаютъ его воды, состоитъ изъ малопрочныхъ известняковъ. Могучая струя медленно подтачиваетъ его основаніе, и камень не можетъ устоять передъ ударами безчисленныхъ брызгъ; вода дробитъ и крошитъ его; глыба за глыбой отдѣляются отъ уступа и падаютъ внизъ. Разумѣется, разрушеніе всего сильнѣе идетъ у подножія водопада. Здѣсь образуется глубокая ниша, или сводъ. Съ каждымъ годомъ она дѣлается все глубже. Верхніе пласты нависаютъ надъ пропастью. Наконецъ они не выдерживаютъ своей тяжести и съ грохотомъ обрушиваются внизъ. Такимъ образомъ, повременамъ на Ніагарѣ происходятъ страшные обвалы. Они случались, напр., въ 1818, 1828 и въ 1866 годахъ. Вся окрестность дрожала, какъ при землетрясеніи. Одинъ изъ такихъ обваловъ превосходно описанъ англійскимъ ученымъ Бинкомъ:

«Въ ночь на 6-е февраля 1866 года, — разсказываетъ онъ, — среди шума водопада вдругъ послышался оглушительный трескъ. Онъ разбудилъ всѣхъ постояльцевъ гостиницы, находившейся вблизи водопада. Когда я открылъ окно, въ воздухѣ раздавался еще шумъ, подобный раскатамъ грома. Ночь была темная и холодная, и потому я не могъ узнать причины разбудившаго насъ шума. Лишь только занялась заря, мы всѣ были уже на ногахъ и спѣшили къ водопаду.

«Остановившись на берегу, мы увидѣли передъ собою величественную и вмѣстѣ съ тѣмъ страшную картину. У подножія острова, возвышающагося надъ водопадомъ, образовалось отверстіе саженъ въ 40 шириною. Черезъ него вода устремилась съ ужасающею силой и, описывая громадную дугу, падала отдѣльнымъ каскадомъ. Около восьми часовъ утра подулъ сильный вѣтеръ. Воды Ніагары бурно заволновались, и ихъ серебристые гребни съ шумомъ разбивались о камни. Къ девяти часамъ утра буря разыгралась еще сильнѣе. Казалось, земля дрожала подъ нашими ногами. Грохотъ падающихъ водъ и трескъ отрываемыхъ ими каменныхъ глыбъ сливались въ одинъ неопредѣленный гулъ.

«Вдругъ мы почувствовали какъ бы сильный подземный ударъ: все окружающее насъ пришло въ сотрясеніе, и мы мгновенно очутились въ непроницаемомъ облакѣ тумана, поднявшагося изъ середины водопада. Когда воздухъ снова прояснился, мы увидѣли,

что часть каменной стѣны водопада, прилегавшая къ американскому берегу, обрушилась. На мѣстѣ ея остались только небольшіе остроконечные утесы. Надъ ними струилась вода, ровному теченію которой уже не препятствовала прежняя отвѣсная стѣна. Часть каменнаго уступа, прилегавшая къ канадскому берегу, осталась на мѣстѣ и поднимается надъ поверхностью воды въ видѣ голыхъ утесовъ. Воды Ніагары, найдя себѣ просторный выходъ сквозь обрушившуюся часть уступа, понизились, и теперь нельзя даже подозрѣвать, съ какой силой онѣ низвергались прежде».

Такія грозныя катастрофы случаются рѣдко, и главныя измѣненія водопада совершаются медленно и постепенно. Уже изъ описанія Бинка видно, что со времени послѣдняго обвала Ніагара опять измѣнила свой видъ и снова пріобрѣла прежнюю грандіозность и величіе. Вслѣдствіе постепеннаго разрушенія уступа, водопадъ незамѣтно передвигается вверхъ по рѣкѣ, приближаясь къ озеру Эри. Длинное ущелье, по которому несется Ніагара, промыто силою воды: оно образовалось вслѣдствіе постепеннаго разрушенія уступа. Въ давнія времена этотъ уступъ выдвигался тамъ, гдѣ теперь Ніагара вступаетъ въ пологую равнину, т.-е. у города Квинстоуна. Здѣсь находился когда-то и водопадъ. Сколько-же времени прошло съ тѣхъ поръ? Ученые производили тщательныя наблюденія надъ разрушеніемъ уступа и нашли, что водопадъ подвигается ежегодно на 5—6 фут. Зная длину ущелья, не трудно высчитать, сколько понадобилось лѣтъ, чтобы водопадъ передвинулся отъ г. Квинстоуна до своего нынѣшняго положенія. Для этого нужно было по крайней мѣрѣ 60—70 столѣтій! Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени уступъ отодвинется къ самому озеру Эри и водопадъ совсѣмъ исчезнетъ, Ніагара спокойно понесетъ свои воды по глубокому и дикому ущелью. Только огромныя каменныя глыбы, нагромоздившіяся въ руслѣ, будутъ еще нѣкоторое время напоминать о прежнемъ существованіи водопада, но наконецъ и онѣ исчезнутъ; тихо и плавно потекутъ тогда воды могучей рѣки. Когда же это случится? Расчетъ показываетъ, что не ранѣе, какъ черезъ 20.000 лѣтъ! Слѣдовательно, намъ, современнымъ обитателямъ земли, нечего безпокоиться за судьбу красавца-водопада; полное уничтоженіе его произойдетъ не скоро; къ тому времени все измѣнится на землѣ, и врядъ ли останется хоть одинъ изъ нынѣ существующихъ народовъ, уцѣлѣетъ хоть одно государство...

III.

Ніагарскій водопадъ—самый могучій и величественный на всемъ земномъ шарѣ. Но второе мѣсто, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ дивному водопаду Викторіи на р. Замбези въ Африкѣ.

(рис. 6). Этотъ могучій водопадъ открытъ въ 1855 г. знаменитымъ путешественникомъ Ливингстономъ. Въ верхнемъ теченіи Замбези существуетъ не менѣе 5 пороговъ и около 50 быстринъ. Но, приближаясь къ мѣсту паденія, рѣка течетъ совершенно спокойно. Нѣсколько островковъ, густо заросшихъ кокосовыми пальмами, смотрятся въ зеркало ея водъ. Самый большой изъ нихъ раздѣляетъ рѣку на два рукава. Весь пейзажъ полонъ необычайной прелести. Вдругъ безъ всякаго перехода обѣ водяныя массы низвергаются

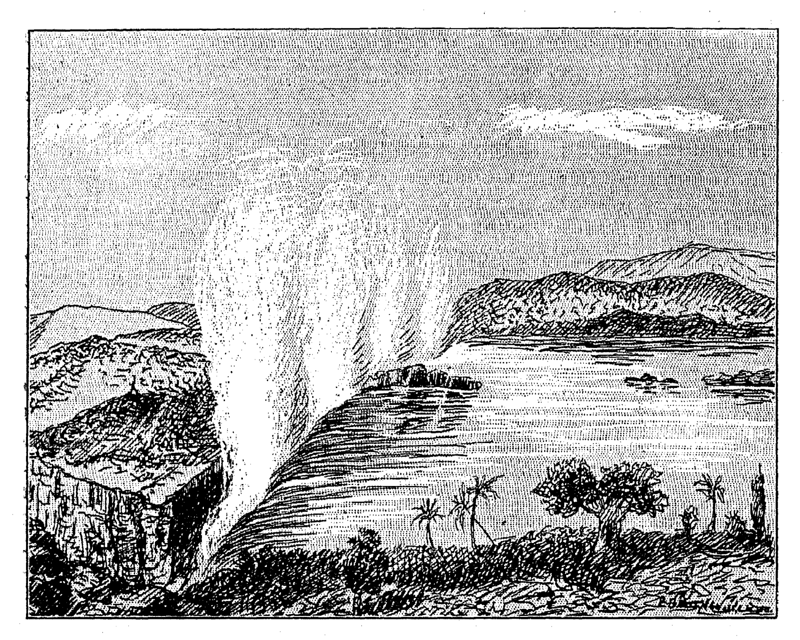

Рис. 6. Водопадъ Викторія на р. Замбези.

въ зіяющую трещину скалы съ высоты болѣе 50 саженъ. Ширина одной вѣтви водопада 790 саж., другой—230 саж. [1]). Кажется, будто вся вода безслѣдно теряется въ нѣдрахъ земли. Но рѣка снова вырывается на свободу. Узкимъ, извилистымъ потокомъ несется она среди дикаго и глубокаго ущелья. Изъ разсѣлины поднимается густое облако водяныхъ брызгъ. Словно дымъ пожарища, клубится оно надъ рѣкой и осыпаетъ островки постояннымъ дож-

[1]) Въ точныхъ числахъ ширина рѣки у водопада 1.808 метровъ (болѣе $1^1/_2$ версты), высота паденія—119 метр. Длина ущелья—1.600 метровъ и ширина его—44 метра.

демъ. Туземцы дали водопаду названіе Мози-оа-тунья, что значитъ «дымъ шумитъ». Здѣсь они совершали свои молитвы и приносили жертвы богамъ. Ни одинъ смертный не смѣлъ изъ простого любопытства подойти къ этому мѣсту. Дикари гордились своимъ водопадомъ: по ихъ понятіямъ, это главная достопримѣчательность ихъ страны. Вотъ первый вопросъ, съ которымъ обратился глава ихъ племени къ Ливингстону:

— Есть ли въ вашей странѣ дымъ, издающій громоподобный шумъ?

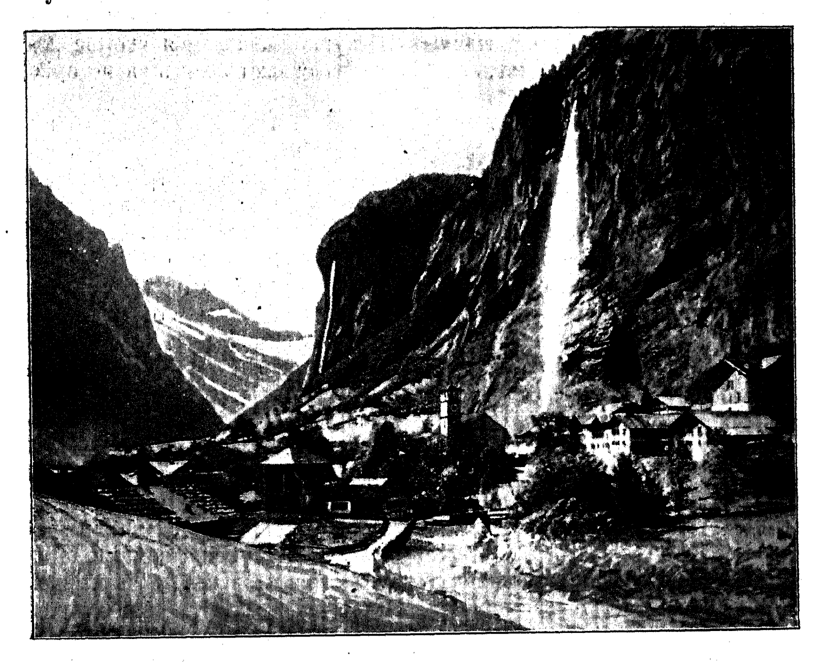

Рис. 7. Водопадъ Штаубахъ въ Лаутербрунненѣ, въ Швейцаріи.

И въ самомъ дѣлѣ, водопадъ Викторія — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій не только въ Африкѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Даже во время самаго большого мелководья низвергающіеся потоки воды производятъ грандіозное впечатлѣніе. Прибавьте къ этому столбы пара, стоящіе надъ водою, солнце, играющее въ нихъ всѣми оттѣнками радуги,—и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе объ этомъ зрѣлищѣ.

Какъ и всѣ водопады, водопадъ Викторія подмываетъ основаніе уступа, съ котораго низвергается, и мало-по-малу отступаетъ вверхъ

по рѣкѣ. Но, къ сожалѣнію, никто еще не измѣрилъ, съ какою скоростью происходитъ это разрушеніе, и о работѣ африканскаго водопада мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Впрочемъ, только полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ открытъ этотъ водопадъ. На островкѣ, выдвигающемся изъ нѣдръ его, до сихъ поръ еще цѣло дерево, на которомъ великій путешественникъ вырѣзалъ свое имя. Между тѣмъ скоро уже пройдетъ вблизи водопада желѣзная дорога, которая должна соединить Капштадтъ съ Каиромъ. Дикая прелесть водопада будетъ нарушена. Появятся на берегу отели. Со всѣхъ концовъ міра станутъ стекаться туристы. Но, сдѣлавшись доступной, Викторія скорѣе дождется ученаго изслѣдователя, который разскажетъ намъ ея исторію и предречетъ будущее.

На землѣ существуетъ огромное множество водопадовъ, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравниться ни съ Ніагарой, ни съ Викторіей. Всего больше водопадовъ въ гористыхъ странахъ, въ верхнемъ теченіи рѣкъ. Издавна славятся ими Альпы; чаще всего они встрѣчаются въ лѣсной области. «Каждый изъ нихъ,—разсказываетъ С. Мечъ,—имѣетъ свою особую физіономію, свой особый шумъ, свою декорацію горъ. Одинъ шумитъ меланхолически глухо, низвергаясь въ углубленіе скалы, вырытое силою его паденія. Другой запрятанъ въ еловомъ лѣсу и тамъ широко разстилаетъ по скалѣ свою разорванную водяную мантію. Третій весь повисъ въ воздухѣ: онъ низвергается съ выдающейся впередъ каменной площадки. Если обрывъ высокъ, то ручей не можетъ падать одною непрерывною струею, а разсыпается цѣлою сѣтью сверкающихъ жемчужинъ; достигнувъ дна долины, онѣ быстро соединяются другъ съ другомъ и продолжаютъ свой путь въ видѣ рѣзваго ручья. Издали такіе разбивающіеся въ пыль водопады кажутся какими-то тѣнями: бѣловатые, съ безпрестанно мѣняющимися формами, они мечутся по скалѣ, издавая глухой шелестящій звукъ». Немудрено, что Ламотъ-Фуке, а за нимъ и Жуковскій, оживотворили такой водопадъ въ образѣ дяди Струя, одного изъ героевъ фантастической поэмы-сказки «Ундина». Не величіемъ и силою поражаютъ эти водопады, а своимъ разнообразіемъ формъ и рѣдкою красотою.

Лѣтомъ 1903 года я совершилъ пѣшкомъ рядъ экскурсій по Альпамъ и могъ вдоволь налюбоваться картинами такихъ водопадовъ. Особенно памятно мнѣ посѣщеніе знаменитаго Штаубalmost Штауббаха въ Лаутербрунненѣ (рис. 7).

Вдвоемъ со случайнымъ спутникомъ вышли мы утромъ изъ Интерлакена и къ полудню были у цѣли нашего путешествія. День выдался вѣтреный. Штауббахъ, низвергающійся съ высоты 150 саженъ и весь разлетающійся въ мелкую пыль, на этотъ разъ не достигалъ земли: вѣтеръ подхватывалъ его и относилъ въ сторону. За водопадомъ я увидѣлъ пещеру-нишу. Къ ней ведетъ деревянная

лѣстница. Отчего-бы не пробраться туда? Закутавшись въ дождевой плащъ, я выждалъ удобный моментъ, когда брызги относились въ противоположную сторону, и сталъ поспѣшно взбираться наверхъ. Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по скользкимъ ступенямъ, какъ вѣтеръ опять перемѣнился, и меня обдало цѣлою тучею брызгъ. Я бросился назадъ... Подождалъ и, снова повторивъ свою попытку, опять принялъ холодный душъ... Я былъ побѣжденъ водопадомъ. Все платье промокло до послѣдней нитки, несмотря на резиновый плащъ. Пришлось отказаться отъ удовольствія побывать за водопадомъ, и, насладившись его зрѣлищемъ снаружи, мы поспѣшили въ гостиницу, чтобы осушиться и позавтракать.

Рис. 8. Водопадъ Трюммельбахъ въ Лаутербрунненѣ.

Я зналъ, что за деревней находится другой водопадъ, Трюммельбахъ (рис. 8), и послѣ завтрака отправился къ нему. Водопадъ этотъ представляетъ единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. Полноводный ручей низвергается съ огромной высоты въ глухое и темное ущелье, вѣрнѣе—въ узкую разсѣлину горы. Кругомъ нагромоздились дикія скалы. Водяная струя мечется изъ стороны въ сторону, разлетается въ брызги и пыль, пробивается въ трещины скалъ, ниспадаетъ рядомъ каскадовъ. Особенно красива гигантская струя, вырывающаяся изъ узкаго отверстія въ камнѣ. Кругомъ водопада устроены лѣстницы и мостики, такъ что любоваться имъ можно съ разныхъ сторонъ. Мы долго бродили по нимъ, то поды-

маясь, то опускаясь, и къ вечеру, богатые впечатлѣніями этого дня, направились обратно въ Интерлакенъ.

Особенно очаровательны тѣ уголки Альпъ, гдѣ съ уступовъ скалъ низвергается цѣлая семья ручейковъ. Въ густомъ лѣсу, среди угрюмыхъ каменныхъ громадъ эти безчисленныя падающія струи представляютъ волшебное зрѣлище. Австрійская провинція Штирія— одинъ изъ живописнѣйшихъ горныхъ уголковъ. Скалы самыхъ причудливыхъ очертаній, мрачныя ущелья, бурные ручьи, шумные водопады—на каждомъ шагу. Вниманіе путешественниковъ невольно останавливаетъ водопадъ Всѣхъ Святыхъ. Лѣтомъ, въ праздничные дни, на экстренныхъ поѣздахъ пріѣзжаютъ сюда цѣлыя толпы любопытныхъ. Какія дивныя картины! Кругомъ отвѣсныя скалы. На вершинахъ густой лѣсъ. Изъ трещинъ высунулись огромныя деревья. По краямъ обрывовъ вьются узкія извилистыя дорожки. Внизу зіяютъ черныя пропасти. Скала подымается надъ скалою, и что ни шагъ, то новый видъ. Водопадъ скатывается нѣсколькими зигзагами. Снизу вы видите, какъ эта могучая струя воды падаетъ съ уступа на уступъ и наконецъ теряется въ густомъ еловомъ лѣсу. Подымитесь вверхъ,—кругомъ настоящее водяное царство. Вода вверху и внизу, вода у самыхъ ногъ. Тутъ потокъ выбѣгаетъ на открытое мѣсто и сверкаетъ на солнцѣ безчисленными бриліантами‘ тамъ скрывается въ густомъ лѣсу, и черныя тѣни нависаютъ надъ водою. Черезъ глубокія разсѣлины скалъ, по которымъ съ шумомъ бѣгутъ водяныя струйки, перекинуты легкіе мостики. Съ нихъ видъ особенно живописенъ. Вы какъ будто висите въ воздухѣ, а кругомъ вода живетъ, и движется, и разсыпается цѣлымъ дождемъ серебристыхъ брызгъ, и поетъ вамъ мелодичную пѣсню...

Послѣ долгихъ странствованій по горамъ Швейцаріи среди бурныхъ рѣкъ, снѣжныхъ вершинъ и ледниковъ, я попалъ между прочимъ въ селеніе Мейрингенъ, которое лежитъ въ одной изъ живописныхъ долинъ Швейцаріи. Вокругъ этого селенія развертываются дивныя картины. На каждомъ шагу рѣдкія достопримѣчательности горнаго пейзажа: ледники, ущелья, горныя тропинки съ роскошными видами и т. п., и среди этихъ достопримѣчательностей одна изъ самыхъ крупныхъ—водопадъ Рейхенбахъ. Онъ красивъ и величественъ. Съ огромной высоты водопадъ низвергается нѣсколькими ступенями, образуя какъ бы гигантскую лѣстницу. Для удобства его обозрѣнія васъ подымаетъ вверхъ вагонъ электрической дороги, приводимый въ дѣйствіе самимъ водопадомъ. Удивительное сооруженіе! Водопадъ принужденъ человѣкомъ проявить верхъ гостепріимства: принять туриста въ удобный вагонъ и собственною силой поднять его на огромную высоту, чтобы оттуда показаться во всемъ величіи и красотѣ.

Трудно словами передать всю прелесть водопада, все разнооб-

разіе отдѣльныхъ частей его: лучше всего объ этомъ говоритъ его фотографія (рис. 9).

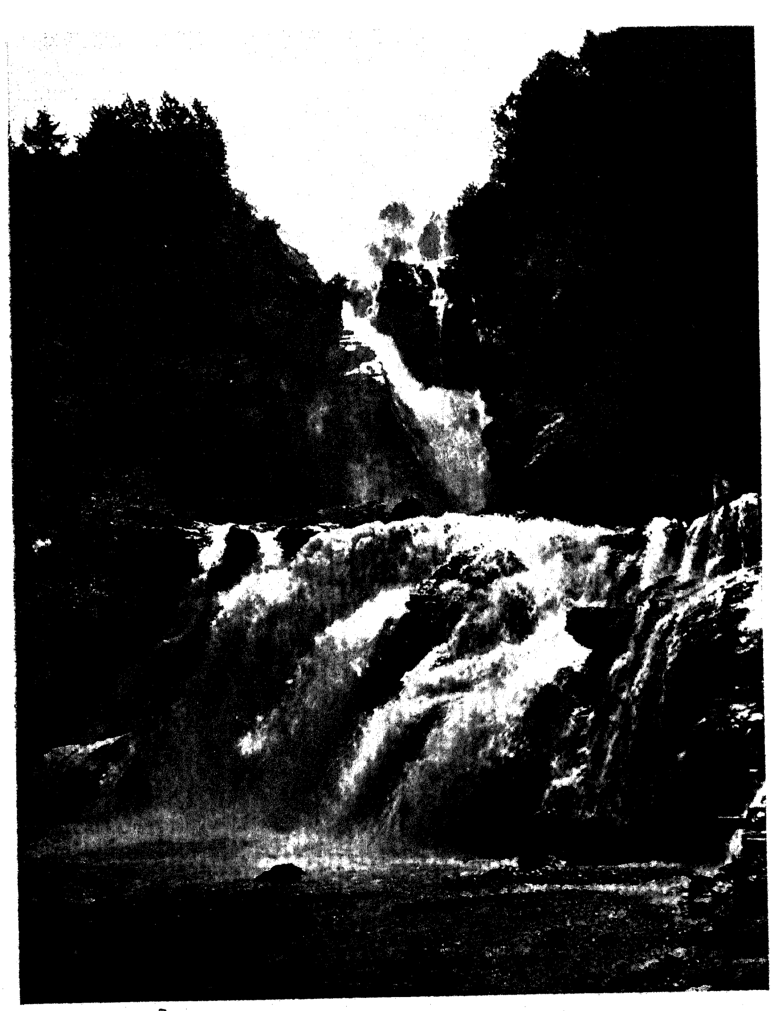

Рис. 9. Водопадъ Рейхенбахъ.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ горныхъ водопадовъ находится въ Сабинскихъ горахъ, въ Италіи, близъ Рима. Здѣсь на

берегу Аніо раскинулся живописный городокъ Тиволи, древній Тибуръ, любимое дачное мѣсто римлянъ. И до сихъ поръ на обрывѣ скалы стоитъ безмолвный свидѣтель минувшихъ временъ—храмъ богини Весты. Слѣва внизу шумитъ водопадъ, справа зеленѣетъ цвѣтущая долина; а прямо передъ глазами цѣлая стѣна зеленой листвы, среди которой то тутъ, то тамъ выдвигаются темный кипарисъ или гордая пинія. Еще выше виднѣется веселый городокъ, весь сверкающій на солнцѣ своими бѣлыми зданіями... А спустишься внизъ, и картины мѣняются при каждомъ поворотѣ. Все гуще тѣснится растительность, и изъ разсѣлинъ скалъ всюду выбѣгаютъ шумные потоки и падаютъ внизъ серебристыми каскадами. Воздухъ наполненъ водяною пылью и запахомъ цвѣтовъ. Изъ зелени травъ выглядываютъ альпійскія фіалки, а въ кустахъ поютъ соловьи. Но звуки ихъ пѣсенъ покрываются глухимъ, усыпляющимъ шумомъ воды. Въ сладкой истомѣ созерцаете вы дивную картину и благоговѣйно прислушиваетесь къ тихой музыкѣ природы...

Въ Европѣ самый большой водопадъ—Рейнскій, близъ Шаффгаузена (рис. 10). Уже Карамзинъ и Жуковскій посвятили ему восторженныя строки, а нѣмецкій художникъ Ригеръ воспроизвелъ его въ прекрасной картинѣ, снимокъ съ которой мы и прилагаемъ здѣсь. Цѣлыя толпы туристовъ ежегодно стекаются въ мѣстечко Нейгаузенъ, гдѣ и находится этотъ дивный водопадъ. Теперь не только лѣтомъ, но и круглый годъ въ окрестностяхъ его — шумное оживленіе. Нейгаузенъ — не деревушка, а крупный центръ на линіи желѣзной дороги. Падающая съ высоты 30 метровъ вода приводитъ въ движеніе электрическія машины огромнѣйшей алюминіевой фабрики, издѣлія которой съ каждымъ годомъ все шире и шире распространяются по Европѣ и даже по всему свѣту. Красивыя алюминіевыя вещицы и бездѣлушки — работа знаменитаго водопада. Къ счастью для любителей природы, фабричныя сооруженія не обезобразили дивной картины падающаго Рейна. Всѣ главнѣйшія зданія фабрики расположены въ сторонѣ. Чудный водопадъ и до сихъ поръ встаетъ предъ туристомъ во всей своей красотѣ и величіи. Внизу, съ мѣста паденія подымаются тончайшія брызги волнъ и носятся въ воздухѣ облаками непроницаемой для глазъ пыли. Все кругомъ дрожитъ отъ ударовъ падающей воды. Посреди водопада выдвигается огромный камень съ бесѣдкой наверху, откуда раскрывается широкая панорама и самого водопада, и всей окрестности. И какъ ни стараются волны сокрушить его, онъ, повидимому, все еще остается непоколебимымъ. Слѣва, на крутомъ, густо заросшемъ берегу выдвигается старый замокъ Лауфенъ, весь потонувшій въ зелени виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ. Дивное зрѣлище представляется путешественнику, если смотрѣть на водопадъ съ галлереи у его подножія. «Тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ

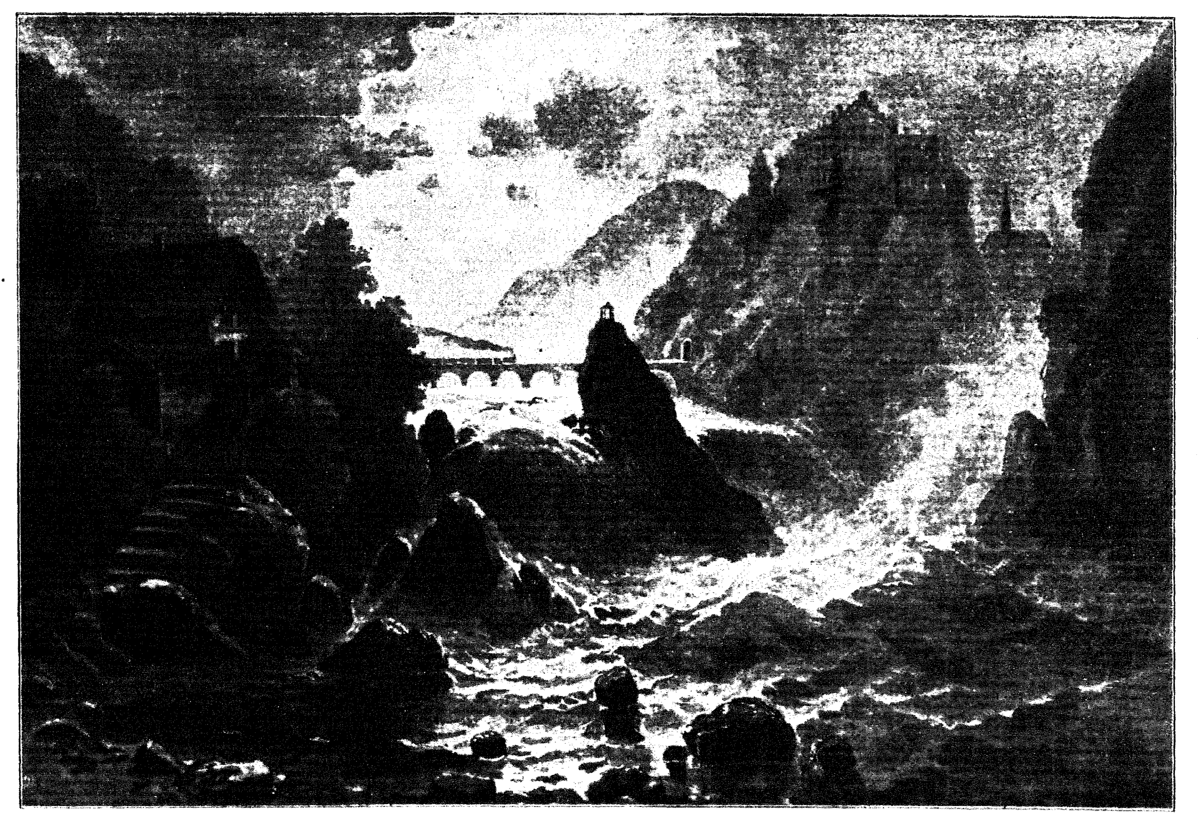

Рис. 10. Рейнскій водопадъ. Съ картины художника Ригера.

картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа. И это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ: мимо тебя летаютъ съ громкимъ свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются вдребезги,—словомъ, картина неописанная» (Жуковскій).

По вечерамъ на Рейнскомъ водопадѣ, какъ и на многихъ другихъ водопадахъ, устраивается роскошная иллюминація. Туристы толпятся на верандахъ и балконахъ своихъ отелей. Въ самомъ дѣлѣ картина волшебная!.. Уже спустились сумерки, и очертанія водопада пропали во мглѣ. Вы слышите только грозный шумъ. Вдругъ откуда-то спереди вырывается гигантскій снопъ электрическаго свѣта. Ожившій водопадъ предстаетъ въ фантастическомъ блескѣ, и воды его сверкаютъ и переливаются безчисленными звѣздами. На небѣ и кругомъ водопада черная тьма... И замокъ Лауфенъ окутанъ тьмою. Вдругъ и его охватываетъ пламя, но не яркое, какъ на водопадѣ, а красное, закъ зарево пожара. Изъ оконъ льется огонь, крыша сверкаетъ пламенемъ... И это пламя тихо переползаетъ на водопадъ, а навстрѣчу ему съ противоположной стороны движется зеленый цвѣтъ. На мгновеніе все погасаетъ и затѣмъ вспыхиваетъ вновь. Различные оттѣнки свѣта смѣняютъ другъ друга и придаютъ водопаду то угрюмый и таинственный, то эффектный и жизнерадостный видъ. Я видѣлъ много роскошныхъ иллюминацій, но ни одна изъ нихъ не произвела такого впечатлѣнія, какъ на Рейнскомъ водопадѣ...

Огромное множество водопадовъ встрѣчаемъ мы въ Норвегіи и Швеціи. Весь Скандинавскій полуостровъ — сплошная гранитная глыба. На западѣ она выставилась огромными горами, и здѣсь въ каждой долинѣ, чуть ли не у каждаго утеса свой водопадъ. Вотъ низвергается съ утеса живая завѣса, вся сверкающая серебристыми искрами... Вотъ цѣлою сѣтью льются тончайшія водяныя струи... Вотъ вся масса горнаго ручья разсыпалась въ облака водяной пыли... Немудрено, что Норвегію зовутъ «страною водопадовъ»... Швеція гораздо бѣднѣе ими. Однако и въ этой странѣ теченіе рѣкъ далеко не можетъ назваться спокойнымъ. Правда, здѣсь нѣтъ такихъ высокихъ горъ, какъ въ Норвегіи, но зато вся поверхность Швеціи усыпана гранитными обломками самой различной величины и формы. Иногда среди широкой поляны лежитъ голая гранитная скала, только слегка подернутая мохомъ, «какъ желѣзо ржавчиною». Иногда множество гранитныхъ обломковъ нагромоздилось кучами, «подобно зернышкамъ, вдругъ высыпавшимся изъ какого-то огромнаго сосуда». Иногда крупные и мелкіе обломки

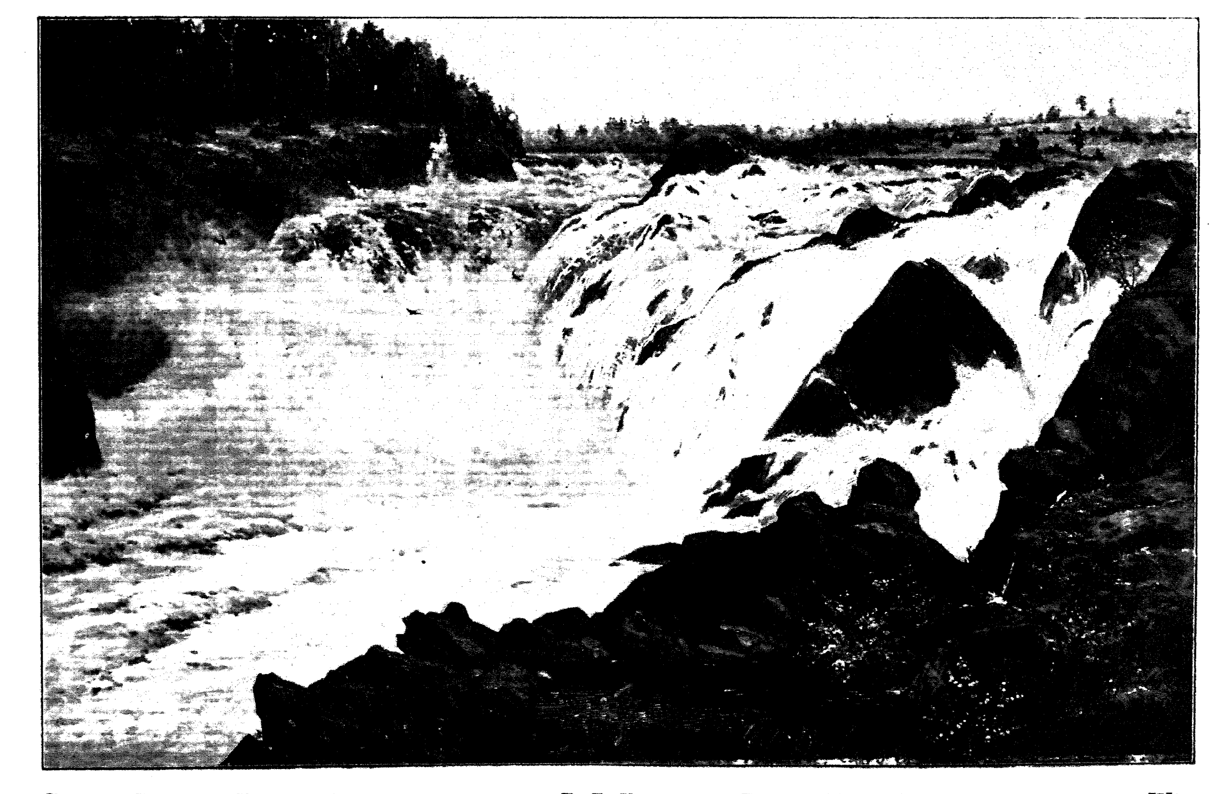

Рис. 11. Водопадъ Кивачъ. Съ картины художника В. Г. Казанцева. (Русскій Музей Императора Александра III).

скопились въ безсчетномъ множествѣ и образовали дикій лабиринтъ скалъ, голыя вершины которыхъ украшены зеленымъ кружевомъ изъ елей, сосенъ и березъ. Пробираясь между этими камнями, рѣки на каждомъ шагу образуютъ стремнины, пороги и водопады. Среди шведскихъ водопадовъ наибольшею извѣстностью пользуются Трольгетскіе на рѣкѣ Гота-Эльфъ. Сжатая высокими скалистыми берегами, рѣка на обширномъ пространствѣ падаетъ съ уступа на уступъ и образуетъ шесть водопадовъ. Самый живописный изъ нихъ — Гельветскій. Высота всѣхъ уступовъ, вмѣстѣ взятыхъ, не менѣе 100 футовъ, сила же водопада равняется по крайней мѣрѣ 225.000 лошадиныхъ силъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что жители маленькаго Трольгетена сумѣли воспользоваться такою громадною силою водопада и заставили его ворочать колеса нѣсколькихъ фабрикъ и заводовъ... Водопады во многихъ случаяхъ даютъ первый толчокъ къ развитію крупной промышленности. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ каменнаго угля, они являются незамѣнимымъ благомъ для жителей. Можно сказать, что вся промышленность Швейцаріи обязана своимъ возникновеніемъ водопадамъ.

IV.

Въ Россіи немного водопадовъ. Безъ конца во всѣ стороны, на цѣлыя сотни и тысячи верстъ, протянулась необъятная равнина, покрытая толстыми пластами песковъ и глины. Почти нигдѣ нѣтъ голаго камня, и незнакомы намъ живописные ландшафты горныхъ странъ, гдѣ въ прихотливыхъ сочетаніяхъ чередуются полуразрушенныя скалы, темно-зеленые лѣса и зеркальныя озера, а сверху ползутъ сверкающіе бѣлизной ледники. Тишина и спокойствіе во всемъ. И, проѣзжая эту равнину, вы невольно чувствуете, что великій просторъ ея есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и великая пустыня. Какъ блѣдна и невзрачна наша природа! Нигдѣ нѣтъ рѣзкихъ переходовъ и яркихъ красокъ! Какъ монотонна русская пѣсня! Кажется, все заснуло подъ ея убаюкивающій мотивъ, ровный и заунывный, какъ вой вѣтра, дующаго надъ безпредѣльной равниной... Могучія рѣки разбѣгаются во всѣ стороны, разнообразя унылый ландшафтъ. Но какъ онѣ непохожи на рѣки Западной Европы! Тамъ берега ихъ сплошь усѣяны городами, деревнями, усадьбами. А у насъ тихо и плавно катятся водные потоки среди необъятныхъ и пустынныхъ равнинъ. Рѣдко промелькнетъ пассажирскій пароходъ или протянется буксиръ съ длинною цѣпью барокъ... Не изъ горъ вытекаютъ наши рѣки, и не ледники питаютъ ихъ. Изъ озеръ и болотъ собираютъ онѣ свою воду и, начинаясь цѣлою сѣтью мелкихъ ручейковъ, уже въ самомъ началѣ текутъ медленно и покойно. Встрѣчая почти всюду рыхлые пески и глину, онѣ давно размыли всѣ препятствія,

и на всей равнинѣ мы не знаемъ настоящихъ водопадовъ. Только огромные валуны—«одинцы», да скопленія вѣтвей, стволовъ и пней поломанныхъ деревьевъ, — такъ называемыя «карчи», — представляютъ обычное препятствіе для судоходства. Довольно часто встрѣчаются пороги, т. е. каменистыя гряды, выступающія поперекъ рѣки. Въ большинствѣ случаевъ мы ихъ находимъ въ верхнемъ теченіи рѣкъ... Даже горы, окаймляющія Россію, Кавказъ и Уралъ, очень бѣдны водопадами. Въ Крымскихъ горахъ единственная знаменитость — водопадъ Учанъ-Су («летучая вода») — находится недалеко отъ Ялты. Дорога къ нему идетъ лѣсомъ, покрывающимъ подножіе Ялты. Немногіе знаютъ истинные размѣры и красоту этого водопада. Имъ надо любоваться въ апрѣлѣ, во время горнаго половодья, а тогда Крымъ обыкновенно еще пустуетъ. Вода Учанъ-Су падаетъ съ уступа на уступъ по крайней мѣрѣ съ высоты 45—50 саженъ. Тутъ она летитъ могучимъ потокомъ, тамъ разбивается въ мелкую пыль, и цѣлое облако брызгъ повисаетъ надъ водою. Кто видалъ водопадъ лѣтомъ, тотъ не имѣетъ о немъ никакого понятія.

Въ одну изъ поѣздокъ на южный берегъ Крыма мнѣ удалось побывать на этомъ водопадѣ. Послѣ горныхъ водопадовъ Швейцаріи онъ, пожалуй, и не произвелъ бы на меня особаго впечатлѣнія, но тогда я еще не видѣлъ ни одного водопада, и Учанъ-Су показался мнѣ прямо очаровательнымъ. Высокій обрывъ, глубокая разсѣлина, вода, низвергающаяся уступами, — все это, если хотите, имѣетъ отдаленное сходство съ Рейхенбахомъ. Но тогда я не могъ дѣлать такое сравненіе. Меня поразила своимъ видомъ верхняя часть водопада. Мнѣ захотѣлось полюбоваться ею вблизи, и я рѣшилъ подняться по каменнымъ осыпямъ, которыя виднѣлись съ правой стороны. Со мною былъ спутникъ. И вотъ вдвоемъ стали мы карабкаться вверхъ. Скоро мы оказались среди настоящаго моря угловатыхъ каменныхъ обломковъ, очевидно, низвергнувшихся сверху. Это были все трофеи побѣдъ водопада надъ каменными глыбами, съ которыхъ онъ низвергался. Такъ поднялись мы довольно высоко. Шумъ водопада сталъ оглушительнымъ; чтобы обмѣняться фразами, мы должны были подползти близко другъ къ другу. Дорога, по которой мы шли, вилась глубоко подъ нами, и, когда мы оглядывались назадъ, осыпь казалась намъ невѣроятно крутою. Какъ то мы будемъ возвращаться? Тревожная мысль мелькала и пропадала, такъ какъ о возвратѣ мы пока не думали и все стремились вверхъ. Однако подойти къ самому водопаду не удалось. Насъ встрѣтили крутые обрывы и огромныя каменныя глыбы. Хоть и досадно было, но пришлось отказаться отъ осуществленія своего первоначальнаго намѣренія. Мы рѣшили спускаться внизъ и тутъ скоро поняли, что попали въ западню. Встать и итти, конечно, было немыслимо. Ползти тоже оказалось невозможнымъ. Надо было пятиться назадъ,

не видя, что находится внизу, а между тѣмъ камни выскальзывали изъ-подъ ногъ и влекли не туда, куда мы хотѣли направить свой путь. Мой товарищъ, послѣ неудачныхъ попытокъ соблюсти осторожность, рѣшился на отчаянный шагъ — сѣлъ на каменную поверхность осыпи и поѣхалъ по ней, тормозя ногами свой бѣгъ. Я былъ увѣренъ, что онъ не только издеретъ свое платье, но и непремѣнно поранитъ себя. Однако черезъ нѣсколько минутъ онъ благополучно стоялъ у подножія осыпи и раскланивался, показывая, что онъ цѣлъ и невредимъ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ только послѣдовать его примѣру. Но я не былъ такъ счастливъ, какъ онъ. Когда я спустился, мои брюки висѣли жалкими клочьями, а тѣло было покрыто царапинами, хотя и не серьезными. Пришлось наскоро зачинить изорванное платье и осторожно возвращаться домой... Несмотря на это маленькое несчастье, я чувствовалъ себя удовлетвореннымъ: я видѣлъ каменную осыпь, созданную работою водопада, и видѣлъ ея громадность.

Во всей европейско-русской равнинѣ единственное исключеніе — Финляндія и сосѣдній съ нею Олонецкій край. Это — продолженіе той же огромной каменной глыбы, которая составляетъ весь Скандинавскій полуостровъ. Здѣсь тѣ же граниты и дикіе лѣса. Такъ же грозно смотрятъ на васъ каменныя громады. Черныя сосны тяжело качаютъ надъ ними свои неподвижныя массы; плакучая береза ласково треплетъ ихъ суровыя плечи своими зелеными вѣтвями; розовый шиповникъ взбирается вверхъ по щелямъ и, какъ гирлянда, огибаетъ деревья; брусника усыпаетъ почву, точно бисеръ; волчьи ягоды ярко выставляются изъ черной лѣсной тѣни. Кругомъ лѣсъ и лѣсъ. То онъ проваливается въ огромную пропасть, то снова выдвигается передъ вами или синѣетъ вдали на горизонтѣ темною безразличною массой.

«Суровый край! Его красамъ
«Пугаются, дивятся взоры».

Особенно поражаетъ въ Финляндіи и Олонецкомъ краѣ обиліе воды. Озера, большія и малыя, на каждомъ шагу. Между ними бурныя рѣки. Вода давитъ человѣка со всѣхъ сторонъ. Немудрено, что олонецкій корелъ и весь міръ произвелъ отъ воды.

«Сначала,—разсказываетъ легенда,—была въ мірѣ только одна вода да вѣтеръ. Вѣтеръ дулъ, вода волновалась и шумѣла. Неугомонный рокотъ ея несся къ небу. Разгнѣванный Богъ однимъ словомъ приказалъ окаменѣть волнамъ. Волны, какъ были, такъ и остановились, стали каменными, превратились въ горы. Изъ отдѣльныхъ брызгъ получились камни и земля. Благодаря дождямъ, въ углубленіяхъ собралась вода, и такъ получились озера».

Многочисленныя рѣки этого края завалены камнями. Пробираясь между ними, вода беретъ съ боя каждый шагъ, поминутно

разсыпается бѣлыми брызгами и шумно идетъ дальше. Эти бѣлыя брызги среди темныхъ камней и лѣса придаютъ олонецкимъ и финляндскимъ рѣкамъ особенно неспокойный, сердитый видъ.

Изъ водопадовъ этой мѣстности наибольшею извѣстностью пользуются Кивачъ (рис. 11) въ Олонецкой губерніи и Иматра — въ Финляндіи. Первый находится на р. Сунѣ, впадающей въ Онежское озеро. Одно изъ лучшихъ описаній этого водопада сдѣлано Н. Дмитріевымъ, который посѣтилъ его въ концѣ 60-хъ годовъ. Послушаемъ его разсказъ:

«Въ Вороновѣ насъ ожидала лодка съ шестью гребцами,

Рис. 12. Иматра ночью.

крестьянами этой деревни. Рѣка Суна шириною отъ 20 до 60 саженъ. Каменные берега ея покрыты большею частью почвой, зелены и красивы, особенно правый... На серединѣ пути есть пороги, которые пугаютъ боязливыхъ дамъ; но, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ ахнуть, лодка переѣзжаетъ черезъ порогъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напоръ воды такъ силенъ, что на веслахъ плыть противъ теченія чрезвычайно тяжело; если позволяютъ берега, здѣсь лодку тянутъ бечевою... За нѣсколько верстъ до водопада рѣка уже покрыта пѣною... Версты за три лодка начинаетъ дрожать. Это тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что, повидимому, къ тому нѣтъ никакой причины. Въ лѣсу тишина мертвая, вѣтеръ не шелохнется, шума водопада за поворо-

томъ рѣки да за лѣсомъ не слышно; а лодка дрожитъ. Значитъ, вода и самая почва сотрясаются отъ паденія громадной массы воды. Но вотъ вы слышите дикій шумъ. Шумъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивается, хотя водопада все еще не видно. Наконецъ, круто повернувъ по рѣкѣ, мы очутились почти подъ самымъ жерломъ его. Здѣсь на самой водѣ устроена платформа, на которую выходятъ изъ лодки, и передъ вами — Кивачъ! Сначала въ недоумѣніи вы какъ будто не знаете, куда себя дѣвать. Прямо на васъ несется съ высоты шести или семи саженъ водяная гора. Гора эта съ четырьмя уступами, изъ которыхъ послѣдній. самый большой и совершенно отвѣсный, падаетъ подлѣ васъ въ бездну. Огромнѣйшія деревья окружающаго дремучаго лѣса, сброшенныя сверху водопада, стоймя низвергаются въ эту бездну и совершенно скрываются въ ней; далеко отъ нея они снова поднимаются на поверхность воды. Бездна эта реветъ, клокочетъ, пѣнится и брызжетъ вверхъ, такъ что брызги взлетаютъ не только выше черныхъ скалъ, стоящихъ по бокамъ водопада, но даже выше растущаго на нихъ лѣса; а скалы эти возвышаются саженъ на восемь надъ поверхностью воды. Растрескавшіяся мѣстами, онѣ чрезвычайно красивы; правая имѣетъ чрезвычайное сходство съ головою слона. Съ нижней площадки вы поднимаетесь вверхъ по очень удобной лѣстницѣ, идущей прямо по обрыву скалы, и входите въ прекрасный двухэтажный лѣтній домъ, устроенный по случаю посѣщенія водопада Императоромъ Александромъ II. Въ немъ нѣсколько комнатъ, оклеенныхъ красивыми обоями, даже кухня. Изъ этого павильона вы выходите на балконъ. Передъ глазами вашими верхняя часть водопада, а нижняя подъ ногами. Это второй видъ водопада. Рѣка съ самаго верхняго уступа несется передъ вами и у вашихъ ногъ разсыпается въ безднѣ, орошая окрестныя скалы милліонами брызгъ.

«Къ крайнему сожалѣнію, погода совершенно испортилась, когда мы прибыли на Кивачъ. Небо покрылось тучами. пошелъ дождь. Наступила темная ночь. Видъ Кивача измѣнился. Между черными скалами, посреди чернаго сосноваго лѣса, подъ тьмою ночи мчалась бѣлая снѣговая масса и разсыпалась внизу: это была уже не вода, а снѣговая рѣка, вся бѣлая отъ пѣны. Несмотря на дождь, я нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и не безъ ужаса смотрѣлъ на эту грозную природу. Ночная тьма висѣла надъ лѣсомъ, и грохотъ воды гремѣлъ въ тиши дикой природы.

«Долго я любовался дикою ночью среди дремучаго лѣса. Наконецъ мы легли спать съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ отправиться назадъ; но я не могъ сомкнуть глазъ по совершенной непривычности положенія. Отъ падающей воды скала и стоящее на ней зданіе сотрясались. Непомѣрный шумъ падающей воды и подземный гулъ, этотъ ужасающій голосъ бездны, не давали покоя. Проворочавшись почти всю ночь, я очень обрадовался, когда на вершинахъ

деревьевъ замѣтилъ первые лучи солнца. Я немедленно вышелъ на балконъ. День былъ чудный, свѣжій послѣ вчерашняго дождя. Я слѣдилъ, какъ солнце, вставая, кралось съ вершинъ деревьевъ все выше и выше, наконецъ освѣтило верхнюю часть водопада и заиграло радугами въ брызгахъ, которыя извергала бездна. Радуги эти переходили съ мѣста на мѣсто по мѣрѣ солнечнаго движенія.

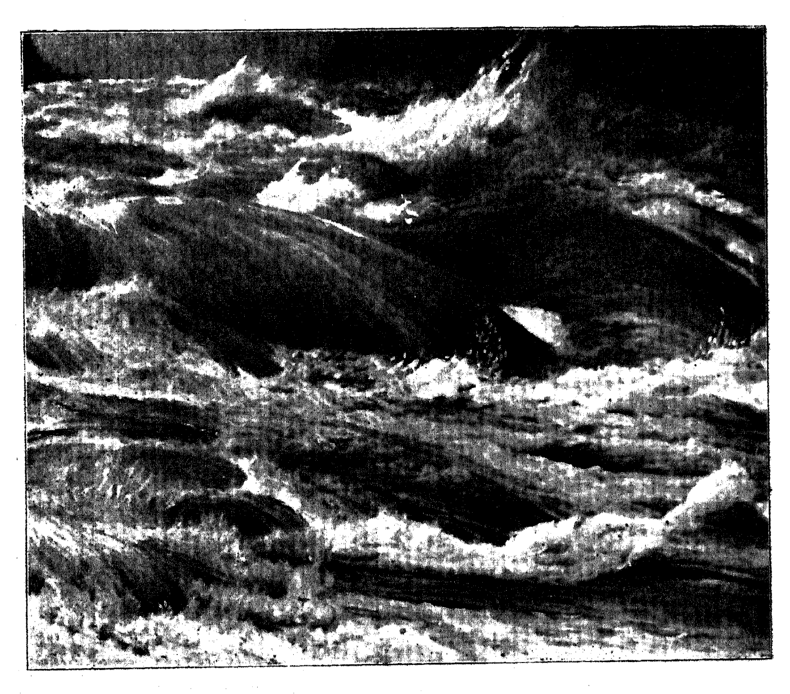

Рис. 13. Иматра. Съ картины художника Дубовскаго.
(Русскій Музей Императора Александра III).

Напившись чаю, мы переѣхали на ту сторону, т. е. на скалу, которая похожа на слоновую голову. На ея вершинѣ построенъ бельведеръ, изъ котораго третій видъ на водопадъ. Когда я взглянулъ внизъ, сердце у меня замерло. Вся рѣка была ниже насъ, а клокочущая бездна подъ ногами реветъ, крутится и высылаетъ прямо въ лицо столбъ водяной пыли. Съ ужасомъ смотрѣлъ я на эти мчащіяся массы воды, а между тѣмъ мои гребцы карабкались по

отвѣсному берегу прямо надъ первымъ уступомъ водопада и сбрасывали оттуда огромныя деревья» [1]).

У Державина чрезвычайно вѣрно описанъ внѣшній видъ водопада:

«Алмазна сыплется гора
«Съ высотъ четыремя скалами;
«Жемчугу бездна и сребра
«Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
«Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
«Далече ревъ въ лѣсу гремитъ...»

Собственно говоря, только этому стихотворенію Кивачъ и обязанъ своею громкою славою. На рѣкѣ Сунѣ есть два другихъ водопада—Гирвасъ и Поръ-Порогъ, ничѣмъ не уступающихъ ему, а между тѣмъ рѣдко кто знаетъ ихъ даже по имени.

Иматра—художественная гордость Финляндіи. Благодаря близости къ Петербургу, она привлекаетъ ежегодно цѣлыя толпы туристовъ. Иматра (рис. 12 и 13) находится на р. Вуоксѣ и представляетъ узкое ущелье съ суровыми гранитными стѣнами, вверху густо заросшими растительностью, которая пышно раскинулась на почвѣ, пропитанной сырыми испареніями. Рѣка, сдавленная въ объятіяхъ скалъ, прыгаетъ и мчится, перекатываясь черезъ камни, вспучивается шапками пѣны и швыряетъ брызгами вверхъ на цѣлыя сажени. Вся масса воды падаетъ съ высоты 15 метровъ, но не сразу, а на протяженіи цѣлыхъ 300 метровъ, и потому Иматра скорѣе не водопадъ, а огромный порогъ. Здѣсь нѣтъ уступа, съ котораго бы низвергалась вода, но все ложе рѣки сильно наклонено, сужено и завалено камнями. Взбитая въ пѣну рѣка несется внизъ со страшною быстротою и обладаетъ силою 118.000 лошадей. О силѣ Иматры ходятъ, впрочемъ, преувеличенные слухи: финскій писатель Топеліусъ разсказываетъ, что на Иматрѣ также, какъ и на Ніагарѣ, носятся преданія о неосторожныхъ гребцахъ, хотѣвшихъ переплыть рѣку выше водопада и увлеченныхъ въ пучину. «Нашли лоскутъ одежды да обломокъ лодки, сами же они были стерты съ лица земли». Насколько это справедливо, показываетъ слѣдующій случай. Лѣтъ 12—13 тому назадъ одинъ докторъ, пріѣхавшій на Иматру, отправился ловить рыбу выше водопада. На удочку попался большой лохъ (рыба вродѣ лосося). Докторъ сильно потянулъ удочкой, лохъ рванулся, докторъ упалъ въ воду и пошелъ ко дну. На другой день тѣло его всплыло на поверхность воды, но уже ниже пороговъ. На плечѣ была замѣчена только не-

---

[1]) Со временъ Дмитріева водопадъ потерялъ значительную долю своей дикости. О современномъ состояніи его, равно и о другихъ водопадахъ Суны, сообщаются свѣдѣнія въ слѣдующей статьѣ.

большая царапина. Значитъ, бурная рѣка не только не искалѣчила его, но даже не нанесла значительныхъ ранъ. Точно также и бревно, брошенное въ Иматру, не обращается въ щепки, какъ это иногда разсказываютъ, а, пропавъ сначала въ пѣнистой водѣ, всплываетъ ниже цѣлымъ и невредимымъ. Тѣмъ не менѣе Иматра производитъ грозное впечатлѣніе, и шумъ ея страшенъ.

«Онъ разнообразенъ до безконечности», разсказываетъ г. Гнѣдичъ. «Иногда онъ похожъ на сильнѣйшій ливень, стучащій о камни со страшной силой. Иногда онъ схожъ съ воемъ вѣтра въ ущельяхъ. Въ самой же близи, у берега, гдѣ съ трудомъ можно

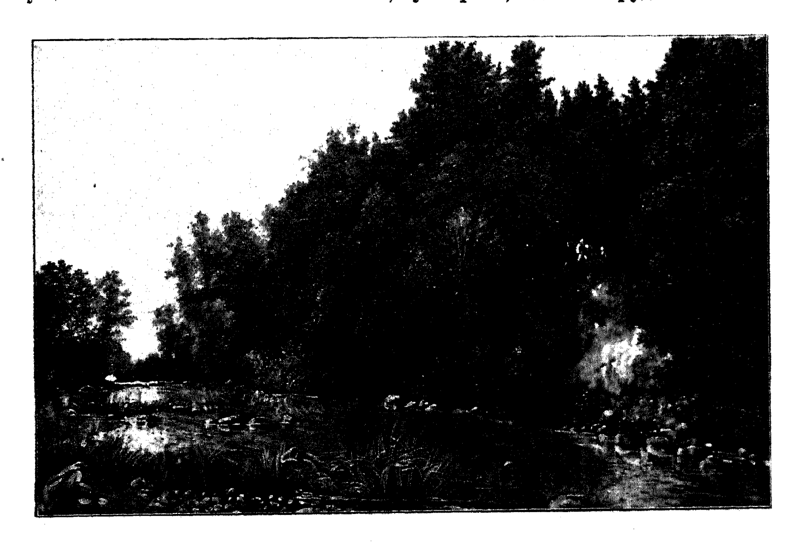

Рис. 14. Видъ въ имѣніи Фалль близъ Ревеля. Съ картины худ. Л. Х. Фринне. (Русскій Музей Императора Александра III).

разслышать другъ друга, въ немъ слышатся нерѣдко человѣческіе голоса, шумъ шаговъ. Думаешь, что кто-нибудь подходитъ, говоритъ; оглянешься—никого нѣтъ. Порою онъ даетъ даже музыкальные, ритмическіе тоны. Онъ отдается въ ушахъ нѣсколько дней послѣ того, какъ уѣдешь съ Иматры: лишь только воцаряется вокругъ тишина, ухо воспроизводитъ его изумительно правильно».

Есть основаніе думать, что Иматра прежде была значительно выше и шире. Съ правой и съ лѣвой стороны на обрывистыхъ гранитныхъ берегахъ видны широкіе уступы, остатки прежняго ложа рѣки. И, что особенно любопытно, въ нихъ встрѣчаются глубокія ямы, такъ называемые *исполиновые котлы*. Откуда онѣ

въ твердомъ гранитѣ? Такія углубленія въ крѣпчайшихъ камняхъ можетъ выбить только водопадъ. Падающая съ высоты вода приводитъ во вращательное движеніе каменные обломки. Они дѣйствуютъ наподобіе гигантскаго сверла,—сами мало-по-малу обтираются, округляются и просверливаютъ въ каменистой почвѣ котлообразныя углубленія. Нерѣдко въ такихъ «котлахъ» можно найти и то каменное ядро, благодаря которому они возникли. Исполиновые котлы встрѣчаются у подножія всѣхъ водопадовъ, и присутствіе ихъ на берегахъ Иматры ясно говоритъ намъ, что вода здѣсь была значительно выше. Очень вѣроятно, что этотъ огромный порогъ представляетъ только остатокъ размытаго водопада... [1])

Много живописныхъ, хотя и маленькихъ водопадовъ извѣстно въ Эстляндской губерніи. Вдоль всего южнаго берега протянулся высокій каменистый обрывъ, вѣроятно, остатокъ древняго берега моря. Мѣстами этотъ обрывъ выдвигается въ видѣ голыхъ скалъ, мѣстами заросъ густою зеленью. Присутствіе его придаетъ много красоты окрестностямъ Ревеля, Балтійскаго Порта и другихъ прибрежныхъ городовъ. Рѣки Эстляндіи, протекающія съ юга на сѣверъ, промыли въ этомъ обрывѣ глубокія ущелья, а нѣкоторыя изъ нихъ, ниспадая въ низменное побережье, образуютъ водопады, особенно красивые и шумные въ весеннее время.

Въ окрестностяхъ Ревеля—нѣсколько водопадовъ. Къ востоку отъ города раскинулась живописная долинка—Волчье ущелье. Она густо заросла кустарникомъ и деревьями. Среди долинки журчитъ ручей, а въ концѣ ея низвергаются два водопада, одинъ—съ высоты 4 метровъ, другой—нѣсколько ниже... Очень красивый водопадъ находится въ 25 верстахъ къ западу отъ Ревеля (рис. 14). Онъ образованъ Фалльскимъ ручьемъ, который прихотливою лентою вьется среди живописныхъ береговъ, покрытыхъ запущеннымъ паркомъ. У замка Фалль онъ вдругъ низвергается водопадомъ съ 6 метровъ высоты и далѣе бурнымъ потокомъ несется къ заливу... Особенно поражаютъ въ эстляндскихъ водопадахъ глубокія и длинныя ущелья, по которымъ мчится потокъ ниже мѣста паденія. Они вымыты въ глинѣ силою падающей воды. Несмотря на свои незначительные размѣры, эти водопады производятъ огромную работу.

Изъ всѣхъ водопадовъ Эстляндіи наибольшею славою пользуется Нарвскій (рис. 15) на р. Наровѣ, верстахъ въ 11 отъ Финскаго залива. Подобно многимъ другимъ водопадамъ, онъ дѣлится островомъ Кренгольмомъ на двѣ вѣтви. Падаетъ этотъ водопадъ съ высоты 23 футовъ. Сила его—болѣе 100.000 лошадей—не пропадаетъ безплодно. Ею пользуются фабрики, построенныя на берегу рѣки,—

[1]) См. книжечку А. П. Нечаева „Въ мірѣ пѣны и брызгъ. Изъ поѣздокъ къ водопадамъ“. Цѣна 25 коп.

и главнымъ образомъ знаменитая Кренгольмская бумагопрядильня, одна изъ самыхъ огромныхъ во всей Россіи.

У водопада рѣка сильно сужена, а потому вода въ этомъ мѣстѣ задерживается и своимъ напоромъ производитъ сильное размываніе. Какъ скоро разрушается здѣсь каменистый уступъ, мы не знаемъ; но если Нарвскій водопадъ рано или поздно исчезнетъ съ лица земли, это отразится на судьбѣ цѣлаго края. Не встрѣчая никакого препятствія, воды р. Наровы свободно будутъ стекать въ заливъ, а это можетъ повлечь за собою осушеніе Чудского озера. Тогда

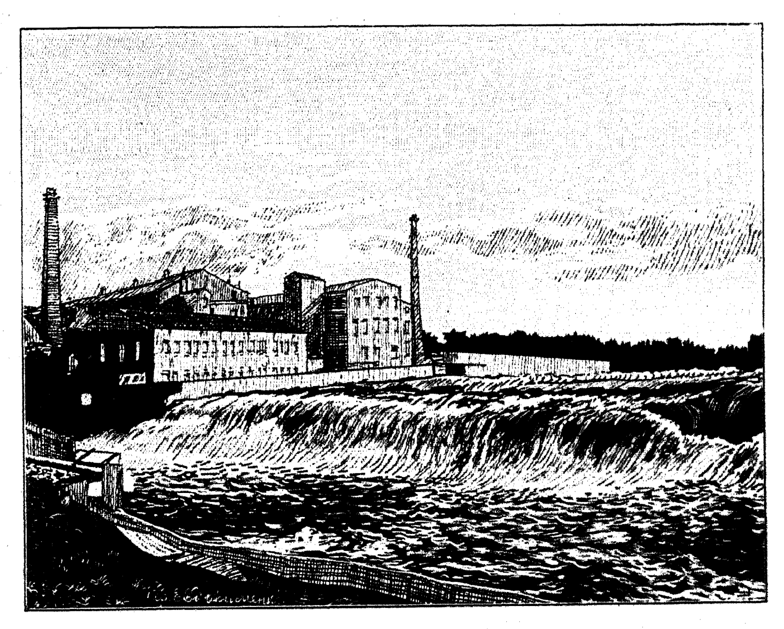

Рис. 15. Нарвскій водопадъ.

рѣка Нарова сольется въ одно цѣлое съ р. Великой, а рѣка Эмбахъ, на которой стоитъ Юрьевъ (Дерптъ), станетъ ихъ притокомъ,— словомъ, вся карта этого уголка измѣнится, и произойдетъ это только благодаря уничтоженію одного водопада.

Кромѣ Финляндіи, Олонецкаго края и Эстляндской губ., въ Россіи нигдѣ нѣтъ водопадовъ. Но зато всюду на нашихъ рѣкахъ широко распространены пороги. Примѣромъ могутъ служить Боровицкіе пороги на рѣкѣ Мстѣ, протянувшіеся на цѣлыхъ 30 верстъ. Уже съ давнихъ временъ они служили крупнымъ препятствіемъ для судоходства, которое на этой рѣкѣ было въ старину очень оживленнымъ: по ней пролегаетъ Вышневолоцкій соединительный путь,

связывающій рѣку Неву съ р. Тверцой, а слѣдовательно—и съ Волгой. На протяженіи каждой версты здѣсь рѣка падаетъ то на 12—15, то даже на 24 фута. Немудрено, что барки пролетали пороги съ быстротою птицы, дѣлая по 30 верстъ въ часъ! Неопытный человѣкъ никогда не сумѣлъ бы провести барку среди опасныхъ камней, а потому въ Опоченскомъ посадѣ, гдѣ начинаются пороги, существуетъ цѣлая артель лоцмановъ, человѣкъ въ 200. Зная пороги съ самаго ранняго дѣтства, они съ рѣдкимъ искусствомъ проводили цѣлые караваны, и несчастія случались сравнительно рѣдко. Однако у каждаго владѣльца грузовъ уже при одномъ взглядѣ на бурную рѣку невольно замирало сердце. Передъ отправленіемъ каравана служили молебенъ, и барки одна за другою трогались въ путь.

«Вотъ уже издали виднѣется Семкинъ островъ,—разсказываетъ путешественникъ (Кончаевскій),—а тамъ, немного подальше, «Выпь», самый страшный изъ всѣхъ пороговъ. На этомъ мѣстѣ Мста дѣлаетъ очень крутой поворотъ; стоитъ взять влѣво на какіе-нибудь полъ-аршина больше, чѣмъ слѣдуетъ, и барка разобьется о каменную плиту. Приближеніе опасности отражалось на всѣхъ: лоцманъ зорко глядѣлъ впередъ, рабочіе не спускали съ него глазъ и были наготовѣ.

«Вотъ послышалась команда лоцмана, и люди налегли на весла со всѣмъ усердіемъ. Между тѣмъ барка была уже у самаго порога. Тутъ поднялся такой невообразимый гвалтъ, что ничего не было слышно, ничего нельзя было разобрать. Лоцманъ командовалъ движеніемъ руки. Барка стонала и изгибалась во всѣ стороны; доски, которыми она была устлана сверху, то расходились на нѣсколько вершковъ, то опять не только сходились, но налѣзали одна на другую, и я опасался, какъ бы моя нога не застряла тамъ какъ-нибудь. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ барка распадется надвое. Наконецъ раздался страшный, подобный раскатамъ грома, гулъ: это барка дномъ своимъ коснулась каменной плиты; но бѣшеныя волны быстро сорвали ее и понесли дальше.

«— Размахнись во всю!—выдѣлилась изъ общаго гула команда лоцмана. Затѣмъ отчаянный натискъ полусотни силъ—и барка миновала порогъ.

«— Спасибо, ребята! Спасибо, молодчики!—благодарилъ лоцманъ. А «молодчики» только вытирали потъ да поглядывали, скоро ли придется опять напрягать всѣ свои силы».

Несмотря на искусство и опытность лоцмановъ, несчастья случались нерѣдко. Въ старину, когда по р. Мстѣ проходило ежегодно 5 — 6 тысячъ барокъ, число крушеній доходило до 150... Въ опасныхъ мѣстахъ по берегамъ располагались бабы съ ведрами и по первому же знаку бросались въ бродъ къ баркѣ отливать воду. Но пожива ихъ заключалась не въ одной этой поденщинѣ. Всякое

крушеніе судна было для мѣстнаго населенія истиннымъ благополучіемъ, такъ какъ часть товара все-таки оставалась въ рѣкѣ и обращалась въ собственность прибрежныхъ жителей. Они привыкли строить свое благосостояніе на несчастіи другихъ—и вотъ зачастую на рѣкѣ стали появляться какіе-то новые подозрительные перебои теченія. Увидавъ ихъ, лоцманы спѣшили свернуть въ сторону, а тамъ уже поджидалъ барку острый камешекъ, уложенный въ воду мстинскими жителями; перебой же происходилъ отъ кольевъ, вбитыхъ ими же въ дно рѣки. Болѣе мелкія вещи съ потонувшей барки собирались бабами, крупныя же, напр., мѣшокъ съ хлѣбомъ, прятались до ночи между камнями. Ночью являлся мужикъ и, задѣвъ

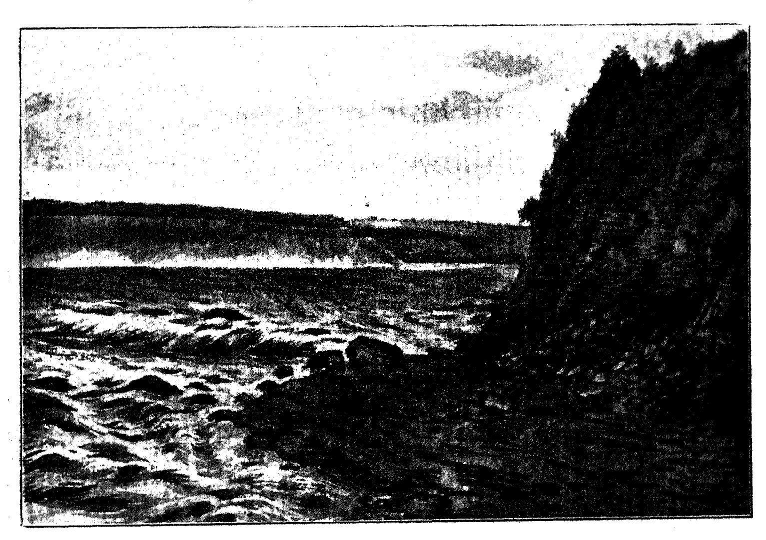

Рис. 16. Пороги на рѣкѣ Волховѣ. (По рисунку художника В. М. Максимова).

добычу крючкомъ, волочилъ ее на длинной веревкѣ въ лѣсъ, гдѣ у него была припасена и лошадь.

Въ настоящее время Мста опустѣла. Годъ отъ году число проходившихъ барокъ все уменьшалось, и. наконецъ, судоходство совсѣмъ почти прекратилось.

Первой причиной послужило открытіе Маріинской системы, соединяющей Шексну съ Петербургомъ, а затѣмъ и желѣзныя дороги перехватили къ себѣ значительную часть грузовъ. Съ сокращеніемъ судоходства мало-по-малу прекратились и разбои.

Пороги существуютъ на огромномъ большинствѣ русскихъ рѣкъ: на Днѣпрѣ, Волховѣ (рис. 16), Свири, Вытегрѣ, Западной Двинѣ.

Невѣ и др. Самыми опасными и до сихъ поръ остаются Днѣпровскіе пороги, расположенные въ судоходной части рѣки, между Екатеринославомъ и Александровскомъ. Даже значительно выше, уже у города Кременчуга начинаютъ появляться опасные подводные камни—заборы. Въ настоящее время серьезно поговариваютъ объ уничтоженіи Днѣпровскихъ пороговъ: предполагается устроить рядъ шлюзовъ, или затворовъ, которые должны задержать быстроту теченія и поднять уровень воды въ рѣкѣ...

Особенно интересна исторія этихъ пороговъ. Посмотрите на берегъ Днѣпра, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится самый опасный

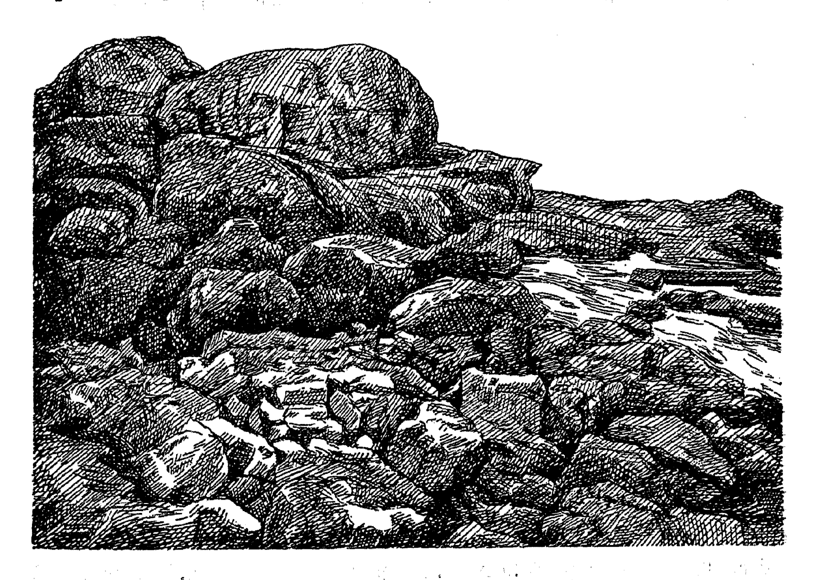

Рис. 17. Берегъ рѣки Днѣпра у Ненасытецкаго порога.

порогъ—Ненасытецкій, или попросту «Дідъ» (рис. 17). Это—тѣ же граниты, что и въ Финляндіи! Высокими, обрывистыми скалами выдвигаются они съ той и съ другой стороны, а у подножія лежатъ огромныя груды обломковъ. Все говоритъ о грозномъ разрушеніи, происходившемъ въ этихъ мѣстахъ. Весь юго-западъ Россіи—своего рода Финляндія. Отъ самаго подножія Карпатскихъ горъ и до Донецкаго кряжа протянулась здѣсь огромная гранитная глыба, только несравненно болѣе разрушенная, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ. Въ доисторическія времена она была даже залита моремъ, которое окончательно сгладило ее своими волнами и прикрыло своими осадками — глинами, песками, известнякомъ. Съ теченіемъ лѣтъ

исчезло море, а затѣмъ разрушились мѣстами и его осадки. Граниты снова выступили наружу... Весьма вѣроятно, что на Днѣпрѣ существовалъ въ глубокой древности такой же гигантскій порогъ, какъ Иматра, а еще раньше шумѣлъ грозный водопадъ въ родѣ Кивача, Гирваса или Поръ-Порога. Вообще огромное большинство пороговъ представляетъ собою послѣдній остатокъ размытыхъ водопадовъ. Съ теченіемъ времени и они должны исчезнуть. Рано или поздно рѣка сломитъ всѣ препятствія, встрѣчающіяся ей на пути, и плавно понесетъ внизъ свои воды.

По олонецкимъ падунамъ.

I.

Лѣтомъ 1902 года мнѣ удалось исполнить завѣтную мечту и побывать на олонецкихъ водопадахъ. Миновавъ Неву и испытавъ на Ладогѣ порядочную качку, пароходъ проѣхалъ Свирь и по Онежскому озеру доставилъ меня съ двумя спутниками въ Петрозаводскъ. Переночевавъ въ убогой гостиницѣ, мы на другой день сѣли въ экипажъ, запряженный парою лихихъ лошадей, и отправились на Кивачъ. Отъ Петрозаводска до водопада около 80 верстъ. Дорога идетъ по большей части лѣсомъ, среди живописныхъ озеръ. На второй день пути мы подъѣзжали къ деревнѣ Викшицы. Здѣсь мы свернули съ большой дороги и стали шагомъ пробираться проселкомъ. Путь настолько испортился, что мы предпочли покинуть экипажъ и шли пѣшкомъ. Скоро послышался шумъ водопада, который дѣлался все явственнѣе. Мы снова сѣли въ экипажъ и въѣхали на мостъ, который перекинутъ черезъ рѣку Суну ниже водопада. Посреди моста выстроена бесѣдка, изъ которой открывается первый видъ на водопадъ и на всю окружающую панораму. Этой картиной не могъ любоваться ни Державинъ, воспѣвшій водопадъ въ своемъ стихотвореніи, ни Дмитріевъ. Съ того времени многое измѣнилось, и Кивачъ потерялъ значительную долю своей дикости. Справа и слѣва съ моста видны высокіе скалистые берега, одѣтые лѣсомъ, теперь уже сильно повырубленнымъ. Тутъ и тамъ изъ зелени выглядываютъ голыя скалы. Прямо передъ нами на разстояніи сотни саженъ рѣка низвергалась съ семисаженной высоты, подымалась тучею брызгъ и, вся разбитая въ пѣну и волны, бурно неслась къ мосту. Слѣва у самаго водопада на скалѣ пріютилась бесѣдка, къ которой ведетъ длинный мостъ; справа изъ зелени деревьевъ выглядываетъ павильонъ. Впереди изъ нѣдръ водопада выдвигается черная скала, и на ней чьей-то дерзкою рукой начертано огромными буквами имя «Elise». Полюбовавшись общей картиной водопада, мы, прежде чѣмъ дѣлать подробный осмотръ его, направились въ домикъ сторожа, чтобы утолить голодъ и жажду.

Наученный горькимъ опытомъ, какъ мало можно полагаться на крестьянскую стряпню, я принялся самъ жарить грибы, собранные по дорогѣ; вмѣстѣ съ чаепитіемъ и закуской это заняло не мало времени.

Пообѣдавъ, мы отправились въ бесѣдку. Только здѣсь представилась намъ полная картина водопада (рис. 18). Ревъ его заглушалъ наши голоса. Тучи брызгъ подымались цѣлыми снопами. Водяная пыль обдавала насъ мелкимъ дождемъ. По временамъ, когда

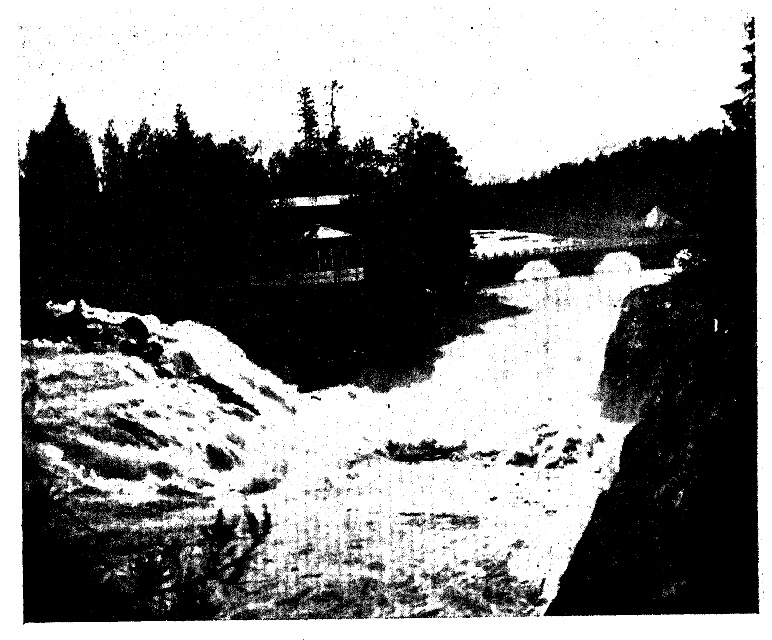

Рис. 18. Видъ съ бесѣдки на водопадъ Кивачъ, павильонъ и мостъ черезъ рѣку Суну. Съ фотографіи В. И. Юревича.

выглядывало солнце, въ ней играла радуга. Внизу вода кипѣла и клокотала, поминутно мѣняя свои формы. Надъ водопадомъ виднѣлись камни. Между ними застряло съ десятокъ бревенъ, которыя издали казались чуть не прутьями. У подножія водопада безсильно бились чьи-то утерянныя весла. Выше рѣка течетъ широко и спокойно, затѣмъ, встрѣтивъ ряды подводныхъ камней, начинаетъ бурлить и волноваться и, наконецъ, сильно сузившись, обрушивается внизъ съ высокаго чернаго уступа, который состоитъ изъ двухъ частей, сходящихся подъ прямымъ угломъ. Въ водопадѣ можно

различить четыре вѣтви, одну главную, самую могучую, и три болѣе слабыхъ, въ свою очередь раздѣляющихся на множество мелкихъ струй. Первая низвергается прямо лицомъ къ рѣкѣ, а остальныя три падаютъ бокомъ. У подножія водопада вся вода обращена въ пѣну и брызги; далѣе она, на протяженіи многихъ саженъ, несется бурнымъ волнистымъ потокомъ и. не доходя до моста, совершенно успокаивается (рис. 19).

Осмотрѣвъ водопадъ изъ бесѣдки, мы перешли на противоположный берегъ, къ павильону. Оказалось, что онъ стоитъ на каменистомъ островкѣ-скалѣ и огибается вѣткой водопада, которая изъ бесѣдки невидима. Обстановка павильона скромная. На стѣнахъ портреты Императора Александра II и Державина. Въ боковой

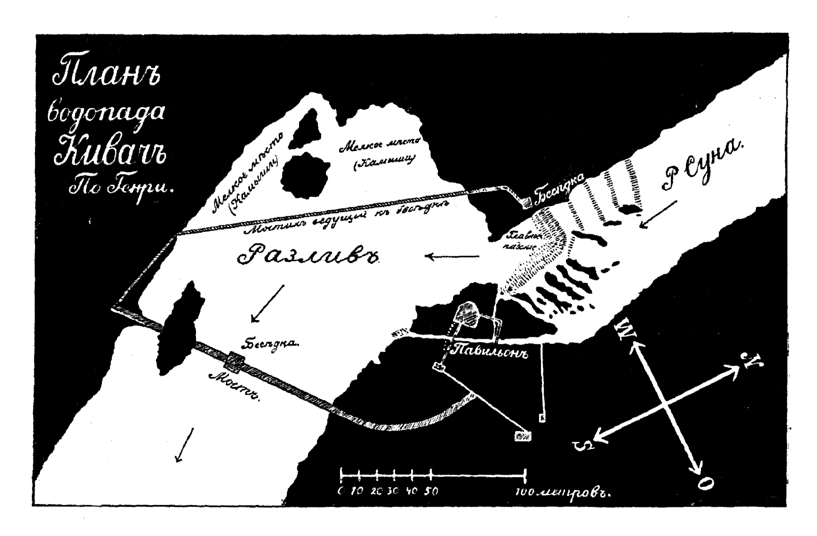

Рис. 19. Планъ водопада Кивачъ.

комнатѣ столъ и кровать. Имѣется еще комната и наверху. Изъ павильона картина водопада представляется не менѣе величественной. хотя главная струя и остается въ удаленіи.

Ниже водопада, за мостомъ, мы встрѣтили партію плотовщиковъ, возившихся съ бревнами. Лѣсъ по рѣкѣ Сунѣ сплавляется въ большихъ массахъ. Многія бревна застреваютъ въ камняхъ водопада, и въ разгаръ сплава плотовщикамъ приходится работать надъ самимъ водопадомъ, переправляясь черезъ него въ самодѣльной люлькѣ (рис. 20). Само собой разумѣется, что случаи гибели не представляютъ рѣдкости.

Какъ всѣ водопады, Кивачъ имѣетъ свои преданія. Разскажемъ

тѣ изъ нихъ, которыя намъ удалось слышать. Въ прошломъ столѣтіи глухая Олонецкая страна славилась разбойниками; нѣкоторые изъ нихъ ходили цѣлыми шайками. Однажды нѣсколько такихъ молодцовъ повыше Кивача поймали мужика и заставили перевезти ихъ на плоту на другую сторону Суны. Быстротою рѣки плотъ отнесло довольно близко къ водопаду, и лишь только причалили къ берегу, ловкій мужикъ выскочилъ съ шестомъ съ плота, который съ силою оттолкнулъ отъ берега, и разбойники погибли въ пропасти водопада.—Лѣтъ 12 тому назадъ, одинъ мужикъ, во время гонки лѣсовъ, упалъ въ рѣку и былъ увлеченъ въ самый водопадъ, но успѣлъ ухватиться и вскарабкаться на одну изъ сопокъ или скалъ, находящихся при началѣ паденія Кивача, въ порядочномъ

Рис. 20. Переправа черезъ водопадъ въ люлькѣ. Рис. Н. Н. Каразина.

разстояніи отъ берега. Здѣсь онъ просидѣлъ нѣсколько часовъ, въ холодный осенній день, ежеминутно ожидая погибели, надъ клокочущею пропастью, пока не спасли его другіе крестьяне посредствомъ запани, которою запирается рѣка при спускѣ бревенъ. Говорятъ, былъ случай, что лодка съ двумя крестьянами была увлечена въ водопадъ, но какимъ-то чудомъ люди спаслись, отдѣлавшись небольшими ушибами и лишившись лодки, которая разбилась въ водопадѣ.

Только вечеромъ разстались мы съ Кивачемъ и отправились въ Усть-Суну. По дорогѣ намъ пришлось еще разъ переѣхать по мосту рѣку, которая дѣлаетъ большіе зигзаги.

Тутъ мы увидѣли огромный порогъ «Мостовой», который грозно ревѣлъ, почти не уступая Кивачу. Въ Усть-Суну мы пріѣхали поздно, около 11-ти часовъ. Вся деревня спала. Заранѣе было рѣшено остановиться у богатаго лавочника Яковлева, члена земской управы. Онъ принялъ насъ радушно и далъ удобный пріютъ въ своемъ большомъ, только что выстроенномъ домѣ. Запахъ свѣжей краски непріятно дѣйствовалъ на обоняніе, но, утомленные впечатлѣніями дня, мы легко примирились съ этимъ маленькимъ неудобствомъ. Закусивъ и напившись чаю, мы сладко заснули на разостланныхъ для насъ мягкихъ перинахъ.

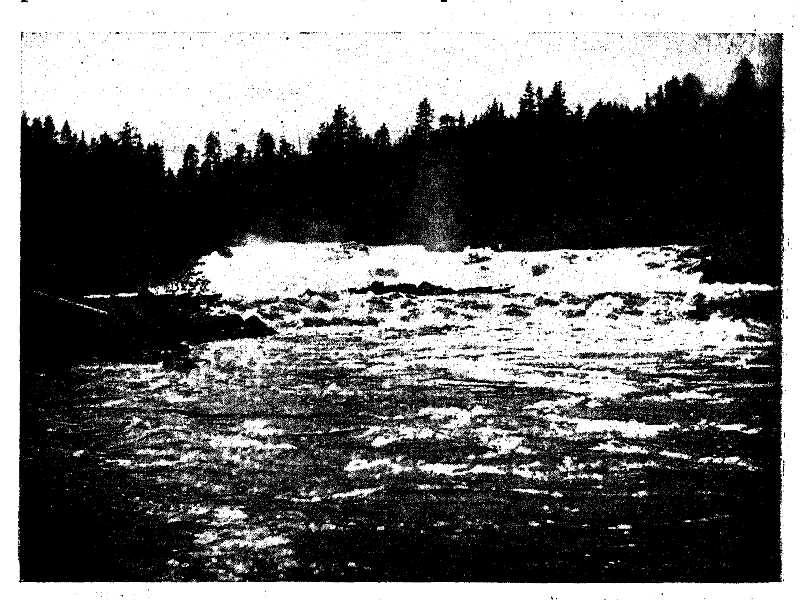

Рис. 21. Видъ на одинъ изъ уступовъ Поръ-Порога. Съ фот. В. И. Юревича.

II.

Освѣдомившись о цѣляхъ нашего путешествія, Яковлевъ заблаговременно сдѣлалъ распоряженія. Утромъ, когда мы пили еще чай, явился десятскій съ проводниками, которые должны были доставить насъ на лодкѣ къ Поръ-Порогу, а затѣмъ проводить и на Гирвасъ.

Мы поторопились съ завтракомъ. Забравъ съ собой провизіи на цѣлый день, чайники и посуду, мы сѣли въ лодку, гребцы взмахнули веслами, и лодка тронулась. Послѣ продолжительной тряской ѣзды на лошадяхъ плыть по рѣкѣ—величайшее наслажде-

ніе. Къ тому же Суна поразительно красива. Берега ея одѣты густымъ лѣсомъ, изъ котораго тутъ и тамъ выглядываютъ голыя скалы. Полтора часа мы предавались созерцанію этой дикой и дивной природы. Вдругъ рѣка заволновалась, вдали показались бѣлые гребешки Поръ-Порога (рис. 21). Слѣва выглянули изъ-за лѣса высокіе обрывистые берега, совсѣмъ голые, украшенные длинными рядями балкончиковъ и карнизовъ. Съ правой стороны выдвигались массивныя діабазовыя скалы. Я настоялъ, чтобы гребцы держались дальше отъ главной струи. Лодка свернула къ лѣвому берегу и скоро остановилась у самаго подножія водопада. Отсюда онъ кажется меньше Кивача. Но шумъ его такъ же силенъ. Чтобы любоваться всею картиною Поръ-Порога, надо подняться вверхъ. Туда ведетъ

Рис. 22. Планъ Поръ-Порога. Главные уступы показаны цифрами.

узкая, чрезвычайно крутая тропинка. Вскарабкавшись по ней на обрывистый берегъ, мы вступили въ глухой лѣсъ и, сдѣлавъ десятка три шаговъ, снова увидѣли Поръ-Порогъ. Здѣсь онъ предсталъ предъ нами въ грозномъ величіи и поразилъ насъ своимъ разнообразіемъ (рис. 22). Вода низвергается въ немъ по крайней мѣрѣ четырьмя главными уступами и съ высоты чуть ли не вдвое большей, чѣмъ на Кивачѣ. Уступы неровные и не сплошные, отчего получается огромное множество струй, бьющихъ въ разныхъ направленіяхъ и сталкивающихся другъ съ другомъ. Выше перваго уступа лежитъ островокъ. Часть воды, огибая его, направляется обратно и бьетъ навстрѣчу второму водопаду. Долина рѣки между островомъ и берегомъ имѣетъ совсѣмъ дикій видъ, и вода въ глубинѣ, вся

взбитая въ пѣну, представляетъ какой-то хаосъ. Особенно красивъ второй водопадъ, но, къ сожалѣнію, самая сильная лѣвая вѣтвь его обращена задомъ къ зрителю. Она низвергается многими уступами, то широкими, то узкими, и представляетъ поразительно пеструю, разнообразную картину.

Насладившись дикою игрою воды, мы направились дальше. По дорогѣ попадалось такое множество грибовъ, что мы скоро наполнили ими наши мѣшки и вполнѣ обезпечили себѣ ужинъ. Лѣсъ, которымъ мы шли, очарователенъ по своей дикости. Тутъ уже нѣтъ никакихъ дорогъ. Тутъ на свободѣ разгуливаютъ медвѣдь и волкъ, а человѣкъ, когда нужно, пробирается по тропинкамъ... Итти намъ пришлось недолго: скоро опять послышался шумъ, а затѣмъ мы увидѣли Гирвасъ (рис. 23).

Гирвасъ—не водопадъ, а огромный порогъ, въ родѣ финляндской Иматры. Рѣка, стиснутая скалами на протяженіи десятковъ саженъ, несется бурнымъ пѣнистымъ потокомъ. Островкомъ Гирвасъ дѣлится на двѣ вѣтви, лѣвую — узкую, правую — широкую. Формой своей островокъ изумительно напоминаетъ черепаху. Мы перебрались на него безъ всякаго труда и долго любовались дикимъ видомъ водопада. Съ этого же островка открывается роскошный видъ на ущелье, по которому несется рѣка. Оно ограничено крутыми и живописными обрывами, которые вдали заканчиваются рядомъ высокихъ столбовъ и глубоко врѣзывающихся въ рѣку каменистыхъ мысовъ. На самомъ островѣ красиво нагромоздились огромные валуны.

Мы провели на Гирвасѣ не менѣе часа и, поднявшись вверхъ, пошли обратно. Дойдя до Поръ-Порога, мы переправились на противоположный берегъ, откуда картина на водопадъ представляется еще величественнѣе. Между берегомъ и камнями, съ которыхъ низвергается вода, перекинуты доски и бревна. Мы перебрались на вершину перваго уступа, въ самый хаосъ пѣны и брызгъ. Можно было бы пройти и дальше, на камень второго уступа, но доски показались намъ гнилыми, и мы не рѣшились воспользоваться ими. Между тѣмъ солнце клонилось уже къ закату, и мы должны были торопиться, чтобы во-время попасть въ деревню. Однако мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи напиться чаю среди дивной обстановки Поръ-Порога. Спустившись къ самому подножію водопада, мы развели здѣсь костеръ и приготовили чай, который послѣ долгой ходьбы показался намъ особенно вкуснымъ. Солнце уже заходило, когда мы сѣли въ лодку и двинулись обратно. Вечеръ былъ прекрасный. Подъ небомъ, залитымъ пестрыми красками заката, рѣка спала, отражая въ себѣ его богатые тоны. Гладкая ея поверхность блестѣла, какъ зеркало, въ которомъ отражались и лѣса, и скалы. Мѣстами, гдѣ лѣсъ густо сдвигался надъ рѣкою, она казалась совсѣмъ зеленою. Отъ ударовъ веселъ вода вздрагивала,

покрывалась рябью, и отраженные въ ней стволы деревьевъ вились длинными змѣйками.

Въ Усть-Суну мы пріѣхали поздно и, переночевавъ у Яковлева, на другой день отправились въ Тивдію, чтобы познакомиться съ знаменитыми мраморными ломками.

III.

Послѣ долгихъ скитаній по глухимъ уголкамъ Олонецкаго края мнѣ удалось увидѣть еще одинъ водопадъ. Онъ запрятанъ въ глубинѣ Архангельскихъ лѣсовъ и извѣстенъ только по имени.

Рис. 23. Водопадъ Гирвасъ. По фотографіи г. Вишнякова.

Добравшись до Повѣнца, маленькаго уѣзднаго городка на сѣверѣ Олонецкой губерніи, мы на лошадяхъ проѣхали въ Данилово, а оттуда на лодкахъ по рѣкѣ Выгу направились на сѣверъ. Живописная рѣка то-и-дѣло перерѣзывается бурными порогами, черезъ которые проѣхать невозможно. Ихъ мы обходили пѣшкомъ. Наши проводники-гребцы забирали вещи, мы взваливали на спины дорожные мѣшки, и всѣ длиннымъ караваномъ брели по лѣснымъ тропинкамъ. Приходилось итти такимъ образомъ то двѣ, то четыре версты.

Черезъ день мы достигли Выгъ-озера. Усѣвшись въ большую лодку, которою управляли бабы-калѣки, мы раскинули парусъ и

поплыли по озеру. Наши проводницы были хорошими плакальщицами, знали много духовныхъ стиховъ, причитаній, пѣсенъ и голосили всю дорогу. Обширная гладь озера, дикіе каменистые островки, дивныя картины солнечнаго заката, деревеньки, оторванныя отъ всего міра, люди, незатронутые городской культурой, — все это сливалось въ одно гармоническое и привлекательное цѣлое. Тамъ, гдѣ изъ озера вытекаетъ нижняя часть рѣки Выга, расположилось селеніе Надвоицы, и здѣсь-то находится замѣчательно красивый водопадъ — Воицкій (рис. 24).

Остановившись въ квартирѣ мѣстнаго учителя, мы разспросили о водопадѣ и тотчасъ отправились осматривать его. Онъ расположенъ нѣсколько ниже деревни, и, чтобы кратчайшимъ путемъ достигнуть его, пришлось переправиться на противоположный берегъ. Каменистыми островками водопадъ дѣлится на три вѣтви: лѣвая носитъ названіе Толчеи, средняя называется Срединною Падью, а правая — Мельничнымъ Падуномъ. Прежде всего мы увидѣли Толчею. Съ высокаго берега она казалась очень живописной. Съ обрыва, высотою до 4 саженъ, вода низвергается четырьмя широкими струями, среди которыхъ выдвигаются камни. Ниже, разбитая въ пѣну и брызги, вода устремляется по дикому и узкому ущелью. Съ той и другой стороны вздымаются черныя отвѣсныя скалы. Мы спустились ниже вдоль берега. Издали видъ водопада еще красивѣе. Особенно эффектенъ огромный камень, черезъ который вода переливается тонкимъ прозрачнымъ слоемъ, образуя надъ нимъ какъ бы стеклянный колпакъ.

Проводники предложили намъ перебраться на противоположную сторону подъ самымъ водопадомъ. На первый взглядъ путешествіе казалось рискованнымъ, — до того пѣнилась и волновалась здѣсь вода. Но лодка была приготовлена. Въ нее сѣлъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, гребцы изо всей силы ударили веслами.

На серединѣ рѣки лодку подхватилъ бурный потокъ, перевернулъ носомъ въ другую сторону и съ головокружительною быстротою швырнулъ ее къ противоположному берегу. Гребцы поспѣшно бросили весла и изо всей силы уперлись шестами въ скалу. Переправа совершилась благополучно... Лодка вернулась за мною и другимъ моимъ спутникомъ. Съ замираніемъ сердца мы усѣлись въ нее, но ѣхать было вовсе не такъ страшно, какъ это казалось съ берега. Мы вышли на островокъ и тотчасъ отправились любоваться Срединною Падью. Вода низвергается здѣсь съ большой высоты сплошною стѣной. Правая часть ея темная, лѣвая прозрачна, — сквозь нее виденъ каменный уступъ: должно быть, здѣсь находится своего рода «Пещера вѣтровъ». Навстрѣчу главному потоку несется съ боковой скалы множество мелкихъ, но чрезвычайно красивыхъ струй. Ниже вся бѣлая отъ пѣны вода мчится по очень глубокому ущелью. Самъ островокъ удивительно живописенъ. Онъ густо заросъ

соснами, среди которыхъ и тѣнь, и прохлада. Въ верхней его части находится глубокое поперечное ущелье, сплошь заваленное гигантскими обломками скалъ. Спустившись въ него, мы могли одновременно любоваться и Толчеею и Срединною Падью. На поверхности островка насъ поразило обиліе камней со свѣжими поверхностями излома. Проводники объяснили намъ, что недавно производились взрывы Мельничнаго порога, который мѣшалъ движенію бревенъ, сплавляемыхъ по рѣкѣ. Каменные осколки, какъ ракеты, разлетались во всѣ стороны, и многіе изъ нихъ попали на островокъ.

Рис. 24. Воицкій водопадъ. „Срединная Падь". По фотографіи Д. В. Болдырева.

Перебраться къ Мельничному порогу рѣкой не представлялось возможнымъ: слишкомъ ужъ дики здѣсь скалы, и слишкомъ бурно несется рѣка. Надо было вернуться въ деревню и правымъ берегомъ пройти до падуна. Теперь мы избрали другой путь. Лодка подъѣхала сверху къ самой головѣ Толчеи и остановилась у узкаго мыса, которымъ островокъ вдается въ рѣку. Пока мы садились, гребцы держали ее съ большимъ трудомъ: сильная струя тянула насъ въ Толчею. Но вотъ все готово. Одинъ изъ гребцовъ остается на берегу. Что есть силы, онъ отталкиваетъ лодку, быстро вскакиваетъ въ нее, и сильными ударами веселъ мы относимся на сере-

дину рѣки. Эта переправа опаснѣе первой: малѣйшая неосторожность, — и гибель неизбѣжна.

Подойдя къ Мельничному порогу, мы увидѣли, что онъ отдѣляется отъ Срединнаго цѣлою группою островковъ. Видъ падуна дикій. Несется онъ сплошнымъ пѣнистымъ потокомъ по сильно наклоненному дну. Прежде онъ былъ похожъ на Срединную Падь, но, говорятъ, превосходилъ ее красотой. Подъ нимъ несомнѣнно существовала «Пещера вѣтровъ». Это доказывается слѣдующимъ случаемъ изъ исторіи водопада.

Лѣтъ пять-десять назадъ на берегу стояла здѣсь мельница, отъ которой водопадъ и получилъ свое названіе. Однажды мельникъ съ женой переправлялся на противоположную сторону. Подъѣхавъ слишкомъ близко къ падуну, онъ не смогъ справиться со страшною силою потока, и лодку потянуло внизъ. Мельникъ успѣлъ выскочить на камень, лодку же съ его женою поглотила пучина. Собравшіеся на берегу крестьяне перекинули на водопадъ канаты, и при ихъ помощи мельникъ спасся. Жену его считали погибшей. Весь день прошелъ въ поискахъ трупа, но найти его не удалось. Вдругъ кто-то изъ крестьянъ замѣтилъ за водяною стѣной смутныя очертанія человѣческой фигуры. Несомнѣнно, это была мельничиха. Но жива ли она? Перебросили канатъ, кричали, совѣтовали, но водопадъ заглушалъ голоса. Однако сама мельничиха, ожидавшая помощи съ минуты на минуту, догадалась схватиться за канатъ и была благополучно вытащена изъ воды. Изъ разспросовъ выяснилось, что спасеніемъ своимъ она обязана случаю. Падая внизъ, она уперлась ногами въ камень и почувствовала, что она не въ водѣ. Между водяною завѣсой и каменнымъ уступомъ оставалось достаточно свободнаго пространства, былъ воздухъ, съ трудомъ можно было дышать. Несчастная кричала, звала на помощь, но безполезно. Она уже покорно ожидала своей смерти, какъ вдругъ былъ переброшенъ канатъ... Бѣдная женщина отдѣлалась испугомъ и легкими ушибами. Грохотъ водопада такъ подѣйствовалъ на ея слухъ, что она навсегда оглохла.

Вдоволь насмотрѣвшись на водопадъ, мы пошли домой, гдѣ насъ ждалъ обѣдъ и чай. Посѣтивъ на слѣдующее утро Воицкій рудникъ, гдѣ нѣкогда добывалось золото, мы знакомымъ уже путемъ отправились обратно...

Впослѣдствіи мнѣ привелось видѣть много различныхъ водопадовъ, болѣе сильныхъ и величественныхъ, но чарующія картины олонецкихъ падуновъ никогда не изгладятся изъ моей памяти. Привлекательна ихъ дѣвственная, нетронутая человѣкомъ красота. Если уже дѣлать сравненія, то Валленкоски (Малая Иматра) въ Финляндіи нѣсколько напоминаетъ Толчею.

Изъ жизни и исторіи Волги.

I.

Въ Тверской губ., верстахъ въ десяти отъ озера Селигера, среди живописной мѣстности, усѣянной зеркальными озерами и лѣсистыми холмами, раскинулась на горкѣ деревня Волговерховье. Кругомъ необозримыя болота, послѣдній остатокъ заросшихъ и исчезнувшихъ озеръ. Куда ни кинешь взоръ, всюду мохъ, осока, кочки, всюду непроходимыя трясины, и лишь кое-гдѣ среди зеленой моховины проглядываютъ серебристыя «окна» воды. На болотѣ протянулся мѣстами густой, почти непроходимый лѣсъ. Пышно разрослись на привольѣ березы и сосны; сломанные бурей стволы и кучи хворосту загромоздили всѣ тропинки и проходы. Здѣсь, въ этомъ глухомъ лѣсу, въ этихъ непроходимыхъ болотахъ и трясинахъ, родится великая Волга, всѣмъ рѣкамъ нашимъ рѣка, всѣмъ рѣкамъ мать и царица. Среди болота стоитъ убогая деревянная часовенка. Въ ней пусто. Только въ лѣвомъ углу единственный образъ Спасителя, на немъ никакихъ украшеній. Въ часовнѣ даже скамейки нѣтъ, нѣтъ и лѣсенки у входа, нѣтъ и мостковъ черезъ болото. По толстымъ полусгнившимъ корнямъ пробирается путникъ къ началу великой рѣки. Посреди часовни — небольшой срубъ, колодецъ, уходящій подъ полъ въ болото. Здѣсь и родится Волга, отсюда, изъ этихъ непроходимыхъ болотъ выползаетъ она едва замѣтнымъ, безсильнымъ ручейкомъ. Берега его густо заросли травою, среди которой серебрится слабая струйка воды. Ширина ручейка ничтожна: здѣсь заволжскій житель безъ затрудненія, не переправляясь черезъ рѣку, можетъ пожать руку пріятелю, стоящему на противоположномъ берегу. Скоро ручеекъ вступаетъ въ непроходимо-трущобный еловый лѣсъ и почти теряется среди его необозримыхъ болотъ. Еще дальше Волга принимаетъ первые притоки, такіе же крохотные ручьи, какъ она сама, и проходитъ первое озеро—Малый Верхитъ. Ширина ея увеличивается на нѣсколько вершковъ: для переправы здѣсь одного обыкновеннаго шага недостаточно, а требуется сдѣлать порядочный

прыжокъ (рис. 25). Еще верста—все тотъ же густой непроходимый лѣсъ, еще новое озеро, новые ручейки-притоки, и Волга становится уже рѣчкой, шириною 10 — 12 шаговъ и глубиною по колѣни. Здѣсь переброшенъ черезъ нее первый мостикъ (рис. 26), и здѣсь впервые встрѣчаются мѣста, не лишенныя живописности. Во всю ширину глубокой и узкой долины надъ темною рѣкой протянулись съ одного берега на другой, точно длинныя руки какихъ-то великановъ, густыя лапчатыя вѣтви высокихъ елей; огромные стволы, поваленные временемъ или бурей, лежатъ поперекъ рѣки, выставляя во всѣ стороны свои оголенные сучья; мѣстами кудрявая рябина смотрится въ зеркало рѣчки, отражая въ ней свои красивые вырѣзные листья, или молодая черемуха, низко наклонясь надъ водою, купаетъ въ ней свои вѣтви, весною усыпанныя пушистыми кистями цвѣтовъ, изливающихъ обильный ароматъ. Тихо кругомъ. Вѣтеръ, идущій сверху, не достигаетъ сюда; здѣсь слышится только глухой гулъ шумящихъ вершинъ сосѣдняго лѣса. Дикая чарующая картина! Нерѣдко на берегу валяются огромные валуны, величиною въ ростъ человѣка, а то и въ цѣлую избу. Иногда огромная гранитная глыба, вся обветшавшая, полуразвалившаяся и густо обросшая мохомъ, пріютила на себѣ стройную березку, живописно наклонившуюся надъ рѣкой. Мѣстами валуны нагромоздились въ самомъ руслѣ Волги. Какъ бы сердясь на помѣху, стремительно бросается она на нихъ, бурлитъ и пѣнится въ тщетныхъ усиліяхъ снести эти камни.

Но вотъ кончается лѣсъ, Волга выходитъ въ открытую равнину, и передъ нами обширное озеро Овселугъ, и на днѣ, и у береговъ усѣянное огромными валунами. Весною во время высокой воды оно сливается въ одно необозримое море съ сосѣдними озерами Пено и Волго. Рѣки нѣтъ, она исчезла, потерялась въ этомъ скопленіи стоячей воды, съ тѣмъ, чтобы дальше уже выйти болѣе сильною рѣкой. На всемъ протяженіи между Волго и Пено въ руслѣ ея безъ числа нагромоздились *карши*, или *корчевье*, т. е. затонувшіе стволы деревьевъ, пни и коряги (рис. 27). «Плаваніе на лодкѣ по этимъ мѣстамъ даже среди дня небезопасно, — разсказываетъ Рагозинъ:—чуть ли не на каждой сажени торчатъ изъ воды темные, намокшіе, коряжистые сучья и цѣлые стволы; многія сотни и тысячи ихъ, виднѣясь издали, загораживаютъ для взора всѣ свободные промежутки и кажутся иногда непроходимою чащею, особенно ближе къ берегамъ. Въ бурную погоду при противномъ вѣтрѣ даже и опытный человѣкъ способенъ притти въ отчаяніе, когда вѣтеръ и волны бросаютъ лодку отъ одной карши къ другой и гонятъ къ берегу, котораго въ одно и то же время и ждешь съ нетерпѣніемъ, и боишься. Намъ пришлось познакомиться съ каршами именно въ такую погоду; надобно было, не отрывая глазъ отъ воды, напряженно слѣдить не только за тѣми каршами, которыя

высовывали свои рога высоко надъ поверхностью воды, но еще болѣе за тѣми, которыя таили свои вершины подъ водой. Во всю ширину разлива (Рагозинъ ѣхалъ раннею весной), мѣстами больше, чѣмъ на 2 версты, торчали карши. Вдаль имъ не видѣлось конца. Не разъ случалось, что за нѣсколько саженъ впередъ видѣлось какъ будто чистое мѣсто, куда можно было бы пристать и отдохнуть; но стоило только приблизиться, и опять выступалъ цѣлый лѣсъ каршей,

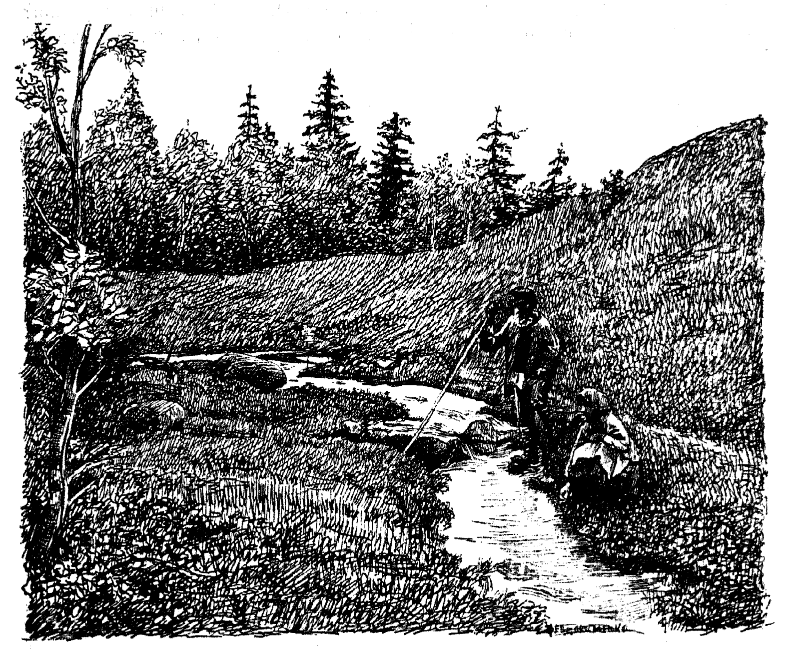

Рис. 25. Ручей Волга. Съ фотографіи Вишнякова рисовалъ художникъ Ф. Г. Евдокименко

не допускавшій до берега саженъ на 5, на 10: по случаю бурной погоды къ каршамъ приблизиться было невозможно, не рискуя разбить лодку, да если бъ погода была и тихая, все-таки манящій берегъ былъ недоступенъ, такъ какъ карши, скопившись сплошною массою и перепутавшись между собою, образовали что-то вродѣ плотины, черезъ которую, напр., заяцъ или собака могли бы пройти, пожалуй, не замочивъ лапъ; человѣку же никакимъ способомъ невозможно пробраться черезъ эту ни съ чѣмъ несравнимую баррикаду изъ безчисленныхъ корягъ. Послѣ десятичасовой утомительной борьбы съ каршами, вѣтромъ и волненіемъ, мы, наконецъ,

встрѣтили доступъ къ берегу, хотя и здѣсь пришлось проводить лодку среди всевозможныхъ корягъ; несмотря на крайнюю осторожность, пришлось два-три раза стукнуться дномъ о торчавшіе подъ водою пни. Такъ мы плыли 15 верстъ. Дальнѣйшій путь не обѣщалъ ничего лучшаго: до самаго озера Волго насъ сопровождали тѣ же опасныя карши, хотя ихъ, правда, становилось все меньше и меньше; онѣ совершенно исчезли въ томъ мѣстѣ, гдѣ начиналось озеро». Откуда же взялись эти безчисленныя затонувшія деревья? Врядъ ли сама Волга, еще слабая и безсильная въ этихъ мѣстахъ,

Рис. 26. Первый мостикъ черезъ Волгу. По фотографіи г. Вишнякова, рисовалъ художникъ Ф. Г. Евдокименко.

вырвала ихъ у своихъ береговъ. Вѣроятно, эти пни и коряги накопились въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ; изъ года въ годъ, особенно во время половодій, всѣ притоки, главнымъ образомъ лѣсистая Жукопа, приносили свою дань — сломанныя вѣтромъ, а также павшія отъ времени и загородившія русло деревья. Стоило хоть одной изъ этихъ корягъ остановиться при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь камнемъ—валуномъ, выступавшимъ со дна рѣки, и барьеръ готовъ; всѣ слѣдующіе сучья, вѣтви и стволы, цѣпляясь за остановившуюся корягу, задерживаются и скопляются все въ большемъ

и большемъ числѣ. При видѣ описанной картины невольно встаютъ описанія цѣлыхъ острововъ изъ затонувшихъ деревьевъ въ Миссисипи; нигдѣ больше въ Европѣ, за исключеніемъ другихъ лѣсныхъ рѣчекъ Россіи, нельзя встрѣтить ничего подобнаго...

Вскорѣ за озеромъ Волго, верстахъ въ 80-ти ниже истока великой рѣки, путникъ подъѣзжаетъ къ *бейшлоту*, достаточно старинному, но все же очень полезному сооруженію человѣческаго искусства. Бейшлотъ — огромная плотина въ видѣ моста съ пролетами, перекинутаго черезъ Волгу. Пролеты представляютъ собою

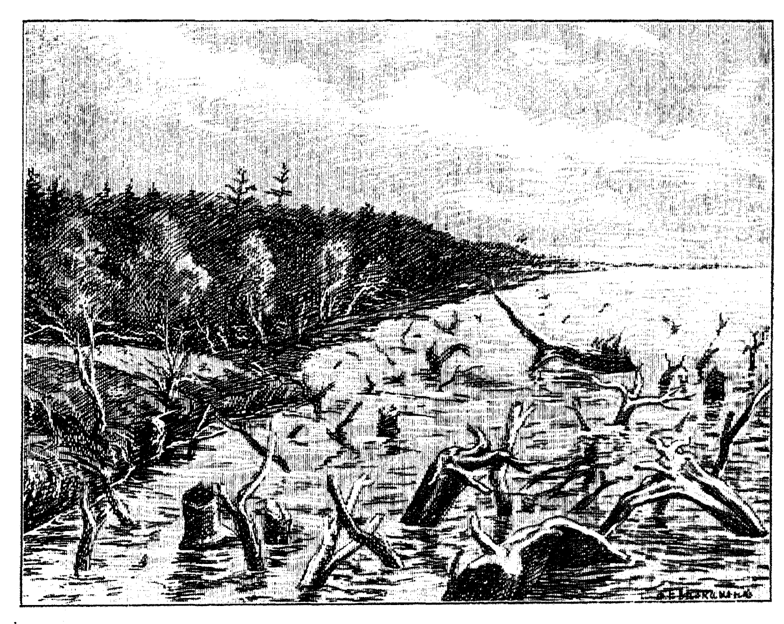

Рис. 27. Карши на р. Волгѣ.

крѣпкіе шлюзы, устроенные съ тою цѣлью, чтобы весною во время половодья задержать въ верхней части рѣки возможно больше воды и затѣмъ спускать ее лѣтомъ по мѣрѣ надобности. Благодаря этому огромному сооруженію, удается нѣсколько поднять воду въ рѣкѣ, когда въ концѣ лѣта многочисленные мели и перекаты сильно затрудняютъ судоходство. При полномъ открытіи всѣхъ шлюзовъ уровень воды у Твери поднимается на 6—10 вершковъ—другими словами, вода стоитъ на 6—10 вершковъ надъ тѣми мелями, которыя безъ этихъ шлюзовъ и затворовъ выступали бы среди рѣки голыми песчаными пятнами. Если хоть одинъ изъ затворовъ от-

крытъ, то уже издали слышится грозный шумъ воды. У бейшлота съ той и другой стороны толпятся плоты; люди разрубаютъ связи, готовятъ плоты къ спуску. По лѣвому берегу тянется аллея, обсаженная деревьями, а за нею небольшой паркъ. Изъ-за зелени привѣтливо выглядываетъ домикъ, гдѣ живетъ начальникъ бейшлота. Селенія здѣсь никакого; зимними ночами только волки, дружно вторя завываніямъ бури, нарушаютъ гнетущее безмолвіе. Съ мостика противъ главнаго пролета можно любоваться грозною картиной. Черная масса воды устремляется внизъ и падаетъ съ оглушительнымъ ревомъ.

Вырвавшись на волю, каждая волна стремительно мчится впередъ, кипитъ, клокочетъ, нагоняетъ другія волны, падаетъ и снова растетъ. А позади неумолчно раздается шумъ водопада, поднимаются новые водяные бугры, летятъ милліоны брызгъ... Вотъ къ открытому пролету подплываетъ какой-то предметъ. Ближе... ближе... быстрѣе... мелькнулъ на выпуклой поверхности водопада и исчезъ... Это—плотъ. Еще мгновеніе, и съ легкостью щепки онъ поднялся на первый бугоръ, а потомъ снова исчезъ подъ разсыпавшимися гребнями волнъ. Нѣсколько секундъ онъ не виденъ вовсе, а затѣмъ выбрасывается на поверхность уже за нѣсколько саженъ дальше. Сплошь и рядомъ скрученныя изъ еловыхъ вѣтвей связи не выдерживаютъ, и плотъ оказывается разорваннымъ надвое, натрое или даже разметаннымъ по бревну.

Такова картина, когда открыто 16 щитовъ; а всего ихъ 98. Можно себѣ представить, какъ грозна сила падающей воды, когда она мчится черезъ всѣ пролеты. Лодки обыкновенно протаскиваются волокомъ и спускаются ниже бейшлота. Впрочемъ, иногда рыбаки пускаютъ ихъ съ грузомъ прямо по водопаду. И нерѣдко случается, что лодка не выдерживаетъ: послѣ нѣсколькихъ минутъ трепетнаго ожиданія рыбакъ видитъ, къ своему горю, только одни выброшенные обломки ея. Бревна отъ разбитыхъ плотовъ подкарауливаются внизу: ихъ подхватываютъ баграми, тянутъ къ берегу, снова соединяютъ въ плоты и гонятъ внизъ... Вода пускается во всѣ пролеты только въ октябрѣ, и всю зиму бейшлотъ остается открытымъ. Весною опять вставляются щиты, а за бейшлотомъ въ огромномъ количествѣ скопляется вода, приносимая полноводными притоками Волги.

Послѣ долгаго пути по болотистымъ трущобамъ Волговерховскаго ручья верхневолжскій бейшлотъ производитъ сильное впечатлѣніе. Стихійнымъ силамъ здѣсь противупоставлена разумная воля. Вмѣсто глыбъ гранита и каршей передъ вами тяжелые, прочные, высокіе устои и столбы, подпирающіе 30-саженный мостъ, валы, колеса, щиты... Все это — дѣло рукъ человѣка, который рѣшилъ сдержать напоръ воды и затѣмъ расходовать ее по своему усмотрѣнію...

Ниже бейшлота ручей Волга превращается уже въ настоящую судоходную рѣку въ 20—30 саженъ шириною. Верстъ пятьдесятъ дальше встрѣчается послѣднее препятствіе—пороги. Изъ нихъ самый большой — Бенскій. Послушаемъ, что разсказываетъ В. Рагозинъ.

«Мы сильно побаивались, какъ бы внезапно не очутиться близко къ порогу, гдѣ теченіе уже настолько быстро, что поворотить назадъ невозможно. Поминутно прислушивались мы, не слыхать ли шума волнъ. Солнце давно уже сѣло; густой бѣлый туманъ одѣлъ Волгу непроницаемымъ покровомъ; плыть далѣе невозможно, такъ какъ, несмотря на незначительную ширину Волги, береговъ ея совершенно не было видно. Вдругъ на послѣднемъ поворотѣ лодки изъ одного плеса въ другой мы заслышали шумъ, подобный тому, какой обыкновенно бываетъ у мельничныхъ плотинъ. «Бенскій шумитъ!» услышали мы и, поспѣшивъ къ берегу, заночевали подъ открытымъ небомъ. Вскорѣ подошла одна гонка плотовъ и также остановилась на ночевку. Плотовщики, бывшіе на этой гонкѣ, говорили, что иные изъ нихъ, посмѣлѣе да поопытнѣе, даже и ночью проходятъ съ плотами Бенскій порогъ.

«Съ восхожденіемъ солнца, когда туманъ началъ разсѣиваться, мы, прежде чѣмъ пуститься черезъ порогъ, рѣшили осмотрѣть его съ высокаго лѣваго берега. И только что поднялись наверхъ, какъ увидѣли и порогъ. Такъ вотъ онъ, этотъ опаснѣйшій изъ всѣхъ волжскихъ пороговъ! — удивлялись мы при видѣ картины, далеко не отвѣчавшей нашимъ, какъ оказалось, преувеличеннымъ ожиданіямъ.

«Это Бенскій порогъ! Довольно сильный шумъ, слышанный нами съ вечера, оказалось, происходилъ дѣйствительно отъ мельничной плотины. Но, разочаровавшись въ ожиданіяхъ чего-то грандіознаго, мы все-таки должны были признать, что Бенскій довольно опасенъ. Несмотря на то, что намъ не разъ случалось въ небольшой лодкѣ повѣдаться съ бурею на Волгѣ, даже тамъ, гдѣ она вдесятеро шире, тѣмъ не менѣе, когда мы вступили въ голову [1]) Бенскаго порога, въ первое мгновеніе намъ показалось, что мы какъ будто не плывемъ, а падаемъ; къ удивленію и досадѣ, почувствовалось даже головокруженіе; находясь въ маленькой лодкѣ очень близко къ поверхности рѣки, трудно было тотчасъ сообразить, что происходитъ: въ одинъ мигъ лодка успѣла нѣсколько разъ то подняться на вершины волнъ, то очутиться между ними во впадинахъ ихъ; справа и слѣва, за кормой и передъ носомъ лодки быстро подпрыгивали десятки волнъ, между которыми то и дѣло мгновенно мелькало множество камней разнообразной формы, величина и цвѣтъ которыхъ смѣнялись, казалось, съ быстротою молніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и камни, и берегъ, и волны — все мчалось на-

1) Такъ называется вершина всякаго порога и водопада.

задъ; только лодка казалась неподвижною. Еще нѣсколько мгновеній, пять-шесть ударовъ веселъ, и порогъ остается назади; но теченіе все еще чрезвычайно быстро; смотря впередъ, видишь и чувствуешь, что несешься подъ гору».

Берега Волги за бейшлотомъ живописны, особенно вдали отъ городовъ, гдѣ рѣка течетъ въ узкой и глубокой долинѣ. По обѣимъ сторонамъ стѣной протянулись хвойные лѣса и березовыя рощи. Отсутствіе селеній не лишаетъ картину живописности, а еще болѣе придаетъ ей дикой прелести. Красивы и тѣ мѣста, гдѣ человѣкъ, поселившись, не оголилъ береговъ, и гдѣ дома и церкви выглядываютъ изъ лѣса, какъ изъ рамки. Очень часто встрѣчаются надъ самой Волгой, на краю возвышеннаго берега, очень живописно расположенные большіе и издали очень красивые помѣщичьи дома; видъ на нихъ открывается внезапно: вдругъ выплываетъ изъ зелени одинокое бѣлое зданіе, иногда очень затѣйливой архитектуры, съ каменными лѣстницами, ведущими къ рѣкѣ, колоннами и балконами. Есть даже и развалины, которыя переносятъ воспоминанія въ даль минувшихъ временъ, когда здѣсь кипѣла своеобразная жизнь... Всѣ эти дворцы и замки — памятники мрачнаго крѣпостного права, все это — палаты помѣщиковъ. И не столько производятъ они впечатлѣніе красоты, сколько навѣваютъ грустныя мысли о тяжелыхъ событіяхъ, которыя когда-то разыгрывались въ этихъ живописныхъ уголкахъ...

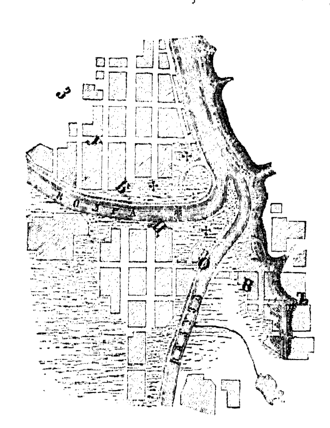

Рис. 28. Сліяніе Волги съ Вазузою.

На 20 верстѣ отъ Ржева, въ самомъ городѣ Зубцовѣ, Волга вдругъ поворачиваетъ къ сѣверу. Здѣсь вливается въ нее съ юга рѣка Вазуза, и, измѣнивъ свое прежнее теченіе, Волга подчиняется направленію своего притока. Такой случай наблюдается не одинъ разъ, и часто наша великая рѣка мѣняетъ свое направленіе въ зависимости отъ впадающихъ въ нее рѣкъ. Любопытно, что въ данномъ случаѣ явленіе не ускользнуло отъ наблюдательнаго взора народа, и вотъ какая сложилась на этотъ счетъ легенда: «Поспорили какъ-то рѣки, кто изъ нихъ старше и лучше, да и рѣшили полечь спать, а которая, проснувшись на другой день, прибѣжитъ раньше къ морю Хвалынскому, та и будетъ сильнѣе и достойнѣе. Легли. Еще ночью Вазуза встала прежде и побѣжала. Волга, проснувшись позже, бросилась догонять ее и наконецъ догнала у города Зубцова. Отсюда онѣ побѣжали уже вмѣстѣ. Только Волга

показалась Вазузѣ такой грозной, что она безъ спора признала ее старшею сестрой».

На всемъ протяженіи до р. Тверцы Волга порожиста. Все тѣ же каменныя известковыя гряды поперекъ русла или иногда валуны-одинцы, лежащіе на днѣ, служатъ важнѣйшимъ препятствіемъ для судоходства. Какъ и въ верховьяхъ великой рѣки, на берегахъ валяются безчисленные гранитные обломки, валуны, мѣстами лежатъ такія огромныя массы щебня, что путнику невольно кажется, будто здѣсь, у этихъ береговъ, разбилось нѣсколько баржей съ подобнаго рода грузомъ[1]). Эти разнообразные камни собираются для потребностей волжскихъ городовъ и идутъ главнымъ образомъ для мостовыхъ. Попрежнему съ обѣихъ сторонъ поднимаются высокіе известняковые берега, но часто уже у подножія этихъ отвѣсныхъ стѣнъ стелется кайма чистаго песка, приносимаго рѣкой. За Зубцовымъ попадаются

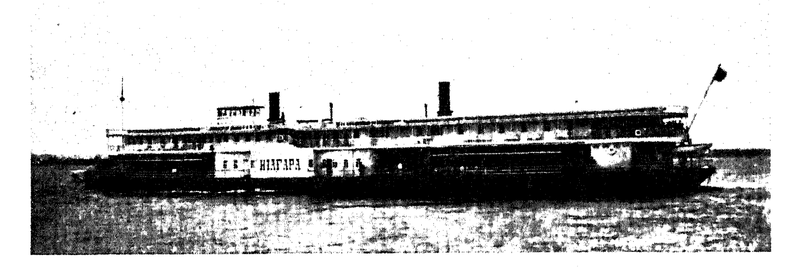

Рис. 29. Американскій двухъэтажный пароходъ на Волгѣ.

на берегахъ каменоломни. Добываемый здѣсь известнякъ идетъ главнымъ образомъ на устройство фундаментовъ, лѣстницъ, тротуаровъ, половъ. У обрывистаго берега подъ солнечнымъ припекомъ копошатся люди, ломаютъ и ворочаютъ большіе камни...

За Тверью мы встрѣчаемъ на Волгѣ уже первые пассажирскіе пароходы, удобные, покойные, но пока еще чуждые той роскоши и комфорта, которыми такъ поражаютъ гигантскіе дома-пароходы за Нижнимъ. Волга еще не широка въ этихъ мѣстахъ, не больше 90—100 саженъ. Скромны и незатѣйливы ея красоты. Безконечныя зеленыя полосы полей чередуются съ небольшими деревеньками. Кое-гдѣ среди мертвой тишины одиноко шумятъ изливающіеся въ рѣку ручьи,—эти кормильцы и поильцы великой рѣки. Высоты съ утомительнымъ однообразіемъ перебѣгаютъ съ одного берега на другой. Это—самыя скучныя мѣста на всей Волгѣ. Здѣсь даже не

---

1) О происхожденіи этихъ камней см. въ моей книгѣ «Между огнемъ и льдомъ» статью «Безмолвные странники».

бываетъ большихъ разливовъ, такъ какъ почти вся масса воды, идущей сверху, задерживается бейшлотомъ. Сама Тверь — тихій, чистенькій городокъ, одинъ изъ тѣхъ столь обычныхъ въ Россіи провинціальныхъ городковъ, которыхъ еще не коснулась торговая горячка. Чѣмъ дальше, тѣмъ все монотоннѣе и скучнѣе берега.

Вотъ село, вотъ промелькнуло благовидное огромное кладбище, вотъ выдвинулся на берегу какой-то заводъ, и опять тѣ же однообразныя картины. Такъ минуемъ мы село Корчеву, Кимры, уѣздный городокъ Калязинъ, знаменитый своими древностями Угличъ и приближаемся къ Мологѣ. Волга замѣтно расширяется. Скоро пароходъ въѣзжаетъ въ одинъ изъ четырехъ пролетовъ огромнаго желѣзнодорожнаго моста. Промелькнула Молога, скоро и Рыбинскъ, красиво расположенный городъ на высокомъ берегу, со своею грандіозною гаванью и рядомъ пристаней. Волга стала *вдвое* шире, чѣмъ была у Твери. Въ верховьяхъ нерѣдко приходится видѣть, какъ въ той или иной деревнѣ переброшена черезъ Волгу веревка, и какая-нибудь баба, цѣпляясь за нее, переводитъ въ пять минутъ съ одной стороны на другую убогенькій паромишко, на которомъ стоитъ лошадь съ телѣгою. За Ржевомъ этого уже нѣтъ. Но зато люди не затрудняются для своихъ сообщеній перебросить черезъ Волгу немудреный деревянный мостъ. Калязинцы, угличане, мышкинцы переправляются черезъ рѣку въ лодочкахъ. А пониже Рыбинска, въ Ярославлѣ, и этотъ способъ переправы какъ-то не идетъ къ Волгѣ: черезъ нее устроено пароходное сообщеніе. Волга представляется уже очень и очень полною рѣкою. Она красива сама по себѣ. Къ тому же и берега ея далеко не такъ однообразны, какъ между Тверью и Мологой. Пригорки съ рощицами, перелѣсками, селеніями чередуются съ ровными пространствами полей и луговъ. Посреди рѣки появляются острова, окутанные кудрявой зеленью тальника. Пароходъ осторожно обходитъ мели. Навстрѣчу все чаще и чаще попадаются барки и буксирные пароходы. Промелькнули Кострома, Кинешма, рядъ большихъ и малыхъ селъ. Впереди, въ голубой дали уже показался на живописныхъ зеленыхъ высотахъ Нижній-Новгородъ съ его бѣлѣющими зданіями и ярко горящими въ лучахъ утренняго солнца главами церквей. Здѣсь, у Нижняго, вливается въ Волгу огромная Ока, и здѣсь впервые мы видимъ нашу рѣку въ полномъ величіи и красотѣ.

Дивная панорама раскрывается съ набережной у Нижняго. Вы стоите наверху горы, густо одѣтой разнообразною зеленью липъ, кленовъ, березъ; влѣво на горѣ бѣлѣются башни стараго Кремля, вправо — Печерскій монастырь, бѣлая церковь котораго пріятно выступаетъ изъ массы маленькихъ сельскихъ домиковъ и темной зелени садовъ. Внизу, у самой подошвы горы, серебряной лентой величаво протянулась могучая Волга. Здѣсь ширина ея больше версты. Влѣво, вверхъ по теченію, эта серебряная лента стелется

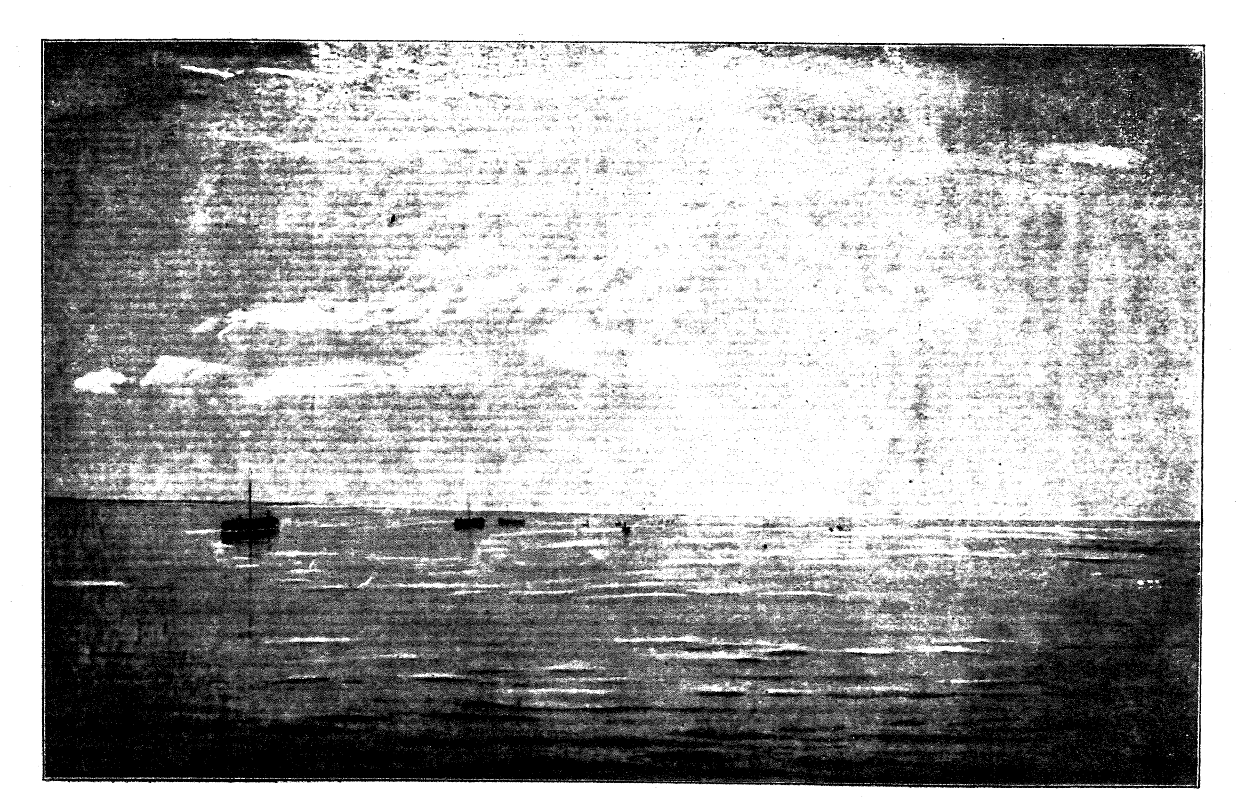

Рис. 30. На Волгѣ. Съ картины художника Дубовскаго.

по безконечной равнинѣ луговъ. Вотъ она становится все уже и уже и наконецъ исчезаетъ въ мглистой синевѣ дали. На голубомъ фонѣ неба ясно выступаетъ группа высокоствольныхъ осокорей, этихъ неизмѣнныхъ спутниковъ Волги. На противоположномъ берегу стелется широкая, раздольная пойма; на далекомъ пространствѣ виднѣются одна за другою деревни, а за ними безконечный боръ синѣетъ до самаго горизонта... Въ Нижнемъ насъ ждетъ великанъ-пароходъ. Это огромное трехъэтажное плавучее зданіе съ роскошными залами и удобными каютами, гдѣ вы чувствуете себя какъ дома, удобно, покойно и просторно. Трудно вообразить что-либо пріятнѣе волжскаго путешествія. Ласкающія взоры картины, одна за другой, развертываются какъ въ панорамѣ. Высокій правый берегъ выступаетъ въ самыхъ пестрыхъ краскахъ и причудливыхъ очертаніяхъ, а слѣва тянутся обыкновенно обширные луга—пойма рѣки.

Роскошна Волга днемъ, таинственна и прелестна ночью. Вечеромъ излучины ея горятъ алымъ румянцемъ заката. Надъ вершинами лѣсовъ какъ бы курится золотое пламя Желтыми. едва замѣтными полосками врѣзались въ рѣку песчаные мыски. Гладкая скатерть рѣки сверкаетъ безчисленными огоньками, отражая и алый румянецъ заката, и темныя тучи, и зелень лѣсовъ, и загорающіеся огни парохода. Сумракъ сгущается, мгла, точно сказочное чудовище, стелется по водѣ.. Краски пропадаютъ, и покойная гладь водъ вся прорѣзывается огненными нитями отъ горящихъ на судахъ фонарей. Беззвучно скользитъ пароходъ, и навстрѣчу ему плавно несется весь прозрачный, сіяющій электрическими огнями, точно волшебный дворецъ, другой пароходъ... А что сказать о той картинѣ, когда, съ послѣдними отблесками потухающей зари, на противоположномъ краю небосклона величественно и медленно выплываетъ луна, и зеркальныя воды Волги серебрятся магическимъ огнемъ? Черныя впадины въ обрывахъ горъ смѣняются рѣзко очерченными группами деревьевъ. Покойный воздухъ полонъ ароматовъ. Тишина кругомъ. Все спитъ подъ убаюкивающій плескъ пароходной струи. Но среди этого безмолвія и сна не спитъ одна Волга: точно могучій, грозный, всесокрушающій гигантъ, незримо и неслышно, медленно и плавно идетъ она далеко-далеко, унося съ собой и насъ, и наши мечты. .

Все могучѣй, сильнѣе и шире становится великая рѣка. Все чаще выплываютъ изъ ея водъ безчисленные острова, одѣтые зеленью и окаймленные поясами песковъ. Точно громадная змѣя, вьется широкая лента воды, постоянно изгибаясь то въ ту, то въ другую сторону и выставляя на каждомъ выступѣ берега длинные песчаные мысы, косы и мели. Берега становятся все красивѣе и разнообразнѣе. Мы миновали Самару, прошли Жегули, полюбовались Столбичами и достигли низовья могучей, великой, широкой

Волги. Плавно несетъ она свои воды среди безграничныхъ песчаныхъ степей, разливается въ цѣлое море. Какая масса воды! Изъ отдаленныхъ болотъ Новгородской губерніи, съ окрестностей Селигера и Бѣлоозера, изъ костромскихъ и вологодскихъ лѣсовъ и вершинъ Урала, со всѣхъ далекихъ полей и лѣсовъ средней Россіи безчисленныя рѣки, ручьи и рѣчки собрали воду и несутъ ее въ Волгу. Сотнями рукавовъ вливается могучая рѣка въ море. Безчисленное множество островов и островковъ, то сплошь заросшихъ камышомъ и осокой, то усѣянныхъ бахчами арбузовъ и покрытыхъ

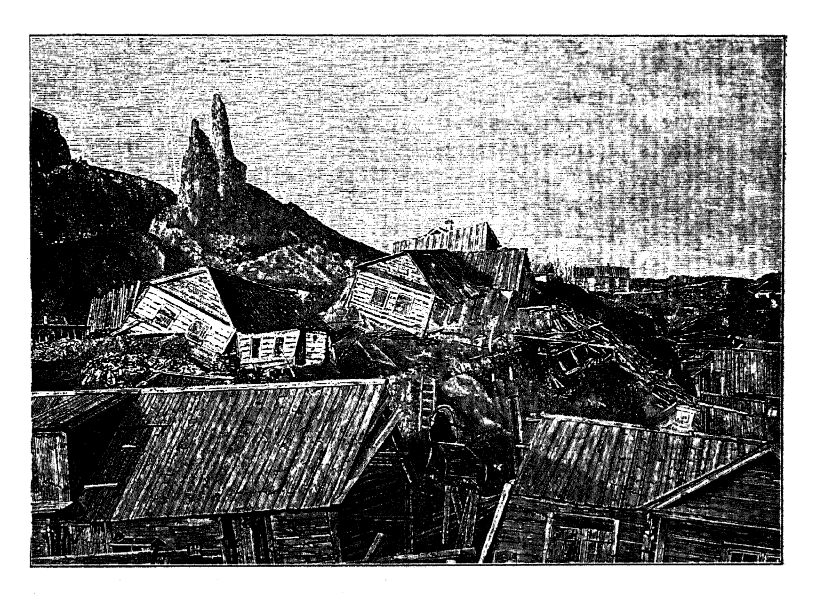

Рис. 31. Разрушенія, произведенныя на склонахъ Соколовой горы оползнемъ 1884 года.

фруктовыми садами, выставляются изъ ея водъ. Длинными песчаными и болотистыми мысами глубоко врѣзается она въ море, и далеко еще чувствуется въ немъ прѣсная вода великой рѣки.

Ничтожный ручеекъ, едва выступавшій среди тверскихъ болотъ, пробѣжалъ около 3.500 верстъ и превратился въ могучую рѣку, дивную своею красотой, грозную своею неустанною и великою работой. Не мертва, не неподвижна Волга. На ея берегахъ кипитъ разнообразная жизнь, и каждая волна, каждая струя воды творитъ великое дѣло разрушенія...

II.

Страшныя катастрофы случаются иногда у волжскихъ береговъ. Изо дня въ день, изъ года въ годъ рѣка неутомимо работаетъ надъ ихъ разрушеніемъ, и подмытые водой береговые обрывы нерѣдко обрушиваются, увлекая за собою строенія, людей и животныхъ. 20 сентября 1884 великое несчастіе постигло Саратовъ: обрушилась Соколова гора, расположенная на одной изъ окраинъ города, и многочисленныя зданія на ея склонахъ превратились въ цѣлыя груды развалинъ. Еще за нѣсколько дней до катастрофы земля начала медленно сползать къ Волгѣ, покрываясь на поверхности трещинами и буграми. По ночамъ слышался трескъ домовъ и звяканье лопающихся стеколъ. Полы въ домахъ приподнимались, печи давали трещины. Многіе изъ предусмотрительныхъ жителей, замѣтивъ эти зловѣщія явленія, поспѣшили покинуть свои дома. Въ 11 часовъ утра 20 сентября вдругъ движеніе земли сдѣлалось быстрымъ, и значительная часть горы съ шумомъ обрушилась въ рѣку. Во всемъ Саратовѣ дрожала земля, раскачивались висячія лампы, останавливались часы. Несчастій съ людьми не было только потому, что они во-время замѣтили опасность и успѣли убѣжать. Но зато всѣ зданія саратовскаго предмѣстья «Затона» были или совершенно разрушены, или же приведены въ такое состояніе, что владѣльцы ихъ принуждены были оставить родной кровъ и переселиться въ городъ, въ нанятыя наскоро квартиры. Отчаяніе было выше всякаго описанія. Нѣсколько домиковъ, расположенныхъ на обрывѣ Соколовой горы, сорвались и полетѣли въ пропасть, гдѣ и были погребены подъ кучами земли и мусора вмѣстѣ съ домашнимъ скарбомъ. Крупныя зданія находившихся здѣсь фабрикъ и заводовъ переломились надвое, натрое, наклонились въ сторону, а нѣкоторыя и совсѣмъ упали (рис. 31). Не менѣе сильны были обвалы Соколовой горы въ 1783, 1818 и 1846 годахъ.

Такіе страшные обвалы на Волгѣ явленіе самое обыкновенное. Уже лѣтописецъ занесъ въ свои «правдивыя сказанья» нѣсколько сообщеній о грозныхъ волжскихъ катастрофахъ. Такъ, напр., въ 1596 году въ Нижнемъ-Новгородѣ было сильное землетрясеніе, а Печерскій монастырь со всѣми церковными зданіями былъ совершенно разрушенъ: берегъ сползъ въ Волгу, и потому пришлось строить монастырь заново уже на другомъ мѣстѣ. Въ то же время обвалъ произошелъ и на берегу р. Оки, гдѣ цѣлая слобода въ 150 дворовъ была засыпана землею вмѣстѣ съ жителями и ихъ имуществомъ. Печальный видъ разрушенія представлялъ недавно и Макарьевскій монастырь, родина знаменитой ярмарки. Съ тѣхъ поръ, какъ великое торжище было перенесено въ Нижній, все въ этомъ крохотномъ городкѣ полиняло, обветшало,—обширный мона-

стырскій дворъ заросъ быльемъ, куполъ главной церкви упалъ. И заодно съ судьбою Волга безжалостно разрушала отжившій городокъ и грозила совершенно смыть нѣкогда славный монастырь. Монастырскія зданія, а въ особенности ветхія стѣны монастыря. разрушались съ каждымъ годомъ. Большое горе причиняли весенніе разливы Волги; вода иногда подымается аршина на два надъ уровнемъ берега, и, когда начиналась буря, волны съ силой били въ стѣны монастыря. Вода не разъ пробивалась въ монастырскій дворъ и разливалась тамъ цѣлыми озерами; сообщеніе между кельями и церквами производилось на лодкахъ. Изъ двухъ стѣнъ, которыми былъ обнесенъ монастырь, кое-какъ держалась одна, а отъ второй лежали на берегу только безпорядочныя груды кирпичей. Теперь монастырь заново отремонтированъ, да и Волга двинулась къ противоположному берегу. У монастыря протянулись нескончаемые пески и непроходимыя для пароходовъ мели.

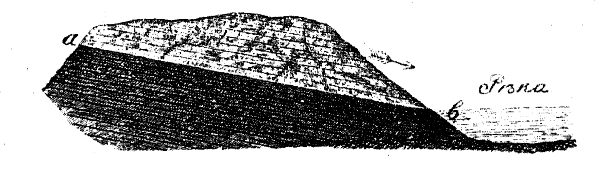

Рис. 32. Чертежъ показываетъ происхожденіе оползня. Онъ изображаетъ берегъ рѣки, богатой ключами. Путь подземной воды—линія *ав*. Такъ какъ порода, по которой бѣгутъ ключи, дѣлается скользкой, то все, что на чертежѣ затушевано болѣе свѣтлыми штрихами, сползаетъ по направленію стрѣлки и обрушивается въ рѣку.

Не менѣе ужасныя катастрофы случались и у города Васильсурска, расположеннаго при впаденіи р. Суры въ Волгу. Въ 1848 году на страницы «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» занесено слѣдующее происшествіе: «17 мая утромъ, въ пятомъ часу, на вершинѣ гористаго берега Суры стоялъ рядовой Поповъ. Вдругъ онъ услышалъ съ барокъ, стоявшихъ на рѣкѣ, отчаянные крики рабочихъ, которые извѣщали его, что подъ домомъ Сивцовой земля движется и сползаетъ въ Суру. Вслѣдъ затѣмъ во всемъ зданіи послышался вдругъ ужасный трескъ. Поповъ бросился въ домъ и поспѣшно разбудилъ спавшихъ въ немъ людей. Едва только успѣли они выбѣжать изъ дома, какъ вдругъ верхняя часть высокаго берега оборвалась и низверглась въ Суру. Домъ Сивцовой одною половиной стоялъ еще на краю горы, тогда какъ другая уже висѣла надъ образовавшимся рвомъ. Жители поспѣшно выносили свое имущество. Черезъ часъ послѣ перваго обвала домъ вдругъ переломился надвое, и часть его упала внизъ. На другой день, т. е. 18 мая, произошелъ новый обвалъ, отъ ко-

тораго упала и другая часть дома, и кромѣ того бревенчатая изба, расположенная неподалеку отъ него. На краю уцѣлѣвшаго берега появились трещины длиною болѣе 100 саженъ». Обвалы повторялись здѣсь и впослѣдствіи. Магазины, лавки, дома обывателей, расположенные на берегу рѣки, не разъ сносило водами Суры, и прежняя базарная площадь города уже лѣтъ пятьдесятъ совершенно не существуетъ.

Одно изъ самыхъ грозныхъ бѣдствій на Волгѣ разразилось въ глубокую ночь съ 16 на 17 іюня 1839 года надъ селеніемъ Ѳедоровкой, которое лежитъ по дорогѣ отъ Симбирска къ Саратову, на правомъ берегу Волги. Раздался страшный гулъ, затрещали и заколебались дома, и село, точно живое, поползло къ Волгѣ. Перепуганные жители выбѣжали на улицы и, видя всеобщее разрушеніе, были охвачены ужасомъ. Между тѣмъ земля стала волноваться, появились трещины и провалы Крики людей заглушались грохотомъ обваливавшихся строеній. Три дня продолжалось грозное движеніе; изъ людей никто не погибъ, но было разрушено около семидесяти домовъ: одни совершенно развалились, другіе разорвались на нѣсколько частей; въ садахъ, которыми такъ богата эта мѣстность, все было ниспровергнуто и уничтожено, а все село передвинулось на нѣсколько десятковъ саженъ [1]).

Всѣ такіе страшные обвалы или оползни, какъ ихъ называютъ, происходятъ не только отъ подмыванія береговъ водами Волги. Неутомимыми помощниками разрушительной работы рѣки являются подземные ручейки и рѣчки, которые тутъ и тамъ изливаются въ Волгу. Они смачиваютъ пласты каменныхъ породъ, скрытыхъ въ глубинѣ земли, размягчаютъ пески и глины, и если эти пласты хоть немного наклонены къ рѣкѣ, то все, что лежитъ надъ ними, сползаетъ внизъ и низвергается въ Волгу (см. рис. 32). Такъ гибнутъ деревни, селенія и страдаютъ большіе города.

Но не только такія грозныя катастрофы—дѣло могучей, неутомимой Волги. Каждая капля воды ея творитъ дѣло разрушенія. Рѣка все глубже и глубже врѣзывается въ толщу земной коры, незамѣтно, частицу за частицей, уноситъ твердыя породы, изъ которыхъ слагается берегъ и дно ея.

III.

Если вамъ случалось когда-нибудь ѣхать по Волгѣ, вы на каждомъ шагу могли наблюдать слѣды недавнихъ и грозныхъ разрушеній. Вотъ тянется длинною полосою невысокій песчанистый берегъ, поросшій тальникомъ и молодымъ березнякомъ. Край его

[1]) Подробности см. въ статьѣ «Грозныя невидимки» въ книгѣ моей «Между огнемъ и льдомъ».

срѣзанъ, оборванъ. Изъ тонкаго слоя почвы вытягиваются наружу оголенные корни деревьевъ. Вотъ молодое деревцо едва-едва держится, лишь одною стороною укрѣпившись въ пескѣ и выставляя въ воздухъ раскидистый пучекъ корней; другое рядомъ съ нимъ уже свалилось и купаетъ вѣтви въ водахъ рѣки. Все говоритъ вамъ, что еще недавно, во время послѣдняго половодья, рѣка «рвала» и ломала этотъ берегъ, безжалостно обнажая корни пріютившихся на немъ растеній. А присмотритесь къ высокому каменистому берегу, который начинается съ правой стороны за Нижнимъ и съ небольшими перерывами провожаетъ васъ до Царицына. Что за чудныя картины! То тянется длинная пестро окрашенная стѣна, то выдвигаются ряды холмовъ самыхъ причудливыхъ очертаній съ зелеными пятнами лѣса на своихъ склонахъ. Вотъ промелькнулъ скалистый выступъ, точно старая разрушенная башня; а вотъ выдвигается цѣлая группа утесовъ, покрытыхъ трещинами, обросшихъ кустарникомъ и мохомъ,—точно развалины какого-то погорѣвшаго города. И у подножія всей этой длинной стѣны вы видите безчисленныя груды обломковъ. Огромныя плиты въ хаотическомъ безпорядкѣ громоздятся другъ на друга, а кругомъ цѣлое море щебня. Вотъ выдвигается длиннымъ навѣсомъ огромная плита, грозя каждое мгновеніе обваломъ. Рѣка выдолбила подъ нею глубокую впадину—нишу, раскрошила ея прежнее основаніе въ мелкіе обломки, разбила въ песокъ и унесла съ собою. Еще немного времени, и плита обрушится, разобьется въ цѣлую груду крупныхъ и мелкихъ обломковъ. Волга неутомимо разрушаетъ свои берега, и, какъ бы крѣпки ни были каменныя массы ихъ, рано или поздно должны и онѣ пасть подъ ударами волнъ: ничто не устоитъ подъ могучимъ напоромъ рѣки.

Но не одно только разрушеніе—дѣло великой Волги. Въ природѣ нѣтъ безслѣднаго уничтоженія: одно исчезаетъ, разрушается, гибнетъ, чтобы дать мѣсто другому; рука объ руку со смертью идетъ жизнь; въ вѣчномъ круговоротѣ превращеній измѣняются только формы, и каждое разрушеніе предполагаетъ новое творчество.

Посмотрите на эти низенькіе островки, безъ счета выдвигающіеся среди зеркальныхъ водъ Волги, иногда почти голые, покрытые сыпучими песками, иногда густо заросшіе тальникомъ или даже молодымъ лѣсомъ. Всѣ эти островки—созданія могучей рѣки, всѣ они появились на глазахъ людей, и часто еще старики помнятъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь красуются молодыя рощи, недавно играли на просторѣ волжскія волны...

Вы стоите на носу парохода и задумчиво всматриваетесь въ даль, гдѣ на горизонтѣ синѣютъ далекія горы и гдѣ серебристая лента рѣки пропадаетъ въ дымкѣ сизоватаго тумана. Вотъ выдвигаются надъ поверхностью воды смутныя очертанія какого-то за-

гадочнаго темнаго предмета. Вы приближаетесь и уже почти ясно различаете высокую черную трубу и длинную массу судна. Это затонувшій пароходъ. Безпечный владѣлецъ бросилъ его на произволъ судьбы, предоставляя времени и волнамъ довершить начатое разрушеніе. Но что же это? Около темнаго остова выдвигается бѣлая кайма, на ней пестрѣютъ уже зеленыя пятна водяной растительности... Да вѣдь это—новоявленный островокъ. Съ магическою быстротою выросъ онъ около затонувшаго парохода, затянулъ его поломанный остовъ слоемъ свѣже-отложившагося песка. Могучая рѣка несетъ въ своихъ водахъ огромныя массы перетертаго, перемытаго матеріала, который она вырвала у своихъ береговъ. Это—дань далекому морю. Но достаточно самаго ничтожнаго препятствія, чтобы сила движущейся воды разбилась, и чтобы весь несомый ею песокъ упалъ на дно. Вотъ встрѣтился остовъ затонувшей барки или вѣтвистый стволъ сломаннаго дерева, и задержанная рѣка отлагаетъ около нихъ свои наносы. Съ каждымъ днемъ, мѣсяцемъ и годомъ все растетъ песчаная кайма: скоро затонувшій предметъ скрывается подъ нею, и передъ нами — новый островокъ съ тупымъ верхнимъ концомъ—«*приверхомъ*» и острымъ нижнимъ—«*ухвостьемъ*». И, какъ бы сердясь на встрѣченную помѣху, негодуя за потерянную дань, рѣка неистово рветъ приверхъ и, обезсиленная препятствіемъ, теряетъ наносы у ухвостья. Медленно, незамѣтно островокъ ползетъ по теченію рѣки, разрушаясь у своего верхняго конца и вновь нарастая у нижняго. Дань не забыта: рано или поздно островокъ приблизится къ устью, и море получитъ свою добычу... Безчисленны эти зеленые волжскіе островки, сплошь заливаемые въ половодье; но существованіе ихъ непрочно, мимолетно: нерѣдко рѣка до основанія смываетъ ихъ. «Мы знали на Волгѣ одинъ островъ,—разсказываетъ Рагозинъ:—онъ былъ очень и очень полезенъ для жителей прилегающей мѣстности; онъ былъ достаточно великъ и заселенъ; въ бурную погоду суда укрывались за нимъ отъ волненія, какъ въ совершенно безопасномъ мѣстѣ. Но наступило время, когда Волга стала понемногу обрывать его; всѣ видѣли это, но видя, какъ будто не замѣчали и, наконецъ, замѣтили только тогда, когда вдругъ въ одно утро оказалось, что ни острова, ни строеній на немъ болѣе не существуетъ».

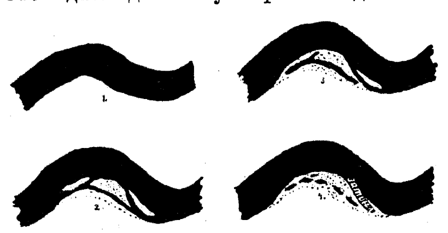

Рис. 33. Постепенное образованіе поймы: на рис. 1 виденъ главный потокъ; на рис. 2 появились воложки и между ними острова; на рис. 3 одна изъ воложекъ превратилась въ длинное озеро и замираетъ; на рис. 4 она раздѣлилась на рядъ мелкихъ озеръ, другая же воложка превратилась въ затонъ.

Только когда густая растительность обогнетъ островъ и скрѣпитъ его песчаную почву своими корнями, неприкосновенность его болѣе или менѣе обезпечена. Человѣкъ пріобрѣлъ новый клочокъ земли; онъ можетъ здѣсь построить жилище, собирать сѣно и сѣять хлѣбъ.

Но не только островки строитъ неугомонная Волга, она отлагаетъ наносы и у своихъ береговъ. Проѣзжая на пароходѣ, вы на каждомъ шагу видите выступающіе съ той и съ другой стороны длинные мысы и косы изъ чистаго бѣлаго песка. Они съ такою

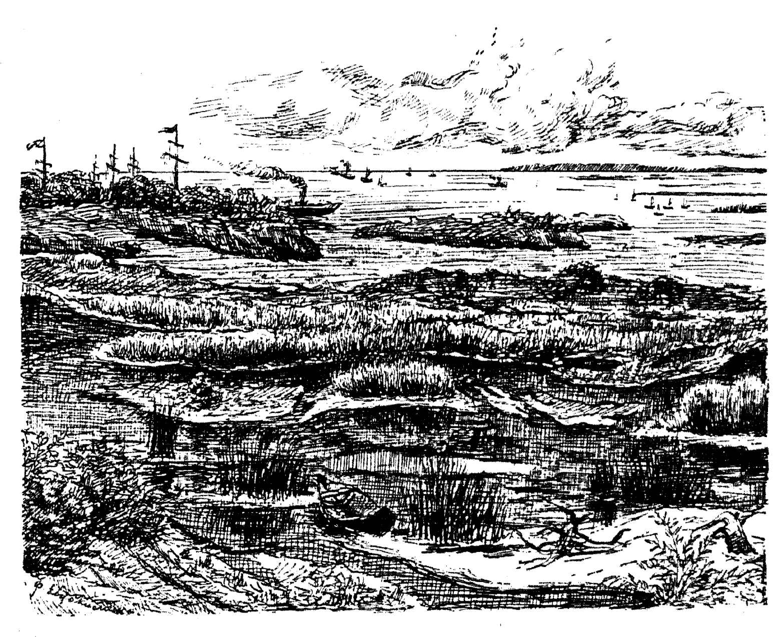

Рис. 34. Видъ на пойму съ высоты птичьяго полета: видны острова и воложки, на заднемъ планѣ главный потокъ рѣки. Рис. худ. Ф. Г. Евдокименко.

правильностью появляются при каждомъ изгибѣ рѣки, что, еще издали завидя бѣлѣющую кайму наносовъ, вы безошибочно можете предсказать неизбѣжный поворотъ. Рѣка съ силою рветъ и роетъ свои вогнутые берега и, обезсилѣвъ, отлагаетъ наносы у выпуклыхъ. Съ каждымъ годомъ ея извилины дѣлаются все болѣе и болѣе крутыми, и тамъ, гдѣ растутъ наносы, водный потокъ нерѣдко разбивается на цѣлую сѣть рукавовъ или «воложекъ»; многочисленные

островки, мысы и мели перегораживаютъ здѣсь рѣку и ослабляютъ ея теченіе. Мало-по-малу всѣ рукава заволакиваются пескомъ, зарастаютъ болотными травами, разбиваются на отдѣльные озерки и озера, или превращаются въ слѣпые «затоны», а островки сливаются вмѣстѣ, образуя широкую болотистую «пойму«, или «лугъ». За нею стѣной подымается старый берегъ рѣки, и только во время половодья вода, заливъ низину, подступаетъ къ нему. Молодая пойма усѣяна болотами и озерами (рис. 33—36), но съ теченіемъ времени она можетъ совершенно обсохнуть, а тогда крестьянинъ разрыхлитъ тучную землю плугомъ и посѣетъ на ней хлѣбъ: болотистая луговина превратится мало-по-малу въ плодородную пашню.

Вездѣ, на каждомъ шагу вы можете наблюдать на Волгѣ это нарастаніе новой суши. Остановимся тамъ, гдѣ Ока сливается съ Волгой, и, поднявшись вверхъ по теченію ея, проѣдемъ къ де-

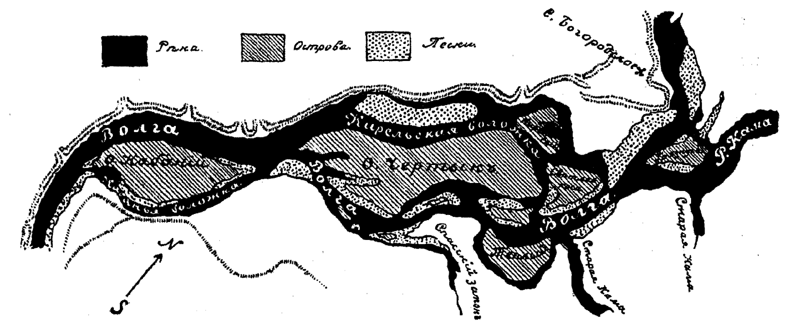

Рис. 35. Волга близъ впаденія въ нее рѣки Камы: видны острова, песчаныя мели, воложки и затоны.

ревнѣ Подвязью. Здѣсь передъ нами пойма въ различныхъ возрастахъ ея жизни. Взберемся на высокій древній берегъ и окинемъ взоромъ всю разстилающуюся передъ нами низину. Справа тянется сплошное болото, безчисленныя озера усѣиваютъ его серебряными лентами; многія изъ нихъ уже покрыты водяною растительностью; все это—остатки прежнихъ рукавовъ рѣки. Между полосами озеръ выступаютъ песчаныя гряды, сплошь поросшія травой; ближе къ рѣкѣ появляется рѣдкій ивнякъ, а вдоль самаго берега тянется полоса желтовато-бѣлаго песка. Весною вся эта унылая низина сплошь заливается водою. Средняя, болѣе старая часть поймы невольно чаруетъ васъ своею прелестью. Вся она густо покрыта молодымъ хвойнымъ лѣсомъ. На этомъ сплошномъ темно-зеленомъ фонѣ пятнами выступаютъ лужайки, покрытыя сочною муравой; тутъ и тамъ желтѣютъ голые пески; кое-гдѣ искрятся на солнцѣ покойныя воды озеръ; ближе къ рѣкѣ этотъ узоръ окаймляется широкою полосой бѣлыхъ песковъ; а за ними синеватая кайма

Оки сливается съ голубою далью. У самаго подножія древняго берега ютятся старые дубы; недалеко отсюда дубовая роща заживо погребается подъ сугробами летучаго песка. И этотъ участокъ сплошь заливается весенними водами. Лѣтомъ крестьяне съ успѣхомъ косятъ на лужайкахъ сѣно. Еще старше лѣвая часть поймы. Она уже довольно высока и совершенно суха. Пахотныя поля раскинулись на ней. Среди желтѣющихъ нивъ выглядываютъ три небольшихъ деревеньки. Здѣсь почти не осталось никакихъ воспоминаній о прежнихъ рукавахъ рѣки: всѣ озера давно изсохли и заросли; только у самаго берега тянется глубокая сухая ложбина: должно быть, это послѣдній остатокъ стараго русла. Весною она заполняется водою, но деревеньки уже не страдаютъ отъ наводненій... Вся эта низина, протянувшаяся отъ берега Подвязья до Сосновки, достигаетъ огромныхъ размѣровъ; здѣсь мы видимъ, какъ

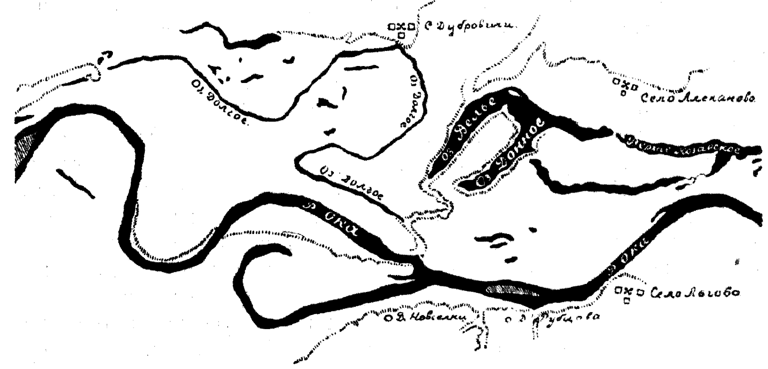

Рис. 36. Обширная пойма рѣки Оки ниже города Рязани видны длинныя озера — остатки прежнихъ воложекъ, мелкія и длинныя озера — „старицы“ и затоны.

велика созидающая дѣятельность рѣки и какія большія пространства плодородной земли даритъ она человѣку взамѣнъ размытаго, уничтоженнаго берега.

IV.

Размывая свои вогнутые берега и отлагая наносы у выпуклыхъ, рѣка постоянно мѣняетъ свое русло,—отступаетъ отъ одного берега и рветъ, разрушаетъ другой. Не мало извѣстно примѣровъ, какъ города, нѣкогда стоявшіе на самомъ берегу рѣки, отодвинулись отъ нея на цѣлыя версты. Такъ, еще во времена Ивана Грознаго Казань лежала у самой Волги; теперь же отъ берега до города цѣлыхъ три версты. Любопытно, что въ городѣ до сихъ поръ сохранились явные слѣды стариннаго берега, который высо-

кою стѣной подымается надъ намытою низиной. Еще интереснѣе судьба знаменитой «волжской столицы»—Саратова. Еще 15—25 лѣтъ назадъ большіе пароходы свободно подъѣзжали къ его пристани. Теперь это возможно только раннею весною и въ первую половину лѣта, когда вода на Волгѣ стоитъ еще высоко. Уже въ началѣ лѣта, а иногда и раньше, начинаютъ выдвигаться опасныя мели, и городъ становится неприступнымъ. Пароходныя конторки переносятся въ это время на окраину города, гдѣ начинается длинная коса, или мысъ, отдѣляющій отъ главнаго рукава Волги Саратовскій затонъ.

Впрочемъ, и раннею весною доступъ къ городу нельзя назвать свободнымъ: приходится много времени тратить на обходъ косы и прилегающихъ къ ней мелей. Нѣсколько лѣтъ назадъ уже приняты мѣры, чтобы направить главный рукавъ Волги мимо города, но всѣ попытки пока еще не привели къ цѣли... А не такъ далеко время, когда Саратовскаго затона не было и въ поминѣ, и городъ красовался на берегу могучей рѣки...

Огромное множество мелей и островковъ встрѣчаемъ мы у Нижняго-Новгорода, гдѣ въ Волгу вливается Ока и гдѣ она отлагаетъ весь песокъ, вымытый ею у своихъ береговъ. Нѣкоторые изъ островов, раскинувшихся здѣсь, существуютъ съ незапамятныхъ временъ, другіе появляются и исчезаютъ на глазахъ людей. Такъ, напр., въ 1868 году совершенно неожиданно для жителей, тотчасъ по спадѣ весеннихъ водъ, явился на Волгѣ новый песчаный островокъ, приблизительно противъ нижняго конца города. Взрослые купальщики, изъ которыхъ никто прежде не доставалъ здѣсь дна, переходили на островокъ почти вбродъ; въ слѣдующемъ году островокъ сдѣлался вдвое больше, и даже 12 — 14-ти-лѣтнія дѣти, купаясь, забавлялись переходомъ на островъ. Прошло еще два года, и островокъ такъ разросся, что между нимъ и городомъ остался только узкій каналъ, гдѣ и дѣтямъ невозможно было купаться.

Лѣтъ десять спустя между городомъ и Печёрами, гдѣ прежде свободно ходили пароходы, протянулись сыпучіе пески. Одни изъ островов у Нижняго увеличиваются, растутъ, другіе разрушаются и даже совсѣмъ исчезаютъ; но творческая работа Волги здѣсь превосходитъ во много разъ разрушающую, и по обѣимъ сторонамъ рѣки тянутся широкія низменныя поймы — Сообщинскіе и Артемьевскіе луга. Здѣсь же въ руслѣ рѣки лежатъ самыя большія и опасныя мели, и въ числѣ ихъ знаменитый «Телячій бродъ», который еще недавно причинялъ не мало хлопотъ и судовладѣльцамъ, и рѣчной полиціи.

Широка волжская пойма и у Козьмодемьянска, и хотя мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній о ея ростѣ, но нельзя сомнѣваться, что селенія, отстоящія теперь отъ рѣки на версту и больше, еще недавно лежали у самаго берега. Рѣка здѣсь съ поразительной бы-

стротою отклоняется то въ ту, то въ другую сторону, строитъ новые островки и мели. Каждый годъ русло ея сильно измѣняется, и капитанъ не можетъ здѣсь довѣриться даже прошлогодней картѣ. Провести здѣсь судно стоитъ огромнаго труда и хлопотъ. «Приходилось,—разсказываетъ одинъ старый капитанъ,—изъ-за какихъ-нибудь ста саженъ останавливать пароходъ... легкій—не бѣда бы, а то буксирный, который тянетъ за собою двѣ-три баржи съ грузомъ въ сто, полтораста пудовъ. И днемъ-то провести его трудно, а ночью чистое наказаніе! Волей-неволей приходилось иногда остановить ходъ: велишь спустить лодку и ѣдешь промѣрять, гдѣ ходовая струя. Наконецъ, найдешь кое-какъ и поставишь фонарь; потомъ уже отправляешься опять на пароходъ и пойдешь потихоньку на огонекъ». Впрочемъ, такъ было лѣтъ 20 назадъ, а теперь инженеры тщательно слѣдятъ за опасными мѣстами, и полиція на фарватерѣ ставитъ особые знаки, а ночью—фонари. Но зато судну нерѣдко приходится снимать половину своего груза; а такъ какъ часто разгрузить бываетъ некуда, то и стоитъ пароходъ съ баржами на мѣстѣ нѣсколько дней, а то и цѣлую недѣлю.

Но всего любопытнѣе судьба Васильсурска. Какъ показываетъ само названіе, этотъ городъ лежалъ первоначально на рѣкѣ Сурѣ. Теперь онъ стоитъ на Волгѣ. Такое перемѣщеніе города произошло не вдругъ, а постепенно. Въ теченіе долгихъ лѣтъ Волга изъ году въ годъ подмывала правый берегъ, все глубже врѣзывалась въ него и наконецъ завладѣла нижнимъ теченіемъ Суры. Городъ, конечно, остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ, перемѣнилась же Волга, протекающая теперь въ томъ руслѣ, гдѣ протекала прежде Сура. Этотъ примѣръ всего нагляднѣе показываетъ намъ, какія огромныя измѣненія претерпѣваетъ наша рѣка, и какъ громадна ея созидательная и разрушительная работа. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ все медленнѣе теченіе великой рѣки. На 3 — 4, а весною на цѣлыхъ 20 верстъ разливается здѣсь могучая Волга. Тихо, плавно катитъ она свои воды и отлагаетъ на днѣ весь песокъ и илъ, вымытый въ верхнихъ частяхъ теченія. Изъ этихъ наносовъ вырастаютъ безчисленные островки, и рѣка дробится на цѣлыя сотни рукавовъ. Ниже Царицына Волга со всѣми своими рукавами достигаетъ 10—30 верстъ въ ширину. Нѣтъ возможности пересчитать низменные острова, раскинувшіеся на этомъ огромномъ пространствѣ. Во время половодья они сплошь заливаются водой. Каждый годъ Волга измѣняетъ ихъ очертанія и размѣры, раститъ новые острова, разрушаетъ старые. Почти всѣ они необитаемы; одни покрыты прекрасными луговыми травами, другіе одѣты ивнякомъ и тальникомъ, третьи представляютъ густыя заросли камыша — пріютъ многочисленныхъ болотныхъ птицъ. Огромнымъ треугольникомъ раскинулись эти острова на необозримомъ пространствѣ, глубоко врѣзались въ Каспійское море. Это—*дельта* рѣки, созданная многовѣковой не-

утомимой работой проточной воды. Далеко за предѣлы ея заносятся волжскіе пески и образуютъ многочисленныя мели. Накопляясь изъ года въ годъ, они засоряютъ море, дѣлаютъ его все болѣе и болѣе мелкимъ и рано или поздно совершенно заполнятъ Каспійскую котловину. Но до тѣхъ поръ пролетитъ еще не одна тысяча лѣтъ. Когда же исчезнетъ наконецъ Каспійское озеро-море, Волга станетъ засыпать наносами собственное русло и, мало-по-малу укорачиваясь, совершенно исчезнетъ съ лица земли. Нѣтъ ничего вѣчнаго подъ луной. Рѣки. какъ и все на землѣ, имѣютъ начало и конецъ; какъ и все на землѣ, онѣ живутъ могучею полною жизнью, совершаютъ великую разрушительную и созидательную работу, заполняютъ наносами цѣлыя моря и озера и сами пересыхаютъ. Въ великой пустынѣ Туркестана мы находимъ сухія русла нѣкогда существовавшихъ тамъ и исчезнувшихъ рѣкъ, быть-можетъ, въ свое время не менѣе великихъ, чѣмъ наша Волга. Вся Ломбардская низменность въ сѣверной Италіи покрыта наносами рѣкъ По и Эча. Нѣкогда въ этомъ мѣстѣ существовалъ морской заливъ, который былъ постепенно засыпанъ. И теперь великія итальянскія рѣки продолжаютъ свое дѣло—заполняютъ наносами Адріатическую впадину, и сѣверной части ея уже грозитъ скорое уничтоженіе. Альпійскія озера быстро засыпаются наносами рѣкъ. Многія изъ римскихъ селеній, нѣкогда стоявшихъ на берегу Женевскаго озера, отодвинулись отъ него на цѣлыя версты. Тамъ, гдѣ лежатъ теперь Бріенцкое и Тунское озера, прорѣзанныя рѣкою Ааромъ, разстилался нѣкогда одинъ обширный водоемъ, и перешеекъ, разбившій его на двѣ части, выросъ изъ рѣчныхъ наносовъ. Рѣки совершаютъ великую работу: онѣ разрушаютъ высокіе берега и засыпаютъ ихъ обломками озерныя и морскія впадины.

Въ половодье.

I.

Въ воздухѣ повѣяло весною. Весело сіяетъ на небѣ солнышко, подъ его лучами таетъ бѣлая пелена снѣга. Тутъ и тамъ проглянула черная земля. По пригоркамъ шумно бѣгутъ ручейки мутной воды. Уже верба одѣлась пушистыми «барашками», кое-гдѣ появилась молоденькая травка. Изъ дальнихъ странъ возвращаются лѣтнія пѣвуньи и веселымъ хоромъ привѣтствуютъ весну. Ледъ на рѣкѣ потемнѣлъ. Все сильнѣе работаетъ солнце. Вода несется бурными потоками и переполняетъ рѣки. Вотъ разорвались ледяные оковы, вода выступила изъ береговъ, затопила луга и грозитъ людскимъ селеніямъ. Грозно напираютъ огромныя льдины и неудержимо влекутъ за собою все, что встрѣтится на пути. И чѣмъ дружнѣе весна, чѣмъ больше выпало за зиму снѣгу, тѣмъ бурнѣе бываетъ половодье. Много бѣдъ причиняетъ весенній ледоходъ, и особенно плохо приходится жителямъ низменныхъ мѣстъ, когда наводненіе застигаетъ ихъ врасплохъ. Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ весенняго вскрытія Волги. «Въ одинъ изъ ледоходовъ Волга особенно сильно выступила изъ береговъ и захватила низовой берегъ рѣки, гдѣ былъ домикъ лѣсника. Погода разыгралась и вздула рѣку, по которой ходили бѣлоголовые валы и мчались льдины. Буря ревѣла, волны бушевали, и ледъ съ глухимъ шумомъ двигался на одинокій домикъ, который уже былъ окруженъ водою. Вода подымалась все выше и выше, затопляла домъ и грозила ему разрушеніемъ. Старикъ-отецъ съ дѣтьми и женою въ ужасѣ взобрались на крышу дома, со страхомъ ожидая смерти. Тщетно подымали они руки къ небу: вопль о помощи заглушался свистомъ вѣтра. Опасность ежеминутно росла. Вотъ уже льдины сшибли ближайшія строенія, рухнули ворота, стѣны дома подмывались бушующею рѣкой, а налетающія льдины потрясали его до основанія. Ужасъ смерти объялъ всю семью. Ударъ за ударомъ льдины бьютъ и ломаютъ всѣ преграды; еще нѣсколько

мгновеній, и домъ погребетъ подъ своими развалинами несчастную семью.

«Далеко на высокомъ берегу собралась сосѣдняя деревня, и люди, старый и малый, оцѣпенѣли отъ ужаса при видѣ явной гибели, угрожавшей семьѣ лѣсника. Изъ толпы раздавались вздохи, молитвы, сожалѣнія... Кто же рѣшится итти на вѣрную смерть — броситься въ бурную грозную рѣку на помощь погибающимъ?.. А время не ждетъ... Еще напоръ льда, и все будетъ кончено... На погибающихъ лица нѣтъ; вѣтеръ разметалъ волосы старика; жена въ отчаяніи горячо прижала къ груди дѣтей, готовая вмѣстѣ съ ними погибнуть. Гдѣ же помощь? Страшная смерть лицомъ къ лицу. Смертный холодъ охватилъ погибающихъ.

«На высокомъ берегу показался статный парень. Онъ бѣгомъ спускался къ рѣкѣ и торопливо отвязывалъ лодку. Народъ замеръ. Всѣ знали, что этотъ человѣкъ идетъ на вѣрную смерть. Казалось, и самъ онъ понялъ, что ему одному не справиться съ бурей... Тоскливо поднялъ онъ взоръ на берегъ. Въ это время порывъ вѣтра донесъ къ толпѣ отчаянный крикъ погибающихъ... У всѣхъ похолодѣли сердца... Вдругъ изъ толпы кинулся къ лодкѣ другой парень, и не успѣлъ народъ ахнуть, какъ оба смѣльчака уже очутились въ разъяренной, бушующей рѣкѣ: одинъ гребъ на веслахъ, другой багромъ отводилъ льдины. Вотъ налетѣлъ страшный валъ на лодку; народъ ахнулъ, робкіе закрыли глаза, въ толпѣ раздался чей-то отчаянный крикъ, какая-то женщина безъ чувствъ свалилась на землю. Но храбрецы спаслись и быстро двигались впередъ. Поспѣютъ-ли?

«Ударъ за ударомъ льдины напираютъ, и подмытый уголъ дома уже погрузился въ воду; каждая секунда несетъ смерть...

«Буря бьетъ лодку, заливаетъ водой, крутитъ водоворотомъ... Близка цѣль, но какъ достигнуть ея? Послѣ нѣсколькихъ минутъ отчаянныхъ усилій, казавшихся вѣчностью, лодка зачалена веревкою за трубу, и погибающіе спасены! Не успѣла еще лодка удалиться какъ налетѣвшая льдина разнесла избу на обломки. Еще нѣсколько усилій, и погибавшіе у пристани. Широкимъ крестомъ осѣнилъ себя народъ, когда спасители и спасенные вышли на землю. Всѣ бросились къ несчастной семьѣ и наперерывъ предлагали свою помощь бѣднякамъ» (С. Кирилловъ).

Каждый годъ пробуждается Волга отъ своего зимняго сна, каждую весну несетъ она гибель и разореніе жителямъ. Съ неодолимою силой ломаетъ она ледяныя оковы и гонитъ ихъ внизъ, сокрушая все, что встрѣтится на пути: льдины напираютъ на берегъ, рвутъ и роютъ его, лѣзутъ одна на другую, нагромождаются въ цѣлыя горы... Красивы эти огромныя массы льдовъ, залитыя яркими лучами весенняго солнца. Рѣзко выступаютъ онѣ своею ослѣпительною бѣлизною на голубоватомъ фонѣ волжской воды и своими при-

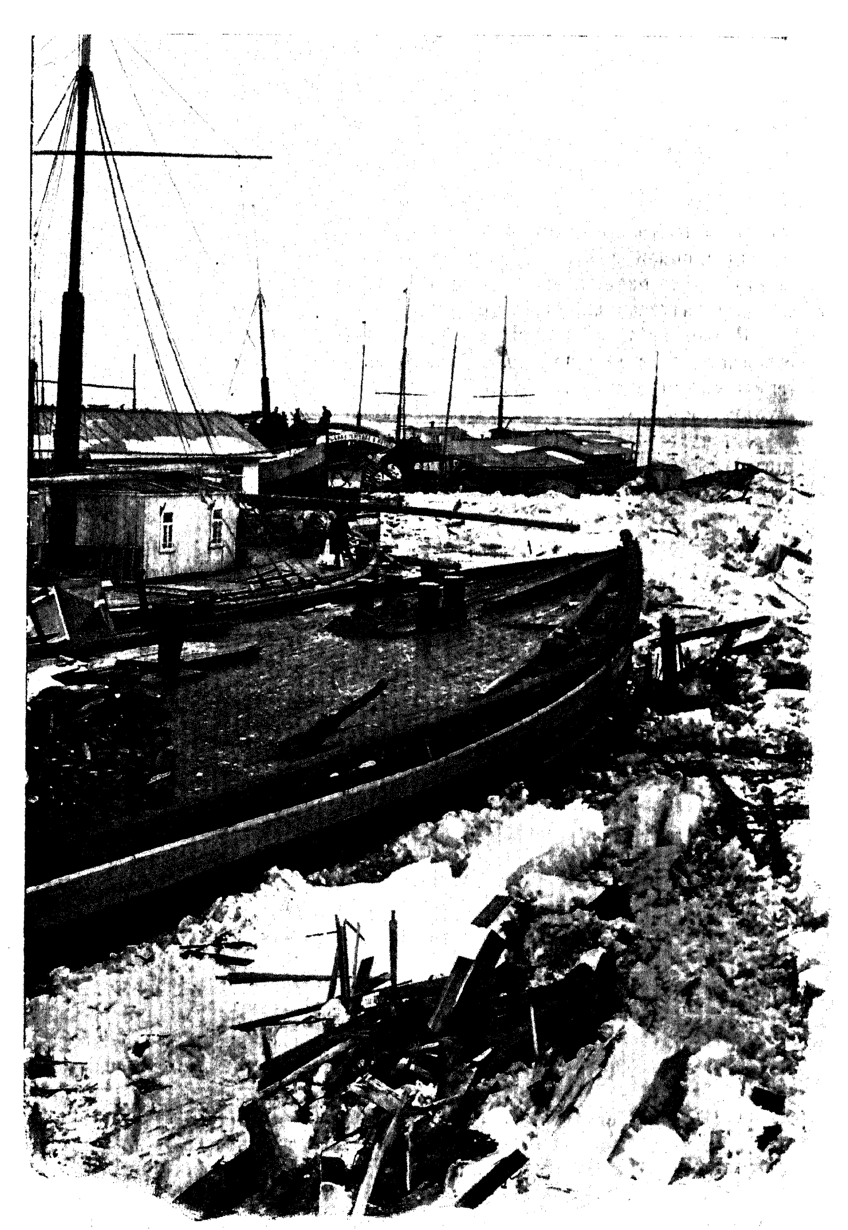

Рис. 37. Ледоходъ на рѣкѣ Волгѣ. (Съ фотографіи М. П. Дмитріева).

чудливыми формами напоминаютъ развалины сказочныхъ хрустальныхъ дворцовъ. Рѣдко обходится безъ крупныхъ несчастій. Ледъ проникаетъ даже въ затоны и ломаетъ укрывшіяся тамъ суда. Въ 1901 году подъ Нижнимъ затерто льдомъ три пассажирскихъ парохода и срѣзано двѣ баржи съ нефтью; одна утонула окончательно съ грузомъ въ 40.000 пудовъ, другую удалось выкачать... Съ тою же грозною силой ломаетъ Волга встрѣтившіяся деревья, рветъ ихъ съ корнями и почвой и, уничтоживъ всѣ преграды, торжественно и плавно катитъ свои обильныя воды.

Но особенно страшенъ ледоходъ въ низовьяхъ Волги. Здѣсь, видимо, ничто уже не можетъ противостоять грозной силѣ его. Вода разливается все шире и шире, затягиваются острова, пропадаютъ рукава, и передъ вами одно необъятное море, по которому носятся бѣлыя льдины... Въ низовьяхъ Волги человѣкъ по преимуществу промышляетъ рыболовствомъ. И жестоко же обходится съ нимъ «кормилица»! Каспійское море зимою не замерзаетъ, и у самыхъ окраинъ волжскаго льда тѣснится рыба. Какъ только выпадаетъ ясный и теплый денекъ, рыбаки цѣлыми партіями отправляются по льду за добычей. У береговъ густые камыши разрыхляютъ ледъ и даже зимою не даютъ ему какъ слѣдуетъ смерзнуться; весною же здѣсь случаются страшныя катастрофы. Партія вдругъ встрѣчаетъ огромную полынью, которой и конца нѣтъ Оказывается, ледъ треснулъ, и рыбаки оторваны отъ твердой земли. Долго плаваютъ бѣдняги на своемъ ледяномъ суднѣ, и если помощь не поспѣетъ во время, всѣмъ грозитъ неизбѣжная смерть (рис. 38). 23 января 1884 года противъ поселковъ Тишкова и Цвѣтного, Астраханскаго уѣзда и губерніи, сильнымъ порывомъ вѣтра оторвало отъ морского берега огромную льдину. На ней было унесено въ море 147 человѣкъ съ орудіями, снастями и лошадьми. Помощь не подоспѣла. Но, къ счастію, черезъ три дня уцѣлѣвшая еще льдина сама причалила къ берегу моря. Рыбаки успѣли выбраться на сушу и пѣшкомъ возвратились домой, пройдя около 150 верстъ. Рыболовныя же снасти, стоившія не мало денегъ, три лошади и сани утонули... Почти каждый годъ случаются такія несчастія. Для спасенія рыбаковъ, унесенныхъ льдинами, посылаются особые пароходы-ледорѣзы, разъѣзжающіе вдоль берега и отыскивающіе погибающихъ. Когда спасательный пароходъ близко, рыбаки стараются обратить на себя вниманіе криками и сигналами. Но далеко не всегда поспѣваетъ помощь, и рѣдкій ледоходъ обходится безъ человѣческихъ жертвъ...

Такую же грозную картину представляетъ ледоходъ на всѣхъ сѣверныхъ рѣкахъ. Въ Сибири льдины уносятъ съ собой огромныя глыбы камней. Налетая со своею ношей на береговыя скалы, онѣ пропахиваютъ въ твердомъ камнѣ глубокіе желоба. На берегахъ рѣки Енисея часто тянутся длинные валы изъ песка, галекъ и валуновъ.

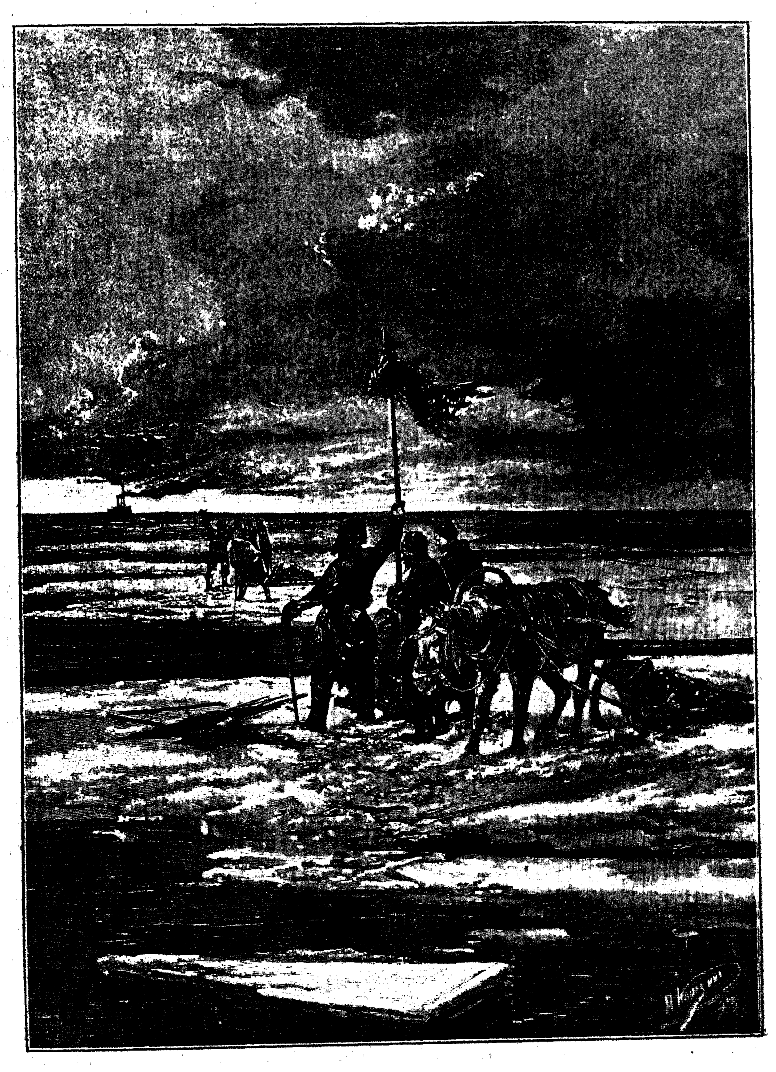

Рис. 38. На оторванной льдинѣ.

Въ народѣ они называются *кекурами* и *коргами*. Они образовались изъ того матеріала, который былъ принесенъ весеннимъ льдомъ.

Особенной силы достигаетъ разрушительная работа льда, когда онъ вдругъ встрѣчаетъ какое-нибудь препятствіе и останавливается въ своемъ движеніи. Ледяныя глыбы лѣзутъ другъ на друга, громоздятся въ цѣлыя горы. Рѣка останавливается и наводняетъ мѣстность. Напоръ льда все увеличивается и наконецъ сокрушаетъ преграду. Тогда весь скопившійся ледъ и вода разомъ устремляются внизъ. Ничто не устоитъ передъ ихъ грознымъ движеніемъ... Такое явленіе, извѣстное подъ названіемъ «затора» или «зажоры», особенно часто наблюдается на р. Волховѣ, который, какъ извѣстно, отличается медленнымъ теченіемъ. Достаточно самыхъ ничтожныхъ препятствій, чтобы ледъ здѣсь остановился. Особенно памятны по своимъ разрушительнымъ послѣдствіямъ зажоры, образовавшіяся на рѣкѣ Сяси въ 1881 году. Весна была дружная и ранняя. Снѣгъ быстро растаялъ, и въ рѣку хлынули со всѣхъ сторонъ потоки талой воды. Подъ ея напоромъ рѣка быстро вскрылась въ своемъ верховьѣ, и ледъ устремился внизъ съ рѣдкою быстротою. Въ 20 верстахъ отъ устья зимній ледяной покровъ оставался еще въ цѣлости, и вотъ этото и послужило причиною затора. Движущійся ледъ забился подъ неподвижный и остановилъ рѣку. Вода поднялась выше 11 аршинъ. Прошелъ день. Напоръ льда все возрасталъ, и наконецъ препятствіе было сломлено. Ледъ и вода устремились внизъ, все сокрушая на своемъ пути. Но этимъ не кончились разрушенія. Въ 10 верстахъ отъ устья возникла новая зажора; опять вода поднялась, снова сорвала преграду, и снова ледъ съ грозною силою понесся внизъ... Ладожское озеро было еще оковано льдомъ, а потому у самаго устья произошелъ третій заторъ. На этотъ разъ вода поднялась выше $8^1/_2$ аршинъ. При каждомъ заторѣ вода наводняла прибрежныя селенія и деревни, уносила дома и хозяйственныя постройки. У самаго устья рѣки стояла чугунная тумба для

Рис. 39. Ледоходъ на рѣкѣ Дунаѣ.

прикрѣпленія судовъ. Ледъ срѣзалъ ее точно ножомъ. Такъ велика была его сила...

Сибирскія кекуры и корги образовались главнымъ образомъ изъ тѣхъ камней, которые уносятся льдомъ во время заторовъ. Среди нихъ нерѣдко можно найти вѣковыя деревья, срѣзанныя и унесенныя ледоходомъ. Если бы петербургскія наводненія случались не осенью, а весной, то существованіе города у устья Невы было бы невозможно. Какъ извѣстно, эти наводненія вызываются западнымъ вѣтромъ, который нагоняетъ воду съ залива и задерживаетъ рѣку. Если бы такія бури случались во время ледохода, то онѣ вызвали бы образованіе такихъ страшныхъ заторовъ, какіе

Рис. 40. Ледъ прошелъ. Съ карт. художника Архипова.

и представить себѣ трудно. Во всякомъ случаѣ ледъ разметалъ бы роскошную набережную и разрушилъ бы множество домовъ. Гавань превратилась бы тогда въ совершенную пустыню [1]).

Съ цѣлью огражденія городовъ отъ разрушительныхъ послѣдствій ледохода принимается цѣлый рядъ предупредительныхъ мѣръ. Главная изъ нихъ—устройство ледорѣзовъ. Такіе ледорѣзы находимъ мы у каждаго постояннаго моста въ Петербургѣ. Набережная въ этомъ городѣ укрѣплена «сваями», которыя также исполняютъ роль ледорѣзовъ. Кромѣ того, каждую весну въ Петербургѣ пробиваются у мостовъ во льду длинныя борозды, благодаря которымъ при вскры-

[1]) О невскихъ наводненіяхъ см. дальше, въ статьѣ „Горе Петербурга“.

тіи вся масса льда направляется въ пролеты. Но, несмотря на всѣ эти мѣры, рѣдкій ледоходъ обходится безъ значительныхъ поврежденій и убытковъ.

Всѣ до сихъ поръ описанныя явленія блѣднѣютъ передъ тѣмъ удивительнымъ зрѣлищемъ, которое развертывается передъ глазами изумленнаго путешественника на американской рѣкѣ Ніагарѣ. На всѣхъ рѣкахъ, гдѣ существуютъ водопады, ледоходъ носитъ грозный характеръ, но здѣсь онъ превосходитъ всѣ ожиданія. Никакая смѣлая фантазія не можетъ представить этой дивной и величественной картины! Каждую весну съ оглушительнымъ трескомъ ломается ледяной покровъ рѣки. Обломки свирѣпо подхватываются теченіемъ и уносятся внизъ. Въ самомъ водопадѣ неописуемый хаосъ: суша, вода, ледъ — все смѣшалось, все потеряло свои границы. Огромныя ледяныя глыбы съ быстротою вихря низвергаются въ пучину водопада, наталкиваются другъ на друга, кружатся въ водоворотахъ, разлетаются въ мелкіе обломки и пропадаютъ въ низвергающихся струяхъ воды. Дальше они взлетаютъ вверхъ, точно брошенные подземнымъ снарядомъ, и опять пропадаютъ въ рѣкѣ. На поворотахъ, у мысовъ и острововъ растутъ огромные заторы; льдины громоздятся другъ на друга, лѣзутъ на берегъ, бьютъ высокія скалы, подобно множеству тарановъ, шлифуютъ ихъ и уносятъ съ собою огромные камни... Трескъ, шумъ не поддается описанію.

II.

Ледоходъ—только начало тѣхъ грозныхъ явленій, которыя каждую весну разыгрываются на нашихъ рѣкахъ. Зайдите на нижегородскую набережную недѣли черезъ двѣ послѣ ледохода — и вы не узнаете Волги, если видывали ее раньше лѣтомъ. Гдѣ ея мели и острова? гдѣ широкая низменная пойма? Все исчезло точно силою волшебства... На пять, десять, пятнадцать верстъ разлилась Волга въ обѣ стороны, затопила всю ярмарку. Одинокими островами выдвигаются среди необъятнаго моря воды полузатопленныя ярмарочныя постройки. Во время особенно сильныхъ половодій вода подымается на цѣлыя сажени и сплошь заливаетъ нижніе этажи домовъ. Одно изъ наиболѣе грозныхъ наводненій случилось въ 1899 году.

Но вода грозитъ не только нижегородской ярмаркѣ. Многіе изъ волжскихъ городовъ и селеній совершенно затопляются каждую весну. Загляните, напримѣръ, въ Макарьевъ... Въ апрѣлѣ весь городъ стоитъ въ водѣ, улицы превратились въ рѣки, дворы—въ озера, а дома и надворныя строенія—въ острова. Чиновникъ ѣдетъ на должность въ лодкѣ; одинъ житель ѣдетъ къ другому за дѣломъ или въ гости въ лодкѣ; лошади и прочій домашній скотъ помѣщается на плотахъ. Это случается каждый годъ, хотя бы вода была и не слишкомъ высока. Но если она была слишкомъ высока,

и притомъ во время разлива случится сильный вѣтеръ, положеніе бѣдныхъ жителей Макарьева дѣлается ужаснымъ. Въ высокую воду 1845 года для спасенія жителей были введены въ городъ двѣ коноводныя машины, а въ 1847 году на улицѣ подлѣ своего дома потонулъ діаконъ мѣстнаго Казанскаго собора (рис. 41). Загляните въ любую деревню, городокъ, и вездѣ вы встрѣтите ту же картину... А посмотрите весною на Жигули. Горы еще не успѣли одѣться зеленью. Угрюмо смотрятъ каменныя громады, угрюмо ползутъ по ихъ лысымъ главамъ сѣрыя тучи... А Волга вздымается выше и выше, затопляетъ островки, мысы, мели, лижетъ холодными волнами голыя скалы... И если въ городахъ и селеніяхъ Волга пред-

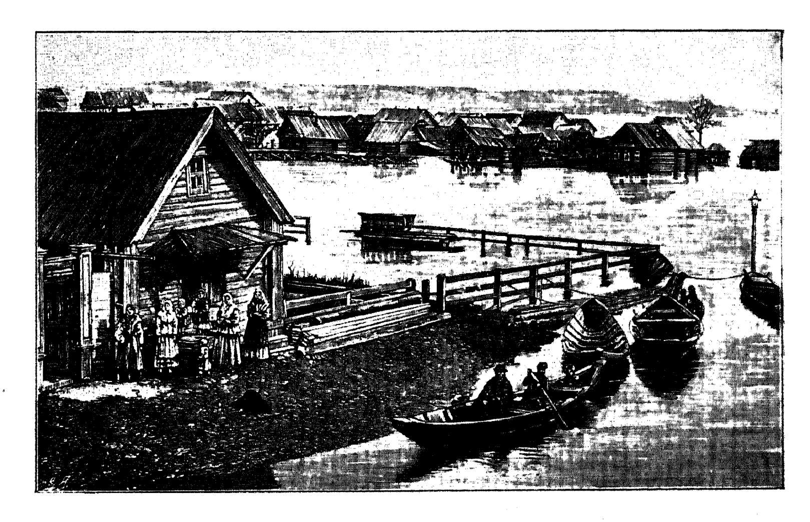

Рис. 41. Разливъ Волги въ Макарьевѣ.

ставляется вамъ грознымъ геніемъ, который несетъ гибель и разореніе людямъ, то здѣсь, въ этомъ дикомъ и глухомъ уголкѣ, у подножія гигантскихъ Жигулей, вы можете только любоваться ея величіемъ (рис. 42).

Не только Волга и другія большія рѣки наводняются каждый годъ; даже маленькія рѣчки творятъ грозныя бѣдствія. Весною 1902 года въ г. Курскѣ было настоящее наводненіе. Потоки воды, скатывавшіеся съ возвышенныхъ частей города, переполнили рѣки Тускорь, Курь, Крывецъ и Ровецъ. Онѣ вышли изъ береговъ и залили набережныя, улицы и площади. Нѣкоторыя улицы обратились въ многоводныя рѣки. Вода ворвалась въ подвальные этажи, погреба, переполнила колодцы и причинила жителямъ немалые

убытки. Многіе перетаскивали свое имущество на чердаки, боясь, какъ бы вода не поднялась еще выше. Мосты на рѣчкахъ были сильно повреждены. Сообщеніе производилось только на лодкахъ.

Особенно грандіозны были разливы рѣкъ въ 1899 году, когда послѣ снѣжной зимы вдругъ наступила дружная весна. Волга, Ока, Волховъ, Молога, Шексна и другія рѣки быстро наводнились и выступили изъ береговъ. Страшную, но и красивую картину представлялъ этотъ разливъ. Волны, точно на морѣ, сердито ходили по разсвирѣпѣвшимъ рѣкамъ и съ неистовою яростью бросались въ города, деревни и села, разрушая дома, унося скотъ и имущество. Вслѣдъ за рѣками разлились и озера.

Послушаемъ разсказъ очевидца, посѣтившаго въ это время Юрьевскій монастырь у устья Волхова.

«Со всѣхъ концовъ, — пишетъ онъ,—приходятъ въ Новгородъ вѣсти о томъ, какъ плаваютъ деревенскія избы, какъ отдѣляются онѣ отъ суши льдомъ и уносятся со скарбомъ, какъ крестьяне спасаются на чердакахъ и на крышахъ сараевъ.

«Я ѣздилъ въ затопленныя мѣста, желая помочь населенію, хотя путемъ оглашенія, которое, быть можетъ, найдетъ откликъ въ сердцахъ добрыхъ людей.

«Ближайшее село Воскресенское, раскинувшееся на мысѣ, теперь стоитъ на островѣ. Я переѣхалъ въ это село. Всѣ 22 двора въ водѣ, только древняя во имя Воскресенія церковь осталась нетронутой. Поля и луга залиты, отъ гуменъ и ригъ торчатъ однѣ крыши, деревья въ садахъ наклонены и ободраны льдомъ; изгороди—однѣ свалены, другія плаваютъ; съ иныхъ мѣстъ онѣ вовсе унесены водою. Изъ пяти домовъ жители выѣхали въ загородную слободу. Въ остальныхъ хозяева еще кое-какъ держатся; но вода уже бурлитъ подъ половицами.

«Я лавировалъ въ лодкѣ по переулкамъ, причаливалъ подъ окнами и говорилъ съ жителями. Несчастные отрѣзаны отъ суши, сидятъ словно въ тюрьмѣ и терпятъ страшную нужду. Особенно печально выглядятъ дѣти, которыхъ весенній воздухъ такъ соблазнительно тянетъ куда-нибудь въ поле, на лужокъ...

«Еще печальнѣе показались мнѣ люди на обратномъ пути. Они, какъ звѣри, тѣснились въ окнахъ своихъ домовъ, томились и жаждали свободы.

«Отсюда я отправился въ Юрьевскую слободу. Она стоитъ на длинномъ мысѣ, который тоже теперь превратился въ островъ. Былъ день св. Георгія, храмовой праздникъ въ сосѣднемъ монастырѣ, теперь отдѣленномъ отъ слободы водою. Къ перевозу стекались богомольцы—народъ пришлый, бѣдный. Мужики пользовались случаемъ и требовали за перевозъ баснословныя цѣны. Происходила ожесточенная съ бранью торговля.

«Я переѣхалъ на островъ въ то время, когда тамъ убирали

четырехъ утопленниковъ, лежавшихъ подъ парусомъ. Два дня назадъ была буря. Волховъ сильно волновался на просторѣ. Ѣхало въ лодкѣ 9 человѣкъ (3 мужчинъ и 6 женщинъ). Вѣтромъ накренило парусъ, лодка опрокинулась, и всѣ утонули.

«Въ слободу можно было пробраться только черезъ монастырь, такъ какъ вода подошла къ самымъ стѣнамъ послѣдняго. Сельскій староста разсказывалъ, что разливомъ попортило часть полей, и затонули хозяйственныя постройки. Я обошелъ всю слободу и видѣлъ, какъ подъ нагорнымъ берегомъ плавали бани, хлѣбные амбары, риги. Въ двухъ низменныхъ домахъ показалась вода.

«Изъ Юрьевской слободы открывается прекрасный видъ на озеро, которое представляетъ сплошную водную равнину; только налѣво виднѣются холмы съ постройками: это затонувшія деревни».

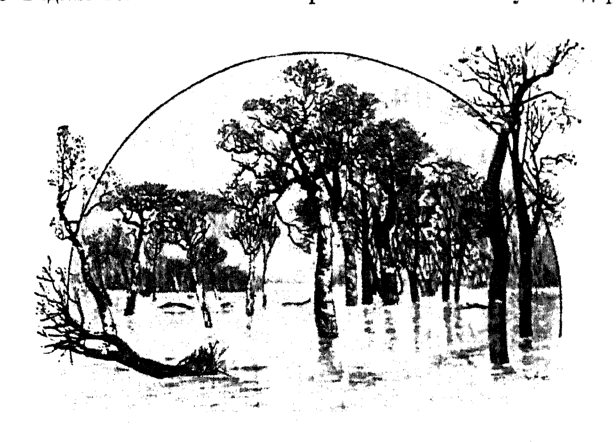

Рис. 42. Разливъ Волги въ Жигуляхъ.

Новгородъ былъ совершенно затопленъ. Волховъ соединился съ сосѣдними ручьями и озерами въ одно море, окаймлявшее весь городъ; съ шумомъ поднимались на немъ огромныя волны. Всѣ низкія мѣста были затоплены, дома стояли наполовину въ водѣ. Близлежащія деревни были до крышъ залиты водою.

Такъ же грозно наводнились и другія рѣки. Даже незначительный Эмбахъ, пріютившій на своихъ берегахъ городъ Юрьевъ (прежній Дерптъ), разлился на цѣлыя версты и причинилъ огромные убытки. Значительная часть этого города лежитъ въ тѣсной рѣчной долинѣ, но, несмотря на это, р. Эмбахъ очень рѣдко затопляетъ его. Большія наводненія случались только четыре раза за все минувшее столѣтіе: въ 1807, 1849, 1853 и 1867 г.г. Наводненіе въ 1899 г. было пятымъ. Оно длилось нѣсколько дней. Всего затоплено

около 350 домовъ, преимущественно въ бѣднѣйшей части города. Кто могъ, покидалъ свое жилище, но многіе бѣдняки, не находя другого пристанища, оставались въ своихъ прежнихъ квартирахъ, хотя въ нихъ стояла вода на нѣсколько дюймовъ надъ поломъ. Затоплено нѣсколько фабрикъ. Работы остановились. Народъ, и безъ того страдавшій отъ наводненія, остался безъ куска хлѣба... Двѣ лѣсопильни стояли совсѣмъ подъ водою. Много бревенъ и досокъ унесено волнами. Убытки крупныхъ хозяевъ тоже были весьма значительны. Въ городѣ немедленно былъ учрежденъ частный комитетъ для сбора пожертвованій. Пострадавшимъ помогали деньгами, пищею, вещами.

Не обошлись разливы 1899 года и безъ большихъ катастрофъ. 1-го апрѣля на вѣтви Московско-Казанской ж. дороги, соединяющей городъ Сызрань со станціей Рузаевкой, совершенно разрушенъ большой желѣзнодорожный мостъ на р. Крымзѣ. Онъ былъ оконченъ постройкою только въ ноябрѣ 1898 года и просуществовалъ менѣе полугода. Къ счастью, обошлось безъ человѣческихъ жертвъ, но такой счастливый исходъ катастрофы — простая случайность. Какія ужасныя сцены разыгрались бы здѣсь, если бы въ это время шелъ поѣздъ!.. На рис. 44 изображены остатки поломаннаго моста. Отъ напора онъ разорвался надвое и ринулся въ рѣку. Будь на немъ поѣздъ, не уцѣлѣлъ бы ни одинъ вагонъ, и огромное большинство пассажировъ нашло бы неожиданную смерть въ волнахъ разбушевавшейся рѣчки.

Сильными наводненіями ознаменовался и 1908 годъ. Снѣжная и холодная зима обѣщала необычные разливы, но размѣры ихъ превзошли всѣ ожиданія, и, что особенно поучительно, страшное наводненіе случилось въ Москвѣ, гдѣ уже около полвѣка не слыхивали о подобныхъ катастрофахъ. Вода поднялась на 5 саженъ выше обычнаго уровня, и ничтожная рѣка Москва превратилась въ бурный и величественный потокъ.

Въ Страстной четвергъ, вечеромъ въ предмѣстьяхъ Москвы вода стояла уже выше половъ перваго этажа. Жители перебрались въ верхніе этажи. Часть вещей они захватили съ собою, а часть подбили къ потолку или повѣсили на вѣшалки.

— Ну, подмочитъ немного столъ да стулья,—бѣда небольшая,— говорили они, ложась спать въ четвергъ, а, проснувшись утромъ, увидѣли, что вода залила нижніе этажи до потолка и надвигается на площадки верхнихъ этажей.

Путь былъ отрѣзанъ. Перепуганные люди полѣзли на крыши, стали призывать на помощь, но помощь была далека...

На окраинахъ города по всѣмъ улицамъ и переулкамъ стремились бурныя рѣки. Сообщеніе поддерживалось на лодкахъ, но лодокъ было мало, а главное было мало гребцовъ, которые могли бы управиться съ лодкой при такомъ сильномъ теченіи. Въ Дорогоми-

ловѣ только трое или четверо умѣлыхъ людей съ отчаяннымъ трудомъ перевозили людей и ихъ скарбъ къ Бородинскому мосту, откуда еще можно было попасть на лошадяхъ въ городъ. У конца моста стояли обыватели и со слезами просили околодочнаго послать лодку, — кто за женой, кто за дѣтьми, кто за вещами, но гребцовъ не было... Но вотъ двое лодочниковъ садятся въ лодку и отталкиваются. Волна подхватываетъ лодку, начинаетъ кружить, сбрасываетъ людей и несетъ ихъ съ собою... Раздаются крики о помощи, на мосту подымается суматоха, кто-то бросаетъ спасательный кругъ. Одинъ изъ лодочниковъ до того испугался, что не

Рис. 43. Весенній разливъ Оки. Съ картины художника П. А. Суходольскаго (Русскій Музей Императора Александра III).

могъ двинуть рукой, а его товарищъ ухватился за кругъ. Бѣдняка потащили. Онъ такъ кричалъ, что женщины вслѣдъ за нимъ стали плакать навзрыдъ. Около самаго моста его захлеснула волна. И, когда вытащили веревку, то кругъ оказался пустымъ.

При такомъ положеніи трудно было подавать помощь, и нерѣдко люди, нуждавшіеся въ ней, сидѣли по три дня въ томительномъ ожиданіи, терпя голодъ и холодъ.

По рѣкѣ Москвѣ плыли разные предметы: сотни саженъ дровъ пронеслись незамѣтно. Скамейки, столы, заборы, телѣги, бревна, солома и сѣно,— колыхались въ волнахъ. Вотъ показалась барка, несущаяся съ невѣроятною быстротою. Вотъ она достигла Боро-

динскаго моста. Раздался трескъ, барка поломалась, но осталась на мѣстѣ.

Даже центральныя части города оказались залитыми: пятая часть Москвы скрылась подъ водою. На высокомъ лѣвомъ берегу, гдѣ сдѣланы насыпи для защиты отъ наводненій, были залиты не только набережныя, но и ближайшіе переулки.

При такой печальной обстановкѣ москвичи встрѣчали Пасху. Народъ, собравшійся на площади Кремля къ заутренѣ, видѣлъ черезъ кремлевскія стѣны разрушительный потокъ воды, заливавшій жилища бѣдняковъ. Во многихъ церквахъ Замоскворѣчья въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье не было церковной службы, такъ какъ храмы были отрѣзаны водою. Многимъ обывателямъ пришлось встрѣтить праздники на крышахъ своихъ домовъ.

Только къ утру перваго дня праздника вода стала убывать; ко второму дню рѣка вошла въ берега, очистились отъ воды улицы и переулки, но движеніе по нимъ долгое время было почти невозможно отъ массы предметовъ, ихъ покрывавшихъ. Много построекъ оказалось совсѣмъ разрушено; многія потерпѣли серьезныя поврежденія, товару попортилось и погибло на огромныя суммы.

Каждый прибрежный волжскій городъ сумѣлъ бы разсказать длинную исторію пережитыхъ имъ катастрофъ, и о каждой изъ нихъ въ памяти жителей сохранились подчасъ трогательные, подчасъ ужасные разсказы.

На пустынномъ берегу низовой Волги верстахъ въ 5 ниже селенія Владиміровки стоитъ черный крестъ. Вотъ какое преданіе сохранилось о немъ.

Изнывалъ рабочій людъ, добывая соль на Баскунчакскомъ озерѣ. Тяжело приходилось рабочимъ; по цѣлымъ днямъ стояли они въ разъѣдающемъ тѣло разсолѣ, болѣли въ сырыхъ землянкахъ, питались скудно и нерѣдко умирали безъ всякой помощи. Многочисленные подрядчики и солепромышленники обсчитывали рабочихъ и зачастую нищими пускали съ промысла. Но всѣхъ превзошелъ безсердечіемъ солепромышленникъ Тимоѳей Андреевичъ Долгоусовъ. Его боялись и сотоварищи.—«И что за звѣрь»,—говаривали они, когда приказчики его съ нагайками гнали несчастныхъ на работу... Между тѣмъ достояніе Тимоѳея Андреевича росло не по днямъ, а по часамъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ еще доходные рыбные промыслы. На высокомъ выступѣ берега виднѣлся огромный домъ, обнесенный высокимъ крѣпкимъ заборомъ и окруженный постройками для складовъ. Мрачно смотрѣло жилище Долгоусова. Рѣдко кто посѣщалъ его, рѣдко отворялась калитка двора: всѣ какъ будто обходили его. Замкнуто, сторонясь отъ товарищей, жилъ Долгоусовъ съ семьею, состоявшей изъ двухъ сыновей и жены, такой же холодной и скупой, какъ онъ самъ.

Однажды послѣ снѣжной и холодной зимы, какой не помнили и

старожилы, наступила ранняя весна. Изо дня въ день Волга разливалась все шире и шире, охватывая огромное пространство и купая въ своихъ шумныхъ волнахъ рощи, поля и луга. Рыболовы встрепенулись, ожили. Повеселѣло и угрюмое лицо Тимоѳея Андреевича: въ глазахъ запылала страсть, надежда на добычу радовала его; онъ неутомимо двигался, хлопоталъ, готовясь къ работѣ, къ ловлѣ рыбы... Онъ рѣшительно не замѣчалъ, какъ къ его постройкамъ подступала вода, какъ иногда волны шумно постукивали въ заборы и амбары, грозя смыть его достояніе, его богатство. На-

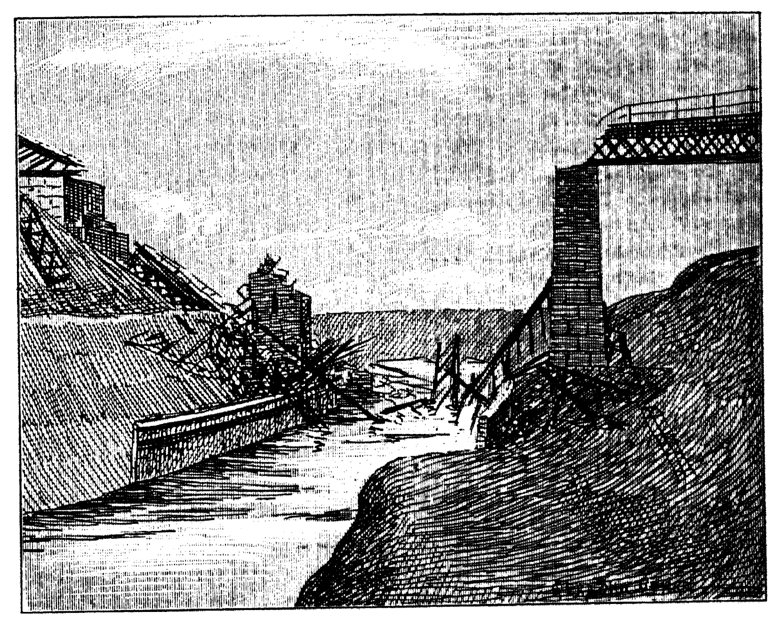

Рис. 44. Мостъ на рѣкѣ Крымзѣ, разрушенный наводненіемъ.

ступило время отправляться за рыбой. Десятки лодокъ съ рабочими и хозяиномъ поплыли въ низовья разлившейся рѣки. Въ домѣ остались только жена, дѣти и женская прислуга. Съ ужасомъ посматривала хозяйка на разливъ, который становился все болѣе и болѣе грознымъ.

Прошло три дня. Волга, до того времени спокойная, заиграла. Бѣлые кружевные краешки волнъ, ударяясь о постройки, кружились и вертѣлись, какъ шаловливыя дѣти. Къ ночи вѣтеръ усилился, волны подымались все выше, огромные косматые валы сильнѣе и

сильнѣе били въ заборъ, стучали въ подвалъ и не на шутку безпокоили хозяйку. Грянулъ громъ, вѣтеръ засвирѣпѣлъ еще сильнѣе. Волны уже заглядываютъ въ окна, стучатъ рамами, дребезжатъ стеклами, проливной дождь гулко бьетъ по крышѣ... Вотъ обдало огнемъ залу: то засверкала молнія. Въ окнахъ показались какія-то бѣлыя чудовища и, потрясая косматыми сѣдыми головами, съ оглушительнымъ ревомъ исчезли въ непроницаемой темнотѣ... Вся семья въ ужасѣ, на колѣняхъ передъ иконой проситъ о пощадѣ. А тамъ на дворѣ подъ окнами кто-то хохочетъ, реветъ,—и страшный стонъ перекатывается по пустымъ комнатамъ огромнаго дома... Дѣти кричатъ и рыдаютъ, молятъ о помощи. Но помощи нѣтъ. Страшныя сѣдыя чудовища съ трескомъ ринулись въ окна. Послѣдніе крики и стоны замерли въ гулкихъ ударахъ грома...

Еще не затихла буря, а хозяинъ дома подплылъ къ своимъ владѣніямъ. Ужасомъ поразило его несчастье, замертво вынесли его изъ лодки, долго не могли привести въ чувство... Но крѣпкая натура выдержала, не подломилась подъ роковымъ ударомъ... «Божье наказаніе»,—прошепталъ онъ, открывъ глаза. Постарѣлъ, осунулся Тимоѳей Андреевичъ и совершенно перемѣнился.

Распродавъ оставшееся состояніе, онъ покинулъ навсегда ужасное мѣсто, водрузивъ на немъ черный крестъ. Гдѣ же онъ? Говорятъ, что Тимоѳея Андреевича встрѣчали на пристаняхъ, на рыбныхъ промыслахъ, гдѣ онъ подъ именемъ «отца Тимоѳея» проповѣдуетъ слово Божіе, нерѣдко являясь примирителемъ между рабочими и ихъ хозяевами...

III.

Какъ ни грозны разливы русскихъ рѣкъ, но бѣдствія, причиняемыя ими, блѣднѣютъ передъ тѣми ужасами, которые разыгрываются во время наводненій въ разныхъ городахъ Европы. Причина нашихъ половодій—таяніе снѣга. Со строгой правильностью совершаются они каждый годъ, въ одни и тѣ-же мѣсяцы. И хотя сила разливовъ бываетъ весьма значительна, время наступленія ихъ извѣстно заранѣе. Жители имѣютъ полную возможность приготовиться къ надвигающейся бѣдѣ и защититься отъ нея. Правда, у насъ почти нигдѣ не существуетъ плотинъ, защищающихъ города отъ наводненій, но это дѣло безпечности, столь обыкновенной въ русскомъ человѣкѣ... Плотины необходимы, и во многихъ случаяхъ ихъ легко устроить, хотя, конечно, для такихъ сооруженій нужны огромныя деньги...

Только тѣ рѣки имѣютъ правильныя весеннія половодья, которыя протекаютъ по равнинѣ и питаются ключами, болотами и озерами. Зимою толстый пластъ снѣга одѣваетъ холмы, пригорки и низины. Вся вода, получающаяся отъ его таянія, цѣликомъ по-

ступаетъ въ рѣки и наводняетъ ихъ. Не то — горныя рѣки. Весна въ горахъ наступаетъ постепенно, — сначала въ низшихъ областяхъ, и мало-по-малу поднимается все выше и выше. Снѣгъ, одѣвающій склоны горъ, никогда не таетъ сразу, въ нѣсколько дней, а потому и весеннія половодья протекающихъ здѣсь рѣкъ никогда не бываютъ значительными.

Гибельныя и сильныя наводненія ихъ происходятъ отъ другихъ причинъ. Такъ, напр., сильные ливни, случающіеся время отъ времени, быстро переполняютъ рѣки и заставляютъ ихъ выйти изъ береговъ. Иногда съ горъ упадетъ въ рѣку лавина и на время задержитъ ея теченіе. За такимъ барьеромъ вода скопляется все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ количествѣ и образуетъ временное озеро. Снѣгъ мало-по-малу таетъ, крѣпость барьера уменьшается, а напоръ воды все растетъ. Наконецъ, въ одно мгновеніе снѣжная преграда разрывается, и вся масса воды, накопившейся въ теченіе мѣсяцевъ, устремляется внизъ. Внезапно рѣка выступаетъ изъ береговъ, заливаетъ города и селенія, когда тамъ никто не ждетъ катастрофы. Самое ужасное въ этихъ наводненіяхъ—ихъ неправильность. Сколько ни работаютъ ученые, но во многихъ случаяхъ не удается даже какъ слѣдуетъ уяснить ихъ причины. О предсказаніи такихъ разливовъ нечего и думать. Правда, наводненія отъ дождей происходятъ приблизительно въ одни и тѣ же мѣсяцы, но зато бываетъ не мало катастрофъ, которыя случаются совершенно внезапно и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ нельзя было ожидать.

Августъ 1890 гола ознаменованъ сильными наводненіями, случившимися въ разныхъ частяхъ Европы. Въ началѣ этого мѣсяца въ Альпахъ шли сильные дожди. 20-го числа выступило изъ береговъ Боденское озеро, а вслѣдъ за нимъ и рѣка Рейнъ. Вода затопила желѣзныя дороги и остановила движеніе поѣздовъ. Благодаря сильному волненію и неопредѣленности новыхъ очертаній озера, суда съ большимъ трудомъ приставали къ берегу. Жители рейнской долины покинули свои жилища. Захвативъ съ собою скотъ и коекакой домашній скарбъ, они бѣжали въ горы.

Грозенъ былъ въ это время и разливъ р. Эльбы. Во многихъ мѣстахъ Саксоніи наводненіе причинило страшные убытки. Въ Дрезденѣ нѣкоторыя улицы были такъ сильно залиты водою, что ѣзда прекратилась. Вода проникла и въ помѣщеніе дворца.

Но всего больше пострадала въ этомъ году Чехія (Богемія). Въ Прагѣ разливъ р. Молдавы причинилъ огромныя опустошенія. Въ затопленныхъ городскихъ частяхъ обыватели, застигнутые врасплохъ, искали спасенія на крышахъ и страдали отъ голода. Лодокъ не хватало, и своевременная доставка съѣстныхъ припасовъ была невозможна. 23-го августа утромъ вода свалила въ городѣ три устоя древняго Карлова моста. Движеніе на немъ было во всемъ разгарѣ. Никто не ждалъ бѣды. Пѣшеходы и экипажи—все низверглось въ

воду разъяренной рѣки. Погибло огромное множество народа. Спасеніе было невозможно. Карловъ мостъ, построенный чрезвычайно прочно, стоялъ уже 500 лѣтъ. И достаточно было одного наводненія, чтобы совсѣмъ уничтожить его.

Для спасенія погибающихъ въ разныхъ частяхъ города была организована помощь. Люди разъѣзжали на лодкахъ, забирая въ нихъ пострадавшихъ. Рѣка грозно волновалась, и путешествіе было слишкомъ опасно. Не обошлось безъ жертвъ. Одна лодка опрокинулась, и сидѣвшіе въ ней 20 человѣкъ потонули.

Почти всѣ типографіи были затоплены. Газеты перестали выходить. Никто не зналъ, что творится въ злополучномъ городѣ. Извѣстно было только, что утонуло много людей. Всѣхъ охватилъ безотчетный страхъ. А вода все подымалась и подымалась. Волны все грознѣе подмывали берега. Начала осыпаться набережная у Національнаго театра,—и одному изъ лучшихъ зданій города грозила опасность полнаго уничтоженія... Окрестности Праги были также покрыты водою.

Только. 25-го августа опасность миновала, и затопленныя улицы снова выглянули на дневной свѣтъ. Прерванныя почтовыя и желѣзнодорожныя сообщенія были возстановлены только на другой день. Во всей Австро-Венгріи былъ устроенъ сборъ пожертвованій въ пользу потерпѣвшихъ отъ наводненія.

Всѣ ужасы этого наводненія блѣднѣютъ передъ печальными событіями, которыя разыгрались во Франціи въ январѣ 1910 года. Всѣ рѣки выступили изъ береговъ, затопляя прибрежные города и селенія, но всего грознѣе было наводненіе рѣки Сены, на которой стоитъ Парижъ. Огромный городъ былъ залитъ водой и почти оторванъ отъ остального міра. Вотъ что разсказываетъ очевидецъ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ Парижъ существуетъ, не было въ немъ катастрофы, подобной той, которая происходитъ въ настоящую минуту. Невинная на видъ Сена, вдоль береговъ которой въ обыкновенное время незанятые люди коротаютъ часы, забрасывая удочки, грозно вздулась, поднялась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ мостами около 8 метровъ, вышла изъ береговъ и затопила набережныя, дома, склады, траншеи и туннели желѣзныхъ дорогъ и трамваевъ, ворвалась въ клоаки водосточныхъ трубъ, залила машины, производящія электричество и сгущенный воздухъ, водоемныя качки, запасы топлива и съѣстныхъ припасовъ въ складахъ большихъ магазиновъ. Мутныя волны рѣки катятъ на своей поверхности бочки, вырванныя съ корнемъ деревья, жалкіе пожитки прибрежныхъ жителей, трупы животныхъ и даже людей. На сѣверной и южной оконечностяхъ Парижа по улицамъ ѣздятъ на лодкахъ, спасая людей и ихъ имущество или доставляя имъ съѣстные припасы. Мосты подъ напоромъ воды грозятъ рухнуть. Сообщенія города съ окрестностями

посредствомъ трамваевъ и даже телефоновъ прекратились. Жители въ затопленныхъ мѣстностяхъ спаслись въ верхніе этажи домовъ, которые угрожаютъ рухнуть, подмытые въ основаніи. Добраться до нихъ во многихъ мѣстахъ небезопасно. Всѣ булочныя въ окрестностяхъ, поблизости къ рѣкѣ, затоплены. И этимъ не кончено. Весь день и всю ночь хлесталъ дождь вперемежку со снѣгомъ. Опасаются, что вода поднимется еще на метръ. Уже залиты погреба палаты депутатовъ, въ которыхъ помѣщаются машины, дающія электрическій свѣтъ. Со вчерашняго дня палата освѣщается газомъ. И вода подбирается къ знаменитому собору Парижской Богоматери. Ближайшія къ нему улицы уже затоплены. Вода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднялась здѣсь выше метра. Сегодня затоплены газовые заводы, разрушены линіи Парижъ-Ліонъ и Орлеанская. Поѣзда останавливаются въ 25 километрахъ отъ Парижа. Телеграфное сообщеніе со многими городами прекращено. И въ заключеніе городу съ минуты на минуту угрожаетъ опасность лишиться питьевой воды. Разрывъ водосточныхъ трубъ угрожаетъ катастрофой даже центральнымъ кварталамъ, удаленнымъ отъ рѣки. Уже теперь во многихъ изъ нихъ мостовая провалилась.

«Палата депутатовъ вотировала безъ обсужденій два милліона въ помощь пострадавшимъ отъ наводненія. Но это капля въ морѣ. Въ однѣхъ окрестностяхъ болѣе 5.000 человѣкъ осталось безъ пристанища. Убытки же, причиненные частнымъ лицамъ, желѣзнодорожнымъ, электрическимъ и газовымъ компаніямъ, городу и государству, не поддаются пока вычисленіямъ. Они огромны.

«А вода въ рѣкѣ все поднимается. Съ тусклаго, свинцоваго неба все падаетъ снѣгъ. Широкая, какъ Нева, и совершенно пустынная Сена бѣшено катится мутной скатертью цвѣта кофе съ молокомъ, достигая свода пролетовъ каменнаго моста Альма, на которомъ мы стоимъ. Мостъ дрожитъ подъ напоромъ воды, которая съ каждымъ часомъ все больше и больше расширяетъ свое ложе. Красивыя платановыя аллеи вдоль набережной превратились въ длинныя, прямыя, какъ стрѣла, рѣки, въ которыхъ отражаются огненныя точки газовыхъ фонарей, зажженныхъ днемъ и ночью. Прилегающіе переулки представляютъ собою рукава каналовъ. Въ сумерки, при тускломъ освѣщеніи газовыхъ фонарей, они представляютъ собою особенно печальный видъ. Здѣсь точно все вымерло. Только посрединѣ чернѣетъ лодка и въ ней длинный силуэтъ перевозчика. Электричество въ этихъ кварталахъ погасло уже нѣсколько дней. Дома освѣщаются керосиновыми лампами или свѣчками.

«Съ ранняго утра до поздняго вечера толпы черной каймой тянутся вдоль набережныхъ и мостовъ. Но разговариваютъ мало, неохотно и вполголоса.

— Какъ будто уменьшается, — говоритъ стоящій около меня пожилой господинъ.

— Вы думаете? — оборачивается къ нему рабочій съ кожаной сумкой на плечѣ. — Видите этотъ ресторанъ на углу? Я въ немъ сегодня завтракалъ. А теперь къ нему можно добраться только въ лодкѣ.

«Водосточныя трубы продолжаютъ лопаться, выбрасывая содержимое на поверхность мостовой, превращая ее въ озеро.

«Вчера, 10 января, былъ, хотя холодный, но яркій солнечный день. Вечеромъ свѣтила луна. Это заставило надѣяться, что вода, которая достигла подъ Королевскимъ мостомъ 9½ метровъ, пойдетъ на убыль. Но въ то время, какъ я пишу, послѣ яркаго утра, небо вновь нахмурилось, и дождь опять зачастилъ. Бѣдствію не видно конца. Впрочемъ, если бы наводненіе и перестало расти, убытки, которые оно уже причинило, неисчислимы. Колоссальныя сооруженія, составлявшія гордость Парижа, на возведеніе которыхъ было потрачено столько знанія, столько ума, таланта, труда и денегъ, погибли или испорчены до послѣдней степени. А сколько погибло плодовъ частнаго, долгаго и мучительнаго труда! Сколько и богатыхъ и бѣдныхъ людей разорено!

«Сегодня утромъ я встрѣтилъ знакомаго парикмахера, уже пожилого человѣка. У него подъ Парижемъ маленькая дачка съ садомъ, огородомъ, птичникомъ и т. д. Для него это была осуществленная мечта цѣлой жизни. Сколько людей онъ долженъ былъ выстричь и выбрить въ теченіе двадцати лѣтъ, пока собралъ нужную сумму для покупки земли и затѣмъ для постройки дома со службами по своему вкусу. И вотъ теперь отъ всей «мечты» осталась одна земля, да еще воспоминаніе. Бѣдный парикмахеръ старается острить надъ своимъ бѣдствіемъ. Но въ его смѣхѣ слышно другое...»

Къ концу января наводненіе кончилось. Сена и другія рѣки Франціи вошли въ свои берега. Но какой страшный видъ опустошенія представляли мѣстности, которыя недавно были залиты ими. Попорчены желѣзныя дороги и трамваи. Въ городахъ повреждены и разрушены дома. Въ Парижѣ испорчено электрическое освѣщеніе. И общественныя зданія, и частные дома освѣщались лампами и свѣчами. Съѣстные припасы вздорожали до невѣроятія. Мясо, мука, картофель продавались въ четыре-пять разъ дороже обыкновеннаго. Въ городѣ появились грабители. Великій городъ міра внезапно утратилъ свою культуру, отступилъ на полвѣка назадъ.

Таковы бѣдствія, причиняемыя западно-европейскими рѣками. Никогда не разливаются онѣ такъ широко, какъ рѣки Россіи. Но опустошенія, производимыя ими, нерѣдко оказываются еще болѣе грозными, такъ какъ внезапно обрушиваются на головы мирныхъ жителей, не ожидающихъ грозной катастрофы.

Въ Россіи неправильные разливы бываютъ только на Кавказѣ и у нѣкоторыхъ горныхъ рѣкъ Восточной Сибири. Изъ всего

огромнаго множества рѣкъ, протекающихъ по европейско-русской равнинѣ, только одна р. Нева разливается осенью. Причины ея наводненій—сильные западные вѣтры, господствующіе въ это время и задерживающіе ея теченіе.

IV.

Мы говорили до сихъ поръ о нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ, цѣликомъ протекающихъ въ умѣренномъ поясѣ. Иную картину представляютъ тропическія рѣки. Въ жаркихъ странахъ нѣтъ постепенной смѣны холоднаго и теплаго времени гола, не бываетъ тамъ ни осени, ни весны, а существуютъ только два времени года — дождливое и сухое; они почти не отличаются другъ отъ друга по теплотѣ; разница между теплыми и холодными днями года не превышаетъ 3—4 градусовъ; но зато огромна разница между сухостью и влажностью. Полгода въ жаркомъ поясѣ вовсе нѣтъ дождей, полгода они бываютъ каждый день, въ опредѣленные часы. И какъ эти дожди непохожи на наши! Осенью у насъ небо покрыто цѣлый день тучами, дождь моросить съ утра до ночи, то ослабѣвая, то снова усиливаясь. Въ жаркихъ странахъ бываютъ только сильные и непродолжительные ливни. Дождь длится нѣсколько часовъ, а потомъ опять наступаетъ ясная погода. Но зато во время одного тропическаго ливня выпадаетъ воды несравненно больше, чѣмъ въ теченіе цѣлаго дождливаго мѣсяца въ Петербургѣ.

Вслѣдствіе такихъ сильныхъ ежедневныхъ дождей, всѣ тропическія рѣки переполняются водою и выступаютъ изъ береговъ, и какъ выступаютъ! Ни одинъ разливъ Европы не можетъ сравниться по величію и силѣ съ грозными наводненіями тропическихъ рѣкъ. И такъ какъ дожди въ жаркихъ странахъ выпадаютъ только въ извѣстное время года, то и разливы рѣкъ происходятъ съ рѣдкою, поистинѣ изумительною правильностью; запаздываніе бываетъ не болѣе нѣсколькихъ дней.

Съ древнѣйшихъ временъ славится своими разливами Нилъ. Но разливы эти несутъ не зло, гибель и разореніе, а радость и благо. Геродотъ и другіе древніе историки съ благоговѣйнымъ умиленіемъ разсказываютъ о наводненіяхъ «священнаго» Нила, дающихъ Египту плодородный илъ. Точно по мановенію волшебнаго жезла, поля оживали послѣ каждаго разлива, и земледѣльцы, жившіе по берегамъ, смотрѣли на эти благодѣтельныя наводненія, какъ на чудо. Дѣйствительно, пока не были извѣстны истоки Нила, ежегодные разливы его не могли не казаться загадочными. Въ нижнемъ теченіи рѣка не получаетъ ни одного притока и несетъ свои воды по знойной пустынѣ, гдѣ почти не бываетъ дождей. Еще въ началѣ іюня царитъ палящій зной, и Нилъ пересыхаетъ настолько, что даже мелкія суда не могутъ ходить по его водамъ. Въ ложѣ

его, гдѣ едва вьется слабый потокъ, выступаютъ безчисленные песчаные острова и лужи черной грязи. За ними—ничего, кромѣ песка и голой, безплодной пустыни. Въ это время дуетъ жгучій и сухой вѣтеръ—*хамсинъ*. Онъ несетъ огромныя тучи накаленной пыли, которая толстымъ слоемъ покрываетъ листву. Зелень пропадаетъ, и вы видите всюду только одинъ ослѣпительно-бѣлый песокъ... И вдругъ въ началѣ іюля, безъ всякой видимой причины, вода въ рѣкѣ начинаетъ повышаться, заливаетъ мели, острова и въ августѣ выступаетъ изъ береговъ, широко разливаясь по прибрежнымъ полямъ. Во все это время съ неба не падаетъ ни капли воды!.. Немудрено, что разливы Нила въ глубокой древности считались чудомъ. Причина ихъ уяснилась только послѣ того, какъ Беккеръ открылъ истоки Нила. Оказывается, что огромныя массы воды, наводняющія Нилъ, происходятъ отъ дождей, выпадающихъ въ его верховьяхъ, а также отъ таянія горныхъ снѣговъ въ Абиссиніи.

«Во всемъ царствѣ природы,—разсказываетъ путешественникъ,—нѣтъ, можетъ быть, такого веселаго зрѣлища, какъ то, которое представляетъ Нилъ во время своего возрастанія. И днемъ, и ночью оживленно, безъ устали катитъ онъ свои широкія волны. Торжественно и величаво его побѣдоносное шествіе! Одну за другой заливаетъ онъ изсохшія песчаныя равнины. Вся природа ликуетъ. Мужчины, дѣти, стада рогатаго скота съ наслажденіемъ бродятъ въ его освѣжающей влагѣ. Стаи рыбъ, сверкая на солнцѣ серебряною чешуею, несутся въ его широкихъ волнахъ, а надъ ними вьются цѣлыми тучами птицы въ самомъ пестромъ нарядѣ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ. Это—истинный праздникъ природы. Какъ скоро прикосновеніе животворныхъ водъ сообщитъ влажность почвѣ, песокъ мгновенно оживаетъ. Въ немъ копошатся милліоны насѣкомыхъ. За нѣсколько дней до солнцеповорота наводненіе доходитъ до Мемфиса и около нашего осенняго равноденствія достигаетъ наибольшей высоты. Послѣ этого вода начинаетъ спадать. Въ это время начинается посѣвъ. Приблизительно въ пору нашего зимняго солнцестоянія Нилъ уже вступилъ обратно въ свои берега, и его воды снова приняли свой обычный свѣтло-синій оттѣнокъ. Поля уже давно зацвѣли, и теперь можно собирать плоды. Прежде чѣмъ снова задуетъ хамсинъ,—жатва уже собрана. Такимъ образомъ, египетскій годъ раздѣляется на три рабочихъ поры: четыре мѣсяца сѣянія и роста, приблизительно соотвѣтствующіе нашему ноябрю, декабрю, январю и февралю, затѣмъ четыре мѣсяца жатвы, которые можно пріурочить нашему марту, апрѣлю, маю и іюню, и, наконецъ, четыре мѣсяца разлива, которые заключаютъ собою годичный круговоротъ».

Наводненія Нила совершаются изъ года въ годъ съ такою поразительною правильностью, что древніе египтяне вели по нимъ свое лѣтосчисленіе. Священная рѣка не только издревлѣ давала

человѣку его насущный хлѣбъ, она сплотила египтянъ въ одну гражданскую общину, связанную одинаковымъ для всѣхъ интересомъ—защитить свои жилища отъ наводненій и оросить плодотворною влагой поля. Такимъ образомъ, въ Египтѣ строили плотины и каналы еще въ то время, когда греки были полудикарями, жившими охотой, рыбной ловлей и грабежомъ.

Въ наши дни, даже во время наибольшаго поднятія воды, Нилъ рѣдко производитъ сколько-нибудь чувствительныя бѣды. Хотя нѣкоторыя поля и совершенно заливаются водой, но сообщеніе между деревнями почти никогда не прекращается Плотины защищаютъ ихъ отъ разрушеній, а каналы распредѣляютъ воду такъ, что она попадаетъ и на самыя отдаленныя поля.

Огромный интересъ нильскихъ наводненій заключается въ благотворномъ вліяніи ихъ на дѣятельность человѣка. Но далеко не всѣ тропическія рѣки расточаютъ такія блага. Въ большинствѣ случаевъ онѣ являются грознымъ геніемъ разрушенія.

Страшныя картины разыгрываются въ дождливое время на рѣкахъ Индостана. Передъ наступленіемъ дождей вдалекѣ слышится громъ, на горизонтѣ блеститъ молнія. Въ концѣ мая происходятъ первыя грозы, дождь льетъ потоками, но не больше, какъ по получасу. Въ половинѣ іюня небо всякій день покрывается тучами, и съ этихъ поръ дождь вступаетъ въ полное владычество. Въ іюлѣ онъ льется по цѣлымъ сутками и даже дольше. Какъ изъ ведра низвергаются на землю цѣлые потоки воды; кажется, будто множество водныхъ скатертей спускается съ неба, или падаетъ могучій водопадъ. Въ это время уже отъ однихъ дождей расплываются глиняныя хижины туземцевъ. Но скоро и рѣки выступаютъ изъ своихъ береговъ. Жалкія деревушки затоплены... Напрасно жители ищутъ спасенія на крышахъ своихъ домовъ. Вода подымается все выше и выше и сноситъ несчастныхъ. Размытыя хижины рушатся, и домашній скарбъ поглощается мутными волнами. «Это время,— разсказываетъ путешественникъ, — время всеобщаго бѣдствія, не исключая богачей и знатныхъ. Крокодилы, змѣи и другіе гады наполняютъ воды. Многіе изъ нихъ, будучи выгнаны изъ своихъ норъ, ищутъ пріюта въ жилищахъ людей. Ужи, мокрицы, скорпіоны ползутъ по лѣстницамъ и наполняютъ комнаты. Ночью невозможно сдѣлать шагу безъ огня, не подвергаясь опасности получить смертельную рану отъ ужаленія или укуса вредныхъ животныхъ. Надобно съ чрезвычайной осторожностью осматривать все, до чего вы дотрагиваетесь или что вы надѣваете, — иначе вы рискуете погибнуть, встрѣтя смертельное жало въ сапогѣ или рукавѣ вашего платья».

Къ счастью, это страшное время длится недолго. Рѣки начинаютъ разливаться въ маѣ, но бѣдствія достигаютъ грозной силы только въ августѣ. Въ концѣ этого мѣсяца вода начинаетъ спадать, и скоро все вступаетъ въ обычный порядокъ.

Изъ всѣхъ рѣкъ Индостана наибольшею силою отличаются разливы Ганга. Въ то время, когда вода достигаетъ наибольшей высоты, нерѣдко случаются сильныя бури. Вмѣстѣ съ приливомъ онѣ нагоняютъ огромныя массы воды и останавливаютъ рѣку въ ея движеніи. Послѣдствіемъ являются такія страшныя разрушенія, какія трудно себѣ и представить. Отъ такой причины въ 1763 г. вода въ Лакипурѣ поднялась на цѣлыхъ 6 футовъ выше обычнаго въ это время уровня, и жители обширной области со своими домами и скотомъ были совершенно смыты.

Еще болѣе ужасныя опустошенія производятъ австралійскія рѣки. Вообще эта часть свѣта страдаетъ отъ недостатка воды, и нигдѣ въ мірѣ мы не находимъ такъ мало рѣкъ, какъ въ Австраліи. Зато всюду вы встрѣчаете извилистые «крики», т. е. длинные овраги, русла высохшихъ дождевыхъ потоковъ. Послѣ каждаго сильнаго дождя по нимъ текутъ бурныя и мутныя рѣки. Въ это же время каждая дорога и тропинка превращаются въ грозные потоки, которые наводняютъ всѣ улицы въ городахъ. Ѣздить въ дождливое время года можно только на лодкахъ. Подъ страшнымъ напоромъ воды мосты, заборы и стѣны ломаются. Люди тонутъ въ озерахъ, явившихся на площадяхъ ихъ родныхъ городовъ. Рѣки, за нѣсколько дней предъ тѣмъ протекавшія едва замѣтными лентами, выступаютъ на нѣсколько миль изъ береговъ. Вода поднимается на страшную высоту и затопляетъ цѣлые города. Нигдѣ, на всемъ земномъ шарѣ, наводненія не принимаютъ такихъ грозныхъ размѣровъ, какъ въ Австраліи.

Одно изъ такихъ несчастій, случившееся въ 1867 году, совершенно уничтожило городъ Виндзоръ, расположенный къ сѣверу отъ Сиднея. Въ этомъ году, съ самаго начала осени, т. е. съ мая мѣсяца, погода была особенно мягка. Воздухъ былъ необыкновенно пропитанъ влагою. Небо облекали черныя тучи. Въ половинѣ іюня на землю спустился густой туманъ, и вдругъ подулъ вѣтеръ съ юго-востока Во вторникъ, 18-го числа, утромъ пошелъ дождь. Черезъ нѣсколько часовъ вода лила, точно изъ ведра, огромными потоками. Тучи ползали по самой землѣ. Воздухъ превратился въ туманъ. Но такъ какъ подобныя явленія случались здѣсь и прежде, то никто не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. 19-го числа вечеромъ рѣки вышли изъ береговъ. Ночью вода покрыла всѣ низменныя части города и ворвалась въ дома. Застигнутые врасплохъ жители торопливо перебирались въ верхніе этажи...

Весь городъ опоясывало безграничное озеро, а вода все еще бѣжала безконечными потоками. Рѣка ревѣла и пѣнилась, неся громадныя деревья, мебель, домашнюю утварь, развалины домовъ и цѣлыя хижины. Скотъ, попавшій въ волны, напрасно старался выкарабкаться: потокъ уносилъ его съ собою, и все это мчалось съ быстротой въ море. Въ четвергъ, 20-го, уже бо̀льшая часть го-

рода скрылась подъ водой. Дождь все лилъ; вода продолжала подыматься. Ужасъ и отчаяніе охватили всѣхъ. Измокшіе люди впопыхахъ переселялись въ верхнія части города, гдѣ еще не было воды, и тащили съ собою жалкіе остатки домашняго скарба. Кадки, ушаты, большія доски, оторванныя двери служили ладьями для несчастныхъ. Бѣдняки, потерявшіе свой послѣдній кровъ, искали пристанища въ общественныхъ зданіяхъ и храмахъ. Среди воя вѣтра и шума волнъ слышались раздирающіе душу вопли женщинъ и плачъ дѣтей, которыхъ спѣшили унести въ мѣста болѣе безопасныя.

Какая картина отчаянія представлялась ночью — описать невозможно. Среди шума ливня раздавались вдругъ одинокіе выстрѣлы: то несчастные, будучи застигнуты водою, въ послѣдній разъ молили о помощи. Лодки съ сильными гребцами старались спасти все, что можно было спасти...

Дождь все еще не переставалъ. Вода прибывала. Сердито вылъ вѣтеръ, и на громадномъ озерѣ, въ которое превратилась вся страна, вздымались страшныя волны. Наконецъ, черезъ четыре дня, въ ночь съ субботы на воскресенье, дождь пересталъ итти...

Страшенъ былъ видъ злополучнаго города. Нѣсколько улицъ и римско-католическая церковь поднимались, будто острова, изъ воды; остальныя улицы можно было узнать только по трубамъ и флюгерамъ. На этихъ маленькихъ островкахъ собрались всѣ оставшіеся въ живыхъ въ городѣ. Немного ихъ было!..

Тучи разсѣялись, взошло солнце, и дней черезъ пять вода сбѣжала. Теперь можно было видѣть вредъ, причиненный наводненіемъ.

Дома въ городѣ сдѣлались необитаемыми: частью они были сильно повреждены, частью разрушены. Запасы плодовъ испортились, покрылись иломъ или унесены волнами. Фруктовые сады, поля и луга страшно опустошены. Плодородная почва засыпана толстымъ слоемъ щебня и песку. Цѣлыя пашни унесены волнами. Близъ города исчезло помѣстье въ нѣсколько десятинъ съ домами, деревьями и вообще со всѣмъ, что въ немъ находилось. Теперь въ этомъ мѣстѣ течетъ рѣка.

Пострадалъ не одинъ Виндзоръ. Ливень шелъ на огромномъ пространствѣ въ 2000 кв. миль, во всей юго-восточной береговой полосѣ—въ гористой части Новаго Южнаго Уэльса и въ равнинахъ Мурумбиджи и Маккари. Всѣ рѣки и ручьи вышли изъ береговъ и залили мѣстность. Города почти исчезли подъ водою. Дома и мосты разрушены, лѣса уничтожены, несчастные жители гибли сотнями, а немногіе, оставшіеся въ живыхъ, искали спасенія въ пустыняхъ внутренней Австраліи.

V.

Наводненія творятъ великое дѣло, постепенно преобразуютъ поверхность земли... Какъ мы уже знаемъ, каждая рѣка, не переставая, разрушаетъ свои берега и изъ вымытаго матеріала строитъ новые острова, мысы, мели; медленно, незамѣтно для человѣческаго глаза она отступаетъ то въ ту, то въ другую сторону, мѣняетъ свое направленіе, старое же русло зарастаетъ, «заполаскивается», превращается въ рядъ озеръ и наконецъ совсѣмъ пересыхаетъ. Во время разлива всѣ эти явленія совершаются съ поражающей быстротою: жизнь рѣки бьетъ ускореннымъ пульсомъ, и нерѣдко мѣстный житель по спадѣ водъ не узнаетъ родныхъ, съ дѣтства знакомыхъ мѣстъ...

Перенесемся въ Моложско-Шекснинское междурѣчье. Это сплошная низменная и болотистая равнина. Едва одѣта она мхомъ и несчастнымъ изуродованнымъ кустарникомъ. Только кое-гдѣ смѣняется эта жалкая растительность чахлымъ еловымъ лѣсомъ. Безчисленное множество мелкихъ озеръ усѣиваетъ ее. Одни изъ нихъ глубоки и полны водою, другія густо заросли осокой и камышомъ, третьи превратились въ топкое болото. Притоки Мологи и Шексны, протекая по этой низинѣ, почти не имѣютъ береговъ и извиваются въ небольшихъ узкихъ ложбинкахъ. Густо заросли они высокою, жесткою травою; только кое-гдѣ блещутъ серебристыя водяныя струйки — признакъ присутствія рѣки. Глубина этихъ рѣчекъ незначительна; иловатое дно ихъ поросло травою, вода мутна, теченіе извилисто; тутъ и тамъ онѣ дробятся на безчисленное множество рукавовъ и чуть не ежегодно мѣняютъ свои русла.

Весеннія воды Волги, Мологи, Шексны и ихъ притоковъ сливаются вмѣстѣ и образуютъ одно необозримое озеро. Какъ оазисы въ пустынѣ, выступаютъ среди него клочки твердой земли, деревца и кустарники. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большіе лѣса по самыя вершины покрыты водою. На всемъ междурѣчьѣ во время этихъ разливовъ осаждаются огромныя массы ила. Онъ заволакиваетъ собою рукава, старыя русла и постепенно возвышаетъ мѣстность. Загроможденные имъ ручейки часто по спадѣ водъ бѣгутъ уже по новымъ путямъ. Въ этомъ илѣ погребаются цѣлыя сотни и тысячи свалившихся деревьевъ. Не дальше 130 лѣтъ назадъ середина луга, находившаяся противъ г. Мологи, была покрыта озерами, въ которыхъ рыбныя ловли отдавались съ торговъ; а въ настоящее время отъ этихъ скопленій воды остался только жалкій слѣдъ. Каждую весну происходятъ разрушенія огромныхъ размѣровъ: нерѣдко вода отхватываетъ свыше 15 саженъ берега, и прибрежные крестьяне въ теченіе своей жизни принуждены бываютъ

по нѣскольку разъ переносить свои избушки съ одного мѣста на другое. Въ ночь на 8 іюля 1889 года между дер. Большимъ и Малымъ Сырневомъ Шексна врѣзалась въ берегъ саженъ на 10 и произвела огромный обвалъ поля съ находившимся на немъ хлѣбомъ. Даже незначительные ручейки, въ родѣ, напр., р. Прорвы, вымываютъ въ одну весну русла до 60 саженъ глубиною. Появленіе новыхъ руслъ здѣсь явленіе обыденное. Всматриваясь въ фигуру озеръ, рукавовъ и рѣчекъ, раскинувшихся на огромномъ про-

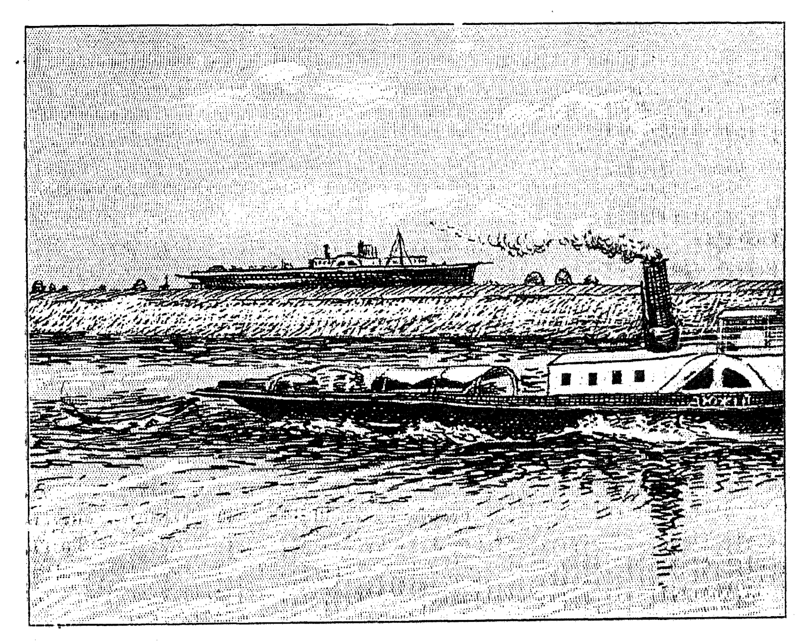

Рис. 45. Различіе весенняго и лѣтняго уровней Волги. На берегу стоитъ пароходъ, засѣвшій на мель весною, по рѣкѣ свободно идетъ другой пароходъ. (По фотографіи А. П. Воронова).

странствѣ междурѣчья, не трудно замѣтить, что всѣ они представляютъ остатки тѣхъ ложбинъ, по которымъ нѣкогда протекала Молога, Шексна и ихъ притоки. За какія-нибудь 300—400 лѣтъ Молога удлинила свое теченіе на 75 верстъ, а Волга отступила къ югу верстъ на 40. Холопій городокъ въ XIV и XV столѣтіяхъ лежалъ при устьѣ Мологи, а теперь онъ отодвинулся далеко вверхъ. Особенно удивительный примѣръ образованія новаго русла представляетъ та часть Шексны, которая течетъ между обрывистыхъ береговъ и носитъ названіе «Прости». Много лѣтъ назадъ здѣсь

*

проходилъ неглубокій логъ, а рѣка Шексна дѣлала влѣво большую луку (изгибъ) и далѣе опять текла въ прежнемъ направленіи. Во время одного изъ весеннихъ разливовъ масса воды перелилась въ эту ложбину. Шексна прорыла себѣ новый, болѣе короткій путь, а старый «заполоскала», «заглушила», превративъ его въ небольшую рѣчку; новая часть рѣки, укоротившаяся верстъ на 20, и получила названіе «Прости», а старая, заброшенная природой и оставшаяся сбоку,—названіе Глухой Шексны.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какія огромныя измѣненія происходятъ каждую весну въ Моложско-Шекснинскомъ междурѣчьѣ. Вся эта низина—созданіе рѣкъ: постепенно росла она изъ наносовъ и до сихъ продолжаетъ измѣняться. Если бы мы привели здѣсь рядъ картъ, изображающихъ эту низину въ разные годы, то съ удивленіемъ увидѣли бы, что онѣ вовсе не похожи другъ на друга.

Еще громаднѣе тѣ измѣненія, которыя происходятъ отъ разливовъ большихъ рѣкъ. Величайшая изъ всѣхъ рѣкъ земного шара—Амазонка. Гладкія и покойныя воды ея покрыты множествомъ водяныхъ растеній. Плавучіе острова украшаютъ ея поверхность. Несмѣтное множество вѣтвей, плодовъ и листьевъ несется внизъ. Теченіе могучей рѣки чувствуется далеко въ океанѣ, и даже въ 150 миляхъ отъ ея устья путешественникъ съ удивленіемъ находитъ прѣсную воду. Въ бурю на Амазонкѣ подымаются такія же волны, какъ на открытомъ морѣ. Понятно, что такая рѣка должна производить сильное размываніе береговъ. Послѣ же разлива здѣсь происходятъ страшные обвалы подмытой земли. Слышится грозный трескъ, почва дрожитъ, деревья качаются, и огромнѣйшая глыба низвергается въ воду. Эти земляныя лавины нерѣдко погребаютъ подъ собою проѣзжающія суда. Послушаемъ, что разсказываетъ путешественникъ (Бетсъ):

«Однажды утромъ я былъ пробужденъ еще до разсвѣта страшнымъ шумомъ, похожимъ на громъ пушекъ. Звуки слышны были въ значительномъ отдаленіи, и ударъ, пробудившій меня, сопровождался другими, менѣе сильными ударами. Первое, что мнѣ пришло на умъ, это—землетрясеніе. Вскорѣ раздался еще взрывъ гораздо ближе перваго, и за нимъ послѣдовали другіе. Удары эти, похожіе на громовые, казалось, то удалялись, то опять были совершенно близко; за внезапнымъ трескомъ иногда наступалъ долгій промежутокъ тишины, или слышались продолжительные раскаты... Такъ продолжалось около часа. Начало свѣтать, и мы увидѣли на противоположномъ берегу рѣки поразительное зрѣлище. Происходило страшное разрушеніе. Массы огромныхъ деревьевъ, вышиною футовъ въ 100, качались взадъ и впередъ и одно за другимъ падали въ воду, вершинами внизъ. Каждый обвалъ производилъ сильную волну. Съ неистовой силой возвращалась она на берегъ и уносила

за собой новыя массы. Явленіе это происходило на протяженіи одной или двухъ миль; но мы не могли видѣть, гдѣ именно оно оканчивалось, потому что дальняя мѣстность была закрыта отъ насъ небольшимъ островомъ. Картина была величественная: каждый обвалъ производилъ цѣлое облако брызгъ. Отъ сильнаго сотрясенія рушились огромныя массы земли и деревьевъ далеко отъ этого мѣста, и такимъ образомъ удары продолжались, то приближаясь, то удаляясь, и трудно было предвидѣть, когда все это кончится. Черезъ два часа послѣ восхода солнца мы уплыли уже далеко и ничего больше не видѣли. Разрушеніе же, повидимому, продолжалось»...

Къ сожалѣнію, о работѣ великой Амазонки и ея грозныхъ разливовъ мы имѣемъ только отрывочныя сообщенія путешественниковъ. Рѣка протекаетъ среди дѣвственныхъ лѣсовъ, вдали отъ большихъ городовъ, и правильныя наблюденія надъ ея жизнью возможны только въ отдаленномъ будущемъ.

Несравненно больше свѣдѣній имѣется о громадной азіатской рѣкѣ Хуанъ-хэ, получившей названіе—«Горе Китая». Страшныя наводненія, происходящія изъ года въ годъ, уносятъ нерѣдко милліоны человѣческихъ жертвъ и разрушаютъ до основанія цѣлыя тысячи деревень и поселковъ. Такія грозныя опустошенія рѣка производитъ въ своихъ низовьяхъ, гдѣ она течетъ по низменной. плодородной и густо населенной равнинѣ. Причиною наводненія являются ливни. Но самыя сильныя опустошенія происходятъ вслѣдствіе того, что рѣка вдругъ мѣняетъ свое направленіе и устремляется на мирныя нивы жителей. Огромные убытки, причиняемые наводненіемъ, уже издавна заставили китайцевъ подумать объ огражденіи страны отъ ихъ ужасныхъ послѣдствій. Съ этою цѣлью уже за тысячи лѣтъ до Р. Хр. сооружались мѣстными инженерами огромныя плотины, защищавшія берега. Недостатокъ знаній и искусства былъ причиною того, что рѣка неоднократно уничтожала эти сооруженія и, вопреки стараніямъ человѣка, пролагала новые пути.

Одно изъ самыхъ страшныхъ наводненій случилось въ ноябрѣ 1887 года. Хуанъ-хэ, протекавшій до тѣхъ поръ на сѣверъ, прорвалъ плотины и направился къ юго-востоку. Это была одна изъ самыхъ грозныхъ катастрофъ, которыя когда-либо производились рѣкою. Почти шестая часть огромной провинціи Хананъ, называемой «Садомъ Китая», была совершенно затоплена и превратилась въ огромное озеро, по величинѣ равное цѣлой Голландіи. Лишь тамъ и сямъ на поверхности воды торчала крыша пагоды или высокая башня, указывая, что здѣсь еще недавно находились обширные города. Сильные ливни, вызвавшіе наводненіе, длились десять дней, а порывистый вѣтеръ еще болѣе усиливалъ напоръ воды. Наводненіе началось близъ города Кайфунъ-фу, одного изъ значи-

тельнѣйшихъ городовъ провинціи; огромная плотина, защищавшая мѣстность и сложенная изъ фашинника *), плетня и глины, была прорвана на протяженіи нѣсколькихъ миль. Все, что возвышалось надъ поверхностью земли, было смыто и снесено водою. Не менѣе 3.000 большихъ деревень было въ нѣсколько минутъ уничтожено наводненіемъ, и почти никто изъ жителей не имѣлъ возможности спастись. Всего погибло до 7 *милліоновъ* людей. Почти столько же осталось въ совершенной нищетѣ безъ крова и куска хлѣба. Вѣсть объ этомъ бѣдствіи произвела удручающее впечатлѣніе во всемъ Китаѣ. Богдыханъ писалъ въ своемъ указѣ слѣдующія слова: «Императоръ выражаетъ симъ глубокую скорбь, вызванную наводненіемъ въ Хананѣ, гдѣ Желтая рѣка (Хуанъ-хэ) вышла изъ береговъ и причинила неисчислимыя страданія населенію. Тяжесть бѣдствія, постигшаго нашу страну, отняла у нашей матери сонъ и аппетитъ. Она проситъ богдыхана предоставить въ распоряженіе губернатора Ханана 100.000 таэлей (300.000 рублей) изъ ея собственной казны. Пусть раздадутъ эти деньги пострадавшимъ. Повелѣваемъ губернатору выбрать надежныхъ чиновниковъ, чтобы выполнить возлагаемую на нихъ задачу безъ всякихъ злоупотребленій». Помимо денегъ, розданныхъ пострадавшимъ, императрица устроила даровыя кухни, а богдыханъ отдалъ въ распоряженіе губернатора 32 милліона фунтовъ рису, хранившіеся въ магазинахъ Пекина. Кромѣ того бѣднякамъ раздавались теплыя цыновки и одѣяла. Правительству пришлось затратить около 10 милліоновъ таэлей (30 милліоновъ рублей), чтобы сколько-нибудь помочь народному бѣдствію. При разслѣдованіи дѣла оказалось, что главными виновниками несчастія были чиновники, которые заблаговременно знали объ опасности, но, преслѣдуя свои выгоды, не приняли никакихъ мѣръ для укрѣпленія плотинъ. По повелѣнію богдыхана, они подверглись постыдному наказанію: ихъ разставили напоказъ народу у позорныхъ столбовъ съ тяжелыми деревянными ошейниками на плечахъ.

Хуанъ-хэ не первый разъ прорываетъ плотины. Въ теченіе послѣднихъ 2000 лѣтъ она шесть разъ мѣнялъ свое направленіе. Самое послѣднее наводненіе случилось въ 1899 году. Было разрушено до 2.000 деревень; число погибшихъ неизвѣстно, въ безпомощномъ же состояніи крайней нищеты осталось свыше 150.000 жителей.

Грозныя наводненія Хуанъ-хэ давно вселили ужасъ въ сердца народа. По китайскимъ вѣрованіямъ, въ глубинѣ рѣки живетъ грозный богъ, и гнѣву его страна обязана своими бѣдствіями. Для умилостивленія его встарину приносили человѣческія жертвы. Изъ всѣхъ китаянокъ выбирали самую красивую дѣвушку, наря-

*) Фашинникъ — хворостъ, въ свѣжемъ состояніи связанный толстыми пучками.

жали ее въ разноцвѣтныя шелковыя одежды, украшали золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными каменьями и отдавали свирѣпому богу. Въ торжественной процессіи вели ее къ рѣкѣ. Здѣсь жрецы произносили заклинанія и бросали юную жертву въ волны разъяреннаго Хуанъ-хэ... Къ счастью, этотъ варварскій обычай отошелъ въ область преданій.

Наводненіе.

Разсказъ Э. Зола.

I.

Меня зовутъ Луи Рубье. Мнѣ семьдесятъ лѣтъ. Родомъ я изъ деревни Сенъ-Жюри, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тулузы, въ верховьяхъ Гаронны. Четырнадцать лѣтъ я боролся съ землею, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Наконецъ я устроился очень хорошо и еще мѣсяцъ назадъ былъ самымъ богатымъ фермеромъ въ округѣ.

Казалось, благословеніе сошло на нашъ домъ. Въ немъ царило счастье. Солнце было нашимъ другомъ, и я не помню неурожая. Насъ было десять человѣкъ. Во-первыхъ—я, еще бодрый и способный руководить работами моихъ дѣтей; потомъ мой младшій братъ Пьеръ, холостякъ, отставной сержантъ; затѣмъ сестра Агата, поселившаяся у насъ послѣ смерти мужа, хорошая хозяйка и веселая женщина: смѣхъ ея слышался на другомъ концѣ деревни; наконецъ, младшіе члены семейства: мой сынъ Жакъ, его жена Роза и три дочери ихъ: Эме, Вероника и Мари; старшая была замужемъ за Сипріеномъ Бюиссономъ и имѣла уже двухъ дѣтей; первому было два года, второму десять мѣсяцевъ. Средняя, Вероника, только что сдѣлалась невѣстой Гаспара Рабюто. А третья, такая бѣленькая, была совсѣмъ городская барышня. Я былъ дѣдушкой и даже прадѣдушкой. За столомъ Агата садилась справа, а Пьеръ—слѣва отъ меня. Дѣти размѣщались по возрасту и замыкали кругъ. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ. Я гордился, когда малютки протягивали ко мнѣ рученки и кричали:

— Дѣдушка, дай же намъ хлѣба. Побольше, дѣдушка!

Да, это было хорошее время! Цѣлые дни мы весело работали на фермѣ, а по вечерамъ Пьеръ придумывалъ игры или разсказывалъ что-нибудь о своемъ солдатскомъ житьѣ. По воскресеньямъ тетя Агата пекла пироги. А Мари знала много гимновъ и чудно ихъ пѣла. Въ эти минуты она была похожа на святую. Бѣлокурые

волосы падали ей на шею и на плечи, а руки опускались на колѣни...

Въ этомъ году май выдался прелестный. Давно весна не обѣщала такого богатаго урожая. Я съ сыномъ Жакомъ обходилъ поля. Мы вышли около трехъ часовъ. Наши луга находились на берегу Гаронны. Трава была еще свѣтло-зеленаго цвѣта, но поднялась уже на три фута отъ земли; а ивнякъ, посаженный въ прошломъ году, достигалъ одного метра въ вышину. Потомъ мы прошли на наши нивы; наконецъ посѣтили виноградники. Всѣ поля были пріобрѣтены одно за другимъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались наши достатки... Хлѣба росли густо, а виноградникъ былъ въ полномъ цвѣту и обѣщалъ богатый сборъ. Жакъ весело смѣялся, хлопая меня по плечу.

— Ну, отецъ,—говорилъ онъ,—будетъ теперь у насъ вдоволь и вина, и хлѣба. Деньги на насъ сыплются дождемъ.

На обратномъ пути мы зашли на поля, которыя находились въ другомъ концѣ деревни. Шелковица росла прелестно. Миндальныя деревья были въ полномъ цвѣту. Мы весело болтали и строили разные планы. Хорошо было бы прикупить еще земли! Но все зависѣло отъ осени: если будетъ хорошій урожай, у насъ будутъ деньги, и мы исполнимъ наши мечты.

Въ этотъ день насъ обѣдало одиннадцать человѣкъ. Гаспара, который былъ нашимъ гостемъ, мы усадили рядомъ съ Вероникой. Я ожилъ и помолодѣлъ при видѣ ихъ счастья. Весело было обѣдать! Какой вкусный супъ я ѣлъ! Тетя Агата шутила. У Пьера тоже развязался языкъ. Подали сладкое. Я досталъ вино, и мы всѣ выпили за здововье Гаспара и Вероники; потомъ начали пѣть. Гаспаръ зналъ много романсовъ. Наконецъ, стали просить Мари, и она спѣла своимъ звонкимъ, мягкимъ голосомъ нѣсколько гимновъ.

Я отошелъ къ окну. Гаспаръ послѣдовалъ за мною.

— Не слышно-ли чего новаго въ деревнѣ?—спросилъ я.

— Ничего,—отвѣчалъ онъ.—Толкуютъ только о нынѣшнихъ дождяхъ. Не случилось бы бѣды!

Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе дни дождь шелъ шестьдесятъ часовъ безъ перерыва. Гаронна вздулась; но мы не падали духомъ. Не вѣрилось, чтобы насъ могло постигнуть несчастье.

— Вотъ еще!—сказалъ я, пожавъ плечами,—ничего не будетъ. Каждый годъ одно и то-же: рѣка бушуетъ, злится, потомъ въ одну ночь затихаетъ и становится тихимъ ягненкомъ. Увидишь, мой сынъ, обойдется и на этотъ разъ. Погляди, какой чудный вечеръ.

Я указалъ ему вверхъ. Было около семи часовъ. Солнце клонилось къ западу. Воздухъ былъ прозраченъ Небесный сводъ раскинулся безконечною голубою скатертью. Лучи заходящаго солнца разсыпались золотистою пылью. И земля, и небо дышали радостью. Деревня мирно засыпала. Слышался только смѣхъ сосѣдки и нѣж-

ные голоса дѣтей. Издали доносился звонъ колокольчиковъ: возвращались стада. Гаронна ревѣла. Но голосъ ея не тревожилъ меня: я слишкомъ къ нему привыкъ. Небо блѣднѣло; закатилось солнце; природа заснула; въ деревнѣ все стихло. Это былъ чудный вечеръ! И мнѣ казалось, что все наше счастье—обильный урожай, благополучіе семьи, помолвка Вероники—все снизошло въ сіяніи свѣта, и вечеръ шлетъ намъ благословеніе.

Я отошелъ отъ окна. Наши дѣвушки еще долго вели веселую бесѣду, и мы съ улыбками слушали ихъ. Окна были открыты. Вдругъ въ ночной тишинѣ пронесся страшный крикъ:

— Гаронна! Гаронна!

II.

Мы бросились на дворъ. Сенъ-Жюри лежитъ у подножія небольшой возвышенности въ пятистахъ метрахъ отъ Гаронны. Густыя деревья пересѣкаютъ поля во всѣхъ направленіяхъ и совсѣмъ скрываютъ рѣку.

И мы ничего не видѣли. А въ ушахъ раздавался все тотъ же крикъ:

— Гаронна! Гаронна!

Вдругъ на большой дорогѣ показалось двое мужчинъ и три женщины; у одной изъ нихъ былъ на рукахъ ребенокъ. Это они бѣжали, что было мочи, и кричали, задыхаясь: «Гаронна! Гаронна!» На лицахъ ихъ застылъ ужасъ. По временамъ они пугливо озирались, будто ихъ преслѣдовала стая волковъ.

— Что съ ними?—спросилъ Сипріенъ.—Вы видите что-нибудь, дѣдушка?

— Ничего,—отвѣчалъ я.—Ни одинъ листъ не шелохнется.

Не успѣлъ я окончить этой фразы, какъ всѣ мы невольно вздрогнули. Вслѣдъ за бѣглецами, точно стадо какихъ-то звѣрей, прорываясь между стволами деревьевъ, ломая кустарники и заливая траву, несся сѣровато-желтый потокъ воды. Клубилась пѣна. Брызги летѣли высоко въ воздухъ. Дрожала земля. Громадныя волны догоняли бѣглецовъ и, казалось, хотѣли поглотить ихъ.

У насъ вырвался безнадежный крикъ:

— Гаронна! Гаронна!

Двое мужчинъ и три женщины ускорили свой бѣгъ. Они чувствовали, что вотъ-вотъ потокъ нагонитъ ихъ, какъ преступниковъ; и тогда уже нѣтъ спасенія... Волны все росли; онѣ катились рядами, обрушивались, какъ залпъ цѣлаго отряда. Однимъ ударомъ онѣ сломили и унесли три тополя. Деревянная хижина не выдержали напора воды; одна стѣна рушилась. Телѣги уносило подобно соломинкамъ. Неотступно преслѣдовалъ потокъ бѣглецовъ. Дорога шла въ гору. Волны опередили людей, разлились широкой скатертью

и перерѣзали путь. Но люди все еще бѣжали, сами не зная куда,— прыгали черезъ волны... Они ужъ не кричали: ужасъ охватилъ ихъ. Вдругъ громадная волна бросилась на женщину съ ребенкомъ.

— Скорѣй! Скорѣй домой! — закричалъ я.—Не бойтесь: нашъ домъ проченъ.

Изъ осторожности мы поднялись во второй этажъ. Впередъ пропустили женщинъ и дѣтей. Я вошелъ послѣднимъ. Домъ нашъ стоялъ на холмѣ. Вода уже заливала дворъ. Слышался шумъ ея волнъ. Мы еще не очень боялись.

— Это не бѣда,—говорилъ Жакъ, чтобы успокоить другихъ.— Вы помните, батюшка, въ пятьдесятъ пятомъ году вода залила дворъ на цѣлый футъ! А потомъ ничего, ушла.

— Обидно все-же,—пробормоталъ Сипріенъ,—урожай уже погибъ!

Я видѣлъ умоляющіе взоры дѣвушекъ и поспѣшно возразилъ:

— Ничего, все обойдется благополучно.

Эме уложила спать своихъ дѣтей. Она сѣла у изголовья ихъ кроватки вмѣстѣ съ Вероникой и Мари. Тетя Агата стала грѣть вино, чтобы мы могли согрѣться и ободриться.

Жакъ и Роза стояли у окна и смотрѣли на улицу. Я, мой братъ, Сипріенъ и Гаспаръ подошли къ другому. Наши служанки ходили по двору.

— Идите домой! Нечего вамъ шлепать по грязи!—крикнулъ я.

— А скотина?—спросили они.—Коровы бьются въ хлѣвахъ. Какъ бы не пропали отъ страха?

— Ничего, идите наверхъ. Тамъ посмотримъ, какъ быть.

Если бѣдствію суждено было увеличиться, то о спасеніи животныхъ нельзя было и думать. Но я считалъ лишнимъ пугать нашихъ и старался быть спокойнымъ. Облокотясь на подоконникъ, я сталъ бесѣдовать съ ними. Я хорошо видѣлъ, что вода у насъ на дворѣ все прибывала. Она завладѣла уже всѣми улицами въ деревнѣ. Теперь волны не бушевали, не стрѣляли, какъ цѣлый отрядъ; онѣ медленно душили насъ. Лощина, гдѣ лежитъ Сенъ-Жюри, превратилась въ озеро. У насъ на дворѣ вода поднялась на цѣлый метръ. Я это хорошо видѣлъ, но увѣрялъ всѣхъ, что она стоитъ на одномъ уровнѣ и даже убываетъ.

— Не пришлось бы тебѣ у насъ ночевать, мой другъ, — сказалъ я, обращаясь къ Гаспару.—Впрочемъ, дорога, можетъ быть, и очистится. Подождемъ часокъ. Все возможно!

Молча взглянулъ онъ на меня; лицо его было блѣдно. Потомъ онъ перевелъ свой взоръ на Веронику. Отъ меня не ускользнулъ этотъ взглядъ: онъ былъ полонъ тревоги.

Уже пробило половину девятаго. На улицѣ еще было свѣтло но у насъ въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. Прислуга догадалась захватить съ собою двѣ лампы. Я зажегъ ихъ. Тетя Агата выдвинула столъ на середину комнаты и предложила намъ сыграть въ

карты. Ея глаза поминутно встрѣчались съ моими. Умная женщина отгадывала мои мысли и старалась развлечь дѣтей. Сильная духомъ, она смѣялась, чтобы разсѣять тревожное настроеніе другихъ. Насильно усадила она за столъ Эме, Веронику и Мари и сунула имъ въ руки карты. Игра началась. Тетя Агата принимала въ ней живѣйшее участіе, мѣшала и сдавала карты, спорила, сердилась; громкій говоръ ея почти заглушалъ плескъ воды. Но дѣвушки не могли забыться. Лица ихъ были блѣдны, руки дрожали; онѣ все прислушивались къ шуму волнъ. Игра то и дѣло прерывалась. То одна, то другая оборачивалась ко мнѣ и спрашивала:

— Дѣдушка, вода все еще поднимается?

Въ самомъ дѣлѣ, вода съ удивительной быстротою прибывала. Но я весело отвѣчалъ:

— Ничего, ничего, играйте спокойно. Все обойдется, какъ нельзя лучше.

А сердце мое сжималось отъ тоски. Мужчины стали предъ окнами, чтобы скрыть ужасное зрѣлище. Мы старались быть веселыми. Свѣтъ отъ лампъ широкими кругами падалъ на полъ. Мнѣ вспомнились зимніе вечера, которые мы мирно проводили за тѣмъ же столомъ. И теперь все, казалось, было такъ же уютно, попрежнему насъ связывала любовь, но на улицѣ ревѣли волны, и вода поднималась все выше.

— Луи,—шепнулъ мнѣ братъ Пьеръ,—вода ниже окна только на три фута. Надо принять мѣры.

Я крѣпко сжалъ его руку. Онъ замолчалъ. Но было уже невозможно скрывать опасность. Въ хлѣву скотъ погибалъ. Чуя смертельную опасность, блеяли бараны, мычали коровы. Лошади хрипло ржали.

— Боже мой, Боже мой! — вскрикнула Эме, схвативъ голову. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Всѣ бросились къ окну и оцѣпенѣли. У всѣхъ волосы стали дыбомъ.

Уже совсѣмъ смерклось. Тусклый свѣтъ разливался надъ желтоватою массою воды. Какъ простыня висѣло надъ землей блѣдное небо. Вдали вились струйки дыма. И ни единаго человѣческаго голоса! Только волны клокочутъ, да слышится ревъ животныхъ! Будетъ-ли разсвѣтъ?

— Боже мой, Боже мой!—шептали женщины. И говорить имъ было страшно.

Вдругъ оглушительный трескъ заставилъ насъ совсѣмъ замолчать. Освирѣпѣвшія животныя выломали двери. Вода схватила ихъ. Барановъ уносило, какъ кучу сухихъ листьевъ. Они кружились въ волнахъ и одинъ за другимъ исчезали. Коровы и лошади боролись со смертью, становились на ноги, падали и тонули. Наша любимая сѣрая лошадь особенно не хотѣла умирать. Она вставала

на дыбы, вытягивала шею, пыхтѣла, какъ кузнечные мѣха; но злыя волны и ее поборoли: мы видѣли, какъ она, измученная, повалилась въ воду.

Мы стали кричать. Мы не хотѣли кричать и все-таки кричали. Было нужно кричать. Протягивая руки къ гибнущимъ милымъ животнымъ, мы громко рыдали. Мы уже ничего не понимали и не слышали другъ друга. Ахъ! Это было полное разореніе! Погибъ урожай, скотъ утонулъ. Судьба перемѣнилась. Гдѣ же справедливость? Я сжалъ кулаки... Мнѣ вспомнилась сегодняшняя прогулка, луга, нивы, виноградъ... Все было ложь? Счастье обмануло насъ... Зачѣмъ-же солнце спускалось такъ тихо и спокойно? И оно противъ насъ?..

А вода поднималась. Пьеръ, не отрываясь, слѣдилъ за нею.

— Луи, надо спасаться, — вдругъ крикнулъ онъ, — вода ужъ у окна.

Мы очнулись. Пожавъ плечами, я сказалъ:

— Чего намъ богатство? Пока мы вмѣстѣ, — не станемъ тужить. Примемся за работу... А теперь что-нибудь надо выдумать... Взберемся на крышу!..

— Да, вы правы, отецъ, — быстро проговорилъ Жакъ.—Нашъ домъ крѣпокъ: стѣны толстыя. На крышѣ мы спасены!

Намъ оставалось только это убѣжище. Вода поднималась по лѣстницѣ и сквозь щели дверей пробиралась уже въ комнату. Мы бросились на чердакъ. Мы ни на шагъ не отставали другъ отъ друга. Такая ужъ потребность — въ бѣдѣ быть рядомъ другъ съ другомъ. Но Сипріена не было съ нами: онъ исчезъ. На мой зовъ онъ тотчасъ явился. На лицѣ его была тревога. Замѣтивъ отсутствіе двухъ нашихъ служанокъ, я хотѣлъ и ихъ подождать. Сипріенъ странно посмотрѣлъ на меня и тихо сказалъ:

— Умерли! Уголъ сарая подъ ихъ комнатой обрушился.

Бѣдныя дѣвушки пошли собрать свои пожитки. Онѣ взяли лѣстницу и перекинули ее на подобіе моста къ крышѣ сосѣдняго дома. Я просилъ Сипріена никому не говорить объ этомъ. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу. Смерть уже вошла въ нашъ домъ.

Мы поднялись наверхъ, не затушивъ даже лампъ. Карты валялись на столѣ. А вода въ комнатѣ поднялась уже на цѣлый футъ...

III.

Къ счастью, крыша была просторная и отлогая. Мы влѣзли на нее черезъ слуховое окно. Женщины сѣли. Мужчины осматривали крышу и даже взбирались на трубы. Прислонившись къ окну, черезъ которое мы вышли, я сталъ смотрѣть вдаль.

— Мнѣ кажется, будетъ помощь, — сказалъ я, стараясь обо-

дрить нашихъ,—у жителей Сентена есть лодки. Они подъѣдутъ къ намъ. Да вотъ! смотрите, вѣдь это фонарь?

Но никто не отвѣчалъ мнѣ. Пьеръ безсознательно закурилъ трубку. Жакъ и Сипріенъ безцѣльно смотрѣли вдаль. Гаспаръ, сжавъ кулаки, ходилъ по крышѣ, будто искалъ выхода. Безмолвно сидѣли у нашихъ ногъ женщины. Ихъ трясло, какъ въ лихорадкѣ. Чтобы не видѣть ужасной картины, онѣ закрыли лица руками. Вдругъ Роза подняла голову, окинула взглядомъ всю крышу и тревожно спросила:

— Гдѣ-же служанки? Почему ихъ нѣтъ здѣсь?

Я промолчалъ, какъ будто не слышалъ вопроса. Тогда она, глядя на меня, повторила:

— Гдѣ-же служанки?

Я отвернулся; солгать было невозможно. Она меня поняла. И я почувствовалъ, какъ смертельный холодъ, уже коснувшійся меня, охватилъ нашихъ женщинъ и дѣтей. Мари встала, выпрямилась и, тяжело вздохнувъ, зарыдала. Эме, крѣпко прижавъ къ себѣ дѣтей, кутала ихъ въ свое платье. Вероника закрыла лицо руками и не двигалась. Тетя Агата, блѣдная, какъ полотно, читала молитвы и крестилась.

А передъ нами развертывалась величественная картина. Ночь выдалась свѣтлая, тихая. Луны не было. Голубое безоблачное небо сверкало миріадами звѣздъ. Синева его пропитывала воздухъ. Въ прозрачной дали ясно выступали предметы,—ночь какъ будто еще не наступала. Внизу необъятною бѣлою скатертью разстилалась вода, и гребешки ея волнъ сіяли фосфорическимъ блескомъ. Земли не было видно... Минутами я забывалъ опасность. Мнѣ вспомнился Марсель, казалось, что я стою на берегу моря и любуюсь его дивной красотой.

— А вода все поднимается,—твердилъ Пьеръ, судорожно сжимая руки и все еще держа во рту погасшую трубку.

Въ самомъ дѣлѣ, вода была на метръ отъ крыши. Она уже не походила на бѣлую скатерть, и сосѣдній холмъ не могъ уже служить намъ защитой... Поднимались грозныя желтыя волны. Онѣ неслись къ нашему дому, увлекая съ собой бревна, доски, щепки, сѣно, солому и все, что попадалось имъ на пути. Съ яростью били онѣ въ стѣны, и мы слышали ихъ глухіе удары. Съ трескомъ валились тополи. Дома рушились, какъ тачки щебня на дорогѣ.

И слыша рыданія женщинъ, Жакъ говорилъ:

— Намъ нельзя оставаться здѣсь. Надо выдумать что-нибудь другое. Батюшка, скажите, что дѣлать?

А я повторялъ вслѣдъ за нимъ:

— Да, да, надо что-нибудь выдумать.

И никто не зналъ, что дѣлать. Гаспаръ хотѣлъ взять на спину Веронику и пуститься вплавь до болѣе высокаго мѣста. Пьеръ

говорилъ о плотѣ. Это было безумно. Наконецъ Сипріенъ сказалъ:

— Если бы мы могли добраться до церкви?

Своею высокою колокольней церковь одна подымалась надъ водою. Ее отдѣляло отъ насъ всего семь домовъ. Сосѣдній домъ былъ выше нашего; за нимъ подымался слѣдующій, еще болѣе высокій. Можетъ быть, по крышамъ возможно добраться до дома священника. А оттуда легко попасть и въ церковь. Вѣроятно, многіе уже укрылись тамъ: сосѣднія крыши были пусты, а съ колокольни слышались голоса. Но какъ трудно исполнить этотъ планъ!

— Это невозможно, — сказалъ Пьеръ.—Домъ Рембо очень высокъ, нужна лѣстница.

— А я все-таки попробую, — настаивалъ Сипріенъ. — Если пройти нельзя,—я вернусь. А вдругъ удастся! Тогда мы захватимъ дѣтей и женщинъ и переберемся тоже.

Я не спорилъ съ нимъ. Онъ былъ правъ. Слѣдовало испробовать всѣ средства... Схватившись за желѣзный крюкъ, придѣланный къ трубѣ, Сипріенъ взобрался уже на крышу сосѣдняго дома. Въ это время Эме подняла голову. Замѣтивъ, что мужа нѣтъ, она вскрикнула:

— Гдѣ же Сипріенъ? Я не хочу, чтобы онъ меня покидалъ. Мы жили вмѣстѣ, вмѣстѣ и умремъ.—И, взявъ за руки дѣтей, она бросилась къ нему.

— Сипріенъ! — кричала она, — подожди меня, я пойду съ тобою.

Напрасно онъ умолялъ ее остаться, увѣрялъ, что сейчасъ вернется, что ему надо итти ради спасенія всѣхъ. Она стояла на своемъ.

— И я съ тобою, и я съ тобою!—твердила она.

Пришлось уступить. Сначала Сипріенъ взялъ дѣтей, потомъ помогъ и ей взобраться. Мы слѣдили за ними. Они шли по крышѣ медленно. Дѣти плакали. Эме взяла ихъ на руки. Сипріенъ оборачивался каждую минуту и поддерживалъ жену.

— Доведи ихъ до церкви и приходи скорѣе,—кричалъ я вслѣдъ.

Сипріенъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою и что-то крикнулъ, но плескъ воды заглушилъ его слова. Скоро они скрылись. Они перешли на другую крышу, которая была ниже первой. Черезъ пять минутъ всѣ четверо показались на третьей крышѣ. Она была слишкомъ крута, и пришлось ползти на колѣняхъ. Вдругъ меня охватилъ ужасъ. Я приложилъ руку къ губамъ и закричалъ изо всей силы:

— Назадъ, идите назадъ!

И всѣ—Пьеръ, Жакъ, Гаспаръ—стали кричать. Этотъ крикъ заставилъ ихъ остановиться. Но еще минута, и они продолжали путь. Они были уже на перекресткѣ двухъ улицъ, у дома Рембо. Это было большое зданіе. Крыша его подымалась почти на три

метра надъ другими строеніями. Здѣсь они въ нерѣшимости остановились. Сипріенъ нашелся: съ быстротою кошки влѣзъ онъ на трубу. Эме стояла на крышѣ, прижавъ къ себѣ дѣтей. Мы ясно видѣли ея темный силуэтъ. И тутъ случилась ужасная бѣда.

Домъ Рембо, предназначавшійся для какого-то склада, былъ построенъ на скорую руку. Стоялъ онъ на открытомъ мѣстѣ и ничѣмъ не былъ защищенъ отъ вѣтра. Отъ напора воды онъ дрожалъ. Съ замираніемъ сердца слѣдилъ я за Сипріеномъ. Онъ уже шелъ по крышѣ. Вдругъ раздался страшный трескъ. Въ это время взошла луна и освѣтила все. Мы ясно видѣли всѣ подробности катастрофы. Домъ Рембо рушился, и Сипріенъ исчезъ. Мы вскрикнули отъ ужаса. Надъ провалившейся крышей вздымались грозныя волны. Когда онѣ успокоились, мы увидѣли надъ водою темный остовъ разрушеннаго дома. Доски и балки громоздились безпорядочною кучей. И вотъ мнѣ показалось, что между этими балками шевелится что-то живое.

— Онъ живъ,—закричалъ я.—Слава Богу, онъ живъ!

Нервный хохотъ вырвался у всѣхъ. Мы хлопали въ ладоши, будто сами спаслись.

— Онъ сейчасъ вылѣзетъ,—сказалъ Пьеръ.

— Да, да, — продолжалъ Гаспаръ; — вотъ онъ хватается за балку.

Но нашъ смѣхъ оборвался. Всѣ вдругъ замолкли. У всѣхъ захватило духъ. Мы поняли ужасное положеніе Сипріена. Его ноги были зажаты балками. Онъ висѣлъ головой внизъ, не имѣя возможности двигаться. Голова его почти касалась воды. Эме все стояла на крышѣ, прижавъ къ себѣ дѣтей. Ее корчила судорога. Она видѣла гибель мужа. Сипріенъ находился всего въ нѣсколькихъ метрахъ отъ нея. Несчастная женщина не спускала съ него глазъ. И вдругъ она завыла, какъ обезумѣвшая отъ ужаса собака.

— Нельзя оставить его безъ помощи, — сказалъ наконецъ Жакъ,—надо пойти туда.

— Можетъ быть, еще удастся пробраться по балкамъ,—замѣтилъ Пьеръ,—тогда онъ будетъ спасенъ.

И они направились къ погибавшему... Вдругъ и второй домъ обрушился. Дорога была отрѣзана. Насъ обдало холодомъ. Невольно мы схватились за руки, жали ихъ другъ другу до боли и все не могли отвести глазъ отъ ужаснаго зрѣлища.

А Сипріенъ все старался подняться. Онъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы спастись. Усталость его одолѣвала. Онъ размахивалъ руками, надѣясь ухватиться за какое-нибудь бревно. Наконецъ силы оставили его. Онъ выпрямился и повисъ неподвижно. Смерть медлила. Вода чуть поднималась. Теперь только концы его волосъ были въ водѣ. Первая волна обдала его лобъ, слѣдующая закрыла глаза. Мало-по-малу исчезла вся голова.

Женщины, закрывъ лица руками, сидѣли у нашихъ ногъ. Мы упали на колѣна и простерли руки къ небу. Всѣ плакали и молились. А Эме все стояла на крышѣ, и вой ея еще громче раздавался въ ночной тишинѣ.

IV.

Я не знаю, сколько времени мы находились въ оцѣпенѣніи. Когда я пришелъ въ себя, вода уже достигла черепицъ. Наша крыша представляла небольшой, продолговатый островъ. Кругомъ простиралось море: и справа, и слѣва дома обрушились.

— Мы плывемъ,—прошептала Роза, цѣпляясь за черепицы.

И дѣйствительно, намъ всѣмъ казалось, будто крыша превратилась въ плотъ и плыла по водѣ. Но когда мы смотрѣли на церковную колокольню, которая стояла неподвижно противъ насъ, головокруженіе проходило: мы убѣждались, что находимся на старомъ мѣстѣ, посреди бушующихъ волнъ.

Вода стала осаждать насъ. До сихъ поръ она текла по улицѣ, не мѣняя своего направленія, но бревна и другіе обломки строеній, встрѣчавшіеся теперь на пути, заставляли ее воротиться назадъ. Осада велась по всѣмъ правиламъ. Захвативъ бревно, вода сначала раскачивала его, а затѣмъ изо всей силы бросала на домъ, какъ метательный снарядъ. И, отхлынувъ назадъ, волны уносили съ собою бревно, чтобы снова съ удвоенною силой ударить имъ въ стѣны. Вскорѣ десять или двѣнадцать балокъ осаждали насъ со всѣхъ сторонъ. Вода ревѣла. Пѣна обливала намъ ноги. Домъ нашъ, наполненный водой, стоналъ, и мы слышали, какъ трещали перегородки. И когда удары были особенно сильны, намъ думалось, что все окончено, что крыша вотъ-вотъ провалится, и вода унесетъ насъ вмѣстѣ съ остатками нашего дома.

Гаспаръ всталъ на край крыши. Ему удалось схватить одну балку. Онъ вытащилъ ее на крышу и крикнулъ:

— Надо защищаться!

Въ свою очередь Жакъ старался поймать длинный шестъ. Пьеръ помогалъ ему. Я проклиналъ свою старость. Силы не позволяли мнѣ принять участіе въ этой работѣ.

Борьба была непосильна: три человѣка — противъ одной рѣки! Гаспаръ, держа въ рукахъ бревно, поджидалъ новыхъ обломковъ и, какъ только они подплывали, останавливалъ ихъ, не давая имъ удариться въ крышу. Но иногда толчокъ былъ такъ силенъ, что Гаспаръ падалъ. Жакъ и Пьеръ тоже старались шестомъ оттолкнуть подплывавшія доски. Эта безполезная работа продолжалась около часу. Борцы понемногу теряли силы. Наконецъ, они обезумѣли. Проклятія, удары, жалобы градомъ посыпались на воду. А она оставалась неуязвимой, не взирая на нашу злобу. Наконецъ Жакъ и Пьеръ безъ силъ повалились на крышу. Гаспаръ выпустилъ

балку обратно въ воду, и она не преминула нѣсколько разъ удариться о домъ. Сопротивленіе было невозможно.

Мари и Вероника крѣпко обнялись. Раздирающимъ душу голосомъ они повторяли одни и тѣ-же слова:

— Мы не хотимъ умирать, мы не хотимъ умирать!

Эти страшныя слова еще и теперь звучатъ у меня въ ушахъ.

Роза старалась ихъ утѣшить, но сама, дрожа всѣмъ тѣломъ, невольно поднимала лицо къ небу и восклицала:

— Я не хочу помирать!

Только тетя Агата ничего не говорила. Она не молилась больше. Она ужъ ничего не понимала. Но какъ только ея глаза встрѣчались съ моими, она старалась улыбнуться.

Вода ударяла теперь въ крышу. Не было никакой надежды на спасеніе. Со стороны церкви все слышались голоса. Вдали промелькнуло два фонаря. Потомъ опять все затихло, опять разстилалась необъятная желтая пелена. Людей изъ Сентена, на которыхъ мы надѣялись, не было. Ихъ лодки, вѣрно, уже были захвачены кѣмъ-нибудь до насъ.

Гаспаръ все еще копошился на крышѣ. Вдругъ онъ позвалъ насъ и сказалъ:

— Слушайте... Помогите мнѣ. Держите меня крѣпко.

Онъ опять взялъ шестъ и подстерегалъ огромную черную массу, которая подплывала къ нашему дому. Это была широкая крыша. Ее сорвало вѣтромъ съ какого-то сарая. Крыша была сдѣлана изъ толстыхъ досокъ и плавала по водѣ, какъ плотъ. Когда она подплыла близко къ нашему дому, Гаспаръ остановилъ ее шестомъ. Но его потащило въ воду, и потому онъ крикнулъ насъ. Мы схватили его за поясъ и крѣпко держали. Наконецъ крыша была подхвачена теченіемъ и съ силою ударилась въ нашъ домъ. Мы боялись, что онъ разлетится вдребезги.

Гаспаръ вскочилъ на подплывающій къ намъ плотъ и прошелся по нему нѣсколько разъ, чтобы удостовѣриться въ его прочности. Онъ смѣялся и весело говорилъ:

— Дѣдушка, вотъ мы и спасены! Смотрите, господа: настоящая лодка! Она выдержитъ всѣхъ насъ. И сидѣть здѣсь очень удобно!

Но ему показалось, что плотъ малъ Онъ сталъ вытаскивать изъ воды балки и связывать ихъ веревками, которыя Пьеръ захватилъ на всякій случай изъ комнаты. Онъ даже упалъ въ воду. Всѣ мы очень испугались, но онъ хорошо плавалъ и быстро очутился опять на крышѣ.

— Скорѣе въ путь,—кричалъ онъ,—не теряйте времени!

Женщины стали на колѣна.

Вероника и Мари Гаспаръ перенесъ на рукахъ. Онѣ сѣли посреди плота. Роза и тетя Агата сами сползли по крышѣ и по-

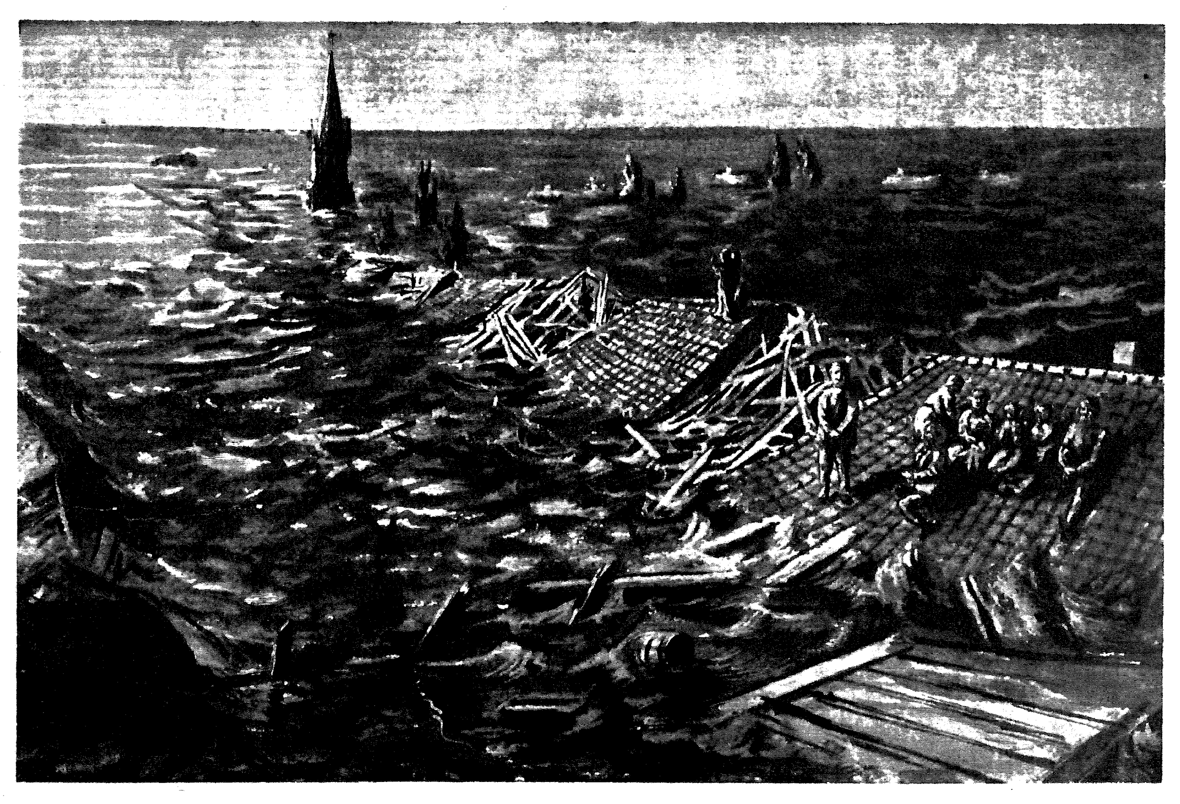

Рис. 46. „Онъ подстерегалъ огромную черную массу“ (къ стр. 114). Оригин. рис. худ. Ѳ. Г. Евдокименко.

мѣстились рядомъ съ дѣвушками. Въ эту минуту я взглянулъ въ сторону церкви. Эме стояла все на своемъ мѣстѣ. Вода касалась ея пояса. Она прислонилась къ трубѣ и высоко надъ головою держала дѣтей.

— Не безпокойтесь, дѣдушка,—сказалъ мнѣ Гаспаръ,—мы поѣдемъ мимо, и я обѣщаю вамъ спасти ее.

Пьеръ и Жакъ тоже взошли на плотъ. Я вскочилъ за ними. Плотъ нагнулся немного въ одну сторону. Но онъ былъ очень проченъ, и бояться было нечего. Послѣднимъ взошелъ Гаспаръ. Онъ велѣлъ намъ взять по шесту, которые должны были замѣнять весла. Самъ онъ вооружился длинною палкою и управлялъ ею съ большою ловкостью. Мы положились на него. Онъ далъ намъ знакъ, и мы оперлись шестами о крышу, чтобы оттолкнуться. Но, казалось, плотъ прилипъ къ ней. Несмотря на всѣ наши усилія, мы не могли отъѣхать отъ дома. Стоило намъ чуть двинуться, какъ потокъ гналъ насъ обратно. Мы подвергались большой опасности, волны грозили разбить доски, на которыхъ мы стояли. И снова почувствовалось наше безсиліе. Мы считали себя уже спасенными, но рѣка не выпускала насъ.

Я даже жалѣлъ, что женщины не на крышѣ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ вода схватитъ и унесетъ ихъ. Но, когда я предлагалъ вернуться на старое мѣсто, всѣ кричали:

— Нѣтъ, нѣтъ, попробуемъ еще! Лучше умереть здѣсь.

Гаспаръ больше не смѣялся. Мы снова принялись за работу, и напирали на шесты съ удвоенной силой. Наконецъ Пьеръ влѣзъ на крышу, веревкой оттянулъ насъ налѣво, вывелъ плотъ изъ теченія и самъ вскочилъ на него. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже находились на серединѣ улицы.

Но Гаспаръ вспомнилъ свое обѣщаніе спасти бѣдную Эме. Она все еще жалобно выла. Чтобы добраться до нея, надо было переплыть улицу и побороть ужасный потокъ, съ которымъ мы только что справились. Гаспаръ вопросительно взглянулъ на меня. Я не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться. Никогда въ жизни я не испытывалъ такой борьбы чувствъ. Плыть къ Эме—значитъ подвергнуть новой опасности восемь человѣкъ. Я колебался лишь нѣсколько мгновеній. До моихъ ушей снова донесся ея жалобный призывъ, и я не могъ устоять передъ нимъ.

— Да, да, — сказалъ я Гаспару, — намъ невозможно уѣхать безъ нея.

Онъ опустилъ голову и, не говоря ни слова, направился вдоль разрушенныхъ домовъ, отталкиваясь шестомъ отъ каждой стѣны. Мы проплыли мимо сосѣдняго дома, миновали нашъ хлѣвъ и выѣхали на улицу. Тутъ мы всѣ вскрикнули. Потокъ опять подхватилъ насъ. Мы закрутились, какъ осенній листъ, и въ одно мгновеніе были перенесены къ нашему дому. Нашъ крикъ заглохъ въ

страшномъ ударѣ плота о крышу. Разбитыя доски закружились. Мы всѣ попадали. Что потомъ произошло,—я не знаю. Я видѣлъ только, какъ упала тетя Агата. Широкія юбки на мгновеніе поддержали ее. А потомъ, закинувъ назадъ голову, она безъ всякаго сопротивленія стала погружаться въ воду.

Я очнулся отъ страшной боли. Пьеръ тащилъ меня за волосы по крышѣ. Я лежалъ, ничего не понимая. Пьеръ опять исчезъ подъ водою. И на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нырнулъ, вдругъ показался Гаспаръ; онъ несъ на рукахъ Веронику. Положивъ ее рядомъ со мною, онъ снова бросился въ воду и вытащилъ Мари. Бѣдная дѣвушка лежала неподвижно, съ закрытыми глазами. Лицо ея было совершенно блѣдно и я думалъ, что она уже умерла. Между тѣмъ Гаспаръ былъ опять въ водѣ. Но теперь его поиски оказались тщетными. Рядомъ съ нимъ я видѣлъ Пьера. Они о чемъ-то говорили, совѣтовались, но я ничего не могъ разобрать. Когда они, совсѣмъ уже измученные, взошли на крышу, я крикнулъ:

— А тетя Агата?,—а Роза? а Жакъ?

Они качали головами. Крупныя слезы текли по ихъ лицамъ. Изъ нѣсколькихъ словъ, брошенныхъ ими, я понялъ все, что случилось. Балка разбила голову Жаку. Роза уцѣпилась за трупъ своего мужа, и потокъ унесъ ихъ обоихъ. Тетя Агата пропала: должно быть тѣло ея было занесено въ открытое окно нашего дома.

Я привсталъ и взглянулъ на крышу, гдѣ стояла Эме. Вода все прибывала. Эме ужъ больше не выла. Я видѣлъ только, какъ она все вытягивала вверхъ свои окоченѣлыя руки и старалась поднять дѣтей, какъ можно выше, надъ водою. Но скоро все исчезло: при сонномъ свѣтѣ луны, водяная пелена замкнулась.

V.

Теперь насъ было на крышѣ только пять человѣкъ. Вода поднялась почти до верху, сухой оставалась узкая полоса. Одну трубу сорвало. Вероника и Мари все еще не приходили въ себя; мы приподняли ихъ и такъ держали, чтобы вода не обливала имъ ноги. Наконецъ онѣ очнулись. Но намъ было не легче.

Промокши насквозь, бѣдныя дѣвушки дрожали и все повторяли, что не хотятъ умирать. Мы успокаивали ихъ, какъ маленькихъ дѣтей; говорили, что онѣ не умрутъ, что мы не дадимъ имъ умереть. Но онѣ не вѣрили. Онѣ знали, что надо умереть. И при всякомъ упоминаніи о смерти, звучавшемъ какъ погребальный колоколъ, у нихъ стучали зубы, и въ ужасѣ несчастныя бросались въ объятія другъ другу. Наступалъ конецъ. Отъ деревни остались жалкія развалины. Только церковная колокольня уцѣлѣла. Оттуда все еще слышались голоса. Кругомъ ревѣла вода. Мы уже не слышали треска обрушивавшихся домовъ. Мы были безпомощны.

какъ потерпѣвшіе крушеніе среди океана, вдали отъ твердой земли.

Вдругъ, послышался шумъ, будто кто-то ѣхалъ на лодкѣ. Мѣрные удары доносились ясно. Какъ забились наши сердца! Лучъ надежды промелькнулъ въ душу. Мы затаили дыханіе. Всѣ глядѣли въ ту сторону, откуда неслись звуки, но ничего не было видно.

Желтою пеленой разстилалась вода. Неподвижными черными пятнами выступали на ней верхушки деревьевъ и уцѣлѣвшія части стѣнъ. Мимо насъ плыли доски, бревна, бочки. Они вызывали въ насъ ложную радость: завидѣвъ ихъ вдали, мы махали платками до тѣхъ поръ, пока не обнаруживалась ошибка. Наконецъ, насъ охватило отчаяніе, и въ изнеможеніи мы упали на крышу. Вдругъ вдали опять послышался шорохъ. Съ какой стороны онъ шелъ,— мы не могли разобрать.

— Ахъ, вижу, вижу,— живо закричалъ Гаспаръ, — вонъ тамъ большая лодка!

Онъ указалъ намъ на черное пятнышко, которое виднѣлось вдали. Я и Пьеръ ничего не видѣли; но Гаспаръ стоялъ на своемъ. Дѣйствительно, удары веселъ доносились яснѣе, и наконецъ мы замѣтили лодку. Она плыла медленно, но не приближалась къ намъ, а какъ будто вертѣлась на мѣстѣ. Мы пришли въ изступленіе, махали руками, кричали, что было силъ, наконецъ стали ругать лодку, а она чернымъ безмолвнымъ пятномъ вертѣлась все медленнѣе. Да была ли это лодка? Право, я сомнѣваюсь въ этомъ. Скоро она совсѣмъ исчезла, а вмѣстѣ съ тѣмъ погасли и наши послѣднія надежды.

Съ минуты на минуту мы ждали, что домъ провалится, и бездна проглотитъ насъ. Вода подмыла его, и онъ держался, должно быть, на одной своей стѣнѣ. Крыша дрожала подъ нашей тяжестью. Возможно, что домъ продержался бы цѣлую ночь, но крыша, разбитая бревнами, сдавалась: раздавленныя черепицы сползали. Мы перебрались на лѣвую сторону и размѣстились на стропилахъ, которыя, какъ намъ казалось, были еще совсѣмъ крѣпки. Но и тутъ спасенія не было. Подъ тяжестью пяти человѣкъ, стропила гнулись и каждую минуту грозили обрушиться.

Пьеръ машинально закурилъ трубку. Мрачно сдвинувъ брови и теребя усы, онъ бормоталъ что-то про себя. Опасность все возрастала, а бороться съ ней онъ былъ не въ силахъ. Это раздражало его. Старый служака терялъ терпѣніе. Съ гнѣвомъ и презрѣніемъ сплюнулъ онъ нѣсколько разъ въ воду, наконецъ не выдержалъ и, видя, какъ вода все поднимается и захватываетъ насъ, спустился по крышѣ.

— Пьеръ, Пьеръ!—кричалъ я ему; — мнѣ было страшно даже подумать, что онъ затѣваетъ.

Онъ обернулся и спокойно сказалъ:

— Прощай, Луи! Видишь ли, мнѣ надоѣло ждать. Да и вамъ будетъ безъ меня не такъ тѣсно на крышѣ.

Онъ бросилъ трубку и кинулся въ воду, крикнувъ:

— Прощайте! съ меня довольно!

Пловецъ онъ былъ неважный, да и не думалъ плыть. Наше разореніе и смерть близкихъ разбили его сердце: онъ не хотѣлъ насъ пережить... и волны поглотили его.

Въ церкви пробило два часа. Ужасная ночь, полная слезъ и мученій, приходила къ концу.

Сухое пространство подъ нашими ногами все уменьшалось. Вода журчала подлѣ насъ, волны ласково толпились, играли.. Теченіе измѣнилось, кучи досокъ и обломковъ двигались вправо отъ деревни. Они плыли все медленнѣе и медленнѣе. Истомленная бурной работой, вода какъ будто отдыхала, чтобы затѣмъ поглотить все.

Вдругъ Гаспаръ сталъ снимать сапоги и куртку. Я уже давно замѣтилъ его безпокойство, видя какъ онъ ломалъ свои пальцы.

— Что ты затѣялъ?—спросилъ я его.

— Дѣдушка, я изстрадался отъ неизвѣстности,—отвѣчалъ онъ.— Я не въ силахъ ждать дольше. Позвольте мнѣ, я спасу ее.

Онъ говорилъ о Вероникѣ. Я возражалъ ему. Развѣ онъ могъ-бы доплыть съ дѣвушкой до церкви? Но онъ упорно стоялъ на своемъ.

— Руки у меня крѣпкія, сильныя, дѣдушка, — вотъ увидите, доплыву,—говорилъ онъ.

Онъ хотѣлъ сейчасъ-же отправиться въ путь, пока еще не ослабѣлъ въ этой борьбѣ съ разрушеніемъ.

— Я люблю ее, я спасу ее,—повторялъ онъ.

Я не отвѣчалъ и молча привлекъ Мари къ себѣ на грудь. Гаспаръ подумалъ, что я упрекаю его, и пробормоталъ:

— Я сейчасъ-же возвращусь и спасу Мари и васъ. Я найду лодку. Вѣрьте мнѣ, дѣдушка.

Онъ остался въ однѣхъ панталонахъ. Поспѣшно вполголоса давалъ онъ наставленія Вероникѣ: она должна вполнѣ положиться на него, не двигаться и въ особенности не бояться. Бѣдная дѣвушка отвѣчала утвердительно на каждую его фразу. Гаспаръ привязалъ Веронику веревкою, которую надѣлъ себѣ на шею. Наконецъ, перекрестившись дрожащею рукою, онъ бросился въ воду. Вероника страшно закричала и тотчасъ потеряла сознаніе.

— Такъ лучше, — крикнулъ мнѣ Гаспаръ,—теперь я ручаюсь за нее.

Можно себѣ представить, съ какимъ ужасомъ слѣдилъ я за ними. Малѣйшее движеніе Гаспара не ускользало отъ меня. Онъ держалъ Веронику на правомъ плечѣ. Тяжелая ноша тянула его внизъ, онъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія и подвигался довольно быстро. Онъ проплылъ уже треть всего разстоянія, и я не сомнѣвался больше, что онъ благополучно достигнетъ церкви. Вдругъ

онъ наткнулся на стѣну, которую не видно было изъ-подъ воды. Толчекъ былъ очень силенъ. Оба исчезли подъ водой. Вскорѣ Гаспаръ выплылъ одинъ. Вероники не было. Тогда онъ опять бросился въ воду, вытащилъ Веронику и, взваливъ ее на спину, продолжалъ свой путь. Но веревка оборвалась, ноша давила его, и плыть было еще труднѣе. Тѣмъ не менѣе онъ двигался, церковь была уже близко. Вдругъ мое сердце замерло. Нѣсколько балокъ плыли имъ наперерѣзъ. Я хотѣлъ закричать, но не успѣлъ открыть рта, какъ новый толчекъ разлучилъ ихъ. Вода поглотила обоихъ.

Съ той минуты я отупѣлъ. Во мнѣ осталось только чувство животнаго самосохраненія. Когда вода поднималась, я удалялся отъ нея. Мои мысли спутались, я ничего не понималъ. Вдругъ я услышалъ звонкій смѣхъ. Кто могъ смѣяться около меня, — я не соображалъ...

Уже наступало утро. Заря занималась. Свѣжій вѣтерокъ пахнулъ мнѣ въ лицо. Было хорошо и спокойно, какъ рано утромъ на берегу озера. А смѣхъ раздавался все громче. Я обернулся и увидѣлъ Мари. Она стояла въ мокромъ платьѣ и смѣялась.

Бѣдная, милая дѣвочка! какъ она была хороша въ этотъ утренній часъ! Я видѣлъ, она нагнулась, зачерпнула рукою воды и вымыла себѣ лицо. Потомъ она заплела свои бѣлокурые волосы. Она навѣрно думала, что находится у себя въ комнатѣ въ воскресенье и, заслышавъ благовѣстъ, одѣвается, чтобы итти въ церковь. Лицо ея сіяло радостью, глаза блестѣли, и она все заливалась звонкимъ смѣхомъ.

Глядя на нее, я заразился ея безуміемъ и тоже началъ хохотать. Страхъ свелъ ее съ ума. И слава Богу! Теперь ее радовалъ веселый восходъ солнца.

Я не мѣшалъ ей и, ничего не понимая, ласково кивалъ ей головой. Она все прихорашивалась. Потомъ, окончивъ свой туалетъ, она запѣла гимнъ. Ея чистый голосокъ такъ нѣжно раздавался въ воздухѣ! Вдругъ она прервала пѣніе и, будто отвѣчая на чей-то голосъ, крикнула:

— Иду, иду!

Она опять запѣла, спустилась съ крыши и вошла въ воду, которая тихо покрыла ее. Я не переставалъ смѣяться, и все смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ она исчезла.

Больше я не помню ничего. Я былъ одинъ на крышѣ. Вода все поднималась. Одна труба еще оставалась не залитой. Мнѣ помнится, что я цѣплялся за нее, какъ животное, которое не хочетъ умереть. А потомъ, ничего, ничего, все исчезло...

VI.

Зачѣмъ я живу? Мнѣ разсказывали, что въ шесть часовъ утра пріѣхали люди изъ Сентена. Они и нашли меня на трубѣ. Я былъ

въ обморокѣ. Вода отняла у меня все, что мнѣ было дорого. Зачѣмъ она не поглотила и меня? Какъ это жестоко!

Я остался одинъ, слабый, больной, никому не нужный старикъ. Маленькія дѣти, молодыя дѣвушки, матери и отцы,—всѣ погибли, а я все еще влачу свое существованіе, какъ сухой бурьянъ на камнѣ. Если бы у меня хватило смѣлости, я послѣдовалъ бы примѣру Пьера и сказалъ-бы: Съ меня довольно, прощайте! и бросился бы въ Гаронну, чтобы покончить такъ, какъ кончили всѣ мои родные! У меня нѣтъ больше дѣтей. Мой домъ разрушенъ, мои поля опустошены. А еще такъ недавно, мы всѣ сидѣли за столомъ: старые по серединѣ, молодежь съ краю, и весело болтали о проведенномъ днѣ. Какъ хорошо было тогда и уютно! Въ счастливые дни жатвы и сбора винограда, мы возвращались домой, гордые своимъ богатствомъ. Гдѣ же вы, милыя дѣти и чудные виноградники, прекрасныя дѣвушки и пышныя нивы, утѣха моей старости, награда моей жизни... Все погибло... Зачѣмъ же, Боже, хочешь Ты, чтобы я еще жилъ?

Нѣтъ мнѣ утѣшенія. Я не хочу помощи. Я отдамъ мои поля людямъ, у которыхъ еще есть дѣти. У нихъ найдутся силы очистить землю отъ обломковъ и воздѣлать ее снова. А когда нѣтъ дѣтей, довольно и угла, чтобы умереть.

У меня было только одно, послѣднее желаніе,—найти дорогія мнѣ тѣла и похоронить ихъ у насъ на кладбищѣ, чтобы ходить туда и изливать свое горе на ихъ могилахъ. Разсказывали, что въ Тулузѣ нашли множество труповъ, унесенныхъ рѣкою. Я отправился туда.

Какая ужасная картина! Больше двухъ тысячъ домовъ разрушено, семьсотъ человѣкъ мертвыхъ; всѣ мосты унесены; цѣлый кварталъ утонулъ въ грязи. Около двадцати тысячъ несчастныхъ осталось безъ крова и пищи, городъ былъ переполненъ трупами; ему грозилъ повальный тифъ. Вездѣ трауръ. По улицамъ тянутся похоронныя шествія; нищіе не даютъ прохода. Но я шелъ среди развалинъ, ничего не видя. У меня было свое горе: оно меня давило.

Мнѣ сказали, что найдено много труповъ. Ихъ уже похоронили длинными рядами въ одномъ углу кладбища. Съ неизвѣстныхъ сдѣлали снимки. И вотъ между этими печальными портретами я нашелъ Гаспара и Веронику. Они обнялись такъ крѣпко, что пришлось сломать окоченѣлыя руки, чтобы ихъ разъединить. Они сняты вмѣстѣ и покоятся рядомъ въ землѣ.

И у меня осталась только эта ужасная карточка. Опухшія обезображенныя лица дѣтей все-же сохраняютъ отпечатокъ ихъ глубокой любви. Я смотрю на нихъ и плачу.

Горе Петербурга.

I.

Былъ ноябрь 1824 года. Въ Петербургѣ стояла ненастная осень. Сѣрое небо нависло надъ городомъ. Уныло завывалъ пронзительный вѣтеръ. Мелкій дождь моросилъ съ утра. Холодъ пронизывалъ до костей. Къ вечеру 6 ноября вѣтеръ усилился. Нева вздымалась огромными волнами и шла вверхъ, наперекоръ своему обычному теченію. Вода поднималась. Въ 7 часовъ вечера на Адмиралтейской башнѣ появились сигнальные огни: Петербургу грозило наводненіе.

Настала темная ночь. Вѣтеръ превратился въ настоящую бурю. Свирѣпые порывы его потрясали крыши и окна домовъ. Стекла звенѣли отъ ударовъ крупныхъ дождевыхъ капель. Но безпечные жители столицы, утомленные дневными трудами, спокойно спали въ своихъ домахъ. Никто не предвидѣлъ особеннаго бѣдствія.

Забрезжилось утро, пасмурное, хмурое, холодное. На улицахъ стали появляться люди, спѣшившіе по своимъ дѣламъ: чиновники, торговцы, мастеровые. Къ 10 часамъ утра на берегахъ Невы собрались толпы любопытныхъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили они за дикой игрою рѣки. Сѣдая, покрытая бѣлою пѣной Нева клокотала. Огромныя волны съ ужаснымъ шумомъ разбивались о гранитные берега и взлетали наверхъ милліонами серебристыхъ брызгъ... Приходили тревожныя вѣсти. Все низменное побережье залива было уже затоплено. Жители Галерной Гавани, деревни Емельяновки, окрестностей Екатерингофа ждали гибели. Немногіе спасли свою жизнь и имущество.

Ужасны были разсказы очевидцевъ. Все необозримое пространство залива казалось одною кипящей пучиной. Безчисленныя брызги наполняли воздухъ. Туманъ облекалъ все непроницаемой пеленой. Надъ водяными громадами клубилась густая, бѣлая пѣна. Яростно неслись волны къ берегу. Жалкіе деревянные домики, пріютившіеся здѣсь, дрожали подъ ихъ напоромъ; многіе съ трескомъ обрушивались. Люди спасались, какъ могли, на плавающихъ

бревнахъ, кровляхъ, воротахъ. Весь домашній скотъ и пожитки погибли.

Вода не переставала прибывать. Вѣтеръ все крѣпчалъ. Вдругъ переполненная Нева хлынула по подземнымъ трубамъ. Бѣдствіе распространилось на весь городъ. Вода полилась черезъ края набережныхъ и била фонтанами на улицахъ. Въ ужасѣ и смятеніи жители бросились бѣжать. Погреба, подвалы и даже нижніе этажи домовъ быстро наполнялись водою. Каждый спасалъ, что могъ, оставляя большую часть имущества въ добычу водѣ. Нѣкоторые погибли въ погребахъ. Кареты и дрожки, разъѣзжавшія по водѣ, стали всплывать. Извозчики спѣшили укрыться на высокихъ мостахъ или на первомъ встрѣчномъ дворѣ. Въ первомъ часу дня весь городъ, за исключеніемъ трехъ высокихъ частей, былъ подъ водою. Слой ея превышалъ ростъ человѣка, а мѣстами подымался до полуторы сажени (рис. 47).

Дворцовая площадь превратилась въ одно огромное озеро, на которомъ свирѣпствовали дикія волны. Зимній дворецъ, какъ скала, поднимался среди нихъ. Водяные брызги осыпали его почти до самаго верха. Всѣ мосты на Невѣ и на рукавахъ, за исключеніемъ Сампсоніевскаго, были сорваны и разнесены по частямъ. Два плашкоута Троицкаго моста были взброшены на парапетъ набережной. Невскій проспектъ до самаго Аничкова моста имѣлъ видъ широкой рѣки. На другихъ улицахъ также свирѣпствовали волны. Вездѣ неслись дрова, бревна, мебель.

Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ военный генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ. Въ двѣнадцативесельномъ катерѣ, спѣшилъ онъ для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣсколько малыхъ лодокъ проплыло по Морской. Но подать всѣмъ помощь было невозможно. Люди, застигнутые врасплохъ, лѣзли въ окна, цѣплялись за карнизы и балконы домовъ, взбирались на фонарные столбы и деревья. Всего ужаснѣе было бѣдствіе въ низменныхъ окраинахъ Петербурга: въ Гавани, на Васильевскомъ островѣ, на Петербургской сторонѣ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что рвалъ съ домовъ желѣзныя крыши. Большая часть строеній была повреждена, иныя—унесены теченіемъ. Всѣ заборы ниспровергнуты. Смоленское кладбище скрылось подъ водою на глубину 9 футовъ. Могилы были размыты. Кресты и гробы съ покойниками уносились волнами на огромныя разстоянія.

Въ третьемъ часу пополудни вода начала сбывать. Въ 7 часовъ уже стали ѣздить въ экипажахъ по улицамъ. Даже тротуары во многихъ мѣстахъ сдѣлались проходимыми. Въ ночь улицы совсѣмъ очистились отъ воды. На другой день Петербургъ представлялъ печальную картину разрушенія. Берега Невы были завалены судами, будками и всякимъ хламомъ. На улицахъ стояли барки.

Мѣстами лежали груды обломковъ до 1 сажени въ вышину. Сотнями валялись трупы погибшаго скота. На Петербургской сторонѣ весь плацъ у 2-го кадетскаго корпуса былъ загроможденъ поломанными судами, дровами, крышами, домами, занесенными изъ Гавани. На Смоленскомъ кладбищѣ каменныя плиты и надгробные памятники были сдвинуты съ мѣста и занесены землей. Деревянная церковь на кладбищѣ размыта. А въ Лѣтнемъ саду старыя, толстыя деревья были вырваны изъ земли и лежали, простирая вверхъ обнаженные корни. Всего снесено наводненіемъ 324 дома и повреждено 3257 строеній; людей погибло по нѣкоторымъ указаніямъ 208, а по другимъ—до 4000 человѣкъ. Разнаго скота, крупнаго и мелкаго, потонуло до 3600 головъ. Между прочимъ, цѣлое стадо черкасскихъ быковъ погибло на Васильевскомъ островѣ между 4 и 5 линіями. Убытки оцѣнивались многими милліонами рублей.

Всѣ съѣстные припасы, матеріалы и рабочія руки вздорожали непомѣрно. Почти всѣ необходимыя вещи продавались по двойной цѣнѣ, пока правительство не установило таксы.

Тотчасъ послѣ наводненія наступили сильные морозы. Сырыя стѣны подваловъ и нижнихъ этажей обледенѣли. Печи были разрушены. Бѣдствію не предвидѣлось конца. По повелѣнію Государя, были приняты энергичныя мѣры для оказанія помощи пострадавшимъ. По улицамъ развозили хлѣбъ и теплую одежду. Въ больницахъ и частныхъ домахъ устроены были временные пріюты для лишившихся крова. Со всей Россіи стекались пожертвованія; кромѣ милліона рублей, пожертвованнаго Государемъ, было собрано еще 3 милліона. Но и этого оказалось мало; деньги были розданы болѣе чѣмъ 50 тысячамъ населенія. На каждаго приходилось не болѣе 50—60 рублей.

Въ числѣ прочихъ жителей столицы жестоко пострадалъ отъ наводненія извѣстный писатель, переводчикъ древнихъ классиковъ И. И. Мартыновъ. Въ это время онъ жилъ въ маленькомъ собственномъ домикѣ на Васильевскомъ островѣ. Страшно любя ботанику, онъ развелъ у себя превосходный цвѣтникъ. Съ заступомъ въ рукахъ, съ лейкой и кривымъ ножомъ бѣгалъ онъ по своему саду, окапывалъ деревья, разсуждалъ съ рабочими. Въ тиши и уединеніи проводилъ онъ свои трудовые дни. Кромѣ классиковъ и цвѣтовъ, онъ ничѣмъ другимъ не интересовался. И вдругъ страшное несчастіе разрушило этотъ мирный уголокъ и оставило его владѣльца почти безъ всякихъ средствъ.

Наводненіе подробно описано Мартыновымъ въ его письмахъ къ друзьямъ[1]). «Ужасовъ и страданій, говоритъ онъ, никакое перо описать не можетъ. Бѣдствія каждаго семейства—цѣлая трагедія».

---

[1]) См. интересную книжку Колбасина: «Литературные дѣятели прежняго времени».

Когда вода стала прибывать, Мартыновъ спокойно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и переводилъ Геродота. Прибыль воды не тревожила его. Весь углубленный въ свою работу, онъ не обращалъ вниманія на происходившее. Вскорѣ, однакожъ, равнодушіе его поколебалось. Онъ замѣтилъ воду, уже разлившуюся въ одиннадцатой линіи у стѣнъ его дома. Она пробиралась къ нему на дворъ. Гостью эту онъ видѣлъ два года тому назадъ и думалъ, что она погоститъ да и уйдетъ себѣ безъ дальнѣйшаго безпокойства и вреда хозяину. Но вода все прибывала. Мартыновъ встревожился, собралъ вокругъ себя свое семейство и, къ крайнему огорченію, узналъ, что одинъ изъ его сыновей ушелъ изъ дому и не возвращался. Два инвалида, бывшіе въ услуженіи Мартынова, поймавъ плывшую лодку, пустились перевозить на ней людей, застигнутыхъ на дорогѣ водою. Мартыновъ кричалъ, чтобы они не смѣли брать ценегъ. Въ числѣ застигнутыхъ водою былъ и сынъ его, котораго инвалиды, занятые новымъ своимъ ремесломъ, не захватили, и онъ, спасаясь по мосткамъ, кой-какъ и съ большимъ трудомъ добрелъ до квартиры своихъ знакомыхъ, жившихъ неподалеку отъ дома его отца, гдѣ и оставался во все время наводненія. Увидѣвъ сына здоровымъ и невредимымъ, семейство успокоилось.

Скоро всѣ должны были перебраться наверхъ, въ мезонинъ, потому что вода начала проступать сквозь полъ, разлилась по кухнѣ, гостиной и кабинету. Оставивъ въ мезонинѣ свою жену, Мартыновъ побѣжалъ въ кабинетъ, чтобы захватить, что можно: взялъ Геродота, переводъ двухъ ненапечатанныхъ трагедій, «Иліаду« и лексиконъ. Каковъ былъ его ужасъ, когда, спустясь еще разъ внизъ, онъ увидѣлъ, что комоды, столъ, стулья, клавикорды [1], диваны и «все, что по физическимъ законамъ плавать можетъ», поплыло. Всѣ печи размыло, иныя обрушились. Библіотека, которую онъ собиралъ болѣе тридцати лѣтъ, составленная большею частью изъ рѣдкихъ и необходимыхъ для него книгъ, вся была затоплена. Мартыновъ плакалъ, какъ ребенокъ. Его любимые авторы, латинскіе, греческіе и другіе, скомканные и размытые, преспокойно уплывали себѣ черезъ разбитое окно на улицу.

«Глобусы мои,—пишетъ онъ,—большіе и малые, опрокинутые внизъ, служили эмблемой представленія свѣта; оттиски и слѣпки медалей, картины, географическія карты и другіе чертежи, словомъ, все тлѣнное и сокрушимое—приближено къ истлѣнію или сокрушено». «Уже прошло гораздо болѣе двухъ часовъ, прошло за три — продолжаетъ онъ,—но вода все прибываетъ. Казалось, вѣтеръ свиститъ и свирѣпствуетъ еще сильнѣе. Волны вздымались, какъ на морѣ. Брызги воды отрываются отъ валовъ, сердитыхъ и бѣлыхъ; часто пошатывается нашъ мезонинъ, и сердце замираетъ. Безъ сомнѣнія,

1) Клавикорды—старинное фортепіано.

сорвало бы нашъ мезонинъ и насъ унесло бы, если бы съ этой стороны, откуда дулъ вѣтеръ, не было довольно высокаго сарая. Вдругъ затрещали въ залѣ и въ другихъ комнатахъ стекла,—и вотъ мимо моего дома несется сорванный парникъ, сарай, хлѣвъ или домикъ съ живыми или съ мертвыми придавленными людьми или животными. Тамъ плывутъ на бревнахъ, влѣзаютъ на попадающіяся по дорогѣ деревья. Вѣтеръ срываетъ съ домовъ желѣзные листы, свертываетъ ихъ и несетъ по воздушному пространству; срываетъ даже цѣлыя крыши и бросаетъ въ пучину».

Вода, по свидѣтельству Мартынова, была около его дома выше сажени. Прислуга его, жившая во флигелѣ, разломала потолокъ и влѣзла на чердакъ, потому что вода была до самаго потолка. Инвалиды, съ такою жадностью бросившіеся сначала перевозить, тоже взобрались туда и приготовлялись къ смерти. Одна женщина лишилась пріюта, бѣжитъ по водѣ, выбирая для этого высокія мѣста, съ малолѣтнею, едва начавшею лепетать дочерью. Но вода быстро прибываетъ... Мать уже не находитъ возможности спасти дочь, о своей жизни она не думаетъ; вдругъ видитъ позади себя солдата, плывущаго на бревнѣ, и бросаетъ къ нему черезъ голову свое дѣтище. Солдатъ подхватываетъ дитя, и бѣдная мать въ глазахъ его погружается въ воду и тонетъ. Вообще страшныя картины представлялись Мартынову съ его «ковчега», какъ онъ называлъ свой мезонинъ, дрожавшій всѣмъ корпусомъ и ежеминутно угрожавшій сорваться со своего основанія. Здѣсь человѣкъ спасаетъ свою жизнь, плывучи въ чанѣ, тамъ—ухватясь за гвоздь плывущаго домика, на разрушенной крышѣ котораго сидитъ или кошка, или собака, съ боязнью взирающая на свое плаваніе. Сосѣдъ Мартынова спасся со своею женою на большой двери, сорванной бурею: трепещущій мужъ держитъ въ рукахъ курицу, а жена — собачку. Они, какъ послѣ сами разсказывали, прощались другъ съ другомъ и приготовлялись къ смерти. Другая оторванная дверь служила подпорой головѣ лошади.

«Много могъ бы я вамъ передать событій для вашего любопытства,—пишетъ онъ своему пріятелю,—но надобно поберечь вашу чувствительность; всѣ они не забавнаго происхожденія. Даже и сигъ, заплывшій въ подвалъ Императорской Публичной Библіотеки, не можетъ потѣшить при общемъ бѣдствіи. Такъ, армянскій священникъ на армянскомъ кладбищѣ привязалъ себя въ церкви къ стѣнѣ веревкой, чтобы, по крайней мѣрѣ, не унесло его трупа безъ вѣсти, какъ это, дѣйствительно, съ другими случилось. Къ одному англичанину принесло водою гробъ его пріятеля, котораго онъ похоронилъ за два дня до наводненія. Еще недавно была отъ полиціи повѣстка, кто изъ обывателей нашелъ гробъ съ непогребеннымъ еще покойникомъ, унесенный со Смоленскаго кладбища, и кто представитъ его, тому дано будетъ 500 рублей. Далѣе, къ обывателю

Рис. 47. Наводненіе 7 ноября 1824 года. Съ картины художника А. Алексѣева. (Русскій Музей Императора Александра III).

Выборгской стороны принесло водою въ пустомъ ящикѣ грудного младенца. Въ первое утро послѣ наводненія услыхали подъ окошкомъ дѣтскій крикъ, и находятъ дитя, — оно улыбается. Хозяинъ дома принимаетъ на себя воспитаніе его».

«Сколько было трогательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такого, что достойно памяти человѣчества! Какія противоположности самой чистой добродѣтели и грубой безнравственности. Посмотрите, напр., на этого удивительнаго человѣка, чиновника Иванова, который, будучи самъ разоренъ наводненіемъ, объявилъ, что онъ собираетъ всѣхъ утонувшихъ, одѣваетъ ихъ пристойнымъ образомъ, покупаетъ для нихъ гробы и хоронитъ на свой счетъ. Онъ похоронилъ такимъ образомъ до трёхъ сотъ человѣкъ, и въ домѣ своемъ, въ которомъ прежде было училище, далъ убѣжище оставшимся послѣ наводненія безъ всякаго пріюта. Этотъ благородный чиновникъ издержалъ все свое имущество и, израсходовавъ деньги до послѣдней копѣйки, очень спокойно сказалъ: «Теперь пора подумать и о себѣ». Безъ малѣйшихъ средствъ онъ пустился отыскивать себѣ пропитаніе, увѣряя, что ему посчастливится, и что онъ не умретъ съ голода. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ иные плакали, другіе радовались; одни разорялись, другіе пользовались ихъ разореніемъ». Такъ, напр., на другой день послѣ наводненія Мартынову попадались солдаты, мужики и женщины съ полными ведрами какой-то жидкости.

— Что это такое? — спросилъ онъ.

— Патока! — отвѣчали они.

— Откуда?

— А вотъ на биржѣ размыло сахарный песокъ, — ужъ какое раздолье!

Мартыновъ посмотрѣлъ на указанное мѣсто и, дѣйствительно, увидѣлъ множество людей съ ведрами и другой посудой, собирающихъ патоку у забора, гдѣ навалены были горы сахарнаго песку, и весело болтающихъ о томъ, кто сколько поймалъ утонувшихъ. Этого мало: едва успѣла сойти вода, какъ начались грабежи. Мартыновъ въ первое же утро послѣ наводненія засталъ у себя одного такого добраго человѣка съ дубинкою. Онъ собиралъ, что ему угодно было.

— Что ты дѣлаешь? — спросилъ онъ его съ негодованіемъ.

— Ищу вчерашняго дня, — мрачно возразилъ онъ, укладывая чужое добро въ большой мѣшокъ.

«И вѣроятно бы,—пишетъ Мартыновъ,—онъ попотчевалъ меня своею изрядною хворостиной, какою у Крылова мужикъ гонитъ гусей, если бы тогда было потемнѣе. Но, съ другой стороны, полюбуйтесь этими благотворительными купцами, которые, наполнивъ корзинки деньгами, помогаютъ пострадавшимъ не копѣйками и не рублями, а цѣлыми сотнями рублей. Одинъ мужикъ, съ опасностью для своей жизни, спасъ четырнадцать душъ въ продолженіе нѣ-

сколькихъ часовъ. Нѣкто Соколовъ, секретарь Россiйской Академiи, жившiй въ верхнемъ этажѣ, спасъ пятнадцать человѣкъ погибающихъ, подавая имъ веревки, и никому не разсказывалъ о своемъ подвигѣ».

Наводненiе совершенно разорило Мартынова; два флигеля, примыкавшiе къ его дому, оранжереи, теплица и садъ были уничтожены; о мебели и разныхъ хозяйственныхъ принадлежностяхъ и говорить нечего. Истребленiе сада и богатой библiотеки болѣе всего его сокрушало. «Любя съ самыхъ молодыхъ лѣтъ природу,—пишетъ онъ, — и сдѣлавшись въ состоянiи прiобрѣсть такое мѣсто, гдѣ могъ бы ближе познавать ея таинства, я купилъ домъ, устроилъ его по своимъ видамъ и десять лѣтъ провѣрялъ въ немъ свои познанiя въ ботаникѣ и садоводствѣ наблюденiями практическими. Нѣтъ почти ни одного растенiя въ оранжереяхъ, которое бы не самъ я взростилъ или черенками, или посадкою корешковъ и луковицъ, или сѣменами. На открытомъ воздухѣ также большая часть ихъ существованiемъ своимъ обязана моимъ собственнымъ рукамъ и работамъ. Судите же послѣ всего сами, какъ тяжело лишиться этого заведенiя! Флигеля, оранжереи, теплица и мой садикъ нынѣ представляютъ одну картину разрушенiя. На расколотыхъ или изломанныхъ фруктовыхъ деревьяхъ висятъ ужасные плоды: то обрубки лѣса, то оконныя рамы, то капустныя головы».

Но кромѣ этого истребленiя, наводненiе затопило все напечатанное въ типографiи департамента просвѣщенiя. Той же участи подверглись и переводы Мартынова, «но болѣе всѣхъ, — пишетъ онъ,—выкупался въ невской водѣ несчастный Гомеръ, и безъ того довольно, кажется, пострадавшiй на своемъ вѣку».

Выйдя изъ своего разрушеннаго дома на четверть часа, онъ успѣлъ увидѣть слѣдующее. У сосѣда его въ подвалѣ плавали двѣ утонувшiя женщины; у другого сосѣда потонуло семь человѣкъ. «Одна изъ этихъ жертвъ подноситъ ко лбу своему руку съ тремя сложенными пальцами, чтобы перекреститься; другая—держитъ въ рукѣ двадцатипятирублевую бумажку! Въ одномъ полуразрушенномъ домикѣ онъ услышалъ крикъ женщины, стоящей между оконными косяками. Она просила со слезами у проходящихъ подъѣхать на лодкѣ къ дому, окруженному еще водой, и спасти утопающую ея хозяйку. Мартыновъ и другiе зрители бросились искать лодки, — лодки нѣтъ. Онъ кинулся къ будочнику, но будки и будочника какъ не бывало,—ихъ снесло. Они не знали, что дѣлать, но одинъ мужикъ нашелся.

— Э, — сказалъ онъ, — зачѣмъ ломать голову? Вѣдь наводненiе ужъ кончилось, и при этихъ словахъ бросился въ воду и перенесъ сперва одну, а потомъ другую полуживую женщину. Всѣ окружающiе бросились награждать смѣльчака, но онъ ничего не принялъ, сказавъ:

— Да моего парнишку тоже спасъ добрый человѣкъ, такъ я его благодарствіемъ наградилъ только.

На дворѣ одного дома Мартыновъ увидѣлъ пару мертвыхъ лошадей, запряженныхъ въ дрожки. Ему разсказывали, что онѣ никакъ не хотѣли итти изъ воды и, борясь со смертью, грызли одна другую, пока обѣ не утонули. Между четвертою и пятою линіями [1]) ему представилось слѣдующее: болѣе 50 черкасскихъ быковъ выбились изъ силъ и потонули. Нѣкоторые еще на его глазахъ умирали, другіе жалобнымъ мычаніемъ просили помощи въ обвалившемся сараѣ. На Смоленскомъ полѣ курилась огромнѣйшая жертва Посейдону-истребителю [2]): тутъ были утонувшій скотъ, лошади, свиньи. Корова, принадлежавшая Мартынову, также попала на мѣсто всесожженія. Утонувшій скотъ болѣе всего попадался ему на возвратномъ пути, пока онъ, усталый и больной, добрелъ до своей квартиры. Мимо его провезли и пронесли, по одному и по два вмѣстѣ, человѣкъ до десяти мертвыхъ. По дорогѣ къ нему присталъ какой-то старичекъ. Онъ сообщилъ, что въ Гавани осталось не болѣе семидесяти домовъ, и что изъ Кронштадта пригнало нѣсколько кораблей. Изъ нихъ одинъ разломалъ уголъ церкви и остановился на самой паперти.

До сихъ поръ еще сохранились въ Петербургѣ живыя воспоминанія о страшномъ наводненіи 1824 г. На стѣнахъ старыхъ домовъ и теперь красуется дощечка съ надписью «7 ноября 1824 года». Черта, отмѣченная на нихъ, указываетъ высоту воды во время наводненія. Всего выше поднималась она въ Галерной Гавани — на $10^3/_4$ фута, всего меньше у Казанскаго собора—4 фута. Эту великую петербургскую катастрофу обезсмертилъ нашъ поэтъ А. С. Пушкинъ въ своей поэмѣ «Мѣдный Всадникъ».

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день! Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
По утру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! Приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,

[1]) На Васильевскомъ островѣ въ Петербургѣ каждая сторона улицы носитъ названіе линіи. Линіи различаются по нумерамъ, и только немногія имѣютъ особыя названія.

[2]) Посейдонъ—у древнихъ грековъ богъ моря.

Рис. 48. Наводненіе 7 ноября 1824 года. Сцена на Сенатской площ. у памятника Петру I. На заднемъ планѣ виденъ строющійся еще Исаакіевскій Соборъ.

Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!..
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ [1]). На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: „Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать“. Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны [2]) озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

II.

Наводненія—постоянный бичъ Петербурга. Съ самыхъ первыхъ дней существованія города они тревожатъ мирный покой жителей, угрожаютъ ихъ жизни и имуществу. Сохранились нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, позволяющія думать, что и до основанія красавицы-столицы Нева съ такою же свирѣпостью творила разрушенія у своихъ береговъ. Можно даже полагать, что наводненіе 1824 года было не изъ самыхъ сильныхъ.

Въ 1279 году на мѣстѣ нынѣшняго Петербурга былъ воздвигнутъ шведами новый городокъ Ландскрона. Въ какія-нибудь 10—20 лѣтъ онъ достигъ цвѣтущаго состоянія. Шведы всячески лелѣяли свое дѣтище: здѣсь былъ важный оплотъ ихъ могущества, отсюда думали они грозить своему сосѣду—русскимъ. Въ 1299 году въ этотъ городъ явился одинъ изъ знаменитѣйшихъ маршаловъ короля Биргера съ блестящею свитой, съ многочисленнымъ войскомъ и построилъ крѣпкій замокъ. Прошелъ еще годъ. И вдругъ случилось страшное наводненіе. Буря свирѣпствовала нѣсколько дней. Цвѣтущая шведская крѣпость была разрушена. Кое-какъ уцѣлѣвшія жилища были пропитаны сыростью. Вся провизія была подмочена и стала гнить. Среди солдатъ свирѣпствовала сильная цынга. Большинство защитниковъ города умерло.

Этимъ случаемъ воспользовался новгородскій князь Андрей Александровичъ. Осторожно онъ подошелъ къ злополучной Ландскронѣ съ большимъ войскомъ и разрушилъ ее до основанія. Городъ исчезъ съ лица земли, но память о страшномъ наводненіи сохранилась въ лѣтописяхъ минувшихъ временъ.

Такая же катастрофа разразилась на невскихъ берегахъ и въ самомъ концѣ 17-го столѣтія въ 1693 или 1696 годахъ. Никакихъ точныхъ свѣдѣній о ней не имѣется. Сохранились только старин-

---

[1]) Александръ Первый Благословенный.
[2]) Стогны—площади.

ные шведскіе атласы, по которымъ можно судить о грозныхъ размѣрахъ бѣдствія. На картѣ 1696 года видны на берегахъ Невы многочисленныя деревни и села. На картѣ 1698 г. здѣсь все пусто. Исчезли всѣ признаки человѣческихъ жилищъ. Только

Лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

Все было уничтожено страшнымъ наводненіемъ. Какова была его высота? Никто не сумѣлъ отвѣтить на эти вопросы, но, по всей вѣроятности, и въ этомъ случаѣ Нева свирѣпствовала не менѣе, чѣмъ въ 1824 году.

Въ третій годъ послѣ основанія Петербурга, т. е. въ 1706 г., было довольно значительное наводненіе. Это первое бѣдствіе въ лѣтописяхъ столицы не могло имѣть особенно печальныхъ послѣдствій: молодой городъ былъ еще невеликъ и имѣлъ немного жителей. Объ этомъ наводненіи Петръ пишетъ: «Третьяго дня вѣтромъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху пола 21 дюймъ, а по городу и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили на лодкахъ. Однакожъ не долго держалось: менѣе трехъ часовъ... Вода, хотя и зѣло велика была, бѣды большой не сдѣлала». Впрочемъ, Петръ Великій, кажется, не понималъ той опасности, которою грозило новому городу сосѣдство безпокойной Невы. «Зѣло было утѣшно смотрѣть, пишетъ онъ, что люди по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли, не точію мужики, но и бабы».

Слѣдующее сильное наводненіе было 5 ноября 1721 года. Нева поднялась на 7 фут. 4 дюйма и затопила весь городъ, который былъ застроенъ тогда только въ самыхъ низменныхъ частяхъ его. Очевидецъ разсказываетъ: «Съ ужасомъ смотрѣлъ я на разныя суда, оторванныя вѣтромъ и уносимыя бурнымъ волненіемъ. Вода съ необыкновенною силою проникала въ дома. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ черепицы съ крышъ». 10-го числа того же мѣсяца вода опять стала подниматься, и 11-го было тоже наводненіе.

Съ тѣхъ поръ не имѣется никакихъ извѣстій о новыхъ наводненіяхъ до 1777 года. Судя по сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, они происходили довольно часто, но писать о бѣдствіяхъ столицы было не позволено. Дворъ императрицы Елизаветы Петровны проводилъ время въ пышныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ. Яркія картины народныхъ страданій могли бы омрачить ихъ, и потому о наводненіяхъ не печатали никакихъ извѣстій. Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что послѣдствія ихъ были ужаснѣе, чѣмъ въ наши дни: въ Петербургѣ было несравненно больше мелкихъ, непрочно построенныхъ домовъ.

Въ 1777 году 10 сентября разразилась страшная буря. Два дня свирѣпствовалъ вѣтеръ. Вода въ Невѣ поднялась на $10^{1}/_{2}$ футовъ. Весь городъ, за исключеніемъ Литейной и Выборгской частей, былъ затопленъ. Императрица Екатерина II, наканунѣ пріѣхавшая изъ Царскаго Села, писала въ одномъ письмѣ:

«Я очень крѣпко спала. Порывъ вѣтра разбудилъ меня въ 5 часовъ. Я позвонила, и мнѣ доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: Если такъ, отпустите часовыхъ съ внутреннихъ дворовъ, а то, пожалуй, они вздумаютъ бороться съ напоромъ воды и погубятъ себя. Сказано — сдѣлано. Желая узнать поближе, въ чемъ дѣло, я прошла въ Эрмитажъ. Нева представляла зрѣлище разрушенія Іерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческіе корабли. Я сказала: — Боже мой! биржа перемѣнила мѣсто; графу Миниху придется устроить таможню тамъ, гдѣ былъ эрмитажный театръ». Однако императрица отправилась къ обѣднѣ. Послѣ этого она прибавляетъ: «Обѣдаю дома. Вода сбыла и, какъ вамъ извѣстно, я не потонула: но еще немногіе показываются изъ своихъ берлогъ. Я видѣла, какъ одинъ изъ моихъ лакеевъ подъѣхалъ въ англійской коляскѣ. Вода была выше задней оси, и лакей, стоявшій на запяткахъ, замочилъ себѣ ноги. Но довольно о водѣ, подбавимъ о винѣ. Погреба мои залиты водой и, Богъ вѣсть, что съ ними станется. Прощайте! Четыре страницы—довольно во время наводненія».

Только въ полдень на слѣдующій день рѣка снова вступила въ свои берега. Послѣдствія наводненія были особенно гибельны потому, что оно разразилось ночью. Императрица повелѣла на будущее время предупреждать жителей столицы о надвигающейся бѣдѣ выстрѣлами и сигнальными фонарями.

По преданію, во время этого наводненія погибла въ тюрьмѣ Петропавловской крѣпости самозванная княжна Тараканова... Исторія не подтверждаетъ этого преданія, но оно интересно для насъ тѣмъ, что дало матеріалъ для картины Флавицкаго, снимокъ съ которой мы здѣсь прилагаемъ (рис. 49)... Сцены, подобныя той, которая изображена на картинѣ, разыгрывались во многихъ домахъ Петербурга, особенно въ нижнихъ этажахъ и подвалахъ...

Съ тѣхъ поръ происходило болѣе 100 наводненій. Въ послѣднія 20 лѣтъ они случаются почти каждый годъ и даже по нѣскольку разъ. Особенно сильныя наводненія были въ 1890, 1895 и 1897 годахъ.

Наводненіе 1890 года по своей силѣ превзошло всѣ предыдущія, если только не считать грозной катастрофы 1824 года. Вода поднялась на 8 футовъ 6 дюймовъ и затопила свои берега чуть ли не на 40 верстъ вверхъ по теченію. Наводненіе 1897 года было немногимъ слабѣе. Вода поднималась только однимъ дюймомъ меньше.

Рис. 49. Княжна Тараканова. Съ картины художника Флавицкаго.

Наконецъ 12 ноября 1903 года случилось наводненіе, которое по силѣ приближалось къ грозной катастрофѣ 1824 года. О немъ сохранились самыя свѣжія воспоминанія.

Уже съ вечера предшествовавшаго дня дулъ сильный вѣтеръ. По Невѣ забѣгали барашки, вода стала подниматься. Къ 11 часамъ Дворцовый мостъ настолько вспучило, что конное движеніе по нему пришлось прекратить. Вѣтеръ, между тѣмъ, крѣпчалъ и превратился въ настоящую бурю. Подвальные жители заволновались. Многіе изъ нихъ, слыша завываніе вѣтра, принялись собирать свой скарбъ и выносили его въ верхніе этажи.

Около полуночи съ Гребнаго порта раздались одинъ за другимъ три пушечныхъ выстрѣла, предупреждающіе жителей Гавани и Коломны, что уровень воды достигъ 3 футовъ выше обычнаго уровня. На шпицѣ Адмиралтейства появились зловѣщіе красные и бѣлые фонари, а вслѣдъ затѣмъ загрохотали орудія Петропавловской крѣпости. Въ 1 час. ночи вода поднялась уже на 5 футовъ выше обычнаго уровня; къ этому времени вѣтеръ превратился въ ужасный штормъ и снѣжную бурю. Снѣгъ залѣплялъ прохожимъ глаза, а сильный вихрь сбивалъ съ ногъ. Приходилось держаться ближе къ домамъ. На открытыхъ мѣстахъ люди поминутно падали. Къ 3 часамъ ночи уже вся Гавань была подъ водою. Въ 5 часовъ Нева грозила залить весь городъ. Штормъ между тѣмъ не только не уменьшался, а наоборотъ, сталъ усиливаться. Въ 7 часу утра вода затопила большую часть улицъ Петербургской стороны и Васильевскаго острова, а также стала появляться и въ центральныхъ частяхъ города.

Я проснулся въ восьмомъ часу утра, разбуженный моею прислугой.

— «Вставайте,—говорила она,—только никуда вы сегодня не пойдете: дворъ затопленъ, на улицѣ вода».

Вскочивъ съ постели, я бросился къ окну... Поразительная картина развернулась передо мною. Вся улица, гдѣ я жилъ, — 9 линія Васильевскаго острова,—представляла огромную рѣку, по поверхности которой неслись дрова и сорванныя со стѣнъ доски съ наклеенными на нихъ объявленіями. Судя по затопленнымъ фундаментамъ, можно было предположить, что вода стоитъ не ниже 2—3 футовъ надъ поверхностью улицы. Я отворилъ окно... Вездѣ виднѣлась только вода. Уныло свѣтятъ при блѣдномъ полумракѣ хмураго утра непотушенные фонари. Лавки закрыты, нигдѣ ни живой души... Прислуга тревожилась за свою семью, живущую во дворѣ во флигелѣ, въ нижнемъ этажѣ... Я предложилъ ей высокіе непромокаемые сапоги и распорядился, чтобы она принесла своего ребенка ко мнѣ въ квартиру. Какъ только она отперла дверь, въ кухню изъ коридора ворвался обезумѣвшій отъ испуга котъ. Съ жалобнымъ мяуканьемъ онъ метался по квартирѣ, не находя себѣ

мѣста. Я пытался приласкать его, но животное находилось въ такомъ дикомъ изступленіи, что взять его было невозможно. Я снова выпустилъ его на лѣстницу, гдѣ онъ продолжалъ такъ же бѣгать и кричать. Между тѣмъ моя прислуга шла по двору, утопая по колѣни въ водѣ. Я видѣлъ, какъ она достигла наконецъ флигеля. Дождавшись ея возвращенія, я надѣлъ высокіе сапоги и сдѣлалъ попытку выйти на улицу. Но тротуаръ былъ совсѣмъ залитъ Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома вода уже переливалась въ сапоги... Проѣхала лодка, переполненная народомъ. Показался извощикъ, въ пролеткѣ котораго сидѣлъ офицеръ, поджавъ подъ себя ноги: экипажъ былъ на половину въ водѣ. Въ дверяхъ подъѣзда мало-по-малу собрались почти всѣ жильцы дома. Нѣкоторые сѣтовали, что не могутъ попасть на службу. Но выбраться изъ дома было все же невозможно. Проѣзжавшія мимо лодки оказались занятыми, ломовые почему-то не появлялись. Къ довершенію всего я узналъ, что въ домѣ нѣтъ почти никакой провизіи. Нужно было, значитъ, во что бы то ни стало розыскать лодку. Благодаря расторопности дворника, шагавшаго смѣло по водѣ, найти ее удалось скоро. Жившій у меня мальчикъ отправился въ плаваніе за покупками. Но увы! всѣ лавки оказались запертыми, а пробраться до рынка было невозможно, такъ какъ этому мѣшали мелкія мѣста улицъ. Правда, тамъ было достаточно ломовыхъ, которые за гривенникъ перевозили черезъ улицу, но дальше была опять глубокая вода, и снова требовалась лодка. Въ какой-то лавченкѣ удалось купить яицъ и молока. Дома нашлись мука и масло. Можно было сдѣлать яичницу и блинчики, и эти два скромныя блюда должны были составить мое продовольствіе на цѣлый день.

Я не дѣлалъ больше никакихъ попытокъ выѣхать изъ дома. Выбраться безъ высокихъ сапогъ нельзя, а они уже совсѣмъ мокры. Вмѣстѣ съ тѣмъ было ясно, что ѣхать и безполезно. Ученики не могли попасть въ школы, а потому, конечно, уроковъ нигдѣ нѣтъ... Заняться чѣмъ-нибудь было трудно,—вода, заполнившая улицу, приковывала все вниманіе... Съ непрерывающимся интересомъ я наблюдалъ уличныя сцены. Вотъ къ сосѣднему дому подъѣхала лодка. Изъ нея люди вынимаютъ лѣстницу, подставляютъ къ деревяннымъ воротамъ, а оттуда сверху спускается баба, рѣшившая зачѣмъ-то пуститься въ плаваніе; навстрѣчу двигается другая лодка, нагруженная провизіей, которую какимъ-то способомъ добыли ея ловкіе хозяева. У противоположнаго дома лодка останавливается: провизію прикрѣпляютъ къ длинному шесту и передаютъ при его помощи черезъ окно во второй этажъ. Кто-то дѣлаетъ попытку перебраться черезъ улицу въ бродъ, но, принявъ холодную ванну, поспѣшно возвращается назадъ. Вотъ проѣхала оторванная гдѣ-то дверь; на ней сидитъ маленькая собачка и жалобно воетъ.

Часовъ въ 11 стало ясно, что вѣтеръ стихаетъ и вода падаетъ. Около 1 часа дня сталъ показываться тротуаръ. Смѣльчаки уже переходили улицу, погружаясь въ воду немного ниже колѣнъ. Къ 5 часамъ тротуаръ былъ залитъ только на углу Малаго проспекта, пересѣкающаго мою улицу: здѣсь и до слѣдующаго дня оставалось цѣлое озеро воды. У воротъ фортепіанной фабрики Беккера, расположенной противъ моего дома, сталъ собираться народъ. Рабочіе подъѣзжали на подводахъ. Тротуары стали оживляться прохожими, преимущественно изъ простого люда, котораго не стѣсняли большія лужи; скоро черезъ улицу перекинули мостикъ изъ досокъ, и люди толпами переходили черезъ него. Нѣкоторые бродили, видимо, для развлеченія взадъ и впередъ. Стало морозить, и доски скоро обледенѣли. Какая-то баба, не хотѣвшая посторониться, сцѣпилась со встрѣчнымъ, поскользнулась и упала въ лужу при дружномъ смѣхѣ толпы.

Въ 7 часовъ вечера я распорядился нанять извощика и отправился въ городъ. Ѣхать можно было уже безъ всякихъ препятствій, хотя въ двухъ мѣстахъ встрѣтились огромныя лужи, въ которыхъ колеса экипажа погружались наполовину. Всюду виднѣлись по пути картины грознаго бѣдствія. Не только подвалы, но и вообще нижніе этажи залиты водой. Вездѣ работаютъ водокачалки. Въ нѣкоторыхъ лавочкахъ выливаютъ воду прямо ведрами. У дверей фруктовыхъ лавокъ народъ, собравшись толпами, ловитъ орѣхи, кофе и прочую мелочь, размытую водой. По всему видно, что наводненіе причинило немало бѣдъ.

На другой день газеты нарисовали картину грознаго явленія. Вода поднималась на 8 футовъ 11,5 дюйма выше своего обычнаго уровня. Отъ страшнаго вѣтра срывались съ домовъ кровельные листы, вывѣски и даже цѣлые карнизы. Острова были почти совсѣмъ залиты. Въ центральной части города вода достигала Фонтанки. На многихъ улицахъ здѣсь стояли цѣлыя озера воды, подвалы всюду были залиты [1]).

Сенатская площадь и прилегающая набережная представляла сплошное море. По поверхности его водъ плавали дрова, принесенныя съ разбитыхъ барокъ. У дворца часовые были сняты: вода доходила имъ до колѣнъ. Дворцовый мостъ, какъ судно, плавалъ на водѣ. Вѣтеръ и волны бросали его со стороны въ сторону. Ходить по нему было небезопасно, такъ какъ во многихъ мѣстахъ образовались щели, черезъ которыя надо было прыгать. Лѣтній садъ казался обширнымъ озеромъ, среди котораго то тамъ, то здѣсь выглядывали верхушки скамеекъ; столѣтнія деревья, съ корнемъ вывернутыя бурей, печально лежали на водѣ. Все говорило о большихъ

[1]) При чтеніи нижеслѣдующаго описанія полезно имѣть въ рукахъ хорошій планъ Петербурга.

размѣрахъ наводненія. Нева бушевала, и волны ея сердито налетали на стоявшія у береговъ суда, грозя каждую минуту выбросить ихъ на набережную. Вѣтеръ сорвалъ съ причала одну изъ барокъ съ дровами; она закружилась, шкваломъ бросило ее на гранитную набережную, и мутносѣрыя волны покрылись дровами; барка разлетѣлась въ куски,—и сотни, а можетъ-быть, и тысячи саженъ дровъ разсѣялись по водѣ. Съ Литейнаго моста открывалась грозная картина: Нева вздулась, поднялась, злилась на охватывающія и стѣсняющія ее набережныя и сердитыми порывами переливала черезъ нихъ свои волны. Со стороны Смольнаго монастыря плыли вереницы дровъ съ разбитыхъ кое-гдѣ барокъ. Далеко виднѣлись черныя точки, несшіяся внизъ по рѣкѣ; это были оторвавшіяся отъ причаловъ барки. Ихъ неудержимо несло прямо на быки Литейнаго моста. Ни одной живой души не было на нихъ и никто ими не управлялъ. Вотъ передовая барка благополучно проскользнула въ пролетъ и оказалась по ту сторону моста и вотъ слѣдующая за нею налетѣла на быкъ и издала тяжелый стонъ: отъ удара она треснула по швамъ. На нее надвинулась вторая, третья, четвертая барка; образовался цѣлый караванъ, перегородившій бурную рѣку. На горизонтѣ виднѣлись новыя барки, ихъ ждала та же участь. Кое-какъ наконецъ караванъ протискался подъ арками моста,—онъ трещалъ, стоналъ, скрипѣлъ и разрушался. Вырвавшись на свободу, барки кружились, становились другъ другу поперекъ. Наконецъ ихъ прибило къ набережной клиническаго госпиталя. Между ихъ измятыми громадами образовался родъ бухты, и теченіе рѣки быстро заполнило эту бухту дровами. Около Троицкаго моста, на самой серединѣ рѣки затонула какая-то груда: не то барка, не то судно. Около этой груды хлопотали три буксирные парохода, но, повидимому, безъ успѣха. На Театральной площади образовалось цѣлое озеро. Вода ворвалась въ подвалы и кладовыя, подмыла и потопила декораціи и бутафорскія принадлежности. На углу Екарининскаго канала и площади сильно пострадалъ новый домъ. Вода ворвалась въ роскошную квартиру нижняго этажа, наполнила всѣ комнаты, попортила много дорогихъ вещей.

Когда наступили сумерки, городъ во многихъ мѣстахъ остался безъ освѣщенія: были залиты газовые заводы, пострадали электрическія машины. Въ непріятномъ положеніи оказалась городская управа. Зданіе думы было во мракѣ, но работать служащимъ все-таки было нужно. Другого освѣщенія здѣсь, кромѣ электрическаго, не имѣется. Были куплены свѣчи, но такъ какъ подсвѣчниковъ не оказалось, то пришлось ихъ замѣнить бутылками, коробками и т. п. При такомъ своеобразномъ освѣщеніи и работали.

На Петербургской сторонѣ чуть брезжущій свѣтъ наступившаго утра освѣтилъ грозную и давно уже небывалую картину. Всю ночь бушевалъ вѣтеръ и подъ утро — вездѣ была вода и вода. Улицы

подъ водою, набережныхъ не видно, изъ водосточныхъ подземныхъ трубъ временами поднимаются грязные фонтаны. Обыватели выходятъ изъ домовъ и направляются въ Сытный рынокъ за провизіей. По рынку пробраться невозможно: онъ весь въ водѣ. Лавки и магазины напоминаютъ венеціанскія картинки. Часть ихъ заперта, но нѣкоторыя не безъ риска открываются и ждутъ покупателей. Между лавками плывутъ, покачиваясь, корыта, сундуки и всякій легкій пловучій товаръ. Съ крикомъ и воплями торговцы, выше колѣнъ въ водѣ, спасаютъ свои достатки. Публика стоитъ на окраинахъ затонувшаго рынка и томится. Предпріимчивые ломовики предлагаютъ свои услуги, а хозяйки и кухарки, сложившись капиталами, переѣзжаютъ вскладчину. Босяки вступаютъ съ ломовиками въ конкуренцію, предлагаютъ за пятачки свои спины и неустрашимо шлепаютъ по глубокой водѣ съ пассажирами на плечахъ. На многихъ улицахъ та же картина Венеціи, но только Венеціи холодной и угрюмой. Во дворахъ плаваютъ дрова и разный обывательскій скарбъ. Городскіе древесные питомники глядятъ изъ воды однѣми только верхушками. Полотно конки подъ водою.

«Только около трехъ часовъ, разсказываетъ одинъ изъ жителей, можно было выйти изъ дому, но улицы мѣстами казались озерами. Попавъ въ одно изъ такихъ озеръ, я неожиданно погрузился въ воду. Мои высокіе сапоги захлебнулись, какъ утопленники. Переходя въ бродъ проспектъ, я почувствовалъ, что выкупался самымъ непріятнымъ образомъ. Но отступать было уже поздно. Кое-гдѣ по заборамъ, кое-гдѣ по водѣ я добрался до Александровскаго парка. Здѣсь всѣ лавки были затоплены. Изъ булочной выкачивали воду ведрами. Въ мелочной лавкѣ, куда я заглянулъ, было все перевернуто вверхъ дномъ: бочки, товары, стулья. Бородатый лавочникъ причиталъ и плакался у входа. Говорятъ, даже петербургскія крысы всплыли въ подвалахъ и сараяхъ и отчаянно пищали. Женщины и дѣти на Петербургской сторонѣ были страшно перепуганы. Я видѣлъ почти обезумѣвшую старуху, которую двое мужчинъ вели подъ руки. Около Народнаго Дома я встрѣтилъ цѣлую вереницу вагоновъ конки. Они стояли, засыпанные льдомъ и снѣгомъ, словно корабли, затертые льдомъ въ полярныхъ моряхъ. Ихъ колеса примерзли къ рельсамъ. Ни лошадей, ни кучеровъ не было.

«Переѣзжая Троицкій мостъ, я взглянулъ на Неву. Злобная, холодная, она точно позеленѣла отъ бѣшенства. Съ Петропавловской крѣпости блеснулъ огонь и грянулъ выстрѣлъ. Вода опять поднималась. Но на этой сторонѣ Невы, за мостомъ, было все весело и спокойно. Дамы и дѣти шли любоваться Невой. Ахъ, если бы они знали, что дѣлается тамъ, по ту сторону! Я видѣлъ плачущихъ малютокъ и женщинъ, которыхъ везли на дрогахъ вмѣстѣ съ ихъ скудными пожитками. Много бѣды и горя причинила взбушевавшаяся сегодня Нева! Меня охватываетъ холодъ не потому, что я

самъ озябъ и промокъ: мнѣ мерещатся блѣдныя испуганныя лица, которыя я сейчасъ видѣлъ на улицахъ. Гребецкая, Спасская, Колтовская затоплены вышедшей изъ береговъ Невой, а тамъ кругомъ въ убогихъ жилищахъ ютится настоящая нищета, рабочій и фабричный людъ со своими семьями. Не желаю никому видѣть такія зрѣлища. Наводненіе вовсе не такъ красиво, какъ это кажется со стороны Петербурга, не испытывающаго бѣдствія».

Значительный ущербъ причинило наводненіе петербургскому Зоологическому Саду. Триста животныхъ погибло въ потокахъ вы-

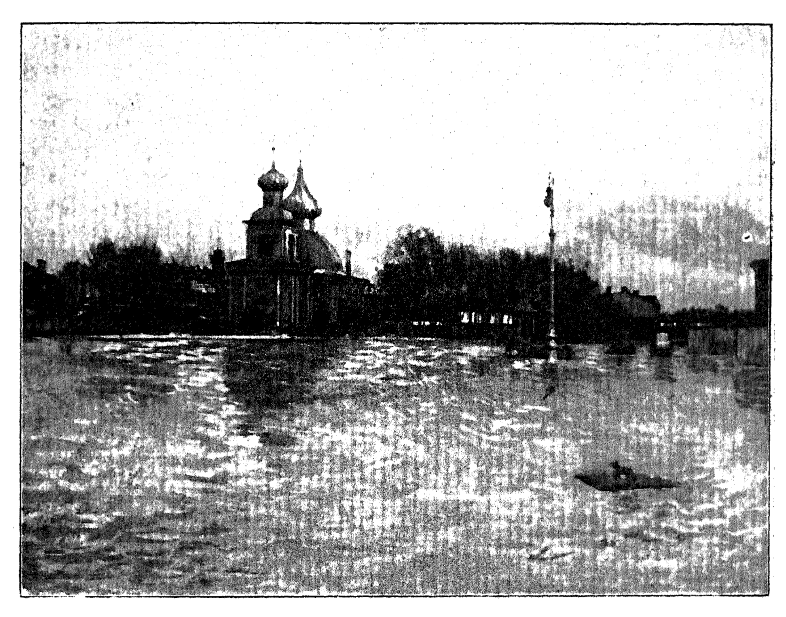

Рис. 50. Наводненіе 1903 года въ Петербургѣ. Залитая водой Троицкая площадь на Петербургской сторонѣ.

шедшей изъ береговъ Невы. Наводненія ждали еще съ вечера, но никто не предполагалъ, что оно разрастется до такихъ размѣровъ. Въ $3^1/_2$ часа ночи въ садъ хлынула вода. Съ быстротою молніи залила она всѣ аллеи, площадки, бесѣдки, залъ ресторана, театръ, зимніе домики животныхъ. Проснувшіеся люди увидѣли себя окруженными водою. Подъ руками не было никакихъ спасательныхъ средствъ, даже не было ни одной лодки. Кое-какъ по колѣна и мѣстами даже по грудь въ водѣ пробирались сторожа къ своимъ звѣрямъ. Трудно представить себѣ ужасъ, охватившій звѣриное царство.

Блеяніе, ржаніе, рычаніе, топотъ, мычаніе, кудахтанье — все это слилось въ какой-то адскій шумъ. Бурые медвѣди «кричали прямо-таки человѣческимъ голосомъ». Животныя метались по клѣткамъ, влѣзали куда только могли, сбрасывали другъ друга внизъ. Это была отчаянная борьба за жизнь. Сторожа открыли клѣтки травоядныхъ, но это не помогло: зебу, козы, бараны, зайцы выплывали въ садъ и гибли здѣсь безпомощно. Вода поднималась выше и выше; около конюшенъ она достигла огромной высоты въ три аршина. Слонъ, домъ котораго высоко поднятъ, стоялъ по колѣна въ водѣ. Страусъ былъ почти весь въ водѣ. Бурымъ медвѣдямъ были брошены спасательныя доски, по которымъ они должны были подняться выше уровня воды. Но лишь девяти удалось спастись: остальные утонули. Изъ крупныхъ животныхъ погибли три зебу, двѣ антилопы, двѣ пекари, южно-американскія свиньи, шесть оленей, три великолѣпныхъ абиссинскихъ барана, пять лисицъ (одна изъ нихъ серебристая) и мн. др. Изъ птицъ погибло пять орловъ, 20 цѣнныхъ фазановъ, пять павлиновъ, 120 голубей, 52 курицы самыхъ разнообразныхъ породъ, пять филиновъ, пять цапель, дикіе индюки и мн. др. Счетъ утонувшимъ тетеревамъ, глухарямъ и куропаткамъ прямо-таки утерянъ. Волковъ спасли будки, на которыя они влѣзли въ минуту опасности. Многіе изъ спасшихся животныхъ едва ли выжили послѣ столь долгаго пребыванія въ водѣ. Скоро подохли три обезьяны: эти животныя, какъ извѣстно, очень слабогруды, и сырость дѣйствуетъ на нихъ убійственно. Общая масса убытковъ достигаетъ, вѣроятно, 20 тысячъ рублей. Затоплены были всѣ дома, находящіеся въ саду, гдѣ жили служащіе. Ихъ женъ и дѣтей пришлось спасать на лодкахъ.

Немало пострадалъ и ботаническій садъ. Онъ весь былъ подъ водою. Живущихъ въ саду принялись перевозить на лодкѣ и колесной платформѣ. Много было поломано бурей вѣтвей, повалено нѣсколько большихъ деревьевъ, въ томъ числѣ громадный осокорь (Populus nigra), посаженный по преданію Петромъ Великимъ. Множество ярлыковъ попорчено и вымыто; пострадали особенно растенія травянистыя, залитыя водою.

Не менѣе грозныя картины представлялись на Васильевскомъ островѣ. Противъ 9—10 линіи лежалъ на берегу выброшенный наводненіемъ челнъ. Его разбило, и владѣлецъ его оставилъ на произволъ судьбы. Противъ морского корпуса стояла, наполовину врѣзавшись въ берегъ, перевозная пристань.

Университетская набережная представляла бурную рѣку, вода залила жилые подвалы академіи художествъ и всѣ торговыя заведенія нижнихъ этажей. Груды не забранныхъ товаровъ, сложенныхъ на Николаевской набережной, плыли вразбродъ по линіямъ; причаленная къ берегу громадная баржа съ пенькой, сдерживаемая канатами, наклонилась и выбросила весь свой грузъ. Въ подвалахъ

Горнаго Института произошло полное опустошеніе. Искусственный рудникъ, такъ прекрасно устроенный, размытъ.

Но особенно сильно пострадалъ Историко-филологическій Институтъ. Около восьми часовъ утра вода прорвала трубы и хлынула черезъ колодцы въ подвалы, гдѣ ютятся семьи служителей. Вскорѣ дворъ института превратился въ озеро; вода проникла въ нижніе этажи главнаго корпуса. Въ нѣсколько минутъ жилища сторожей были затоплены. Раздались душу раздирающіе крики, на которые сбѣжались изъ общежитія студенты. Когда послѣ мучительныхъ

Рис. 51. Наводненіе 1903 года въ Петербургѣ. Сцены на Васильевскомъ островѣ у Николаевскаго моста.

усилій дѣти были вытащены и, казалось, никому изъ обитателей института не угрожала опасность, вдругъ разнесся крикъ «горимъ!» Оказалось, что въ одной квартирѣ забыли лампу, отъ которой запылали перины и тряпки. Дымъ густыми клубами заполнилъ все свободное пространство, а огонь проникъ уже черезъ потолокъ въ квартиру инспектора. Задыхаясь отъ дыма, студенты стали выбивать окна, но свѣжаго воздуха прибывало слишкомъ мало. Бѣжать было некуда, такъ какъ вся Университетская набережная была залита. Между тѣмъ въ общежитіи царило смятеніе: студенты были

отрѣзаны отъ выхода заполнявшимъ все зданіе дымомъ. Въ институтѣ телефона нѣтъ. На несчастье телефонъ университета оказался испорченнымъ. Наконецъ, послѣ томительнаго ожиданія показались пожарные, которые и переправили столпившихся у выхода студентовъ къ университету. Въ это время два студента на веревкахъ спустились изъ общежитія, но пожарные вскорѣ погасили огонь и устранили необходимость въ рискованныхъ мѣрахъ для спасенія жизни. Большинство студентовъ проявило рѣдкое самообладаніе и съ молодымъ одушевленіемъ спасало дѣтей и пожитки служителей. Одному студенту пришлось четыре раза переодѣться: все время онъ работалъ по поясъ въ водѣ. Студенты собрали всѣхъ малютокъ, живущихъ въ зданіи института, и пріютили ихъ у себя въ общежитіи, и затѣмъ гостепріимно подѣлились съ ними своимъ обѣдомъ.

Смоленское кладбище все оказалось подъ водой. Всѣ похороны пришлось отложить. Многія похоронныя процессіи, направленныя изъ города, принуждены были вернуться обратно... И на другой день большинство пришедшихъ на кладбище богомольцевъ не могли добраться до могилы своихъ близкихъ, такъ какъ еще многіе мостки были подъ водою.

Больше всѣхъ частей пострадала Гавань. Туда и на слѣдующій день пробраться было трудно, а наканунѣ тамъ вода подымалась до вторыхъ этажей домовъ. Вода неслась съ неимовѣрной быстротой, увлекая за собою стулья, балки, дрова, имущество обывателей. Заборы были разрушены. Плавала поломанная мебель, сундуки, табуреты, комоды. Изъ чердачныхъ слуховыхъ оконъ выглядываютъ обезумѣвшія отъ страха, посинѣвшія отъ холода лица, доносятся мольбы, стоны и проклятія. — «Хлѣбца, хлѣбца, пришлите ребятишкамъ!» молитъ несчастная мать проѣзжающихъ на лодкѣ молодыхъ людей. Уже на Кожевенной линіи вода поднималась до 2-хъ аршинъ. Почти на самомъ берегу здѣсь стоитъ ночлежный домъ, который въ ночь на 12-е число, когда разыгралось наводненіе, былъ переполненъ бѣднымъ людомъ. Длинная, низкая комната съ тремя рядами наръ вмѣщала болѣе шестидесяти человѣкъ мужчинъ, преимущественно босяковъ и разныхъ рабочихъ.

«Въ восемь часовъ была у насъ молитва,—разсказывалъ парень, бывшій въ ночлежкѣ.—Ничего, улеглись, стали уже было засыпать, какъ заслышали—палятъ. Сначала вниманія мало обратили и только перекликались межъ собой на нарахъ. А потомъ, какъ начало шумѣть, открыли дверь, а на насъ вода такъ и хлынула, и въ какихъ-нибудь полчаса всю ночлежку затопило. Вода въ ночлежкѣ стояла чуть не подъ потолокъ; ночлежники полѣзли на нары, на окна, цѣплялись за балки; нѣкоторые влѣзли на печку. Суматоха поднялась невѣроятная, слышны были крики: «тонемъ!» «погибаемъ!» «спасите!» «затопило!» Вахтеръ ночлежки влѣзъ на крышу, выкинулъ красный флагъ и взывалъ къ спасенію. Къ пяти часамъ утра

подоспѣли лодки, подъѣхали къ самой ночлежкѣ, и обитатели ея, всѣ мокрые и иззябшіе, изъ оконъ бросались на руки матросовъ. Двоихъ пришлось отправить въ больницу. Остальныхъ ночлежниковъ перевезли въ чайную, помѣщавшуюся напротивъ дома: здѣсь ихъ обогрѣли, напоили и накормили. Большинство изъ нихъ ночевало подъ открытымъ небомъ».

Въ подвалахъ тоже творилось что-то ужасное: къ окнамъ подъѣзжали лодки, ломовые,—имъ выкидывали вещи, подавали полузамерзшихъ дѣтей, которыхъ везли или въ трактиры и чайныя, или къ «добрымъ людямъ».

Въ одной изъ улицъ Гавани была сильно залита водой квартира, переполненная жильцами. Обитатели ея, привыкшіе къ «водѣ», рѣшили переждать наводненіе въ своей комнаткѣ, и когда вода начала вливаться черезъ порогъ, они собрали свои болѣе цѣнныя вещи въ сундуки, поставили ихъ на кровать и сами усѣлись на нихъ, въ ожиданіи убыли воды... Но вода все прибывала... кровать была покрыта мутной водой, и вскорѣ черезъ подоконникъ стали просачиваться струйки воды.. Черезъ нѣсколько минутъ громадныя волны стали плескаться объ стекло окна. Еще нѣсколько ударовъ, и стекла съ трескомъ лопнули. Крикъ ужаса вырвался у несчастныхъ женщинъ и прозябшихъ дѣтей. Къ счастью, въ это время по улицѣ проѣзжалъ ломовой извощикъ, который, услышавъ крики, подъѣхалъ къ дому... Выломавъ окно, онъ по грудь въ водѣ вошелъ въ комнату. Сначала онъ вынесъ двухъ малютокъ и дѣвочку около 8-ми лѣтъ, затѣмъ по одной онъ перенесъ на плечахъ друхъ старухъ, шесть женщинъ и дѣвушекъ, промокшихъ и продрогшихъ въ своей комнатѣ. Посадивъ всѣхъ на подводу, онъ медленно поѣхалъ къ Большому проспекту. Спасеніемъ людей занимались всѣ, кто могъ. Одна дѣвушка была вынесена матросомъ изъ затопленной комнаты въ безчувственномъ состояніи. Много помощи пострадавшимъ оказало Общество Краснаго Креста. Но едва ли не больше поработали частныя лица, офицеры, моряки, студенты, курсистки.

Сильно пострадала и Коломна, гдѣ вода достигла большой высоты. Въ особенно опасномъ положеніи оказалась больница Николая Чудотворца. Ей опасность грозила съ двухъ сторонъ: наступала Мойка съ главнаго подъѣзда, и черезъ боковыя ворота во дворъ ворвалась Пряжка. Въ половинѣ восьмого вода уже поднялась до уровня улицы, и скоро холодная, мутная, она начала подбираться къ деревяннымъ строеніямъ. Здѣсь пріютъ тихихъ помѣшанныхъ. На койкахъ лежатъ впавшіе въ дѣтство старики и старухи, у нѣкоторыхъ несчастье погасило разумъ, а жизнь унесла остатки силъ. Опасность росла съ каждой минутой, медлить нельзя было ни мгновенія, и старшій врачъ больницы распорядился перенести больныхъ въ каменный корпусъ. Только благодаря самоотверженной дѣятельности служителей, все прошло благополучно. Къ сожалѣнію, не хва-

тило теплой одежды, и больныхъ пришлось перенести подъ леденящимъ вѣтромъ въ легкомъ бѣльѣ. Конечно, многіе изъ нихъ простудились.

На островахъ, составляющихъ красу и гордость Петербурга, тоже творилось не мало бѣдъ. На Елагиномъ попорчены пруды и аллеи. На Крестовскомъ пострадали и люди, оставшіеся зимовать на дачѣ. Бѣдствіе разразилось во время глубокаго сна ихъ. Отъ шума вѣтра и плеска воды всѣ повскакали съ постелей. Кругомъ домовъ стояли цѣлыя озера и текли рѣки. Вскорѣ вода стала врываться въ квартиры. Масса лодокъ, стоявшихъ на причалѣ, были сорваны и унесены водой. Нѣсколько дровяныхъ барокъ на Большой и Малой Невкахъ оказались на берегу и по сбытіи воды остались сидѣть на сушѣ.

Печальная исторія случилась на Крестовскомъ островѣ. Пострадалъ огородникъ Тупицынъ.

«Живу я съ семьей,—разсказываетъ онъ:—у меня четверо дѣтей. Въ пятомъ часу утра вѣтеръ и плачъ дѣтей заставили меня проснуться. Взялъ я работника и на лодкѣ поѣхалъ спасать мою хорошую рабочую лошадь въ конюшнѣ и свиней, недалеко отъ моей квартиры. Но волнами ударило лодку о каменную лѣстницу дома, и мы очутились въ водѣ. Кое-какъ добрались до квартиры, гдѣ вода была уже на вершокъ поверхъ пола. Среди стона и плача домашнихъ, думая только о спасеніи ихъ, забылъ я о лошади и четырехъ свиньяхъ. Въ это время, подъ свистъ вѣтра, слышались голоса, молящіе о спасеніи. То были мои рабочіе, жившіе недалеко отъ меня въ отдѣльномъ зданіи. Такъ какъ всѣ лѣстницы уже были недоступны, то я съ работникомъ протянулъ изъ окна веревку и вытащилъ двухъ своихъ работниковъ и работницу, промокшихъ и продрогшихъ. Мы еще до сихъ поръ не можемъ прійти въ себя отъ пережитаго ужаса. Вся обстановка рабочихъ унесена бурными волнами»,

Вообще послѣдствія наводненія во всемъ городѣ ужасны. Многіе жители остались безъ крова, такъ какъ квартиры ихъ были совсѣмъ размыты. Пострадали и крупныя, и мелкія лавки. Многое изъ товара унесено водой, многое подмыто. Бѣднѣйшіе торговцы оказались въ такомъ положеніи, что пришлось прибѣгать къ помощи благотворителей. Рабочій классъ, ютившійся въ подвалахъ. потерялъ все свое имущество. Многіе отъ стужи и сырости захворали. Въ Гавани умеръ одинъ чахоточный больной вскорѣ послѣ того, какъ его вынесли изъ залитаго водой жилища.

Пострадали и крупные торговцы, съ набережныхъ унесены тюки товаровъ, разломаны барки съ дровами, размыты склады каменнаго угля и дровъ. Въ Гавани между прочимъ унесено на 75 тысячъ рублей одного лишь краснаго дерева.

Бѣдствіе увеличивалось пожарами. Въ однихъ случаяхъ они воз-

никали отъ забытаго огня въ покинутыхъ домахъ, въ другихъ отъ подмоченной и потому сильно нагрѣвшейся извести. На бѣду пожарнымъ было не легко попасть къ горѣвшимъ домамъ, и потому огонь свободно уничтожалъ имущество. Пострадало и городское хозяйство: остановилось движеніе конокъ, размытъ рельсовый путь.

Наводненіе 12 ноября произвело не малыя опустошенія и въ окрестностяхъ Петербурга. Буря, вызвавшая его, охватила все Балтійское море, Финскій и Рижскій заливы. На открытой ихъ поверхности вѣтеръ бушевалъ съ поражающей силой. Финскій заливъ представлялъ величественное зрѣлище; громадныя волны катились со стремительною быстротой и съ ревомъ разбивались о прибрежные камни. Онъ покрылся, какъ бы снѣгомъ: это были бѣлые «зайчики» громадныхъ волнъ Вода все прибывала и наконецъ выступила изъ береговъ. Въ портахъ многихъ приморскихъ городовъ произошли значительныя разрушенія, но особенно грозныя картины развертывались въ низменныхъ мѣстахъ вблизи Петербурга. Пустынные острова далекаго взморья были совсѣмъ скрыты подъ водой. И здѣсь, при свистѣ вѣтра и ревѣ волнъ, происходили ужасныя сцены. Обитатель одного изъ маленькихъ островковъ (Золотого острова), крестьянинъ Рѣдинъ, въ виду опасности, которой угрожало повышеніе воды его жилищу, рѣшилъ перевезти свою семью, состоявшую изъ жены и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, на противоположный берегъ Васильевскаго острова. Рѣдинъ со своею семьею и случайно бывшимъ на островѣ охотникомъ, нѣкіимъ Зиновьевымъ, помѣстились въ лодкѣ и отправились въ путь. Но едва лодка отошла отъ берега, ее опрокинуло волненіемъ. Рѣдинъ и Зиновьевъ спаслись, жена Рѣдина и его дѣти утонули.

Пригороды, расположенные на берегахъ Кронштадтской бухты и вблизи ея, также сильно пострадали. За Нарвскою заставой и на Путиловскомъ заводѣ опустошенія были огромныя. По дорогѣ въ деревню Волынку, близъ лѣсопильнаго завода, одинъ изъ сторожей былъ окруженъ водою и едва не погибъ. Съ трудомъ его спасли. Во многихъ мѣстахъ вода стояла надъ поверхностью земли на высотѣ 2-хъ саженъ. Въ деревнѣ Волынкиной въ одной квартирѣ наводненіе застигло четверыхъ дѣтей; мать ихъ, прачка, не ночевала дома, а вернувшись къ вечеру, никакъ не могла попасть домой. Сосѣди, впрочемъ, вытащили перепуганныхъ дѣтей. Весь бѣдный скарбъ жильцовъ оказался, конечно, сильно подмоченнымъ, но убытокъ для большинства заключался не въ этомъ. Мѣстное населеніе почти поголовно работаетъ на ближайшей фабрикѣ, отдѣляющейся отъ деревни обширнымъ полемъ, превратившимся въ шумное озеро. Перебраться черезъ него было нельзя, и нѣсколько рабочихъ дней оказались потерянными. Вся мѣстность, подвергшаяся наводненію, приняла ужасный видъ: мостки сломаны и разбросаны въ совершенно неподходящихъ мѣстахъ; дорога изрыта громадными

10*

ухабами, которые скоро замерзли, а вода, остановившаяся по краямъ улицы, покрылась тонкимъ льдомъ, который ломался подъ ногами пѣшеходовъ.

Въ началѣ пятаго часа утра вода хлынула со взморья на берега и затопила деревню Лахту съ окружающими полями и дорогами. Полотно Приморской Сестрорѣцкой желѣзной дороги, дер. Дубки и всѣ огороды и поля, расположенныя на берегу залива, скрылись подъ водою. Всѣ подвалы и нижніе этажи дачъ были залиты; жители спасались на возвышенныхъ мѣстахъ, куда спѣшно выгоняли скотъ и выносили имущество. Полотно Приморской дороги размыто на протяженіи 5 верстъ по направленію къ Новой Деревнѣ (рельсы и шпалы снесло въ море), поврежденъ Лахтинскій мостъ, размыта ведущая на Лахту земская дорога, по всей мѣстности поломано много деревьевъ, заборовъ, мостиковъ, порваны телеграфныя и телефонныя проволоки. Съ лѣсныхъ биржъ унесло много бревенъ, досокъ, дровъ и сѣна. Пѣшеходное и конное сообщеніе между Петербургомъ и Лахтой прекращено. Сила шторма была такъ велика, что порывомъ его снесена съ пристани и сброшена въ заливъ стоявшая на рельсахъ платформа съ бревнами. Зданіе поста пограничной стражи на Лисьемъ Носу залило водою. Во всѣхъ мѣстностяхъ на берегу залива вода стояла въ квартирахъ нижнихъ этажей не менѣе какъ на 1/2 аршина. Большіе убытки понесли огородники, которыхъ здѣсь много; у нихъ водою были испорчены хранившіеся въ погребахъ и сараяхъ запасы.

Въ Сестрорѣцкѣ творились еще бóльшіе ужасы. Послѣ безпокойной ночи наступилъ день, хмурый, съ дикими порывами вѣтра. Темно-свинцовое небо посылало на землю снѣжный вихрь, вѣтеръ велъ упорную борьбу съ сосновымъ боромъ, дѣлалъ натискъ на жилье человѣка, свирѣпо гналъ море на берегъ. И съ корнемъ валились вѣковыя деревья, не устоявъ передъ вѣтромъ. Другія, болѣе крѣпкія, метались вѣтвями изъ стороны въ сторону, уклоняясь отъ ударовъ, какъ только могли, и теряли цѣлыя вѣтви. Сносило заборы, рвало крыши домовъ. А море какъ бы накренилось на берегъ, и воду увидѣли тамъ, куда, кажется, она еще никогда не достигала. Свистъ, ревъ, гулъ слышались отовсюду, тяжелый шумъ моря наводилъ ужасъ. И тьма миновавшей ночи скрывала дѣйствительный ужасъ. Его раскрыло это блѣдное утро. 32 каменщика, ихъ подрядчикъ Шутовъ съ женой и двумя дѣтьми, изъ которыхъ одинъ грудной, проснувшись, какъ казалось имъ, около 12 час. ночи, увидѣли себя окруженными водой. Ихъ деревянный баракъ, служившій для сна, ѣды и отдыха отъ работъ по добыванію камня съ моря, потрясало до основанія, а во тьмѣ можно было едва различить бѣлыя морскія волны спереди, съ боковъ, сзади. Лодку унесло кудато и неизвѣстно, что сталось съ семью лошадьми, стоявшими около барака. Затѣмъ и баракъ наполнило водой. Люди выбрались сперва

на чердакъ, потомъ на крышу. Здѣсь принялись звать на помощь: кричали до хрипоты, чувствовали, что голосъ терялся въ шумѣ. А утлое зданіе раскачивалось и садилось.

Крѣпко помолились Богу каменщики и, простившись другъ съ другомъ, стали ожидать гибели. Вотъ смело съ крыши нѣсколько человѣкъ, вотъ поплыла крыша, отдѣлившись отъ потолка. 15 человѣкъ съ подрядчикомъ, его женой и 2 дѣтьми ухватились за часть потолка, еще 6 человѣкъ плыли на крышѣ, остальныхъ 11 человѣкъ прибило къ деревьямъ. Эти послѣдніе зацѣпились за верхушки и, колеблемые вѣтромъ, крѣпко держались за послѣдній якорь спасенія, за гибкія, холодныя, низкорослыя ольхи. Сосенъ на этомъ мѣстѣ совсѣмъ не было. Пловцовъ на плотахъ также затѣснило въ ольхахъ. Въ 7 час. утра рыбакъ услышалъ крики и далъ знать полиціи объ отчаянномъ положеніи рабочихъ Шутова. Мѣстная пѣхотная команда, члены правленія общества спасанія на водахъ, администрація и рабочіе завода—все бросилось къ погибавшимъ. Около 9 ч. утра собрались люди на лодкахъ, лошадяхъ и пѣшіе. Море попрежнему гнало валы за валами, грозя всякому удальцу, который бы пожелалъ достичь до несчастныхъ. На помощь бросились съ двухъ сторонъ. Въ то время, какъ первая лодка (а за ней послѣ и другія) медленно подвигалась впередъ, подпираемая шестами и постоянно останавливаемая деревьями, вторая лодка (сестрорѣцкаго отдѣленія общества спасанія на водахъ) съ тремя мѣстными оружейниками лихо бросались на борьбу съ волнами. Пловцы съ невѣроятными усиліями добрались до несчастныхъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ, и сняли ихъ. Еще раньше спасли людей съ плотовъ другія лодки. Люди спаслись, погибли только лошади. Состоящій при оружейномъ заводѣ военный лазаретъ съ 12 час. утра сталъ принимать къ себѣ оледенѣлыхъ людей. Здѣсь они были переодѣты, накормлены, согрѣты и уложены спать вповалку на соломѣ. Люди эти лишились всего.

Около Сестрорѣцкаго курорта въ тяжеломъ положеніи оказались сторожъ курорта съ семьей и три солдата пограничной стражи. На полѣ, ведущемъ къ гавани курорта, возвышается небольшое зданіе для поста пограничной стражи. Кромѣ дежурнаго, всѣ спали. Замѣтивъ около 5 час. утра, что постовую лодку можетъ угнать, дежурный занялся укрѣпленіемъ ея и не замѣтилъ, какъ молъ погрузился въ воду, а постъ отрѣзало отъ берега. Онъ разбудилъ товарищей и семью сторожа. Дали знать о бѣдѣ по телефону въ караулъ стражи. Между тѣмъ ни сторожъ съ берега, ни прибывшіе солдаты не могли добраться до поста, да и нельзя было бы сдѣлать этого противъ вѣтра. Только въ 11 час. утра вода начала сбывать, вновь показался молъ, но размытый мѣстами. И вотъ, цѣпляясь за что можно, люди пошли по молу и поволокли на веревкѣ лодку: и люди, и лошади были спасены.

Эти случаи были не единственные. Такъ, семья крестьянина Чернова возвращалась въ ночь на 13 ноября съ пирушки изъ сосѣдней деревни къ себѣ домой въ Сестрорѣцкъ; въ лѣсу она была настигнута внезапно хлынувшей съ моря водой. Крестьянинъ съ женою и двумя маленькими дѣтьми взобрались на сучья развѣсистаго дуба. Вода съ моря прибывала все больше и больше. Лишь подъ утро подоспѣли на помощь сосѣдніе крестьяне. Полуживыхъ и окоченѣвшихъ отъ стужи несчастныхъ доставили на лодкѣ домой.

Въ Кронштадтѣ буря произвела тоже значительныя опустошенія. Повреждены сооруженія на пристаняхъ, разбиты многія суда. Между прочимъ чуть не пострадалъ броненосецъ «Александръ II». Его сорвало съ якоря и отнесло на отмель. Только на другой день онъ былъ стащенъ отсюда при помощи знаменитаго ледокола «Ермака». Затонула баржа, на которой находилось до 20 тыс. пудовъ каменнаго угля. Сорваны и разрушены пристани пассажирскихъ пароходовъ. Подъемъ воды былъ быстрый и сильный. Въ пороховомъ погребѣ команда, застигнутая волнами, бросилась на крышу и оттуда стала просить о помощи. Посланный для спасенія этихъ людей пароходъ «Ижора» вслѣдствіе волненія не могъ сразу пристать къ погребу, и несчастнымъ долго пришлось томиться на крышѣ, пока наконецъ они не были спасены. Такой же случай произошелъ на одномъ изъ маяковъ, гдѣ команда спасалась на чердакѣ; оттуда ее снялъ паровой баркасъ.

Въ самомъ Кронштадтѣ вода залила большинство улицъ, по которымъ ѣздили на шлюпкахъ, затопила православное и лютеранское кладбища. Особенно пострадали живущіе на самомъ берегу залива. Погибло много имущества и скота. Въ одномъ изъ домиковъ вода захватила старуху и ребенка, которые никакъ не могли выбраться изъ комнаты. Ихъ спасли на шлюпкѣ.

Въ заливѣ близъ Кронштадта потерпѣлъ аварію финляндскій пароходъ, стоявшій на якорѣ недалеко отъ берега. Буря поднялась ночью, когда экипажъ парохода спалъ. Судно накренилось на одну сторону, и вода стала его заливать. Встревоженная команда проснулась и, видя безнадежное положеніе парохода, поспѣшила спастись на шлюпкѣ. Едва только послѣдняя успѣла отойти въ море, какъ пароходъ перевернуло вверхъ килемъ, и онъ пошелъ ко дну.

Наводненіе дало себя знать и въ Петергофѣ. Подъ натискомъ вѣтра погибло много деревьевъ. Паркъ превратился въ обширную бухту. О стволы разбивались огромныя волны. Кладбище покрылось водой. Пострадали суда и многія купальни. Берегъ и на другой день былъ заваленъ обломками. Въ Стрѣльнѣ происходили такія же опустошенія.

Видимо, буря охватывала весь Финскій заливъ. Въ Выборгѣ затонулъ большой пароходъ. Въ Ригѣ, на пристани волны тоже на-

творили много бѣдъ. На морѣ чувствовалась сильная качка, и пароходы для облегченія себя бросали грузъ въ воду.

Все это говоритъ, что наводненіе 12-го ноября и сопровождавшая его буря принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій природы. Съ 1824 года, когда вода поднималась до 12 футовъ, Петербургъ не переживалъ ничего подобнаго.

III.

Невскія наводненія изъ года въ годъ безпокоятъ жителей столицы. Въ Петербургѣ они такъ же обыкновенны, какъ весеннія половодья рѣкъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Но какъ эти наводненія своеобразны! Какъ непохожа Нева на другія рѣки, а въ особенности на рѣки Россіи! Вездѣ разливы происходятъ отъ обильнаго притока воды въ рѣку—или отъ дождей, или отъ таянія снѣга. Даже грозный Хуанъ-хэ не представляетъ исключенія, хотя и разливается преимущественно въ своихъ низовьяхъ. Въ противоположность большинству русскихъ рѣкъ, у Невы не бываетъ весеннихъ половодій. Благодаря постояннымъ оттепелямъ, на ея берегахъ не можетъ скопиться много снѣга. Тая, онъ только немного повышаетъ ея уровень. Правда, и весною около Петербурга бываютъ своего рода наводненія. Почти каждый годъ они случаются въ селѣ Смоленскомъ на 2-ой верстѣ пригородной невской дороги. Вода заливаетъ почти всѣ нижніе этажи. Сообщеніе производится на лодкахъ. Нѣкоторыя улицы превращаются въ глубокіе каналы. Дома выдвигаются, точно маяки среди моря. Бѣдствій не бываетъ, такъ какъ наводненія подготовляются медленно—недѣлями, и жители заблаговременно успѣваютъ перебраться въ верхніе этажи. Откуда же эти наводненія? Нева здѣсь совершенно неповинна. Село Смоленское служитъ естественнымъ стокомъ тающихъ снѣговъ для всей окрестности, и хотя наводненія случаются ежегодно, даже въ малоснѣжныя зимы, но до водосточныхъ трубъ здѣсь не додумались. Равнодушная къ весеннему таянію снѣговъ, Нева не знаетъ и тѣхъ разливовъ, которые случаются на рѣкахъ Западной Европы отъ сильныхъ дождей. Словомъ, это — очень своенравная рѣка. Ея постоянныя наводненія во многомъ напоминаютъ тѣ страшныя катастрофы, которыя не разъ случались въ Голландіи. Въ самомъ дѣлѣ Нева—скорѣе проливъ, чѣмъ рѣка. Теченіе ея медленно, особенно у устья. Ширина уже въ верховьяхъ очень значительна—200 саж. По этому проливу-рѣкѣ стекаютъ въ море обильныя воды Ладожскаго озера. Въ одну секунду Нева приноситъ въ заливъ около 20.000 куб. саж. воды! Эта огромная масса воды можетъ залить цѣлую десятину земли на 8 саженъ въ высоту! Какъ только подуетъ морской вѣтеръ, теченіе рѣки замедляется. Нева не можетъ преодолѣть напора морскихъ волнъ, вода въ ней подымается и выступаетъ изъ бере-

говъ... Главная причина наводненій — многоводность и медленное теченіе рѣки.

Въ Россіи извѣстны и другія рѣки, которыя разливаются отъ препятствій, встрѣчающихся имъ на пути. Уже лѣтописецъ не разъ заносилъ въ свои «правдивыя сказанія» любопытнѣйшія сообщенія о Волховѣ. Отъ напора льда въ Ладожскомъ озерѣ, рѣка нерѣдко течетъ весною въ обратномъ направленіи и наводняетъ прибрежныя мѣстности. Особенно страшное наводненіе было въ 1421 году въ Новгородѣ. Вода затопила большую часть города, жители укрывались на кровляхъ домовъ, по улицамъ ѣздили на лодкахъ. Съ ужасомъ спрашивали другъ друга: «Неужели Богъ хочетъ наказать насъ новымъ потопомъ? Въ то же время шелъ безпрестанно дождь. Наконецъ нашла грозовая туча и застлала все небо. Громы раскатывались отъ востока до запада, молніи слѣпили зрѣніе, небо казалось пылающимъ, наводненіе все увеличивалось. Множество домовъ и церквей обрушилось. Народъ отчаивался въ спасеніи, плакалъ и молился. Почти такое же сильное наводненіе происходило въ 1521 г. Были затоплены поля и пашни, погибли посѣвы, и къ осени наступилъ голодъ.

Волховъ, какъ и Нева, вытекаетъ изъ большого озера и медленно несетъ свои воды внизъ. Случись небольшое препятствіе— и онъ останавливается, наводняя окрестность. Всѣ рѣки, вытекающія изъ озеръ, могутъ разливаться такъ же, какъ Нева и Волховъ, если только теченіе ихъ медленно.

Нева обращаетъ на себя вниманіе постоянствомъ наводненій. Какъ только подуетъ морской вѣтеръ, вода уже выступаетъ на улицахъ Галерной гавани. Стоитъ вѣтру продержаться нѣсколько часовъ,—и городскія окраины совсѣмъ залиты водой. Трудно указать городъ, который бы такъ же, какъ Петербургъ, страдалъ отъ рѣчныхъ наводненій. Даже сама Нева производитъ свои опустошенія только въ столицѣ, а на 10—20 верстъ выше устья наводненій никогда не бываетъ.

Петербургъ построенъ въ одной изъ такихъ мѣстностей, которыя въ большинствѣ случаевъ остаются необитаемыми. Острова: Петербургскій, Васильевскій, Крестовскій, Петровскій и др.—все это созданія самой же Невы. Они сплошь состоятъ изъ песка и ила, принесеннаго могучею рѣкою. Эти острова едва-едва поднимаются надъ уровнемъ воды. Передъ основаніемъ Петербурга они были покрыты непроходимыми болотами. Только самыя населенныя части города возвышены искусственно; окраины и до сихъ поръ выдвигаются изъ воды. Еще лѣтъ 1000 назадъ нынѣшнихъ невскихъ островов вовсе не существовало. Тамъ, гдѣ раскинулся гордый Петербургъ, гдѣ красуются его роскошныя улицы съ высокими домами и великолѣпными магазинами,—шумѣли морскія волны. Только на мѣстѣ нынѣшнихъ «Песковъ» выдвигались два большихъ острова.

Дальше тянулись длинныя мели. Пройдетъ 3000 — 4000 лѣтъ, и весь заливъ до самаго Кронштадта будетъ покрытъ безчисленными островами и, вѣтвясь на цѣлыя сотни рукавовъ, Нева будетъ впадать въ море 20—30 верстами дальше, чѣмъ теперь. Петербургъ—дѣтище Невы: его почва принесена могучею рѣкою. Нева хозяйничаетъ среди собственныхъ твореній, и море, какъ бы вспоминая о своихъ прежнихъ владѣніяхъ, время отъ времени врывается въ Петербургъ. Петербургъ во многомъ напоминаетъ Голландію. На мѣстѣ этой страны тоже бушевали нѣкогда морскія волны. Изъ песка, принесеннаго ими, выросли новыя мели и острова. Разрастаясь все больше и больше, они примкнули къ берегу. Море создало сушу, и на этой сушѣ раскинулась Голландія. Временами его волны врывались въ эту низменную страну и производили въ ней страшныя опустошенія [1]). И Петербургъ, и Голландія страдаютъ отъ наводненій, благодаря своему низменному положенію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ море заливаетъ свое прежнее дно.

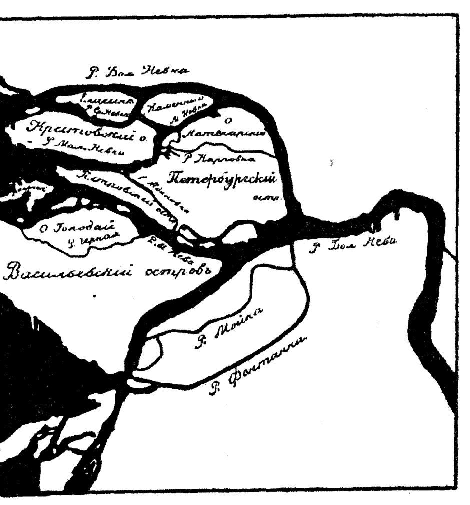

Рис. 52. Острова, на которыхъ расположенъ Петербургъ (дельта рѣки Невы).

IV.

Голландцы давно уже сумѣли защитить свою страну. Петербургъ и до сихъ поръ страдаетъ отъ наводненій. Единственный способъ спастись отъ воды—заблаговременно перебраться въ верхніе этажи и терпѣливо ждать, пока она спадетъ до своего обычнаго уровня.

Для предупрежденія жителей уже съ прошлаго столѣтія подаютъ въ городѣ сигналы, стрѣляютъ изъ пушекъ и ночью зажигаютъ фонари. Когда вода подымается на 3 фута выше обычнаго уровня. раздаются три выстрѣла въ Галерной гавани. На главномъ адмиралтействѣ выставляются флаги, а ночью фонари. Въ это время затопляются далекія окраины города. Вода мало-по-малу подымается и доходитъ до 5-ти футовъ. Черезъ каждые полчаса раздаются

---

1) О наводненіяхъ въ Голландіи см. дальше статью „Море-работникъ“.

выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости. При дальнѣйшемъ подъемѣ стрѣляютъ черезъ четверть часа. Наконецъ, когда вода подымается до 7 футовъ, производятъ по два выстрѣла сряду. Петербургу грозитъ уже серьезная опасность.

Сигналы не устраняютъ опасности наводненій: имущество гибнетъ, дома рушатся. Уже императрица Екатерина II изыскивала способы навсегда защитить столицу отъ наводненій. Съ этою цѣлью прорыли каналы Екатерининскій и Обводный: предполагали, что въ нихъ будетъ собираться избытокъ воды и подъемъ ея въ Невѣ перестанетъ быть опаснымъ для Петербурга. Но ожиданія не оправдались. Каналы нисколько не измѣнили дѣла. Какъ же помочь бѣдѣ? Предполагали отвести Неву въ сторону и загородить ее шлюзами. Городъ былъ бы прекрасно защищенъ отъ напора морской воды, но его красота и величіе пропали бы навсегда. Вмѣсто гладкой поверхности могучей рѣки—рядъ отдѣльныхъ водоемовъ, отгороженныхъ шлюзами. А сколько времени теряли бы суда, спускающіеся внизъ по Невѣ! Около каждаго затвора остановка; небольшое движеніе—и опять жди, пока откроютъ шлюзъ и спустятъ воду. Петербургъ—важный портовый городъ. Сотни судовъ проходятъ ежегодно по Невѣ. Можно представить, какіе убытки понесли бы торговцы изъ-за этихъ задержекъ! Постройка шлюзъ—плохая защита.

Что можетъ быть проще голландскихъ плотинъ? Стоитъ только поднять набережныя настолько, чтобы самая высокая вода не переливалась черезъ нихъ, и Петербургъ навсегда застрахованъ отъ наводненій. Правда, онъ потеряетъ въ своей красотѣ, но жизнь и имущество многихъ людей дороже внѣшняго блеска.

Уже давно поговариваютъ о возведеніи такихъ плотинъ. Для этого нужны цѣлые милліоны рублей. Но защищенный городъ будетъ навсегда огражденъ отъ тѣхъ убытковъ, которые причиняются ему наводненіями. Плотины окупятъ себя, и, надо думать, въ непродолжительномъ времени будутъ приняты какія-нибудь мѣры для защиты жителей отъ постоянныхъ бѣдствій, причиняемыхъ Невою.

Бичи земледѣльца.

I.

Лѣто 1892 года мнѣ пришлось провести въ Саратовской губерніи. Я жилъ въ окрестностяхъ г. Вольска, среди живописно раскинувшихся мѣловыхъ горъ съ ихъ лысыми вершинами. Наша дача, вся утонувшая въ зелени стараго сада, стояла на берегу большого пруда. Съ балкона ея открывался роскошный видъ на всю окрестность. Кругомъ выступали волнистые силуэты горъ. Тутъ и тамъ, на склонахъ ихъ виднѣлись бѣлыя пятна каменоломенъ, и около нихъ дымили своими высокими трубами печи для обжиганія извести и гипса. У подножія горъ раскинулись поля, сады, луга, чередуясь другъ съ другомъ полосами разной окраски. Многочисленные овраги бороздили мѣстность, темными змѣйками разбѣгаясь во всѣ стороны. Я никогда не видѣлъ до тѣхъ поръ настоящихъ овраговъ, и немудрено, что они привлекли мое вниманіе. На другой день по пріѣздѣ я отправился въ экскурсію и, свернувъ съ дороги въ первый попавшійся оврагъ, былъ пораженъ картиной, которая передо мной развернулась. Я вдругъ очутился въ дикомъ, темномъ и сыромъ ущельѣ (рис. 55)... Солнечные лучи не достигали его дна... И чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ все выше поднимались стѣнки... Надо мною виднѣлась только узкая полоска голубого неба. Мѣстами оврагъ принималъ боковые притоки, и тутъ кар-

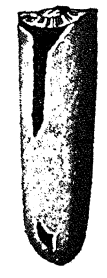

Рис. 53. Белемнитъ.

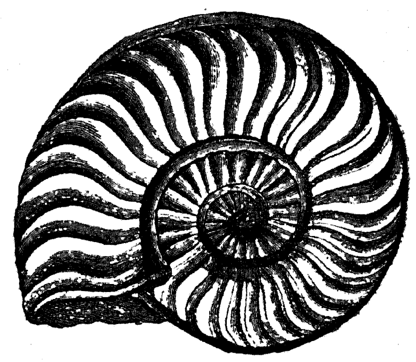

Рис. 54. Аммонитъ.

тина становилась прямо величественной. Вся толща мѣла, прорѣзанная оврагомъ, разбивалась на отдѣльные столбики и холмы конической формы. Тутъ и тамъ стѣны выдвигались въ видѣ разрушенныхъ крѣпостей съ башнями и зубцами. Мѣстность пріобрѣтала видъ причудливой горной страны. Въ стѣнахъ и на днѣ оврага попадалось множество прекрасныхъ окаменѣлостей — длинныхъ белемнитовъ (рис. 53) и красиво завитыхъ аммонитовъ [1]) (рис. 54)... Увлеченный ихъ собираніемъ, я незамѣтно поднимался все выше и выше по оврагу... Вдругъ послышался отдаленный раскатъ грома, за нимъ другой, третій, все явственнѣе и сильнѣе. Приближалась гроза. Нѣсколько крупныхъ капель упало мнѣ на лицо. Я шелъ такъ же безпечно, не задумываясь надъ происходившимъ. Между тѣмъ тучи заволокли весь узкій просвѣтъ голубого неба. Наверху пронесся вихрь. Пыль клубилась надъ моею головою. Въ оврагѣ совсѣмъ потемнѣло. Я сообразилъ, что будетъ ливень и по оврагу понесется вода... И мнѣ стало ясно, что я въ западнѣ. Подняться прямо вверхъ по этимъ

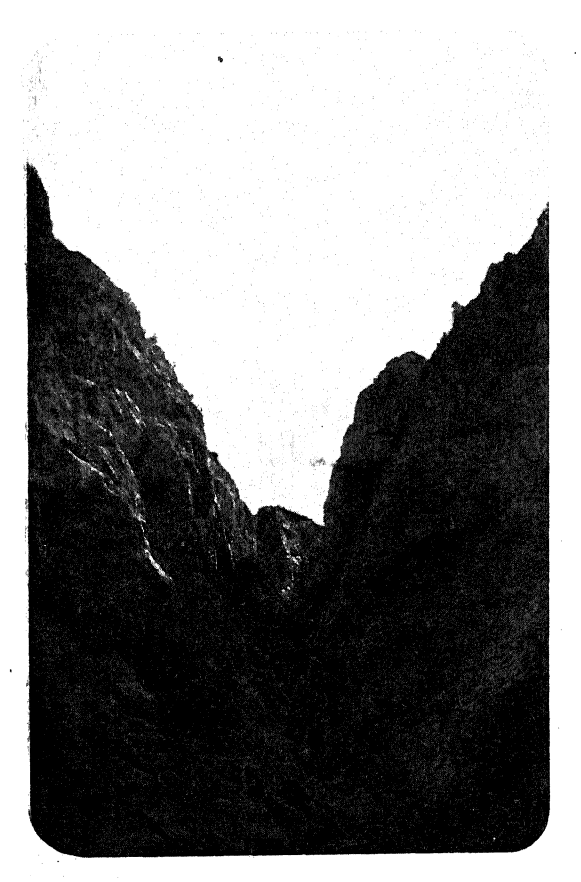

Рис. 55. Глубокій оврагъ.

[1]) Аммониты и белемниты представляютъ собою окаменѣлые остатки вымершихъ животныхъ. О томъ, какъ они попали въ землю см. дальше статью «Море-работникъ».

крутымъ, сыпучимъ обрывамъ нѣтъ возможности. Надо спасаться... И, спотыкаясь о камни, засыпавшіе дно оврага, я бросился бѣжать. А раскаты грома слышались все ближе и ближе. Я бѣжалъ, сколько хватало силъ. Вдругъ донесся откуда-то издали глухой шумъ. Не было сомнѣнья, что это вода бурнымъ потокомъ мчалась по оврагу. Я удвоилъ свой бѣгъ. Шумъ между тѣмъ приближался. И только успѣлъ я выбѣжать на дорогу, какъ изъ оврага вырвался мутный потокъ воды. Я поднялся вверхъ, на крутой берегъ вновь образовавшейся рѣки и, видя ея бѣшеную игру, понялъ, какой опасности подвергался. Вода была вся сбита въ пѣну. Ворочая камни и обрывая отъ береговъ огромныя глыбы земли, она бѣшено неслась впередъ и подымалась все выше и выше. Очевидно, въ верховьяхъ оврага прошелъ сильный ливень. Закутавшись въ клеенку, я направился домой. Все небо было покрыто тучами. Пошелъ дождь. Изо всѣхъ овраговъ неслась вода и съ шумомъ вливалась въ ближайшую рѣчку. Я остановился подъ деревомъ, чтобы переждать ливень. Какъ и всегда на югѣ, онъ не былъ продолжителенъ. Скоро тучи разсѣялись, небо прояснилось, и я могъ безопасно итти домой, любуясь игрой дождевыхъ потоковъ, то и дѣло встрѣчавшихся на пути. Въ одномъ мѣстѣ дорога оказалась совсѣмъ размытой, и понадобилось сдѣлать порядочный прыжокъ, чтобъ перебраться черезъ ручей, прорѣзавшій ее. Подходя къ дому, я увидѣлъ цѣлую толпу народа, тѣснившуюся у огорода, который прилегалъ къ нашей дачѣ. Я поспѣшилъ. Боже мой! Какая неожиданная картина развернулась передо мной! Огорода уже не было. На его мѣстѣ бушевала вода, разлившись въ цѣлое озеро и неся въ своихъ мутныхъ волнахъ бревна, щепки, мебель и другой домашній скарбъ. Откуда такая напасть? Оказалось, что вода, хлынувшая въ рѣку изъ овраговъ, прорвала мельничную плотину, и свирѣпый потокъ снесъ строенія, стоявшія на берегу. Отъ воды не было спасенія. Она слилась съ нашимъ прудомъ, подступала къ самой дачѣ... Не успѣй я во время выбраться изъ оврага, и грозный потокъ сбилъ бы меня съ ногъ и унесъ съ собою. Тутъ уже нельзя было бы разсчитывать на спасеніе. Цѣлую недѣлю послѣ этого огородъ стоялъ залитый водою; всѣ овощи погибли, а мельница такъ и не работала въ этотъ годъ. Ливень, продолжавшійся не болѣе часа, натворилъ такихъ бѣдъ, что послѣдствія его чувствовались долгое время, и убытокъ былъ громаденъ. Къ счастію, катастрофа обошлась безъ человѣческихъ жертвъ. Погибла только кошка и нѣсколько куръ. Но не всегда кончается такъ благополучно.

Въ 1892 году въ окрестностяхъ Бѣловодска случился страшный ливень. Изъ всѣхъ овраговъ хлынули свирѣпые потоки воды. Они неслись къ деревнямъ, пробивали стѣны домовъ, рвали землю, портили дороги. Вблизи Старобѣльска, гдѣ даже вовсе не было дождя, пронесся потокъ аршина въ два высотою. Онъ двигался, какъ

стѣна, заполнилъ весь оврагъ, поднялъ и разметалъ цѣлый крестьянскій обозъ, проѣзжавшій у конца оврага. Возы выплыли, телѣги, а вмѣстѣ съ ними и люди погибли. Трупъ одного извозчика нашли черезъ нѣсколько дней подъ слоемъ ила. Онъ былъ отнесенъ на нѣсколько сотъ саженъ.

Еще ужаснѣе послѣдствія, когда вдругъ выростаетъ новый оврагъ или быстро увеличивается старый. Громадныя массы песка, земли и камней вырываются тогда изъ его устья, и вмѣсто воды

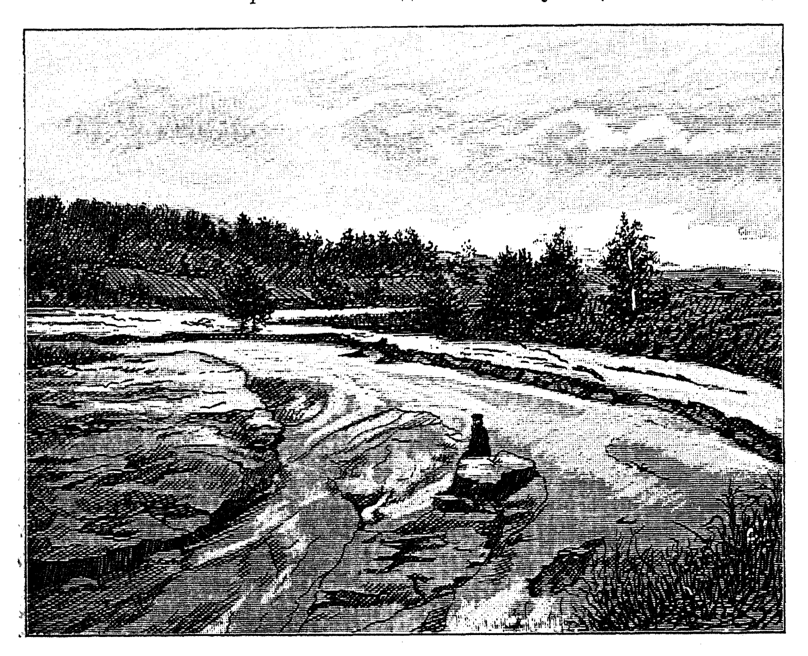

Рис. 56. Песокъ, вынесенный изъ оврага и покрывшій засѣянное поле.

несутся потоки грязи. Она расплывается по полямъ и лугамъ, губитъ жатву и сѣнокосы. Нерѣдко сильные ливни бываютъ причиною неурожая и голода. Въ верховьяхъ рѣки Сызрани огромный оврагъ Глухой несетъ песокъ прямо въ село Коносаево. Дома ограждаются отъ заноса особыми плетнями. Нѣсколько избъ пришлось перенести уже на другія мѣста. На нашемъ рисункѣ (рис. 56) изображены грозныя опустошенія, произведенныя этимъ оврагомъ. Весеннія воды однажды вынесли изъ него огромныя массы песка. За нѣсколько дней до снятія фотографіи случился страшный ливень. Толстый слой песку былъ снова размытъ и унесенъ водой.

Только тутъ и тамъ уцѣлѣли отдѣльныя глыбы. На одной изъ такихъ глыбъ сидитъ человѣкъ, и по сравненію съ его ростомъ можно судить, какой громадный слой песка былъ принесенъ овражнымъ потокомъ. Размытый ливнемъ песокъ совершенно засорилъ сосѣднюю рѣчку и заставилъ ее выйти изъ береговъ.

II.

Нигдѣ овраги не растутъ съ такою поразительною быстротою, какъ у насъ. Милліонами змѣекъ протянулись они въ средней и

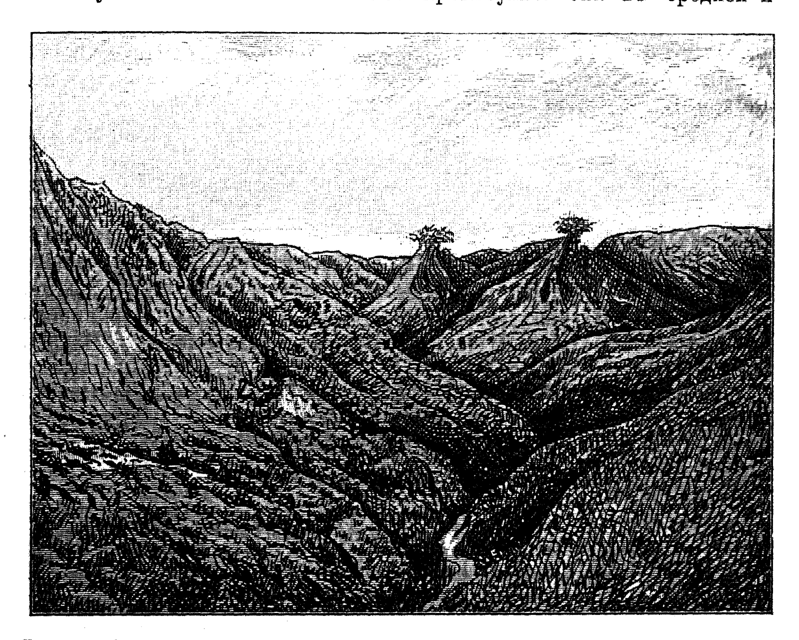

Рис. 57. Общій видъ недавно выросшаго оврага. Кое-гдѣ видны горки неразмытой земли съ клочьями растительности на вершинахъ.

южной Россіи [1]). Почва этой обширной области состоитъ по большей части изъ тучнаго чернозема. Подъ нимъ лежитъ песчанистая глина, чрезвычайно богатая примѣсью извести. Эта глина назы-

[1]) Въ губерніяхъ: Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Нижегородской, Харьковской, Черниговской, Полтавской, Волынской, Подольской, Кіевской, Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и области Войска Донского.

вается у насъ «бѣлоглазкой», а на западѣ—лессомъ. Она чрезвычайно легко размывается водою. Нерѣдко достаточно самой ничтожной причины, чтобы вызвать образованіе оврага. Трещина, появившаяся лѣтомъ во время усыханія чернозема, слѣдъ, оставленный проходившимъ скотомъ, пахотная борозда, дорожная колея служатъ тѣми первоначальными путями, по которымъ устремляется вода. Весной, во время таянія снѣговъ, и лѣтомъ, во время сильныхъ дождей, она мчится мутными потоками. Образуя на пути множество водопадовъ, она рветъ и размываетъ почву и все глубже врѣзывается въ рыхлый песокъ или лессъ. Въ нѣсколько дней вырастаетъ промоина съ отвѣсными стѣнками и узкимъ дномъ. Эта зіяющая язва на поверхности равнины и есть оврагъ (рис. 57 и 58). Съ каждымъ ливнемъ онъ все болѣе и болѣе разрастается въ глубину и длину. Собираясь съ огромнаго пространства, мутныя воды низвергаются въ нее, роютъ на днѣ котловины и ямы, подхватываютъ землю и песокъ и уносятъ ихъ внизъ, отлагая толстымъ пластомъ на поляхъ и лугахъ или выбрасывая въ рѣки, озера и пруды. Наибольшее разрушеніе идетъ у вершины оврага. Здѣсь потоки воды рвутъ еще незатронутую разрушеніемъ землю и отодвигаютъ начало промоины все дальше и дальше вверхъ; оврагъ растетъ, охватывая новыя пространства плодородной земли. Скоро у его вершины появляются побочныя вѣтви, или *«отвершки»* (рис. 59). Оврагъ начинаетъ вѣтвиться. Отроги его, точно когтистыя лапы сказочнаго чудовища, ползутъ во всѣ стороны по полямъ и лугамъ и снова дробятся у своихъ вершинъ. Скоро запутанная сѣть водороинъ охватываетъ огромную площадь (рис. 60). Тамъ, гдѣ боковые отроги встрѣчаютъ главный оврагъ, можно наблюдать самыя причудливыя формы разрушенія. Тутъ вы видите длинные мысы, островки, коническіе холмики, обелиски, столбы...

Растутъ овраги съ поражающей быстротою. Въ 1870 году недалеко отъ города Харькова явились двѣ новыхъ водороины. Причиною послужила выборка земли для насыпи Харьково-Николаевской желѣзной дороги. Черезъ какихъ-нибудь 18 лѣтъ онѣ превратились въ гигантскіе овраги: одинъ имѣлъ 400 футовъ въ длину и 50 въ глубину, а другой—770 футовъ въ длину и 17 въ глубину. Въ Тульской губерніи, на старой почтовой дорогѣ въ Кіевъ тянется огромный оврагъ. Лѣтъ тридцать назадъ здѣсь была только небольшая промоина, а теперь она имѣетъ въ длину 342 сажени. Во время очень сильныхъ ливней наблюдается мгновенный приростъ оврага на цѣлыхъ пятнадцать саженъ.

Подымаясь своимъ верховьемъ выше и выше, оврагъ достигаетъ наконецъ водораздѣла. Съ этой минуты развитіе его прекращается. Потокъ воды, бѣгущій во время дождей по его дну, растягивается теперь на огромное разстояніе и производитъ незначительное размываніе. Дно оврага мало-по малу выравнивается и покрывается

пескомъ и иломъ. Въ то же время крутыя стѣнки его осыпаются и становятся отлогими. Скоро на нихъ появляется и растительность: мать и мачеха, сокольникъ, молочай, подморенникъ, незабудки, клеверъ, злаки, и, наконецъ, деревья: ива, осина, береза и др. Густой покровъ этихъ растеній окончательно скрѣпляетъ своими корешками и корнями рыхлую почву и защищаетъ ее отъ дальнѣйшаго размыва. Такой измѣненный оврагъ съ отлогими, поросшими травой и кустарникомъ стѣнками и ровнымъ дномъ носитъ названіе *балки*. Нерѣдко нижняя часть оврага превращается въ балку, когда вершина его продолжаетъ еще расти. Обыкновенно въ сухое время на днѣ овраговъ нѣтъ воды. Только весной, во время таянія снѣга, и

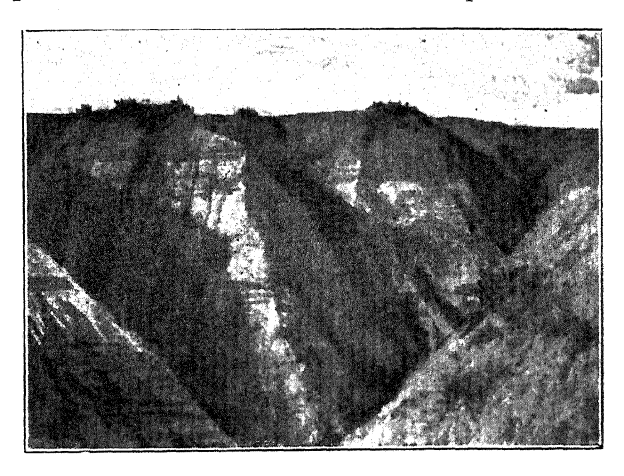

Рис. 58. Оврагъ въ пескахъ и глинахъ Рязанской губерніи. Въ обрывахъ видны слои размытыхъ породъ. По фотографіи В. П. Семенова.

лѣтомъ, во время сильныхъ дождей, по нимъ несутся бѣшеные ручьи. Но иногда и въ теченіе всего лѣта по дну ихъ струится вода. Это происходитъ, когда оврагъ прорѣзываетъ пути подземныхъ водъ [1]). Въ такомъ случаѣ на днѣ его бьютъ ключи, или родники. Когда такой оврагъ остановится въ своемъ развитіи, то онъ превращается уже не въ балку, а въ рѣчку. Многія изъ нашихъ мелкихъ рѣчекъ произошли изъ овраговъ. Такимъ образомъ, овраги представляютъ громадный интересъ не только своими разрушительными дѣйствіями: во множествѣ случаевъ это не что иное, какъ зарождающіяся на нашихъ глазахъ рѣки.

[1]) См. статью «Грозныя невидимки» въ моей книгѣ «Между огнемъ и льдомъ».

Отчего же въ сѣверной половинѣ Россіи нѣтъ овраговъ? Вѣдь и здѣсь подъ почвой лежатъ пески и глины, которые такъ легко могутъ размываться водой?—Первая причина кроется въ климатѣ. Толстая пелена снѣга, которая скопляется въ теченіе всей зимы, таетъ на югѣ нерѣдко 3—4 дня. Получается огромная масса воды, которая стекаетъ по склонамъ бурными потоками. Лѣтомъ сильныя засухи чередуются съ ливнями Во время засухи почва ссыхается и покрывается трещинами. Въ ливни мгновенно выпадаетъ на землю огромное количество воды, которая и устремляется по всѣмъ трещинамъ. Вторая причина заключается въ растительности: на сѣверѣ—лѣсъ, на югѣ—степь. Всякая растительность скрѣпляетъ своими корнями почву и защищаетъ ее отъ размыва. Но въ лѣсу

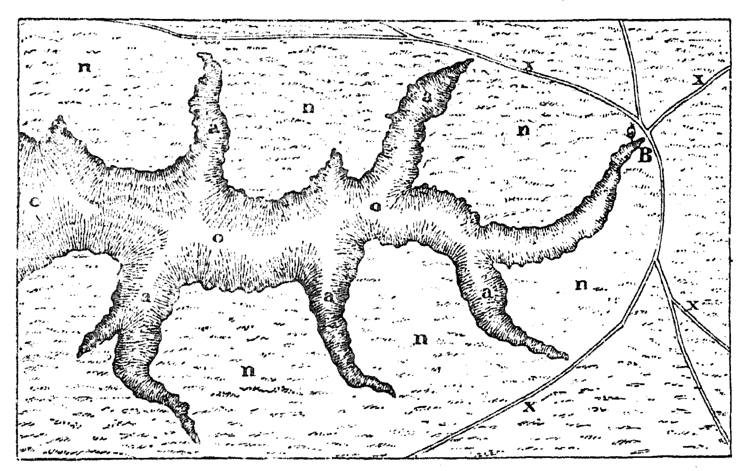

Рис. 59. Оврагъ на планѣ: *B*—вершина оврага; *o*—главная его вѣтвь; *a*—отвершки; *n*—неразмытая земля; *x*—дороги.

таяніе снѣга происходитъ медленнѣе, и весеннія воды стекаютъ постепенно, растягиваясь по упавшимъ деревьямъ, по сучьямъ, листьямъ и пропитывая одѣвающій землю моховой коверъ.

Пока не поврежденъ растительный покровъ, образованіе оврага невозможно. Иногда обвалы на берегахъ рѣкъ даютъ первый толчокъ для появленія его. Роющія животныя тоже повреждаютъ растительный покровъ. Нерѣдко лисья нора, подземный ходъ крота являются зародышами овраговъ... Но главнымъ виновникомъ угрожающаго развитія ихъ является самъ человѣкъ. Онъ безпощадно вырубаетъ лѣса, распахиваетъ склоны заросшихъ балокъ, выбираетъ песокъ подъ насыпи желѣзныхъ дорогъ, устраиваетъ каменоломни, прогоняетъ скотъ по одному и тому же пути. Всѣми этими спо-

собами онъ портитъ и уничтожаетъ растительность. Въ большинствѣ случаевъ такія дѣйствія вызываются крайнею необходимостью. У крестьянъ не хватаетъ земли, и, чтобы избѣжать голода, они распахиваютъ все, что возможно. Въ поля превращены даже такія крутые склоны, гдѣ лошадь не можетъ держаться и гдѣ разрыхленіе земли приходится производить лопатой. Лѣсные пожары тоже часто бываютъ причиной зарожденія овраговъ. Въ селѣ Усердинѣ Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи тянется огромный оврагъ. За два года до его появленія пастухи развели костеръ въ луговой лощинѣ, которая обыкновенно была сыра, а въ это лѣто совершенно высохла отъ бездождія. Отъ разведеннаго костра загорѣлся торфъ, толстымъ слоемъ лежавшій подъ травянымъ покровомъ. Пожаръ продолжался всю зиму. Весеннія воды легко размыли перегорѣвшій торфъ и, встрѣтивъ подъ нимъ глину и песокъ, образовали громадную водороину—больше версты. На слѣдующій годъ эта водороина стала еще больше. Такимъ образомъ прекрасная сѣнокосная лощина, когда-то доставлявшая обильный кормъ скоту, превратилась въ безплодный оврагъ, уничтожить который теперь уже невозможно.

Рис. 60. Планъ мѣстности, разъѣденной оврагами.

Оврагъ несетъ двойную гибель. Кромѣ размыва почвы онъ производитъ огромные выносы песка и засыпаетъ имъ поля и луга. Попадая въ рѣки, песокъ засоряетъ русло ихъ и даетъ богатый матеріалъ для образованія мелей — перекатовъ и острововъ — осередковъ. Въ Воронежской губерніи у села Дмитряшевки въ рѣку Донъ впадаетъ большой оврагъ. Огромныя массы песка, принесеннаго имъ, легли поперекъ всего ложа рѣки. Ее въ этомъ мѣстѣ легко перейти въ бродъ. Мелкія рѣчки и пруды совершенно засыпаются пескомъ. Старики разсказываютъ, какъ они неводомъ рыбу ловили въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь сѣютъ хлѣбъ. Въ Лебедянскомъ уѣздѣ р.

Сквирня была когда-то глубока и многоводна. Теперь она доживаетъ свой вѣкъ. Русло ея занесено пескомъ, дно почти сравнялось съ берегами; только кое-гдѣ блестятъ лужи воды. Немного пройдетъ лѣтъ, и отъ нея не останется и слѣда.

Но и этимъ не ограничивается вредъ овраговъ. Засоряя и уничтожая водные пути, они затрудняютъ и сухопутныя сообщенія. Дороги въ мѣстностяхъ, изрѣзанныхъ оврагами, такъ извилисты и окружены такими пропастями и кручами, что ѣздить по нимъ можно только днемъ, да и то съ большою осторожностью. Каждый годъ появляются новые овраги. Приходится строить новые мосты или удлинять путь, обходя вновь выросшія водороины. Между городами Алатыремъ и Ардатовымъ въ 50-хъ годахъ было всего 3 моста, а теперь ихъ 42.

Но всего гибельнѣе для крестьянъ и помѣщиковъ то, что овраги осушаютъ мѣстность. Эти гигантскія водороины представляютъ нѣчто въ родѣ тѣхъ канавъ, которыя проводятся въ болотистой мѣстности съ цѣлью ея осушенія. Вода, пропитывающая болото, стекаетъ въ такую канаву, и избытокъ влаги удаляется. Послѣ этого болото возможно обратить въ пашню. Но если канавъ будетъ очень много, то можетъ случиться, что почва на бывшемъ болотѣ совсѣмъ пересохнетъ, и пашня будетъ страдать отъ недостатка воды. Такое именно дѣйствіе производятъ овраги. Едва замѣтный ручеекъ, струящійся по дну оврага,—злѣйшій врагъ земледѣльца: неустанно вытягиваетъ онъ изъ почвы драгоцѣнную влагу и подготовляетъ голодъ. Мало того. Глубоко врѣзываясь въ землю, оврагъ перехватываетъ токи подземной воды, которая раньше выходила на поверхность въ видѣ родниковъ и стекала въ рѣки и пруды. Тамъ, гдѣ много овраговъ, замѣчается постепенное высыханіе рѣчекъ, колодцевъ, прудовъ. Въ разныхъ уголкахъ Россіи многія небольшія рѣчки совершенно исчезли съ лица земли, и только сухія ложбинки свидѣтельствуютъ объ ихъ прежнемъ существованіи. Не песокъ, не илъ были виновниками ихъ преждевременной смерти: вода ихъ медленно уходила въ землю и исчезла совсѣмъ. Да не только мелкія рѣчки,—большія рѣки Россіи страдаютъ вслѣдствіе исчезновенія питающихъ ихъ ключей. Такъ, напримѣръ, верхняя часть рѣки Днѣпра совершенно высохла. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ грустномъ явленіи очевидецъ его, проф. Анучинъ:

«Поразспросивъ объ истокахъ Днѣпра, мы не безъ труда наняли у мѣстнаго арендатора телѣгу съ парою сытыхъ лошадей и отправились въ Клецово (Бѣльскій уѣздъ, Смоленской губерніи). Народъ оказался почти весь на работѣ въ полѣ. По счастію, встрѣтили парня лѣтъ 23, къ которому и обратились съ вопросомъ. Парень попался услужливый и сейчасъ же изъявилъ готовность провести насъ къ истоку Днѣпра.

«Шли мы съ полверсты, обогнули поле и пришли наконецъ къ небольшому колодцу.

— «Вотъ здѣсь,—пояснилъ намъ чичероне:—прежде, говорятъ, тутъ стояла береза.

«Мы заглянули въ колодезь: вода красноватая; посмотрѣли кругомъ: ни ручья, ни болота.

— «Гдѣ же Днѣпръ?—спросили мы съ недоумѣніемъ.

— «А онъ ушелъ.

— «Какъ ушелъ?

— «А такъ, осерчалъ да и ушелъ. Старики говорятъ, что одна баба вздумала стирать въ немъ платье,—онъ и ушелъ.

«Мы отнеслись съ недовѣріемъ къ словамъ парня, сказаннымъ

Рис. 61. Горный ручей. Съ картины Ригера.

совершенно серьезно; но онъ предложилъ обратить вниманіе на небольшой оврагъ, въ которомъ мы находились и который тянулся отсюда извивающейся ложбиной. Пошли мы этою ложбиною, и скоро стало совершенно ясно, что она принимаетъ очертаніе рѣчного ложа съ болѣе или менѣе крутыми берегами, мѣстами съ углубленіями, въ которыхъ видны слегка окатанные, округленные водою камни. Эта ложбинка ведетъ къ большому болоту, поросшему невысокимъ и рѣдкимъ осинникомъ.

«Прежде Днѣпръ впадалъ въ это болото, теперь онъ вытекаетъ изъ сѣверо-восточнаго его конца явственною рѣчкой. Давно ли Днѣпръ усохъ у своего истока, сказать трудно. Нѣкоторые старики

увѣряютъ, что отцы ихъ еще помнили березу и текущій отъ нея ручеекъ. У Днѣпрова (ниже болота) сохранились еще слѣды плотины; находили сваи въ водѣ, что и позволило заключить, что здѣсь была какая-то мельница. Но было это, несомнѣнно, очень давно: мѣстный священникъ о. Степанъ говоритъ, что уже шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ существовавшая здѣсь ранѣе мельница была извѣстна только по преданію. Весною Днѣпръ бываетъ многоводнѣе и заливаетъ окрестные луга. Возможно, что лѣтъ полтораста назадъ и болѣе онъ былъ обильнѣе водой, текъ отъ самой Клецовой и могъ уже въ Днѣпровѣ двигать мельничныя колеса. Теперь онъ никогда, даже въ самую полую воду не наполняетъ своего усохшаго ложа и двигаетъ мельницу уже только въ Балашовѣ, верстъ на десять ниже».

Отчего усохъ Днѣпръ у своего истока, выяснить трудно, но, вѣроятно и тутъ главными виновниками являются овраги.

Мы видѣли, что овраги приносятъ огромный вредъ. Мѣстность, гдѣ они появляются, быстро преобразуется, и часто огромные участки пахотной земли превращаются въ совершенныя пустыни. Нашъ извѣстный путешественникъ Е. Марковъ живыми красками набросалъ картину запустѣнія Воронежской губерніи. Вотъ что онъ пишетъ:

«Глубокіе лога, недавно покрытые твердою бронею зеленаго дерна, кустами и деревьями, распахиваются до самаго дна, давая возможность весенней и дождевой водѣ сносить внизъ оголенный слой чернозема и размывать скаты логовъ до глины, а потомъ и до песка. Вслѣдствіе этого зеленыя балки, нѣкогда радостный пріютъ для скота, то и дѣло превращаются въ безплодные овраги, которые въ каждую весну и въ каждый сильный дождь заносятъ потоками песка и глины ниже лежащія плодородныя земли, а болѣе всего рѣку, въ которую они впадаютъ. На цѣлыя сотни верстъ лѣвый берегъ Дона представляетъ почти сплошную песчаную пустыню, только кое-гдѣ прерываемую болотистыми лугами да лѣсами, уцѣлѣвшими какимъ-то чудомъ. А поглядишь направо, — тамъ колоссальная мѣловая гряда, провожающая р. Донъ почти на всемъ его теченіи, недавно еще густо одѣтая спасительнымъ покровомъ лѣсовъ, теперь почти вездѣ бѣлѣетъ, будто обглоданный черепъ мертвеца... Со всѣхъ сторонъ ползутъ теперь въ русло «синяго Дона» ничѣмъ болѣе не сдерживаемые пески, мѣлы и глины, и когда-то многоводная рѣка степныхъ кочевниковъ мечется теперь то вправо, то влѣво, силясь обѣжать выростающіе въ ея нѣдрахъ острова, перекаты и мели, еще болѣе размывая этимъ свои рыхлые берега и еще болѣе засоряя себя ихъ останками».

III.

Мы узнали, къ какимъ грознымъ катастрофамъ приводятъ ливни, разражающіеся надъ нашею равниной. Но еще большія бѣдствія

Рис. 62. Опустошенія, произведенныя горнымъ ручьемъ.

причиняютъ сильные дожди въ горахъ. Путешественникъ нерѣдко останавливается передъ громадными грудами щебня, который заполняетъ альпійскія долины. Не видно и слѣдовъ текучей воды, а между тѣмъ многіе обломки слегка окатаны, и угловатые края ихъ сглажены. Неужели эти камни сами собой скатились сверху? Отчего ихъ такъ много и въ этой, и въ сосѣдней долинахъ? Но стоитъ только побывать здѣсь въ непогоду, и всѣ сомнѣнія исчезнутъ. Бѣда, если неосторожный путешественникъ будетъ застигнутъ дождемъ въ такомъ ущельѣ. Вода со всѣхъ сторонъ устремляется на него и свирѣпо мчится внизъ бурнымъ потокомъ, все сокрушая на своемъ пути (рис. 61). Нерѣдко этотъ потокъ увлекаетъ сверху огромныя массы песка и ила и превращается въ густую тѣстообразную массу. Проносясь среди лѣсовъ, онъ валитъ деревья, подмываетъ и низвергаетъ цѣлыя скалы. Всё это катится внизъ, пока не встрѣтитъ какого-нибудь препятствія. Нерѣдко каменная глыба въ сотни пудовъ вѣсомъ, упавъ сверху, задерживаетъ потокъ. Около нея скопляются деревья, корни и камни. Эта импровизированная плотина держится до тѣхъ поръ, пока новыя массы грязи и воды не прорвутъ ея. Съ удвоеннымъ бѣшенствомъ потокъ устремляется по узкому ущелью. Слышится оглушительный грохотъ и трескъ. Земля трясется, окна дрожатъ. Ударяющіяся другъ о друга каменныя глыбы разбрасываютъ искры. Кругомъ распространяется запахъ гари. Наконецъ, грязь достигаетъ нижнихъ частей долины и вѣеромъ расползается во всѣ стороны, погребая въ своей массѣ и жилище человѣка, и воздѣланное имъ поле (рис. 62). Только развѣ трубы затопленныхъ домовъ выдвигаются изъ-подъ толстой пелены грязи и обломковъ.

Особенно ужасны бываютъ послѣдствія, когда потокъ вливается въ большую долину и запруживаетъ русло рѣки. Задерживаясь въ своемъ теченіи, вода выходитъ изъ береговъ, затопляетъ поля, уноситъ жилища, губитъ людей. Въ Альпахъ бывали случаи, когда массы щебня и камней навсегда перегораживали рѣку, и такимъ образомъ возникало новое постоянное озеро. Гораздо чаще рѣка прорываетъ загораживающія путь ея массы. Хорошо, если это происходитъ медленно. Но нерѣдко воды прорываютъ плотину вдругъ и устремляются въ долину, все уничтожая на своемъ пути. 17 августа 1891 года въ южномъ Тиролѣ разразился ливень. Въ верхней части долины Гандербаха произошелъ обвалъ. Задержанная имъ вода скопилась и образовала озеро. Въ ночь на 18-е ливень повторился. Массы камней, заграждавшія рѣку, не выдержали напора водъ и съ дикою яростью устремились въ долину Эйзака. Въ деревнѣ Кольманъ въ мгновеніе ока было разрушено 16 домовъ, и 43 человѣка погибло въ потокахъ грязи. Рѣка Эйзакъ была вся запружена огромными камнями, а полотно сосѣдней желѣзной дороги размыто на протяженіи цѣлыхъ $^{3}/_{4}$ версты.

Иногда грязные потоки, или «муры», какъ ихъ называютъ, увлекаютъ за собой ледъ и снѣгъ. Въ ночь на 12-е мая 1902 г. разразилась страшная катастрофа у купальнаго заведенія Сенъ-Жерве, у подножія Монблана. На концѣ небольшого ледника, спускавшагося съ этой горы, скопилась вода, задержанная въ своемъ движеніи грудами камней и щебня. Постепенно прибывая отъ таянія льда, она наконецъ прорвала преграду. Огромныя массы валуновъ, каменныхъ глыбъ, льда, грязи съ ужасающею скоростью ринулись

Рис. 63. Послѣ катастрофы въ Сенъ-Жерве.

въ долину и погребли въ своихъ массахъ злополучное мѣстечко Сенъ-Жерве. Въ глухую полночь разразилась катастрофа. Груды обломковъ, щепокъ, камней, обезображенные трупы животныхъ и людей—вотъ все, что осталось отъ цвѣтущаго мѣстечка на другой день. Послушаемъ, что разсказываетъ очевидецъ этого ужаснаго событія, счастливымъ случаемъ спасшійся отъ неминуемой гибели.

«Я проживалъ въ одномъ изъ отелей въ долинѣ, въ которой находилось купальное заведеніе. Около двухъ часовъ утра насъ разбудилъ страшный шумъ, а отель началъ сильно колебаться. Быстро накинулъ я на себя кое-что изъ платья и бросился къ окну. Сначала я не могъ понять, что случилось. Вдругъ вижу: несется по-

токъ воды и влечетъ за собою огромные камни. Вода почти касалась стѣнъ отеля. Я понялъ, что зданія должны неизбѣжно разрушиться. Я вылѣзъ въ окно на крышу, гдѣ встрѣтилъ какую-то даму, закутавшуюся въ простыню. Съ величайшимъ трудомъ удалось намъ вылѣзть изъ нашего зданія на крышу сосѣдней часовни, построенной противъ скалы. Мы были спасены. Въ эту минуту значительная часть отеля была унесена водою».

Во время катастрофы погибло болѣе 160 человѣкъ. Всѣ зданія были разрушены, а на мѣстѣ ихъ валялись огромные обломки до 3 саженъ въ длину и ширину (рис. 63).

Еще грознѣе бываютъ опустошенія, когда вслѣдствіе ливней образуется одновременно нѣсколько бурныхъ потоковъ. Изъ всѣхъ долинъ и ущелій несутся тогда огромныя массы воды и грязи, рѣки разливаются, подмываютъ свои берега и загромождаютъ поля на огромномъ пространствѣ щебнемъ и обломками. Такая катастрофа разразилась, напр., въ 1882 году и охватывала весь южный Тироль, Каринтію и область венеціанскихъ Альпъ. Только въ одномъ Тиролѣ погибло 53 человѣка, а убытки измѣрялись цѣлыми десятками милліоновъ рублей.

Въ горныхъ областяхъ Россіи грязевые потоки представляютъ тоже явленіе обыкновенное. Съ грозною силою проявляются они въ Туркестанѣ и носятъ здѣсь названіе силя [1]). 18-го іюля 1900 г. четыре киргизскихъ семьи Узгенской волости въ числѣ 34 человѣкъ, съ четырьмя юртами и скотомъ остановились ночевать въ одномъ изъ горныхъ ущелій въ мѣстности Юракъ-Ташъ. Около 9 часовъ вечера, когда уже всѣ спали, поднялась буря и пошелъ сильный дождь со снѣгомъ. Ударилъ громъ. Залаяли встревоженныя собаки. Одинъ изъ киргизовъ проснулся и выскочилъ изъ юрты. Заслышавъ вдали глухой шумъ и ревъ, по которому туземцы легко узнаютъ приближеніе силя, онъ поднялъ крикъ, желая разбудить товарищей. Но тѣ спали слишкомъ крѣпко. Тогда онъ бросился въ свою юрту, схватилъ трехлѣтняго сына и обратился въ бѣгство. Ему удалось спастись. А остальные 32 человѣка съ юртами, имуществомъ и скотомъ (свыше 100 головъ) были унесены силемъ.

На Кавказѣ внезапные горные потоки тоже творятъ не мало бѣдъ. Такъ, 27-го мая 1902 года надъ Кисловодскомъ повисли черныя тучи. Разразились ливень и градъ, длившіеся 4 часа. Двѣ мѣстныя горныя рѣчки Ольховка и Березовка выступили изъ береговъ и превратились въ бурные потоки. Онѣ смыли и унесли все, что поддавалось разрушенію: деревянные мосты, ворота, бесѣдки, торговые лари, лавочки, заборы, строительные матеріалы, деревья, телѣги и домашнюю утварь, цвѣточныя клумбы, огородныя грядки. Цѣлая лавка съ кондитерскими издѣліями была подмыта, разло-

[1]) Слово „силь“—арабское, и въ буквальномъ переводѣ значитъ „потокъ“.

мана въ щепы и унесена. Разрушено много домовъ, затоплены нижніе этажи. Градъ небывалыхъ размѣровъ довершилъ бѣдствіе. Опустошены сады, огороды. Табуны лошадей, перепуганные градомъ, бросились бѣжать куда глаза глядятъ, падали со скалъ и разбивались на смерть. Убытки оцѣнивались десятками тысячъ.

Замѣчено, что въ послѣднія два-три столѣтія, а въ особенности въ послѣднія сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ грязевые потоки въ Альпахъ значительно усилились. Въ горной Франціи, начиная съ XV сто-

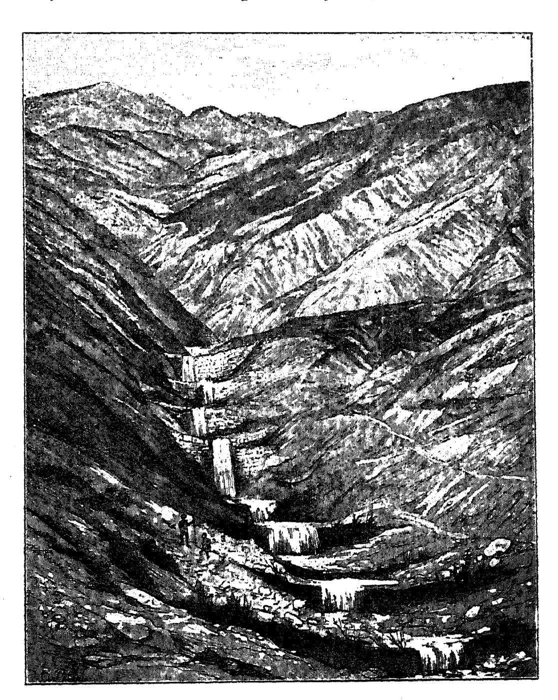

Рис. 64. Горный потокъ, закрѣпленный плотинами.

лѣтія, потеряна почти половина земель, годныхъ для обработки. Въ нѣкоторыхъ изъ мѣстностей этой страны грозныя муры въ какія-нибудь десять лѣтъ уничтожили четверть воздѣланныхъ полей. Пройдетъ двѣсти-триста лѣтъ, и если грозному распространенію альпійскихъ грязевыхъ потоковъ не будетъ положенъ предѣлъ, то многія земледѣльческія области могутъ превратиться въ мертвыя пустыни, засыпанныя щебнемъ, огромными валунами и пескомъ. Въ чемъ же причина такого грознаго усиленія муръ? Какъ и въ

Россіи, лѣса въ Альпахъ всегда были лучшими защитниками почвы отъ размыва. Они скрѣпляютъ рыхлыя массы и препятствуютъ быстрому стоку воды. Но человѣкъ давно уже объявилъ лѣсамъ войну: съ каждымъ годомъ оголяются новыя пространства, и лишенная прежней защиты земля представляетъ благопріятное поле для работы бурныхъ потоковъ. Мало того, человѣкъ проникъ въ высочайшія области горъ, гдѣ почва покрыта мхами, лишайниками, низкорослымъ кустарникомъ и густымъ покровомъ альпійскихъ розъ и брусники, жадно впитывающимъ дождевую воду. И эти растенія уничтожаются человѣкомъ: они должны уступить мѣсто пастбищамъ, которыя искусственно расширяются людьми. Но вмѣстѣ съ появленіемъ скота, который топчетъ растительность, увеличивается размываніе въ высшихъ областяхъ горъ.

IV.

Уже давнымъ-давно сознавался вредъ, причиняемый неосторожнымъ вырубаніемъ лѣсовъ. Такъ, напр., 500 лѣтъ назадъ бенедиктинскіе монахи наказывали отлученіемъ отъ церкви виновниковъ уничтоженія лѣсовъ. И теперь правительства разныхъ странъ принимаютъ рѣшительныя мѣры для сохраненія лѣсного покрова. Но во многихъ мѣстностяхъ эти мѣры оказываются запоздалыми. Лѣса уже вырублены, и муры достигли грознаго развитія. Въ такихъ случаяхъ приходится возводить сложныя сооруженія для защиты селеній и полей отъ опустошительнаго дѣйствія воды и грязи. Уже съ давнихъ временъ жители альпійскихъ долинъ строили въ мѣстахъ выхода муръ крѣпкія плотины. Такія плотины встрѣчаются въ Италіи уже въ XVI столѣтіи. Но чтобъ достигнуть цѣли этимъ путемъ, необходимы большія знанія и искусство. Плохо построенныя плотины только увеличиваютъ зло. Сдерживая слабые потоки, они не могутъ устоять передъ напоромъ наиболѣе опустошительныхъ муръ. И когда плотина прорывается, то камни и грязь, скопившіеся за нею годами, мгновенно устремляются въ долину и производятъ опустошенія, не поддающіяся описанію. Бывали случаи, когда послѣ прорыва плотинъ ложился на поля слой песка и щебня до $2^1/_2$ саженъ толщиною.

Въ послѣднее время возводятся сооруженія, которыя должны вести къ полному уничтоженію муръ. Съ этою цѣлью въ верхнихъ частяхъ долины и во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, гдѣ только могутъ возникнуть грязевые потоки, устраиваютъ каменныя плотины (рис. 64), которыя останавливаютъ быстро бѣгущую воду и щебень. Между ними ставится множество такъ называемыхъ «живыхъ загородокъ». Долина закладывается во всю ея ширину крѣпко сплетенными вѣтвями деревьевъ, которыя затѣмъ пускаютъ ростки и образуютъ густыя стѣны кустарника. Такія же сооруженія воз-

водятся и вдоль всей муры. Одновременно съ тѣмъ на склонахъ горъ постепенно разводятъ лѣса.

Грозныя опустошенія, производимыя въ средней и южной Россіи, также побуждаютъ крупныхъ хозяевъ и правительство принимать мѣры для уменьшенія и полнаго уничтоженія вреда, приносимаго ими. Укрѣпленіе оврага ведется въ общихъ чертахъ тѣми же способами, какіе примѣняются во Франціи, Испаніи и Италіи для обезвреживанья муръ.

Наибольшее значеніе имѣютъ мѣры предупредительныя. Всѣми

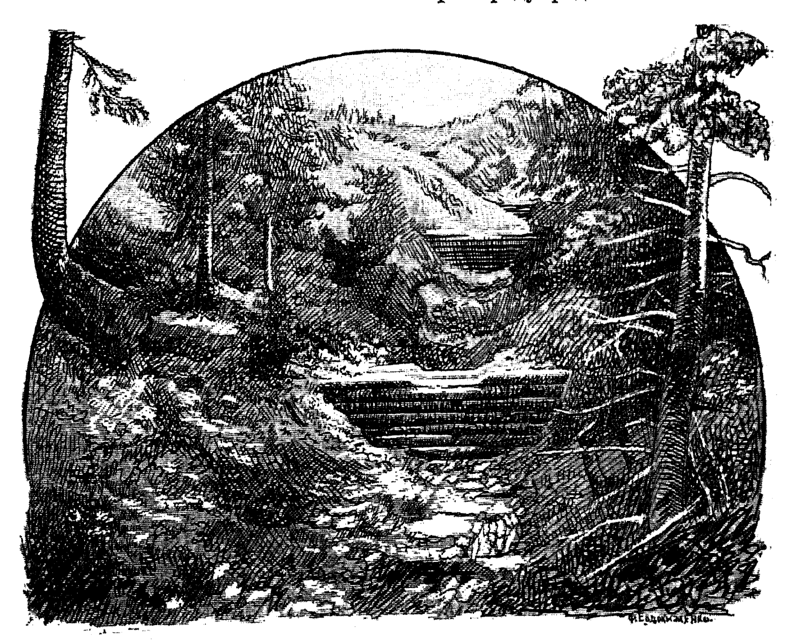

Рис. 65. Оврагъ, закрѣпленный бревенчатыми перегородками.

силами слѣдуетъ стараться не распахивать крутыхъ склоновъ уже заросшихъ балокъ, а если это вызывается крайнею необходимостью, недостаткомъ земли, то пахать поперекъ склона, принимая въ то же время мѣры, ограждающія балку отъ размыванія. Точно также не слѣдуетъ пасти скотъ на склонахъ балокъ и не уничтожать одѣвающаго ихъ лѣсного покрова. Все это можетъ устранить возможность появленія оврага. Но разъ послѣдній образовался, необходимо принять мѣры, ограждающія сосѣднія земли отъ размыванія, и постепенно закрѣпить промоину. Первая задача заключается въ томъ, чтобы ослабить силу сбѣгающей по оврагу воды. Это дости-

гается постановкою на пути ея препятствій. Самый простой и общедоступный способъ — выстиланіе дна и стѣнокъ хворостомъ. Потоки воды, направляясь по хворосту, теряютъ свою силу и оставляютъ въ немъ илъ и песокъ. Покрытая наносомъ настилка скоро одѣвается травою и кустарникомъ. Иногда приходится, впрочемъ, повторять настилку два, три и болѣе разъ. Укрѣпленіе ускоряется, если брать часть живого ивоваго хвороста, который скоро пускаетъ корни.

Второй способъ укрѣпленія заключается въ постановкѣ поперекъ оврага ряда перегородокъ или запрудъ (рис. 65). Каждая перегородка надламываетъ силу бѣгущаго потока и заставляетъ его отлагать свои наносы. Закрѣпленіе ускоряется, если одновременно съ тѣмъ выстилаютъ дно хворостомъ. Запруда можетъ быть живая и мертвая. Въ первомъ случаѣ матеріаломъ служатъ или ивовые колья или фашинникъ, т. е. живой хворостъ, связянный пучками до полутора аршинъ толщиною. Ивовые колья вбиваются въ землю и переплетаются ивовыми прутьями до самаго верху. Фашинникъ кладется лежмя въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ и укрѣпляется вбитыми въ землю кольями. Мертвыя запруды дѣлаются изъ сухихъ кольевъ, переплетенныхъ хворостомъ, изъ слоевъ дерна, укрѣпленнаго плетнями, изъ дерева и изъ камня. Дѣйствіе всѣхъ запрудъ одинаково, и такимъ образомъ можно всегда пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который имѣется подъ рукой. Одновременно съ укрѣпленіемъ овражнаго русла необходимо принять мѣры къ устраненію обваловъ и оползней на самыхъ стѣнкахъ овраговъ. Съ этою цѣлью осыпающійся склонъ выстилаютъ дерномъ, сплошь или въ клѣтку, иногда сѣютъ траву и сажаютъ деревья. Всѣми этими способами ростъ оврага прекращается, сосѣднимъ полямъ перестаютъ грозить пески и глины, засыпавшіе ихъ прежде, и ливни не могутъ производить новыхъ опустошеній. Однако земля, когда-то отнятая оврагомъ у земледѣльца, еще не возвращена ему. Мало уничтожить вредъ оврага, надо извлечь изъ него пользу, превратить его въ друга земледѣльца. Проще всего оврагъ обратить подъ покосъ, но еще полезнѣе развести въ немъ лѣсъ или фруктовый садъ. Наконецъ оврагъ можно загородить крѣпкою плотиной и превратить въ прудъ. Крестьяне скучены на берегахъ большихъ рѣкъ. Села разрастаются до громадныхъ размѣровъ. Почва и источники загрязняются. Свирѣпствуютъ заразныя болѣзни. Падаетъ скотъ, мрутъ люди. Выселяться некуда: нѣтъ воды... Превращеніе овраговъ въ пруды вызвало бы къ жизни новыя деревни и заставило бы населеніе распространиться на большее пространство.

Къ сожалѣнію, облѣсеніе овраговъ и превращеніе ихъ въ пруды у насъ почти не начиналось. Да и вообще закрѣпленіе овраговъ ведется главнымъ образомъ крупными хозяевами, крестьянскія же земли жестоко страдаютъ отъ размыва: не хватаетъ знанія и

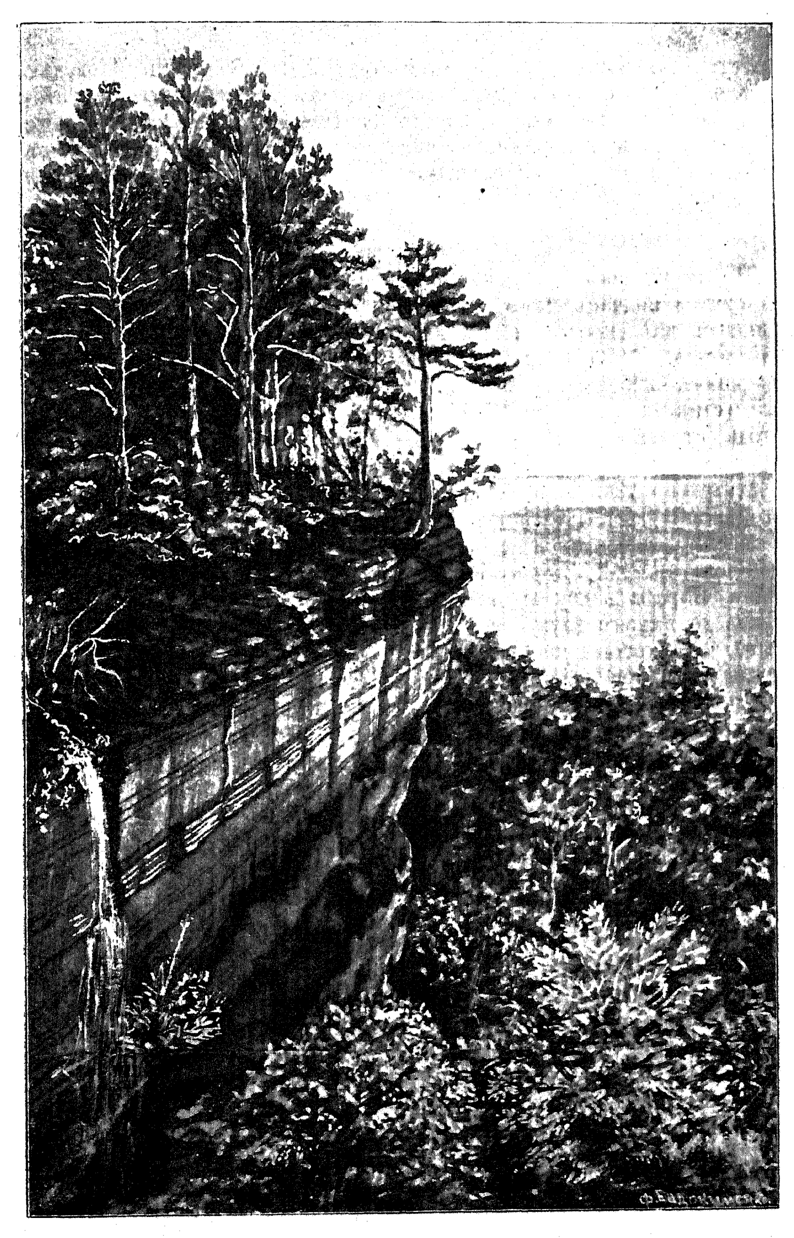

Рис. 66. Обрывы въ окрестностяхъ Іеве. По фотографіи Д. В. Болдырева, рисунокъ художника Ѳ. Г. Евдокименко.

средствъ для борьбы съ грознымъ бѣдствіемъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ человѣкъ остался безмолвнымъ зрителемъ страшныхъ опустошеній и даже самъ способствуетъ развитію овраговъ. Теперь уже зло сознано, и вооруженные знаніемъ, мы можемъ вступить въ разсчитанную борьбу со слѣпыми наносящими намъ вредъ силами природы.

V.

Не всегда ливни несутъ гибель и разореніе людямъ. Грозное становится подчасъ привлекательнымъ и изящнымъ... Недавно мнѣ пришлось наблюдать одно изъ интереснѣйшихъ явленій, и причина его—дождь. Воспользовавшись нѣсколькими свободными днями, я совершилъ небольшую прогулку на берегъ Финскаго залива въ Іеве (станція Балтійской желѣзной дороги). Къ моему огорченію, погода стояла ужасная,—вѣтеръ, холодъ, дождь... Деревня Тойло, гдѣ я гостилъ у знакомыхъ,— прекрасный уголокъ, и было бы непростительно уѣхать, не полюбовавшись красотами моря и его береговъ. Мы воспользовались счастливымъ моментомъ, когда дождь на время прекратился и, не взирая на вѣтеръ и холодъ, отправились въ прогулку. Дорога шла по самому краю высокаго, древняго берега. Справа внизу виднѣлось море, и шумъ его волнъ ясно долеталъ до нашего слуха. Сильный, порывистый вѣтеръ поминутно срывалъ съ головы шляпу. Вдругъ показалось вдали облако пыли. Что за странное явленіе? Въ такую сырость, и вдругъ пыль! Мы поспѣшили. Видимъ, дорогу пересѣкаетъ ручеекъ, котораго раньше не бывало. Онъ подходитъ къ обрыву и низвергается внизъ (рис. 66). Стремительный вѣтеръ подхватываетъ падающую воду, разбиваетъ ее въ мелкую серебристую пыль и бросаетъ назадъ. Цѣлымъ снопомъ брызгъ подымается она вверхъ и летитъ въ разныя стороны. Мы стали переходить ручей. Насъ обдало водяною пылью. Кому не хотѣлось принять холодный душъ, тотъ выжидалъ моментъ, когда стихнетъ вѣтеръ, и быстро перебѣгалъ потокъ. Остановившись у края обрыва, мы заглянули внизъ. Только часть воды подхватывалась вѣтромъ, другая низвергалась, образуя красивый пыльный водопадъ. Дальше на дорогѣ мы встрѣтили еще два такихъ ручья. Нельзя было сомнѣваться, что снизу, съ берега моря эти импровизированные водопады представляютъ дивное зрѣлище. И мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться ими. По крутой, скользкой тропинкѣ, рискуя поминутно упасть въ грязь, мы спустились къ берегу и пошли къ тому мѣсту, гдѣ низвергался ручей. Передъ нами выдвинулась изъ-за зелени деревьевъ высокая, старая стѣна древняго берега. Она почти сплошь состоитъ изъ пластовъ известняка, только въ самомъ основаніи ея виднѣются пласты сланцевъ и еще ниже—голубая глина. Вверху разсѣлина... Подъ нею огромный выступъ скалы причудливой формы,

точно голова гигантскаго медвѣдя. Изъ разсѣлины серебристыми нитями струится вода, падаетъ на носъ медвѣжьей морды и летитъ дальше внизъ. Туча серебристыхъ брызгъ поднимается кверху. Солнечные лучи играютъ въ нихъ и переливаются всѣми цвѣтами радуги. Внизу, у подножія уступа грудами лежатъ свѣжеобвалившіяся плиты известняка... Я сдѣлалъ попытку подняться по нимъ къ самому водопаду. Но скатъ оказался слишкомъ крутымъ. Отъ моихъ шаговъ нарушилось равновѣсіе, и сверху покатились камни. Мнѣ все-таки удалось приблизиться къ мѣсту паденія воды на какихъ-нибудь двѣ сажени. Отсюда видна была въ уступѣ глубокая выемка. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти камни, низвергнувшіеся внизъ, были подточены водопадомъ. И хоть и не великъ онъ и бьетъ лишь во время дождей, но если принять въ расчетъ всю массу обвалившихся камней, то работа его громадна. Пройдутъ года — и въ этомъ мѣстѣ, въ обрывѣ стараго берега выростетъ глубокое ущелье—оврагъ. И твердые известняки не могутъ устоять передъ упорной и настойчивой работой падающей воды.

Внизу мѣстность пустынная—берегъ морской. Только кое-гдѣ видны рыбачьи хижины... Не грозятъ никому опасностью будущіе обвалы, и ручей, появляющійся здѣсь въ дождливые дни, привлекаетъ наше вниманіе не грозною силою своею, а красотою образованнаго имъ водопада. Чувствуешь себя перенесеннымъ куда-то въ глубину альпійскихъ долинъ и не можешь оторваться отъ красиваго зрѣлища въ пыль разбитой и съ высоты низвергающейся воды.

На болотѣ.

I.

Непривлекательную картину представляетъ болото. Пустынною унылой равниной тянется оно на сотни саженъ и цѣлыя версты. Широкимъ куполомъ поднимается надъ нимъ небо, сливаясь на горизонтѣ съ однообразною поверхностью топи. Весною, когда растаетъ зимній снѣгъ, оно представляетъ обширныя озера, среди которыхъ тутъ и тамъ выдвигаются одинокія группы ивъ и ольхъ, окруженныхъ зарослями камышей и тростника. Мало-по-малу подъ лучами весенняго солнца вода спадаетъ, и болото, одѣвшись зеленью, превращается въ обширный лугъ. Только густыя заросли камышей, тростниковъ, водяныхъ лилій и другихъ болотныхъ растеній свидѣтельствуютъ объ обиліи воды, пропитывающей почву. Въ сухое лѣто болотные злаки начинаютъ колоситься, и зеленое море травы усѣивается бѣлыми пятнами водяного пушка, такъ похожаго на хлопокъ. Мѣстами болото совсѣмъ пересыхаетъ, и по нему можно пройти, не замочивъ ногъ. Но, несмотря на роскошь травяной растительности и обиліе красивыхъ цвѣтовъ, путника охватываетъ здѣсь какое-то непріятное чувство: илистая, пропитанная водою почва готова каждую минуту поглотить того, кто дерзнулъ на нее ступить. На всемъ болотѣ даже среди дня царитъ могильная тишина, изрѣдка прерываемая тоскливымъ кряканьемъ лысухи, а тамъ, гдѣ среди непроходимой топи выступаютъ одинокія окна, т. е. котловинки, наполненныя водой, слышится глухое воркованіе выпи и задумчивое кваканье болотной жабы. Въ тихіе лѣтніе вечера на болотѣ раздаются своеобразные звуки, напоминающіе гулъ отдаленнаго водопада: это поднимаются зловонныя вредныя испаренія. Сгущаясь въ холодномъ воздухѣ, они носятся надъ болотомъ точно какіе-то призраки, а иногда облекаютъ всю поверхность темно-сѣрымъ покровомъ тумана. Осенью растительный коверъ бурѣетъ, а послѣ обильныхъ дождей и совсѣмъ скрывается подъ водою. Болото снова превращается въ озеро, пока не наступитъ зима и не покроетъ его ровною пеленою пушистаго снѣга.

Только теперь можно переѣхать его и вдоль, и поперекъ. Большую же часть года оно совершенно непроходимо. Кто безъ опытнаго проводника рѣшится ступить на его обманчивую почву, тотъ легко можетъ завязнуть—и тогда гибель неизбѣжна. Всякая попытка освободиться безплодна: несчастный все глубже и глубже опускается въ черную илистую массу. Только мѣстные жители знаютъ о существованіи на болотахъ болѣе твердыхъ островковъ или кочекъ. Перепрыгивая съ одной на другую, они пробираются въ глубь болота.

У насъ въ Россіи болота занимаютъ огромныя пространства. Во всей сѣверной половинѣ нашей страны мохомъ поросшій кочкарникъ тянется на цѣлыя версты. Прикрывая зыбкую топь, мохъ

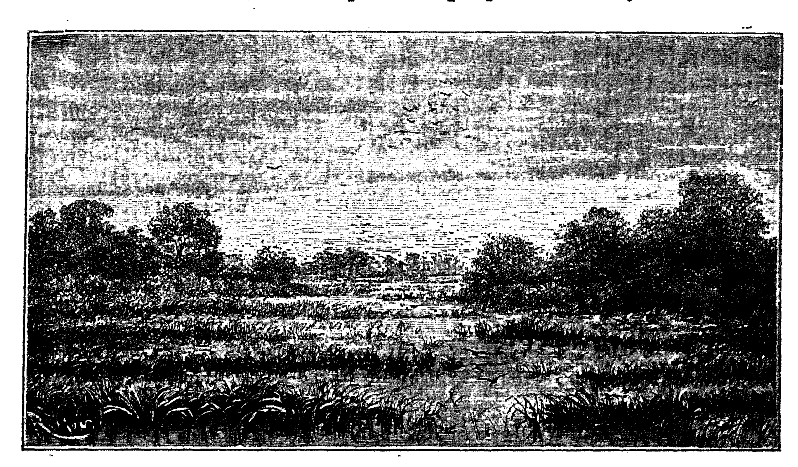

Рис. 67. Общій видъ полузаросшаго озера съ „окнами“.

лежитъ пластами въ нѣсколько саженъ толщиною. На поверхности ютится чахлый лѣсъ. Отъ тяжести идущаго человѣка зыбкая почва ходенемъ ходитъ, и вдругъ иногда въ двухъ, трехъ шагахъ фонтаномъ брызнетъ вода черезъ едва замѣтную продушину. Чуть только путникъ не поберегся, ноги его затягиваетъ въ жидкую трясину. Вотъ свѣтится маленькая полынья на грязно-зеленой трясинѣ. Вода съ берегами вровень. Это—«окно». Бѣда въ него оступиться—тамъ бездонная пропасть. «Вадья»—тоже открытая круглая полынья, но не въ одинъ десятокъ саженъ шириною. Ея берега—изъ тонкаго торфяного слоя, едва прикрывающаго воду. Кто станетъ на эту обманчивую почву, тому нѣтъ спасенія. Вадья такъ и засосетъ его въ бездну.

«Но страшнѣе всего чаруса», разсказываетъ Мельниковъ. «Окно,

вадью издали можно замѣтить и обойти,—чаруса непримѣтна. Выбравшись изъ глухого лѣса, гдѣ сухой валежникъ и гніющій буреломникъ высокими кострами навалены на сырой болотистой почвѣ, путникъ какъ бы по волшебному мановенію встрѣчаетъ передъ собой цвѣтущую поляну. Она такъ весело глядитъ на него, широко раздольно разстилаясь среди красноствольныхъ сосенъ и темнохвойныхъ елей. Ровная, гладкая, она густо заросла сочной, свѣжей зеленью и усѣяна крупными, бирюзовыми незабудками, благоуханными бѣлыми кувшинчиками и ярко-желтыми купавками. Луговина такъ и манитъ къ себѣ путника: сладко на ней отдохнуть усталому, притомленному, понѣжиться на душистой, ослѣпительно сверкающей, изумрудной зелени!.. Но пропасть ему безъ покаянія, схоронить себя безъ гроба, безъ савана, если ступитъ онъ на эту заколдованную поляну. Изумрудная чаруса съ ея красивыми, благоухающими цвѣтами, съ ея сочной, свѣжей зеленью—тонкій травяной коверъ, раскинутый по поверхности бездоннаго озера. По этому ковру даже легконогій заяцъ не сигаетъ, тоненькій, быстрый на бѣгу горностай не пробѣжитъ. Изъ живой твари только и прыгаютъ по ней длинноносые, голенастые кулики, ловя мошекъ и другихъ толкуновъ, что о всякую пору и днемъ, и ночью роями вьются надъ лѣсными болотами. Несмѣтное множество этихъ куликовъ, отъ горбоносаго кроншнепа до желтоброваго песчаника,—бродитъ, бѣгаетъ и шмыгаетъ по чарусѣ, но никакому охотнику никогда не удавалось достать ихъ». Страшныя легенды народъ разсказываетъ о чарусѣ. «У лѣсниковъ слыветъ она мѣстомъ нечистымъ, заколдованнымъ. Они разсказываютъ, что на тѣхъ чарусахъ по ночамъ бѣсовы огни горятъ, ровно свѣчи теплются. А иную пору видаютъ среди чарусы болотницу. Ея черные волосы небрежно раскинуты по спинѣ и по плечамъ, убраны осокой и незабудками, а тѣло блѣдное, прозрачное и полувоздушное. И блеститъ она, и сквозитъ передъ лучами мѣсяца... Изъ себя болотница такая красавица, какой не найдешь въ крещеномъ мірѣ, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Глаза ровно тѣ незабудки, что разсѣяны по чарусѣ, длинныя пушистыя рѣсницы, тонкія, какъ уголь, черныя брови... только губы блѣдноваты и ни въ лицѣ, ни во всемъ стройномъ станѣ ея нѣтъ ни кровинки. А сидитъ она въ бѣлоснѣжномъ цвѣткѣ кувшинки съ котелъ величиною... Хитритъ,—обмануть, обвести хочется ей человѣка. Только завидитъ болотница стараго или малаго, тотчасъ зачнетъ сладкимъ, тихимъ голосомъ, да таково жалобно, ровно сквозь слезы молить, просить вынуть ее изъ болота, вывести на бѣлый свѣтъ, показать ей красно солнышко, котораго она съ роду не видывала. А сама разводитъ руками, закидываетъ назадъ голову, манитъ къ себѣ человѣка, обѣщаетъ ему и груды золота, и горы жемчуга перекатнаго... Но горе тому, кто повѣритъ льстивымъ словамъ болотницы: одинъ шагъ ступитъ по чарусѣ, и

она уже возлѣ него; обвивъ бѣднягу бѣлоснѣжными прозрачными руками, тихо опустится съ нимъ въ бездонную пропасть болотной пучины... Ни крика, ни стона, ни вздоха, ни всплеска воды. Въ безмолвной тиши не станетъ того человѣка, и его могила на вѣки вѣковъ останется никому неизвѣстна».

И другимъ способомъ залучаетъ въ чарусу нечистая сила. «Старецъ-пустынникъ подойдетъ къ человѣку пожилому, сгорбленный, изможденный, постный, желѣзныя вериги у него на плечахъ, только креста не видно. И зачнетъ онъ вести умильную бесѣду о пустынномъ житіи, о постѣ и молитвѣ, но Спасова имени не поминаетъ. И зачаруетъ онъ человѣка, и станетъ звать его отдохнуть на малое время въ пустынной кельѣ... Глядь, анъ среди чарусы и въ самомъ дѣлѣ келейка стоитъ, да такая хорошенькая, новенькая, уютная, такъ вотъ и манитъ путника зайти въ нее хоть на часокъ... Пойдетъ человѣкъ съ пустынникомъ по чарусѣ, глядь, а ужъ это не пустынникъ, а сѣдой старикъ съ широкимъ блѣдно-желтымъ лицомъ, и ужъ не тихо, не чинно ведетъ добрую рѣчь, а хохочетъ во всю глотку сиплымъ хохотомъ... То владыка чарусы—самъ болотникъ. Это онъ хохочетъ, скачетъ, пляшетъ, веселится, что успѣлъ заманить неумѣвшаго отчураться отъ его объятій человѣка; это онъ радуется, что завлекъ крещеную душу въ холодную пучину своего синяго подводнаго царства... Много, много чудесъ разсказываютъ лѣсники про эти чарусы»...

Огромная болотная область раскинулась по берегамъ рѣки Припети. Множество ручейковъ, рѣчекъ, протоковъ бороздитъ ее. Серебрятся безчисленныя озера, озерки и лужи. Деревни стоятъ особняками среди непроходимыхъ топей. Они расположились на такъ называемыхъ «островкахъ», т. е. небольшихъ клочкахъ сухого пространства, выступающихъ среди безграничнаго болота. Не всѣ островки обитаемы. На многіе изъ нихъ не ступала нога человѣка. Болота, окружающія ихъ, покрыты сплошнымъ зеленымъ ковромъ растительности. Но бѣда ступить на него! Почва, переплетенная корешками разныхъ растеній, тотчасъ втягиваетъ по грудь, и ноги вязнутъ въ зыбкой трясинѣ, которая волнуется саженъ на 20 кругомъ...

Особенно опасны «затоки». Такъ называются болотные луга и песчаныя мѣста, затопляемыя весеннимъ разливомъ рѣкъ. Вотъ что говоритъ о нихъ Овсянниковъ: «Вздумаетъ рыболовъ отправиться въ затоку поискать въ болотѣ карасей. Вышелъ и идетъ себѣ; а чтобы не такъ сильно вязнуть, придерживается болѣе песчаной полосы, прорѣзывающей затоку. Только рыболову начинаетъ казаться, будто ноги у него отяжелѣли, и все труднѣе и труднѣе итти по болоту. Онъ сворачиваетъ съ трудомъ на блестящую песчаную полосу, но въ ней начинаетъ уходить на два, на три, наконецъ на четыре, пять, шесть вершковъ въ песокъ. Рыбакъ оста-

навливается, чтобы осмотрѣться и рѣшить, куда итти; надо поскорѣе добраться вонъ къ тому кустику, что чернѣется вдали; тамъ сухо, можно отдохнуть. Рыбакъ взглянулъ себѣ подъ ноги, а ногъ ужъ нѣтъ: ихъ покрылъ песокъ. Онъ поворачивается, дѣлаетъ шагъ, другой, и уходитъ въ песокъ еще глубже прежняго; песокъ уже доходитъ до щиколки; онъ поворачиваетъ влѣво и вязнетъ до полноги, онъ — вправо, а тутъ еще хуже: нога уходитъ по колѣно. Тогда только несчастный въ ужасѣ замѣчаетъ, что попалъ въ наносный песокъ, подъ которымъ бездонная топь. Этотъ наносный черноватый песокъ смерть всему живому. Въ отчаяніи рыболовъ сбрасываетъ съ себя мѣшки, чтобы быть полегче; поздно; онъ уже въ тинѣ выше колѣнъ; кое-какъ вылѣзаетъ, кидается въ сторону, но уходитъ еще глубже. Крикомъ зоветъ онъ на помощь; машетъ шапкой, чтобы привлечь на себя вниманіе; но при каждомъ порывистомъ движеніи уходитъ все глубже и глубже въ землю... Спасенья нѣтъ. Мокрый песокъ понемногу засасываетъ человѣка... Тамъ, вдали, надъ избами деревеньки вьется сизый дымъ гостепріимнаго крова... По вольной глади Припети бѣлѣютъ чайки; вонъ-вонъ далеко, далеко видны и люди, которые могли бы спасти, а они и не догадываются, какъ жадно въ предсмертной тоскѣ зоветъ ихъ къ себѣ погибающій. Одна только стая «рыболовокъ» кружится надъ головой несчастнаго... А песокъ продолжаетъ свое дѣло: сила его растетъ, поднимается и топитъ свою жертву. Напрасно несчастный пытается сѣсть, лечь, ползти, плыть; каждое движеніе погружаетъ его все глубже и глубже. Онъ старается выпрямиться, и уходитъ дальше. Вотъ песокъ уже подступаетъ къ груди; человѣкъ виденъ только по поясъ. Онъ поднялъ руки надъ головой, раздирающій душу крикъ переходитъ въ отчаянные стоны. Судорожно сжатыми пальцами, какъ когтями, отгребаетъ онъ отъ себя песокъ, но песокъ течетъ назадъ, какъ вода; онъ рыдаетъ, упирается локтями, руками, чтобы подняться, вырваться изъ поглощающей бездны, а неумолимый, безжалостный песокъ все выше и выше. Вотъ уже онъ дошелъ до плеча, до шеи; остается одна только голова; ужасъ обезобразилъ лицо; несчастный еще кричитъ, но песокъ посыпался въ ротъ, и крикъ замолкъ. Глаза, непомѣрно расширенные до ужаса, еще смотрятъ, но песокъ дошелъ и до нихъ и закрылъ ихъ; потухло зрѣніе—но жизнь еще есть. Лобъ постепенно прячется, волосы поднялись дыбомъ; вотъ уже они одни видны надъ пескомъ, еще минута и — ихъ нѣтъ. Изъ песчаной могилы судорожно выдвинулась рука: она машетъ, трепещетъ, пальцы то сжимаются, то разжимаются; рука опять пропадаетъ въ пескѣ и съ нею исчезаетъ и послѣдній признакъ погибшаго рыболова».

Весною затоки представляютъ иную картину: на нихъ вода, можно плыть въ лодкѣ, хотя тоже нерѣдко случаются несчастья.

Такъ, напр., въ 1891 году студентъ, пріѣхавшій на лѣто въ Пинскъ, отправился на охоту въ лодкѣ, отъѣхалъ далеко, заблудился и черезъ нѣсколько дней былъ найденъ мертвымъ.

Разбросанныя среди полѣсскихъ болотъ озера населены множествомъ дикихъ утокъ и гусей. Рыба такъ и кишитъ въ нихъ. Но жителямъ эти богатства недоступны. Птицы привольно плещутся въ водѣ, не страшась человѣка. Съ материка ихъ не достанетъ самый мѣткій выстрѣлъ, а подъѣхать къ нимъ невозможно. Весною и осенью вода всѣхъ рѣчекъ и озеръ выходитъ изъ береговъ и

Рис. 68. Переправа черезъ болота.

затопляетъ на нѣсколько верстъ окрестныя болота. Нѣкоторыя деревни въ это время совершенно скрываются подъ водою. Селеніе Мисятичи, въ окрестностяхъ города Пинска, ежегодно совсѣмъ затопляется; надъ водою остается одна церковь; крестный ходъ въ Свѣтлое Воскресенье почти всегда совершается на лодкахъ. Между многими селеніями прекращаются весною всякія сообщенія, и только крайняя нужда заставляетъ человѣка отправиться пѣшкомъ по болоту, съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ. Нерѣдко переправа производится очень оригинальнымъ способомъ; посредствомъ лодки, запряженной волами (рис. 68).

Громадныя болота извѣстны въ сѣверной Германіи, Голландіи, Даніи, на Скандинавскомъ полуостровѣ, въ Ирландіи—словомъ, по всей сѣверной Европѣ они имѣютъ широкое распространеніе. Откуда же они взялись? Какова ихъ исторія?

II.

Въ лѣсахъ сѣверной Россіи часто встрѣчаются озера, красиво раскинувшіяся подъ тѣнью сосенъ, ольхъ и березъ. Вода ихъ, тихая и покойная, будто спитъ подъ задумчивый шопотъ окружающихъ деревьевъ. Берега окаймлены широкою полосою осокъ и камышей, и только лишь кое-гдѣ, среди густыхъ зарослей ихъ, серебристыми пятнами сверкаетъ вода. Нерѣдко и вся поверхность озера одѣта зеленымъ ковромъ растеній, на однообразномъ фонѣ котораго ярко пестрѣютъ красивые цвѣты кувшинокъ. Съ каждымъ годомъ береговые осоки и камыши уходятъ все дальше въ озеро и уменьшаютъ свободное пространство воды. Съ каждымъ годомъ на дно ложатся новые останки погибшихъ растеній, и озеро мелѣетъ. Пройдутъ десятки лѣтъ, и оно превратится въ сплошное болото, густо заросшее водяными растеніями. Только тутъ и тамъ уцѣлѣютъ небольшія лужицы свободной воды. Такъ получаются *луговыя болота*, чрезвычайно широко распространенныя на низменныхъ поймахъ большихъ рѣкъ и въ ихъ дельтахъ. Знаменитыя Пинскія болота (на р. Припети) почти сплошь покрыты травянистою растительностью.

Еще быстрѣе идетъ зарастаніе озеръ, если на берегахъ ихъ поселяется *мохъ-торфяникъ*. Этотъ пигмей растительнаго міра не переноситъ воды, въ которой растворена известь, и потому ютится у береговъ такихъ водоемовъ, въ которые не попадаетъ рѣчная вода, всегда богатая известью. Но разъ онъ поселился на берегу озера, послѣднему грозитъ опасность быстраго исчезновенія. «Десятокъ, два лѣтъ, и онъ уже окрѣпъ у береговъ, образовавъ мягкую и гибкую пелену съ изящными на видъ подушками; онъ пріютилъ уже своихъ спутниковъ—клюкву, морошку. Еще десятокъ лѣтъ, и передовые отряды мха вдались уже далеко къ серединѣ озера, они уже сходятся съ разныхъ сторонъ къ однимъ и тѣмъ же пунктамъ, затѣмъ соединяются, и между ними остались уже только небольшія прогалинки—«окна» (рис. 67). Такъ получаются *моховыя болота*. «И, можетъ-быть, найдется сѣдой старикъ, который, бродя съ вами по моховому болоту, скажетъ, что на его памяти здѣсь было озеро, покажетъ вамъ и мѣсто, гдѣ онъ купался въ дѣтствѣ и гдѣ онъ ставилъ рыболовныя снасти на окуней и ершей. Можетъ быть, онъ разскажетъ вамъ, какъ на серединѣ этого исчезнувшаго озера былъ островокъ, на который ежегодно прилетала гнѣздиться парочка бѣлоснѣжныхъ лебедей. Онъ разскажетъ вамъ,

какъ онъ щадилъ ихъ и какъ они его радовали, но какъ наконецъ исчезли, увидя, что ужъ не осталось имъ настолько воды, чтобы можно было поплавать». (И. Поляковъ).

Впрочемъ, не всѣ болота произошли изъ озеръ. Моховыя болота образуются всюду, гдѣ поселился мохъ-торфяникъ. Это маленькое растеніе обладаетъ двумя удивительными способностями: во-первыхъ, оно жадно втягиваетъ въ себя огромныя количества дождевой влаги и долго сохраняетъ подъ своимъ покровомъ ве-

Рис. 69. Кокосовыя пальмы и мангровыя заросли на островѣ Цейлонѣ.

сеннюю воду; во-вторыхъ, оно разрастается чрезвычайно быстро, одѣвая своимъ бархатистымъ ковромъ огромныя пространства. Такимъ образомъ, бываетъ достаточно самыхъ ничтожныхъ причинъ для образованія огромныхъ болотъ. Случайно ли застоится большая лужа въ лѣсу или соберется дождевая влага въ углубленіи полусгнившаго пня,—этого уже достаточно, чтобы здѣсь поселился мохъ-торфяникъ. Скоро онъ расползется во всѣ стороны, покроетъ всѣ сосѣдніе пни и павшіе стволы и превратитъ ихъ въ мягкія кочки. Послѣ этого даже самое жаркое солнце безсильно удалить изъ-подъ мохового ковра влагу; съ каждымъ годомъ она скопляется все въ большемъ количествѣ; пройдетъ одинъ-другой десятокъ лѣтъ, и бо-

лото готово... Такимъ путемъ образовались, вѣроятно, обширныя болота нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ...

Каждую осень разнообразный растительный покровъ, одѣвающій болото, погибаетъ, и на слѣдующую весну на его мѣстѣ появляется новый. Изъ года въ годъ въ глубинѣ болота накопляются остатки умершихъ растеній. Какая же судьба ожидаетъ ихъ?

Лежа на поверхности земли, и животныя, и растенія сгниваютъ. Но если къ нимъ не проходитъ воздухъ, то гніеніе невозможно... Рылись ли вы когда-нибудь въ кучѣ листьевъ, пролежавшихъ на одномъ мѣстѣ много лѣтъ? Если такая куча попадется вамъ на глаза, докопайтесь до самаго основанія ея. Вы найдете тамъ совершенно почернѣвшіе вѣтки и листья. Возьмите охапку изъ кучи, сожмите ее руками въ комокъ и высушите надъ плитой. Листья плотно слипнутся другъ съ другомъ, и получится черное, рыхлое вещество, которое можно рѣзать ножомъ. Если куча листьевъ лежала очень долго, то нижніе ея слои превращаются въ слизистую массу, въ которой очень трудно различить отдѣльные листочки и вѣточки; но подъ лупой и въ ней видны слѣды растительнаго сложенія. Такая черная масса называется *торфомъ* и служитъ для отопленія каминовъ, а иногда и печей. Торфъ достаютъ не изъ кучи гнилыхъ листьевъ, гдѣ его немного, а со дна глубокихъ болотъ.

Очевидно, на болотахъ должно происходить то же самое, что и въ нашей кучѣ. Моховой или травянистый коверъ, осенью опускающійся на дно болота, не можетъ гнить. Тамъ мало воздуха и потому растенія только отчасти разрушаются: они чернѣютъ и превращаются въ торфъ. Такое измѣненіе растительныхъ остатковъ называется *обугливаніемъ*. Въ теченіе многихъ десятковъ и сотенъ лѣтъ на днѣ болота накопляется очень толстый слой торфа. Его вырѣзаютъ, прессуютъ, сушатъ и употребляютъ, какъ топливо.

Большія деревья и остатки животныхъ, попавъ въ торфяную массу, также не гніютъ, а только обугливаются. Часто при разработкѣ торфяниковъ находятъ огромные стволы совсѣмъ почернѣвшихъ, но очень крѣпкихъ деревьевъ, которыя прекрасно сохранили свою форму: на нихъ видны сучья, вѣтви, а иногда и слѣды листьевъ. Изъ такихъ деревьевъ приготовляютъ мебель, шахматныя фигуры, трости и много другихъ вещей.

Въ торфяникахъ находятъ остатки людей и животныхъ и разныя вещи, принадлежавшія первобытному и историческому человѣку. Такъ, въ одномъ изъ болотъ Франціи была найдена какъ-то совсѣмъ обуглившаяся барка съ кирпичами. Въ Даніи нашли въ торфяникѣ почернѣвшій трупъ женщины. На ней было надѣто много дорогихъ вещей, и по нимъ-то удалось рѣшить, кто была эта женщина. Въ 965 году по Р. Х. король Гаральдъ Блатандъ разсердился за что-то на свою жену Гунгильду и рѣшилъ жестоко

наказать ее. Приказано было потопить несчастную королеву въ болотѣ. Звѣрская казнь была совершена, и черезъ 900 лѣтъ трупъ несчастной женщины былъ найденъ невредимымъ, хотя и сильно почернѣвшимъ. Въ Англіи, въ Дербиширѣ въ январѣ 1674 года потонули въ торфяникѣ мужъ и жена. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ погибшіе были найдены, и такъ какъ они умерли безъ покаянія, то церковь запретила предать ихъ христіанскому погребенію. Несчастные были похоронены тутъ же на болотѣ. Черезъ 28 лѣтъ случайно откопали ихъ трупы. Они только немного пожелтѣли. Въ 1816 году, т. е. черезъ 142 года, ученые откопали ихъ вновь. Форма труповъ сохранилась, но трупъ женщины былъ мягокъ и отчасти разсыпался. Знаменитый геологъ Ляйэлль разсказываетъ, что при прорытіи колодца близъ Дальвертона въ Англіи найдено въ различныхъ положеніяхъ множество совершенно цѣлыхъ свиныхъ труповъ. Ихъ формы хорошо сохранились, кожа приняла видъ сухой перепонки. Все мясо превратилось въ бѣлое, рыхлое, лишенное запаха и вкуса вещество; положенное въ печь, оно издавало запахъ, сходный съ запахомъ жареной ветчины. Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ болотахъ гніеніе и въ самомъ дѣлѣ невозможно.

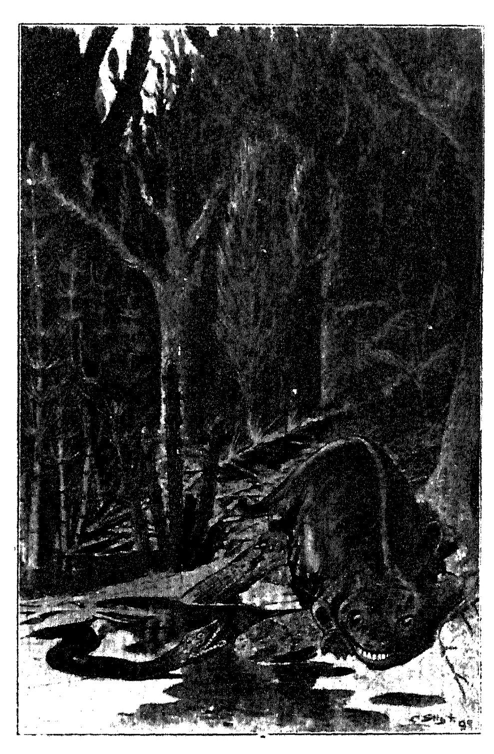

Рис. 70. Картина лѣса, давшаго начало каменному углю. На рисункѣ видна одна изъ исполинскихъ ящерицъ, водившихся въ то время.

Чѣмъ дольше существуетъ болото, тѣмъ болѣе накопляется въ немъ торфа. Мало-по-малу онъ слеживается и становится плотнымъ. Какъ-то мнѣ пришлось присутствовать на развѣдкахъ по проложенію желѣзнодорожнаго пути. Производилось буреніе болота. Съ

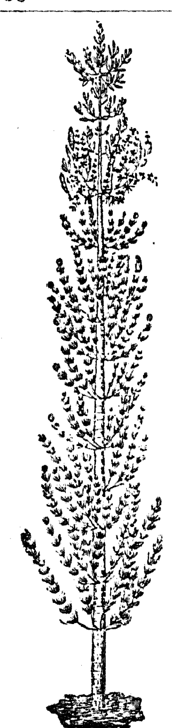

Рис. 71. Каламитъ, одно изъ растеній, давшихъ начало каменному углю.

поверхности и съ небольшихъ глубинъ доставали бурый торфъ, въ которомъ ясно были видны остатки растеній. Чѣмъ глубже уходилъ буравъ, тѣмъ плотнѣе и чернѣе становился торфъ. Со дна доставали совершенно однородную тѣстовидную массу чернаго цвѣта. Изъ разныхъ образчиковъ торфа я приготовилъ плитки одинаковыхъ размѣровъ и свѣсилъ ихъ. Оказалось, что торфъ былъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ глубже онъ лежалъ...

Проходятъ десятки, сотни тысячъ, милліоны лѣтъ. Картина земли измѣняется. Суша и море получаютъ другія границы. На мѣстѣ древнихъ болотъ, гдѣ скопились огромныя толщи торфа, шумитъ своими волнами море. На днѣ его слоями ложится песокъ, глина, известковыя раковины животныхъ. На поверхности торфа появляются новыя каменныя породы. И снова летитъ время. Вѣкъ смѣняется вѣкомъ, тысячелѣтіе—тысячелѣтіемъ... Море опять покидаетъ завоеванную имъ сушу, и дно его выглядываетъ на дневной свѣтъ. На осохшей его поверхности закипаетъ новая растительная и животная жизнь, а торфъ лежитъ глубоко подъ землею. На него давятъ своею тяжестью пески и глины, прикрывающіе его. Онъ слеживается въ совершенно плотную каменистую массу.

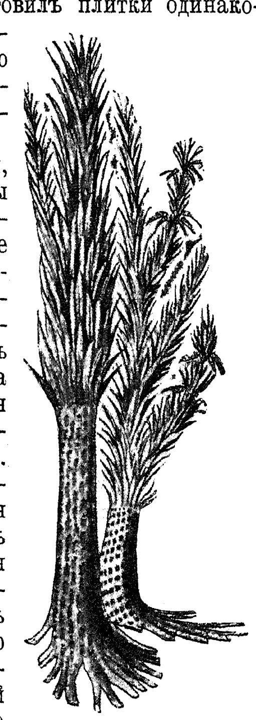

Рис. 72. Одно изъ деревьевъ каменноугольнаго лѣса (сигиллярія).

Такой окаменѣлый торфъ часто находятъ глубоко подъ землею. Онъ получилъ названіе *каменнаго угля*. Въ слояхъ глины, лежащихъ выше и ниже, попадаются остатки листьевъ,

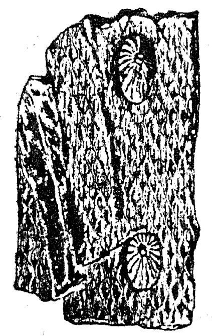

Рис. 73. Кусокъ коры, найденный въ пластахъ угля.

вѣтвей, плодовъ, корней и стволовъ тѣхъ растеній, которыя дали начало углю. Это были исполинскія деревья, произраставшія на поверхности топкихъ болотъ. Они принадлежать къ вымершимъ видамъ растеній и обнаруживаютъ большое сходство съ нынѣшними папоротниками, хвощами и плаунами, которые теперь обладаютъ ничтожными размѣрами, и только въ тропическихъ лѣсахъ папоротники являются въ видѣ настоящихъ деревьевъ [1]).

На островахъ Индѣйскаго океана и въ жаркихъ областяхъ Америки и Австраліи, на берегахъ морей и заливовъ встрѣчаются и

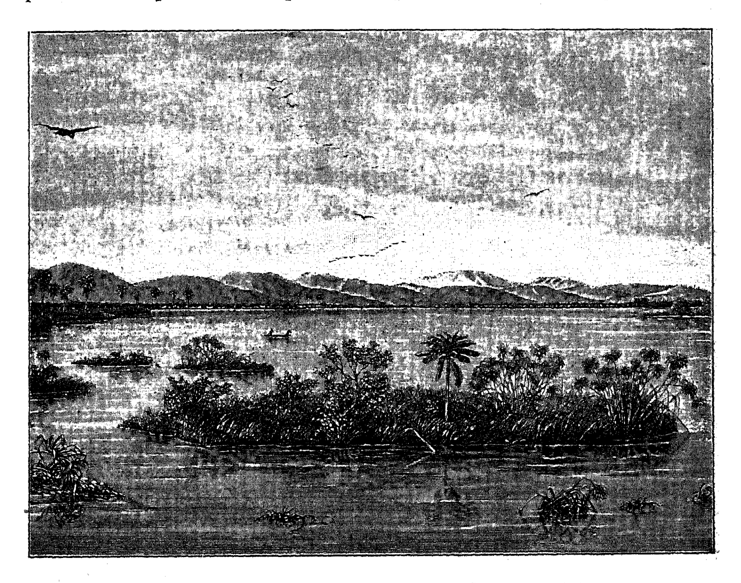

Рис. 74. Плавающій островъ на рѣкѣ Конго въ Африкѣ.

теперь обширныя болота, густо заросшія огромными мангровыми деревьями (рис. 69). Умирающіе и сваленные вѣтромъ стволы ложатся на поверхности зыбкой топи и мало-по-малу погружаются въ его торфянистую массу. Пройдутъ милліоны лѣтъ, и на тѣхъ мѣстахъ люди грядущихъ поколѣній найдутъ подъ землею залежи каменнаго угля.

Въ каменномъ углѣ еще замѣтно растительное сложеніе, если разсматривать его подъ микроскопомъ. Но извѣстны и такіе виды

[1]) О каменномъ углѣ см. въ моей книжкѣ „Изъ подземнаго міра". Изданіе 2-ое.

древняго торфа, въ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ ихъ происхожденія. Таковъ, напримѣръ, *антрацитъ*, лучшій сортъ каменнаго угля, и въ особенности *графитъ*, который идетъ на приготовленіе карандашей.

И уголь, и графитъ играютъ огромную роль въ жизни человѣка. Уголь отапливаетъ фабрики и заводы, приводитъ въ дѣйствіе машины и станки. Графитъ помогаетъ намъ передавать наши мысли другъ другу и закрѣплять ихъ на бумагѣ. Огромныя массы угля добываются изъ-подъ земли ежегодно въ Англіи, Германіи, Соединенныхъ Штатахъ С. Америки. Но еще большіе запасы его скрыты въ нѣдрахъ земли, гдѣ еще не просыпалась промышленность, гдѣ нѣтъ фабрикъ и заводовъ. Сибирскихъ и китайскихъ залежей угля, еще почти не затронутыхъ человѣкомъ, хватило бы на многія столѣтія.

Мы узнали, что весь уголь—остатки растеній, которыя изъ года въ годъ скоплялись на болотахъ, существовавшихъ на землѣ милліоны вѣковъ назадъ. Отъ болотъ этихъ не осталось слѣда, но уголь, ими созданный и накопленный, несетъ великую службу человѣку. И наши болота, часто недоступныя и непроходимыя, доставляютъ намъ цѣнное топливо — торфъ. И многія изъ нихъ не пропадутъ безслѣдно для будущихъ поколѣній людей.

III.

Зыбкія болота, раскинувшіяся на берегахъ рѣкъ и морей, нерѣдко даютъ начало весьма интереснымъ образованіямъ, которыя приковываютъ къ себѣ вниманіе путешественника и изумляютъ его своимъ фантастическимъ изяществомъ. Я говорю о *плавающихъ островахъ*. Во время разливовъ тропическія рѣки отхватываютъ отъ берега огромныя глыбы и уносятъ ихъ своимъ теченіемъ. Если берегъ состоитъ изъ торфа, то плавающій островъ готовъ. Чаще всего плавучіе острова возникаютъ отъ сросшихся у прибрежій корней и вѣтвей; водяныя растенія, поселяющіяся среди нихъ, еще плотнѣе сцѣпляютъ ихъ. Остатки ихъ изъ года въ годъ образуютъ плотный покровъ. Наконецъ буря отрываетъ отъ берега эту торфяную массу, и вновь образованный островокъ отправляется въ далекое странствованіе. Вѣтеръ заноситъ на поверхность его сѣмена растеній. Скоро густой травянистый покровъ одѣваетъ плавучій островокъ, и нерѣдко на немъ появляются даже кустарники и деревья. Много такихъ острововъ несется по теченію тропическихъ рѣкъ. Ихъ можно видѣть въ устьѣ Амазонки, на рѣкѣ Конго. На африканскихъ озерахъ съ болотистыми берегами нерѣдко также образуются острова, плавающіе по направленію вѣтра и гонимыхъ имъ волнъ. Хотя почва ихъ достаточно прочна, но человѣкъ не

селится на нихъ: единственными ихъ обитателями являются птицы и пресмыкающіяся.

Плавучіе острова встрѣчаются и въ умѣренныхъ поясахъ въ странахъ, изобилующихъ торфомъ. Еще Плиній былъ пораженъ громаднымъ количествомъ торфяныхъ островковъ, выплывающихъ изъ устьевъ Эльбы и Везера навстрѣчу римскому флоту. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, напр., въ Ганноверѣ, и теперь извѣстны плавающіе острова. Иногда они оказываютъ большую услугу мѣстнымъ жителямъ, которые спасаются на нихъ во время сильныхъ наводненій рѣкъ.

Есть основанія думать, что многіе изъ нашихъ торфянистыхъ сырыхъ луговъ прикрываютъ большія подземныя скопленія воды. Г. И. Куликовскій, описавшій многія интересныя озера и болота Олонецкой губерніи, слыхалъ отъ мѣстныхъ жителей, что въ селѣ Тайгинцахъ и близъ Лексинскаго скита въ Повѣнецкомъ уѣздѣ крестьяне ловятъ рыбу во время сѣнокоса на лугу, гдѣ нѣтъ ни озера, ни рѣки, ни «оконъ». Кто-нибудь изъ работающихъ отходитъ съ полянки въ сторону, пробиваетъ въ землѣ коломъ отверстіе, опускаетъ туда удочку и вытаскиваетъ рыбу. Ясно, что здѣсь торфъ образуетъ толстый покровъ, который лежитъ на поверхности подземнаго озера. Онъ настолько крѣпокъ, что выдерживаетъ тяжесть людей и животныхъ; но это не мѣшаетъ водѣ сохраняться подъ нимъ такъ, какъ она сохраняется подъ ледянымъ покровомъ. Очевидно далѣе, что такое подземное скопленіе воды сообщается какимъ-нибудь протокомъ съ ближайшею рѣкою или озеромъ. Иначе въ немъ не могла бы жить рыба. Она погибла бы отъ недостатка свѣта, воздуха, пищи. Очевидно, она заплываетъ изъ сосѣднихъ водоемовъ, лежащихъ на поверхности земли.

На нашихъ болотахъ и зарастающихъ озерахъ можно наблюдать въ высшей степени интересныя, чуть ли не фантастическія явленія. Лѣтъ тридцать назадъ много шума надѣлалъ одинъ загадочный островокъ на Ильзенскомъ озерѣ въ Лифляндіи. Этотъ островъ, какъ разсказывали, въ теченіе цѣлыхъ 80 лѣтъ морочилъ мѣстныхъ жителей, то появляясь, то исчезая. «Посѣщающій это озеро весною, — говоритъ путешественникъ, — видитъ гладкій уровень воды: острова нѣтъ и слѣда; но въ августѣ мѣсяцѣ, а иногда и немного раньше появляется на его поверхности небольшой островъ, величиною до восемнадцати квадратныхъ саженъ; берега его круты, и на нихъ скоро появляется растительность. Неподвижно стоитъ онъ до Михайлова дня (8 ноября), и всякій можетъ навѣстить его безопасно. Но, какъ скоро наступитъ первый морозъ, островъ погружается на дно озера. Неизвѣстно, видѣлъ ли кто-нибудь появленіе или исчезновеніе этого острова; говорятъ только, что въ одно утро онъ вдругъ является на поверхности воды такъ же, какъ въ другое подобное утро внезапно исчезаетъ. Только

одинъ разъ островъ запоздалъ своимъ удаленіемъ и мерзъ во льду; онъ былъ видимъ въ теченіе всей зимы, но, какъ только растаялъ весною ледъ, островъ утонулъ. Послѣ его погруженія дно озера на этомъ мѣстѣ было изслѣдовано, но ничего особеннаго въ немъ не нашли».

Не будемъ пока задумываться надъ загадочною исторіею лифляндскаго острова. Причина его внезапнаго появленія и исчезанія станетъ намъ ясной нѣсколько ниже. Теперь же мы займемся другими интересными явленіями, которыя приходится наблюдать иногда на болотахъ.

IV.

Лѣтъ двадцать назадъ у села Козьмодемьянскаго (Калязинскаго уѣзда Тверской губерніи) слышались днемъ и ночью странные звуки, не то ревъ или завываніе какого-то звѣря, не то жалобные звуки совы. Это уханье шло изъ топкаго болота, раскинувшагося по сосѣдству, и наводило не малый страхъ на суевѣрныхъ крестьянъ.

Такіе звуки производятся газами, которые съ шумомъ вылетаютъ изъ нѣдръ топкой трясины. Эти газы получаются при обугливаніи болотныхъ растеній.

На высокихъ моховыхъ торфяникахъ они бываютъ нерѣдко причиною чрезвычайно эффектнаго и любопытнаго зрѣлища. Поверхность болота вдругъ начинаетъ пучиться и вздыматься въ видѣ огромнаго пузыря. Чаще всего это происходитъ послѣ продолжительныхъ засухъ, когда болото въ значительной степени отвердѣваетъ. Причина этого явленія въ высшей степени проста: газы, образующіеся въ глубинѣ, не находятъ свободнаго выхода наружу и своимъ напоромъ приподнимаютъ верхній покровъ. Въ концѣ концовъ вздувшійся пузырь лопается, газы съ шумомъ вырываются на воздухъ, и поверхность болота снова спадаетъ. Иногда эти газы оказываются горючими. Въ 1879 году въ Леопольдскронскихъ торфяникахъ близъ Зальцбурга одинъ рабочій, занимавшійся выемкой торфа, вздумалъ закурить трубку. Только зажегъ онъ спичку, какъ вдругъ раздался слабый трескъ, и въ воздухѣ высоко поднялось пламя. Оно пылало нѣсколько часовъ и было наконецъ залито водою и торфянымъ иломъ.

Надѣвъ высокіе сапоги, вы отправляетесь на болото. Съ большою осторожностью идете вы по трясинѣ, увязая въ ней чуть-ли не по колѣна... Но что за странное явленіе привлекло ваше вниманіе? Поверхность болота покрыта множествомъ пузырьковъ. Эти пузырьки лопаются, и вмѣсто нихъ изъ глубины появляются другіе. Это какой-то газъ. Вамъ хочется собрать его, вы уже запаслись на всякій случай склянкою. Теперь вы наполняете ее водой, закрываете толстымъ листомъ водяного растенія, переворачиваете

вверхъ дномъ и, поставивъ ее на то мѣсто, гдѣ выдѣляется газъ, отдергиваете листъ. Вы видите, какъ взлетаютъ вверхъ мелкіе и крупные пузырьки газа и, выталкивая воду, собираются въ банкѣ. Вотъ вся банка наполнилась газомъ. Это—*болотный газъ*. Вы поднимаете ее съ болота и подносите зажженную спичку. Газъ съ хлопаньемъ мгновенно вспыхиваетъ и горитъ блѣдноватымъ пламенемъ. Это тотъ же газъ, который горитъ въ рожкахъ на нашихъ лѣстницахъ и въ уличныхъ фонаряхъ.

Этотъ газъ всегда получается при обугливаніи растительныхъ остатковъ. Его мы должны встрѣтить и въ каменноугольныхъ копяхъ. Тамъ онъ называется *рудничнымъ газомъ* и бываетъ причиною страшныхъ катастрофъ, такъ какъ смѣсь его съ воздухомъ чрезвычайно взрывчата.

Теперь уже нетрудно понять исторію загадочнаго острова, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ. Лѣтомъ на днѣ озера въ торфянистой массѣ, его покрывающей, образуются газы. Они переполняютъ всю толщу островка и дѣлаютъ его легкимъ. Островокъ поднимается вверхъ. Здѣсь онъ мало-по-малу теряетъ свои газы. Но въ теченіе всего лѣта, пока грѣетъ солнце, въ торфяной массѣ острова образуются все новые газы, и онъ держится на водѣ. Но вотъ наступаетъ осень, а съ нею вмѣстѣ и холодъ. Солнце грѣетъ слабо. Прекращается на землѣ растительная жизнь. Пріостанавливается и обугливаніе подъ водою. Новыхъ газовъ не образуется. Наоборотъ, островъ все болѣе и болѣе пропитывается водой и потому дѣлается тяжелымъ. Онъ не можетъ уже держаться на водѣ и опускается на дно, гдѣ и остается всю зиму. Какъ только наступитъ весна и проснется жизнь на согрѣтой солнцемъ землѣ, начнется и на днѣ озера обугливаніе растительныхъ остатковъ. Снова образуются газы, и островокъ опять подымается вверхъ.

Кромѣ болотнаго газа при обугливаніи растеній образуются въ небольшихъ количествахъ и другіе газы. Одинъ изъ такихъ газовъ бываетъ причиною чрезвычайно интереснаго явленія; но прежде, чѣмъ говорить о немъ, послушаемъ разсказъ очевидца:

«Лѣто 1879 года провелъ я въ Черниговской губерніи, въ усадьбѣ стариннаго друга моего отца. Имѣніе его было большое, съ громадными участками пахотной земли... На окраинѣ густого лѣса, котораго и не начинали еще вырубать, въ сырой и болотистой мѣстности раскинулось старое деревенское кладбище. Судя по разсказамъ, въ немъ уже лѣтъ двадцать никого не хоронили. Если бы не крошечные бугорки въ лѣсу,—когда-то могилки,—да не десятокъ, другой уцѣлѣвшихъ самодѣльныхъ крестовъ, то трудно было бы и догадаться, что здѣсь покоятся человѣческіе останки. Въ весеннее время близлежащая рѣчка заливала кладбище и разрыла могилки; тутъ и тамъ въ лѣсу лежали почернѣвшія кости...

«То лѣто въ нашихъ мѣстахъ было дождливое и холодное; цѣлыми днями приходилось сидѣть дома... Какъ-то разъ послѣ пасмурнаго и ненастнаго дня наступила прекрасная лунная ночь. Такія ночи бываютъ только въ Малороссіи. Отъ дождей на дворѣ было еще очень сыро, и мы поневолѣ должны были любоваться прекрасною ночью, сидя на балконѣ нашего дома. Сколько преданій и легендъ связано съ лунными ночами, а особенно въ Малороссіи! Мы невольно завели разговоръ на эту тему. Всѣ принялись разсказывать, и у каждаго оказалось въ запасѣ достаточно всякихъ анекдотовъ и сказокъ. О чемъ только тутъ не говорилось! Говорили о привидѣніяхъ, являющихся въ старомъ домѣ сосѣдней усадьбы, о мертвецахъ, по ночамъ встающихъ изъ гробовъ, о проказахъ домового, да и мало ли еще о чемъ! Иные разсказчики простодушно вѣрили этимъ выдумкамъ, другіе же умѣли показать и оборотную сторону; страшный разсказъ оканчивали самымъ неожиданнымъ образомъ, и всѣ привидѣнія и чудеса сводили къ какому-нибудь простому недоразумѣнію. Наконецъ темы истощились, и всѣ пріумолкли.

— «А что, молодой человѣкъ»,—заговорилъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ,—«согласились бы вы теперь, прослушавши всю эту чепуху, отправиться на кладбище и принести оттуда, ну, что бы такое?—да хоть крестикъ съ могилки!»

«Всѣ взоры обратились на меня. Было ясно, что я, молодой человѣкъ, гимназистъ всего лишь пятаго класса, непремѣнно откажусь отъ такого предложенія. Сердце у меня екнуло, но я не обнаружилъ волненія. Я былъ не столько, можетъ быть, храбръ, какъ самолюбивъ.

— «Отчего же, съ удовольствіемъ»...—отвѣчалъ я на вопросъ хозяина и спокойно взялся за шапку. Всеобщее изумленіе. Дамы бросились за мной.

— «Куда вы? въ такую грязь, да еще на болото! Вы завязнете тамъ! Отложите ваше путешествіе хоть до другого раза»...

«Я считалъ малодушіемъ отказываться отъ принятаго рѣшенія и, захвативъ съ собою револьверъ, тотчасъ же отправился въ путь. Я вышелъ за ворота и повернулъ по направленію къ кладбищу. Луна свѣтила ярко, и я не испытывалъ ни малѣйшаго страха. До лѣса я добрался благополучно, но, когда пришлось плестись по болоту, я возроптал на свою судьбу и, завязнувъ по колѣна, чуть было не вернулся назадъ. Если бы не луна, которая освѣщала всѣ кочки и трясины, я неизбѣжно погибъ бы въ болотѣ, и если бы не высокіе охотничьи сапоги, которые я не забылъ надѣть, я промокъ бы до послѣдней нитки... Я добрался до кладбища, вытащилъ первый попавшійся крестикъ и хотѣлъ уже отправиться обратно. Вдругъ въ трехъ саженяхъ предо мною показалась длинная прозрачная фигура какого-то неземного существа; съ распростертыми

руками стояла она на мѣстѣ. Я вздрогнулъ, но не потерялъ самообладанія. Побѣги я,—и мнѣ не миновать бы гибели. Путешествіе по болоту требовало прежде всего осторожности... Я никогда не вѣрилъ въ привидѣнія и съ улыбкою слушалъ повѣсти черезчуръ довѣрчивыхъ разсказчиковъ. Но теперь привидѣніе стояло предо мной. Мысли мои перепутались. Я ни минуты не сомнѣвался въ дѣйствительности страшнаго призрака. На что-нибудь надо было рѣшиться. Я выстрѣлилъ... Фигура заколыхалась, задрожала, бросилась назадъ и опять остановилась. Видимо, она не хотѣла на меня нападать. Это меня ободрило. И, не взирая ни на что, я рѣшилъ двинуться обратно. Дрожа отъ волненія, я осторожно пробирался по кочкамъ и не смѣлъ оглядываться назадъ. «Авось», думалось мнѣ, «оно пропадетъ»... На серединѣ болота возвышался небольшой островъ, совершенно сухой. Онъ былъ покрытъ молодымъ березнякомъ. Добравшись до этого мѣста, я не утерпѣлъ и оглянулся. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда въ пяти шагахъ я увидѣлъ то же самое страшное привидѣніе. Оно махало теперь руками, и лѣсъ, озаренный луной, сквозилъ черезъ него. Я былъ не въ силахъ владѣть собой. Револьверъ дрожалъ въ моихъ рукахъ... Да и къ чему было стрѣлять? Подулъ вѣтерокъ, и привидѣніе заколыхалось, задрожало и тотчасъ опять замерло. Я стоялъ на мѣстѣ, точно прикованный. Ноги отказались повиноваться мнѣ...

«Какъ прошелъ я остатокъ болота—не помню. Достигши твердой земли, я опять не утерпѣлъ и оглянулся: привидѣніе двигалось слѣдомъ за мной. Тутъ ужъ я не выдержалъ и, сколько хватило силъ, бросился бѣжать.

«Придя домой, я, никѣмъ незамѣченный, проскользнулъ въ свою комнату. Домашніе уже начали безпокоиться. Было сдѣлано предложеніе отправить людей на поиски, но хозяинъ вызвался итти самъ. Комната его помѣщалась рядомъ съ моею. Поднявшись наверхъ, чтобы одѣться, онъ замѣтилъ у меня свѣтъ и постучался. Я попросилъ войти.

— «Да ты уже дома»!—воскликнулъ онъ,—«а мы думали, что ты завязъ гдѣ-нибудь въ болотѣ! Что-жъ ты до сихъ поръ не показывался къ намъ?»

— «Я только-что пришелъ»,—отвѣчалъ я:—«Лѣсъ залитъ водой; я промокъ до костей: надо же переодѣться».

— «Ну, слава Богу,—замѣтилъ онъ,—«а то, признаться, мнѣ-то не особенно было пріятно отправляться на поиски. Идемъ внизъ».

«Когда я явился передъ всѣмъ обществомъ съ крестомъ въ рукахъ, восторгамъ не было предѣла. Меня поздравляли, хвалили, говорили тысячу комплиментовъ, и я почти позабылъ о непріятномъ приключеніи...

«Когда всѣ собрались спать, и мы съ хозяиномъ дома направились наверхъ, я рѣшился разсказать о привидѣніи.

— «Да, это виноватъ я», — отвѣчалъ онъ на мой разсказъ:— «у насъ около лѣса часто появляются *блуждающіе огоньки*, и я позабылъ тебя предупредить; но, признаюсь, никогда мы не слыхивали, чтобы въ нашихъ мѣстахъ принимали они такіе огромные размѣры. Меня занимаетъ твое привидѣніе. Не хочешь ли сейчасъ отправиться со мною на болото»?

«Успокоенный и нѣсколько пристыженный объясненіемъ, я тотчасъ же принялъ предложеніе. Не стану описывать нашего путешествія, какъ мы мокли и вязли въ болотѣ и какъ наконецъ добрались до лѣса; замѣчу только, что большое привидѣніе безслѣдно исчезло. Зато мы видѣли цѣлую массу вертящихся надъ могилами прозрачныхъ огоньковъ. Иные были ростомъ въ аршинъ, другіе— много меньше. Суевѣрные люди непремѣнно приняли бы ихъ за пляшущихъ мертвецовъ... Происшествіе на болотѣ, на минуту поколебавшее мою вѣру въ несуществованіе привидѣній, еще разъ показало мнѣ, что фантастическія приключенія и явленія духовъ объясняются очень просто и не представляютъ ничего сверхъестественнаго».

Такъ разсказываетъ о блуждающихъ огонькахъ очевидецъ этого явленія.

Въ теплыя лѣтнія ночи, въ сырыхъ мѣстностяхъ—на болотахъ, на кладбищахъ, и вездѣ, гдѣ гніютъ подъ землею растенія и животныя, появляются нерѣдко блуждающіе огоньки. Въ глубокую ночь, когда густой мракъ окутываетъ землю, огоньки эти представляютъ чудное зрѣлище. Вотъ на выступающемъ бугоркѣ вспыхнуло блѣдное, слегка синеватое пламя, заколыхалось и при первомъ дуновеніи вѣтерка быстро помчалось впередъ. Вотъ загорѣлся другой огонекъ, третій, четвертый; вотъ бѣгутъ ихъ десятки. Огоньки летаютъ, прыгаютъ, исчезаютъ, появляются вновь. Немудрено, что темному человѣку блуждающіе огоньки, горящіе среди могилъ и крестовъ, подъ тѣнью мрачной ночи, кажутся чѣмъ-то необыкновеннымъ и сверхъестественнымъ. «Это души мертвецовъ, погибшихъ безъ покаянія», говоритъ онъ. Огоньки считаетъ онъ живыми, одухотворенными. Зажженные невидимой силой, они пугаютъ человѣка. Но на самомъ дѣлѣ эти огоньки не что иное, какъ горящій газъ. Кто же зажигаетъ ихъ?

Изъ вседневнаго опыта вы знаете, что не всѣ тѣла загораются одинаково легко: одни нужно нагрѣть для этого больше, другія меньше. Отчего загорается спичка? Вы трете ее о коробокъ; отъ тренія головка спички нагрѣвается и вспыхиваетъ. Зажечь треніемъ дерево, какъ это дѣлаютъ дикари, ни вы, ни я не сможемъ: слишкомъ ужъ сильно надо его нагрѣть. Головка же спички сдѣлана изъ такого вещества, которое загорается отъ слабаго нагрѣванія... А есть на свѣтѣ такія тѣла, которыя загораются сами собой; къ числу ихъ относятся и нѣкоторые газы. Одинъ изъ та-

кихъ газовъ образуется на болотахъ. Онъ называется *фосфористымъ водородомъ*. Особенно много его получается при гніеніи костей, а потому мы должны встрѣтиться съ нимъ и на кладбищахъ.

Такимъ образомъ блуждающій огонекъ—не что иное, какъ горящій газъ, который вспыхиваетъ самъ собою, какъ только попадаетъ на воздухъ. Когда его выходитъ изъ земли много, то получается большой блуждающій огонь; когда его мало, то и огонекъ будетъ малъ. Если ночь мрачна, то огонь свѣтится ярко; при лунномъ сіяніи пламя его совсѣмъ блѣдно.

«Какой же это газъ,—скажетъ вамъ темный человѣкъ, — коли онъ людей-то боится? Ты къ нему шагъ сдѣлаешь, а онъ отъ тебя въ сторону, что есть мочи, бросится».

Въ самомъ дѣлѣ, догнать блуждающій огонекъ невозможно: онъ бѣжитъ отъ человѣка, и чѣмъ быстрѣе вы его нагоняете, тѣмъ скорѣе онъ отъ васъ удаляется. А если случится огоньку появиться позади васъ, то онъ такъ и идетъ за вами слѣдомъ: куда вы, туда и онъ. Повернитесь, пойдите въ другую сторону, и огонекъ опять побѣжитъ отъ васъ. И, видя такой огонекъ на болотѣ, темный человѣкъ набожно крестится.

— «Лѣшій это»,—говоритъ онъ: «хочется проклятому человѣка погубить, завести въ трясину, да и потопить тамъ. Ну, вотъ онъ и продѣлываетъ штуки: то впередъ поманитъ, то поведетъ назадъ, и вѣдь добьется своего: человѣкъ потеряетъ дорогу, а чего добраго, и въ болотѣ завязнетъ».

Да не только темный человѣкъ, даже люди образованные, ученые, сталкиваясь въ первый разъ съ блуждающимъ огонькомъ, пугались и не вѣрили глазамъ. Явленіе такъ фантастично и странно, что какъ-то и въ голову не приходитъ, что это блуждающій огонекъ; кругомъ тьма непроглядная, могильная тишина, ну, воображеніе и разыгрывается, и выплываютъ наружу запрятанные гдѣ-то глубоко въ памяти и слышанные еще въ дѣтствѣ разсказы о привидѣніяхъ.

Ботаникъ Опицъ возвращался однажды домой темной ночью. Онъ шелъ по сырымъ и низкимъ лугамъ. Вдругъ, шагахъ въ десяти передъ нимъ появилась прозрачная фигура ростомъ съ человѣка.

Опицъ остановился въ смущеніи, теръ себѣ глаза и думалъ, что ему только мерещится странный призракъ. Но явленіе не исчезало. Небо было чистое, погода тихая. Опицъ все стоялъ и наблюдалъ. Онъ ждалъ какихъ-нибудь измѣненій. Но все оставалось въ прежнемъ видѣ. Ученый пошелъ, и огненная фигура стала двигаться передъ нимъ на томъ же разстояніи. Когда онъ шелъ тихо, призракъ тоже тихо подвигался впередъ; когда онъ ускорялъ свои шаги, фигура начинала бѣжать; если онъ останавли-

вался, то останавливалось и странное привидѣніе. Всѣ предметы, лежавшіе позади огненной фигуры, сквозили сквозь нее. Такъ продолжалъ ученый свой путь вплоть до самаго города, и на одномъ перекресткѣ видѣніе вдругъ исчезло. Опицъ, впервые наблюдавшій это удивительное явленіе, тотчасъ же напечаталъ о немъ въ газетахъ. Никто ему не отвѣтилъ, и о странномъ приключеніи скоро было забыто.

Много лѣтъ спустя, докторъ Кирхнеръ былъ тоже очевидцемъ блуждающихъ огней. Онъ жилъ въ городкѣ Каплицѣ. Мѣстность эта сырая, болотистая. Кирхнеръ видѣлъ блуждающіе огоньки въ теченіе трехъ лѣтъ каждую осень. Они двигались передъ нимъ и бѣжали сзади, то большіе, то маленькіе; то они напоминали человѣка, то имѣли видъ звѣря. Въ темныя ночи горѣли они ярко, при свѣтѣ луны были блѣдны. Встрѣтившись съ блуждающимъ огонькомъ въ первый разъ, Кирхнеръ принялъ его за человѣка, идущаго съ фонаремъ въ рукахъ. Доктору хотѣлось имѣть попутчика, и онъ принялся догонять пѣшехода. Но мнимый человѣкъ быстро побѣжалъ отъ него, перескакивая съ необычайной ловкостью черезъ рвы и овраги. И видя, какъ легко онъ мчался по вязкой трясинѣ, Кирхнеръ понялъ, въ чемъ дѣло. Въ слѣдующемъ году докторъ увидѣлъ сразу два огня, одинъ высокій, другой пониже; они имѣли видъ двухъ людей, идущихъ вмѣстѣ. Кирхнеръ, уже привыкшій къ явленію, нисколько не смутился и пошелъ навстрѣчу огонькамъ. Ночь была очень темная. Докторъ сбился съ пути и завязъ въ болотѣ. Его окружила тутъ цѣлая толпа огоньковъ. Они подошли къ ученому очень близко, стали извиваться и кружиться надъ его головой. Когда Кирхнеръ пошелъ домой, огоньки проводили его до самаго города.

«Ѣхалъ я однажды»,—разсказываетъ очевидецъ блуждающихъ огней,—«на перекладныхъ. Ямщикъ попался мнѣ молодой, неопытный и былъ въ пути, кажется, въ первый разъ. Наступила ночь, и мы какъ разъ въѣхали на кладбище. Вдругъ кругомъ все ожило: запрыгали, зашевелились какіе-то призраки. Кони фыркнули и понеслись. Перепуганный ямщикъ едва сдерживалъ ихъ. Я сидѣлъ въ экипажѣ самъ не свой. Только отъѣхавъ отъ кладбища версты три, уже подъѣзжая къ деревнѣ, я сообразилъ, что намъ встрѣтились блуждающіе огоньки».

Отчего же блуждающіе огоньки прыгаютъ и летаютъ? Почему бѣгаютъ они отъ человѣка и гоняются за нимъ? Въ тихую погоду, когда не шелохнетъ и листокъ, огоньки стоятъ неподвижно; но чуть подуетъ легкій вѣтерокъ, пробѣжитъ звѣрь, вспорхнетъ птица, упадетъ сухая вѣтка,—и огоньки заколышатся, придутъ въ движеніе. Фосфористый водородъ очень легокъ: чуть только задвижется воздухъ,—онъ уже бѣжитъ. Оттого-то и называются огоньки блуждающими. Не трудно понять, отчего и человѣку не удается ихъ до-

гнать. Когда путникъ идетъ къ огню, то толкаетъ воздухъ, находящійся передъ нимъ, а воздухъ толкаетъ огонь, который потому и двигается. Если огонь находится позади человѣка, то онъ непремѣнно долженъ его догонять. И, какъ ни странна эта способность огоньковъ двигаться и летать,—въ ней все-таки нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Считая блуждающіе огни душами умершихъ, люди называли ихъ «огнями мертвецовъ». Вы видите теперь, что это названіе наполовину вѣрно. Дѣйствительно, для образованія огоньковъ нужны мертвецы; но все равно, будутъ ли это люди, животныя или растенія.

Блуждающіе огоньки появляются и въ нашихъ мѣстахъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ на сѣверо-восточной окраинѣ Петербурга былъ замѣченъ большой блуждающій огонь, отличавшійся яркимъ свѣтомъ. Его видѣли въ теченіе получаса. Окрестности Петербурга покрыты болотами, и потому явленіе блуждающихъ огоньковъ въ этихъ мѣстахъ должно быть обычнымъ.

V.

Мы познакомились съ цѣлымъ рядомъ любопытныхъ явленій, которыя происходятъ на болотахъ и которыя тѣсно связаны съ образованіемъ торфа и разложеніемъ растительныхъ остатковъ. Мнѣ остается еще сказать объ одномъ интересномъ явленіи, которое наблюдается обыкновенно на моховыхъ болотахъ. Это, такъ называемыя *болотныя изверженія.* Картина этого явленія представляется въ такомъ видѣ: сначала поверхность болота вспучивается, затѣмъ раздается гулъ, сопровождаемый сотрясеніями почвы; наконецъ верхній покровъ болота разрывается и наружу выступаетъ илистая грязь, иногда совершенно жидкая, иногда густая, какъ тѣсто. Широкимъ потокомъ разливается она по окрестности и, когда изверженіе оканчивается, быстро затвердѣваетъ. Послѣ этого вспучившаяся поверхность болота сильно осѣдаетъ. Въ большинствѣ случаевъ на мѣстѣ происходившаго изверженія образуется даже воронкообразная впадина. Въ чемъ же причина этого явленія? Замѣчено, что большинство извѣстныхъ изверженій происходило послѣ сильныхъ дождей. Свѣжій торфъ жадно всасываетъ воду и при благопріятныхъ условіяхъ объемъ его можетъ вслѣдствіе этого увеличиться вдвое. Если торфъ уже насыщенъ водою, а послѣдняя тѣмъ не менѣе все прибываетъ, то вся илистая масса болота начинаетъ вздуваться, какъ опара, и если болото лежитъ выше окружающей его мѣстности, то она наконецъ выливается наружу въ видѣ неудержимаго потока грязи.

Изверженія на болотахъ случаются очень рѣдко. Въ огромный промежутокъ времени, начиная съ 1745 года, и кончая 1883 годомъ

извѣстно только девять случаевъ. Одно изъ такихъ изверженій описано Ляйеллемъ. Оно случилось на Сольвейскомъ моховомъ болотѣ, которое, имѣя около семи миль въ окружности, располагается въ западныхъ предѣлахъ Англіи и Шотландіи. «Поверхность его, покрытая травой», разсказываетъ знаменитый геологъ, «имѣетъ хорошій видъ, но она зыблется при малѣйшемъ давленіи: подъ ней лежитъ масса непрочная и полужидкая. Отважный прохожій пробирается черезъ него по кочкамъ. Если ноги его поскользнутся, то онъ нерѣдко пропадаетъ безъ вѣсти. Во времена Генриха VIII послѣ пораженія въ Сольвейской битвѣ (1542 г.) одинъ несчастный отрядъ кавалеріи, гонимый страхомъ, ринулся въ эту топь, которая тотчасъ закрылась надъ нимъ. Эта повѣсть основана на преданіи. Но теперь она подтверждается. Близъ того мѣста, гдѣ происходила битва, торфокопами найдена лошадь и человѣкъ въ полномъ вооруженіи».

Вотъ въ этомъ то болотѣ и произошло изверженіе. Декабрь 1772 года оказался дождливый. Подобно громадной губкѣ, топь всасывала воду, переполнилась ею и, вздувшись до необычайной высоты надъ окружающей страной, 16-го числа прорвалась. Потокъ чернаго ила медленно поползъ по равнинѣ подобно лавовому потоку. Смертныхъ случаевъ не было. Затоплены нѣкоторыя постройки и покрыто грязью 400 акровъ земли. Самыя высокія части мохового болота опустились послѣ этого почти на 25 футовъ, а слой грязи въ самыхъ низкихъ мѣстахъ затопленной области достигалъ, по крайней мѣрѣ, 15 футовъ.

Большинство изверженій происходило въ Ирландіи, этой знаменитой странѣ болотъ. Въ январѣ 1831 года наступила оттепель. Снѣгъ, покрывавшій землю, быстро растаялъ. Огромная топь между Блумфильдомъ и Гивахомъ въ Слиго разступилась, черная, жидкая масса, увлекая съ собою все, что находилось въ болотѣ, направилась по теченію маленькаго ручейка. Она бѣжала съ силою горнаго потока, неся съ собою верескъ, лѣсъ, илъ, камни и затопляя многіе луга и пахотныя земли. Встрѣтивъ рыхлую почву, потокъ промылъ глубокій и широкій оврагъ. Часть проѣзжей дороги, захваченная имъ, размыта на протяженіи цѣлыхъ 200 ярдовъ.

Послѣднее изверженіе въ Ирландіи разразилось въ ночь съ 27 на 28 декабря 1896 года на большомъ Нью-Ратморскомъ болотѣ, въ 16 километрахъ отъ города Киларни. Внезапно вылился на поверхность мощный потокъ грязи. Онъ мчался на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, унося съ собою все встрѣченное имъ на пути. Одинъ домъ былъ затопленъ грязью вмѣстѣ съ жильцами. Илистый потокъ проникъ въ каменоломню и переполнилъ своею массою рѣку Флескъ; вслѣдствіе этого электрическія машины пе-

рестали дѣйствовать, и городъ Киларни вдругъ погрузился въ совершенный мракъ.

Далеко не всякій дождь влечетъ за собою болотныя изверженія. Стало-быть, нужны особыя благопріятныя условія для того, чтобы они наступили. Въ Ирландіи этому способствуютъ, вѣроятно, сильныя и частыя землетрясенія, которыя случаются въ этой странѣ. По крайней мѣрѣ, во время землетрясенія въ русскомъ гор. Вѣрномъ 27 мая 1886 года тоже наблюдались грязевые потоки [1]).

Рис. 75. Пинскія болота до осушенія.

Болотное изверженіе наблюдалось однажды и у насъ въ Олонецкой губерніи и сопровождалось цѣлымъ рядомъ любопытныхъ особенностей. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ явленіи г. Куликовскій: «Въ августѣ 1872 года рѣка Мегра вдругъ выступила изъ береговъ и понеслась шумнымъ потокомъ, затопляя покосы, снося стоги сѣна, изгороди, постройки. Вода при этомъ была такъ перемѣшана съ грязью, что пить ее не было возможности. Говорятъ, что при устьѣ р. Мегры въ Онежское озеро на три версты врѣзался длинный языкъ грязи. Причина явленія скоро

---

[1]) См. въ моей книгѣ «Между огнемъ и льдомъ» статью «Земля трясется».

раскрылась. Оказалось, что верстъ за 12 выше села Коштугъ, на лѣвомъ берегу р. Педажмы, въ мѣстности, называемой Ямовитымъ Боромъ, случилось нѣчто совсѣмъ необычайное. Посреди сѣнокосной пожни Ивана Еремина здѣсь прорвало землю, и изъ образовавшагося жерла сталъ бить грязный фонтанъ, выбрасывавшій грязь, илъ, песокъ, камни на высоту до 2-хъ саженъ. Этотъ грязный гейзеръ дѣйствовалъ нѣсколько дней подрядъ и наконецъ стихъ, оставивъ послѣ себя большихъ размѣровъ родникъ. Въ 1891 г. намъ пришлось побывать въ этомъ мѣстѣ и видѣть этотъ родникъ. На обширномъ лугу, среди высокихъ кряжей, поросшихъ вѣковымъ лѣсомъ, мы замѣтили нѣчто, напоминающее прудъ, почти круглой формы. Изъ него бѣжитъ ручеекъ въ р. Педажму. Края пруда сильно изрѣзаны и напоминаютъ какъ бы прорванный листъ бумаги. Вода родника чистая, холодная, прозрачная, какъ хрусталь. На глубинѣ сажени видно нѣчто, напоминающее собою дно желто-зеленаго грязнаго цвѣта. Но это не дно: колъ, опущенный въ родникъ, идетъ въ него такъ же свободно, какъ и въ воду. Повидимому, это—частицы ила. Присмотрѣвшись, мы замѣтили на этомъ «днѣ» отдѣльныя пятна чернаго перегноя. Онъ постоянно двигается, собираясь то тучками, то полосками, извивается змѣею и точно ползетъ въ круговомъ направленіи по солнцу. Временами движеніе какъ бы останавливается, но потомъ черныя тѣни опять таинственно ползутъ по поверхности зыби... Дикій непривѣтный уголокъ, угрюмые кряжи, темнѣющіе лѣсомъ, эта прозрачная вода съ колеблющимся «дномъ», тихо ползущія тѣни, шумъ порожистой Педажмы и наконецъ отсутствіе какого бы то ни было жилья – все производитъ гнетущее впечатлѣніе. Жутко стоять на краю этой таинственной ямы; не даромъ крестьяне боятся подходить къ ней, считая ее однимъ изъ оконъ подземнаго обиталища «водяного царя».

Какъ видно изъ описанія, это изверженіе многимъ отличалось отъ обыкновенныхъ болотныхъ изверженій и прежде всего тѣмъ, что оно случилось не на настоящемъ топкомъ болотѣ, а на мокромъ лугу. Какъ объяснить это явленіе? Можно предположить здѣсь подземную рѣчку, такъ какъ мѣстность изобилуетъ исчезающими озерами. Эта рѣка была, очевидно, задержана въ своемъ теченіи; русло ея какимъ-то способомъ засорилось. Тогда она прорвала вышележащіе пласты и выступила наружу. Когда избытокъ воды былъ удаленъ, образовался родникъ—наземный рукавъ подземной рѣки.

Это явленіе можно разсматривать, какъ болотное изверженіе, только потому, что подпочва луга состоитъ изъ торфа, и самъ лугъ представляетъ полуобсохшее болото. Но причина изверженія кроется не въ дождяхъ, не въ землетрясеніи, а въ подземной водѣ.

VI.

Болота причиняютъ человѣку не мало вреда. Огромныя пространства земли пустуютъ, не принося пользы земледѣльцу. Проѣзжія дороги идутъ въ обходъ. А если болото охватываетъ значительную площадь, оно отражается вредно и на здоровьѣ людей. Жители Полѣсья поражаютъ путешественника своею блѣдностью и худобою. Повальныя болѣзни свирѣпствуютъ въ ихъ бѣдныхъ деревняхъ, и особенно ужасенъ колтунъ—своеобразная болѣзнь, которая сопровождается слипаніемъ волосъ въ одну

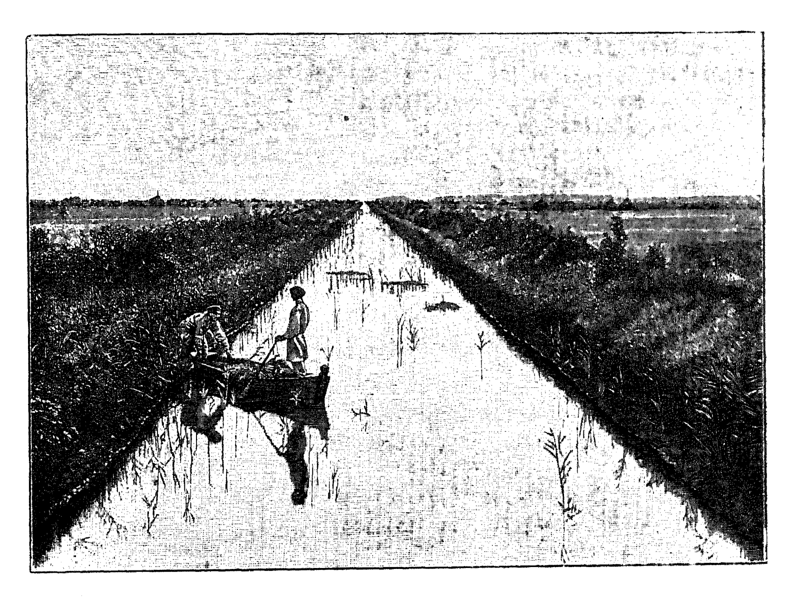

Рис. 76. Пинскія болота послѣ осушенія. На рисункѣ виденъ одинъ изъ главныхъ каналовъ.

безпорядочную массу. Всюду на болотахъ свирѣпствуютъ лихорадки. Болота Индіи являются гнѣздомъ холеры и другихъ заразныхъ болѣзней. Трудно перечесть все зло, причиняемое болотами. И человѣкъ поневолѣ затѣваетъ съ ними борьбу. Только не всегда эта борьба ведется, какъ слѣдуетъ.

Съ начала прошлаго столѣтія среди восточно-фрисландскихъ крестьянъ сталъ распространяться перенятый у голландцевъ обычай сжигать весною наиболѣе сухія болота и сѣять на нихъ гречиху. Успѣшность такого уничтоженія болотъ подлежитъ боль-

шому сомнѣнію, но зато по всей средней Европѣ разносится смрадный дымъ, который причиняетъ зло милліонамъ людей. При сильномъ вѣтрѣ желтовато-красныя облака такого дыма распространяются главнымъ образомъ по поверхности земли; наоборотъ, въ тихую погоду они подымаются вверхъ и, распространяясь во всѣ стороны, омрачаютъ небесный сводъ, въ то время какъ въ нижнихъ слояхъ воздухъ остается совершенно прозрачнымъ. Солнце теряетъ вслѣдствіе этого свой блескъ, а иногда становится совсѣмъ невидимымъ. Въ послѣднее время правительствомъ приняты энергичныя мѣры къ введенію правильной культуры болотныхъ мѣстностей, а потому обычай сжиганія болотъ скоро будетъ оставленъ.

Бороться съ болотами можно единственнымъ способомъ—посредствомъ прорытія глубокихъ канавъ, въ которыя долженъ стекать избытокъ воды, пропитывающей болото. Такой способъ и былъ примѣненъ къ осушенію пинскихъ болотъ и значительная часть ихъ превращена въ превосходные луга и пашни. Осушеніе предпринято министерствомъ государственныхъ имуществъ и велось на казенный счетъ подъ начальствомъ генерала І. И. Жилинскаго. Работы начались въ 1874 году, и черезъ 20 лѣтъ было осушено около одной трети всей площади полѣсскихъ болотъ, которыя занимаютъ 8 милліоновъ десятинъ. Для этого понадобилось прорыть 3,312 верстъ каналовъ и истратить на эту громадную работу свыше 3 милліоновъ рублей. Зато послѣдствія осушенія оказались благодѣтельными для мѣстныхъ жителей. Вотъ что разсказываетъ проф. Воейковъ, посѣтившій осушенную область въ 1893 г.:

«Не стану распространяться о путешествіи, которое не представляло особенныхъ трудностей, благодаря уже произведенному осушенію. Въ теченіе первыхъ трехъ поѣздокъ мы проѣзжали по довольно порядочнымъ грунтовымъ дорогамъ, а вблизи озера Князь и въ Слонимскомъ уѣздѣ ѣздили и на лодкахъ по каналамъ.

«Разница между осушенными и неосушенными пространствами рѣзко бросается въ глаза, и это видно даже изъ окна вагона по линіи желѣзной дороги Гомель-Пинскъ. Если ѣхать съ востока на западъ, то вправо на большомъ протяженіи виденъ плохой, корявый лѣсъ, и хотя былъ только конецъ іюля, но на многихъ деревьяхъ были видны желтые листья. Напротивъ того, съ лѣвой стороны лѣсная растительность была превосходна, и нерѣдко виднѣлись чудные экземпляры дуба, граба, клена и березы. Здѣсь, очевидно, различіе зависѣло отъ того, что вправо, т. е. къ сѣверу отъ дороги, не только осталось много неосушенныхъ болотъ, но сама насыпь дороги способствовала заболачиванію мѣстности. Напротивъ того, слѣва, т. е. къ югу, самая эта на-

сыпь защищала отъ избытка воды, которая, кромѣ того, имѣла свободный доступъ къ Припяти; отсюда и прекрасный ростъ деревьевъ на почвѣ влажной, но на которой вода не застаивается.

«Значительная часть осушенныхъ болотъ Полѣсья обращена въ луга, и эти обширные луга съ сотнями стоящихъ на нихъ стоговъ сѣна представляли оригинальное и въ своемъ родѣ красивое зрѣлище. Живо осталось у насъ въ памяти посѣщеніе перваго такого луга между селеніемъ Василевичи и фермой Бабичи. Всюду можно было свободно и сухо пройти, но однако изъ этого нельзя заключить, чтобы почва этихъ луговъ была суха; сухо было потому, что мы шли по густо сплетеннымъ корнямъ злаковъ и другихъ травъ; достаточно было взять комъ земли и пожать его, чтобы изъ него сочилась вода...

«До осушенія болотъ почти не слышно было о спорахъ изъза земли, и особенно казенные крестьяне получали иногда огромные надѣлы. Намъ указывали на селеніе Пуховичи близъ озера Князь, гдѣ нѣкоторые изъ крестьянъ получили до 100 десятинъ на дворъ, правда, по большей части болотъ. По осушеніи они разбогатѣли, и въ рѣдкомъ селеніи Полѣсья держатъ столько скота и получаютъ такіе превосходные урожаи, какъ именно здѣсь. Приступая къ осушенію Полѣсья, министерство государственныхъ имуществъ озаботилось тѣмъ, чтобы показать крестьянамъ правильные способы полевого и огороднаго хозяйства на осушенныхъ участкахъ, и для этой цѣли устроило опытную ферму Бабичи въ 14 верстахъ отъ селенія Василевичи.

«Въ первые годы особенно налегли на огородное хозяйство и вели его съ большимъ успѣхомъ, выращивая пудовые кочаны капусты и сбывая овощи сосѣднимъ крестьянамъ; но затѣмъ и они взялись за умъ и стали сами разводить огородныя овощи не только для себя, но и для продажи, такъ что теперь въ Бабичахъ уже оставили огородничество и обратили особенное вниманіе на полеводство.

«Рожь была уже снята и снопы сушились на перекладинахъ, въ родѣ снѣжныхъ защитъ желѣзныхъ дорогъ. Такія же приспособленія для сушки хлѣба мы видѣли и во многихъ селеніяхъ Полѣсья; на полѣ же, говорили намъ, совсѣмъ нельзя высушить хлѣбъ, вслѣдствіе большой влажности воздуха; но еще влажнѣе воздухъ надъ лугами; въ этомъ мы могли убѣдиться, возвращаясь изъ Бабичъ въ Василевичи тотчасъ послѣ захожденія солнца; на осушенномъ лугу стояла рѣзко обозначенная пелена тумана».

Изъ этого разсказа видно, къ какимъ отраднымъ послѣдствіямъ привело осушеніе пинскихъ болотъ. Однако работы пришлось скоро остановить. Стали слышаться жалобы, будто мелѣетъ р. Днѣпръ, будто у нея отнимаютъ важный источникъ питанія. Понадобилось снарядить цѣлую экспедицію для изслѣдованія

источниковъ рѣкъ, чтобы рѣшить, можно ли продолжать начатыя работы. Къ счастью для жителей Полѣсья оказалось, что тревога была напрасная и что осушеніе пинскихъ болотъ слѣдуетъ производить безъ всякаго опасенія за судьбу Днѣпра.

Нельзя этого сказать о другихъ болотахъ Россіи. Многія изъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, питаютъ большія рѣки, и осушеніе ихъ можно вести только съ большою осторожностью.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть объ очень своеобразномъ пользованіи болотными зарослями въ Кашмирѣ, въ Индіи. Тамъ ихъ придумали обращать въ плавающіе сады. Берега озера Кашмиръ густо заросли болотными травами. Туземцы дѣлаютъ между ними багромъ дорожки или каналы, затѣмъ срѣзаютъ верхушки водяныхъ злаковъ, наваливаютъ сверху хворостъ и прикрываютъ его слоемъ ила. Приготовивъ такимъ образомъ грунтъ, протыкаютъ черезъ него колья, которые плотно вбиваются въ дно озера. По нимъ плавучій садъ можетъ подниматься и опускаться, смотря по уровню воды. На полученной такимъ образомъ поверхности устраиваютъ грядки изъ смѣси ила и древесной золы и садятъ дыни и огурцы, которые съ успѣхомъ произрастаютъ на такой почвѣ и даютъ обильные сборы.

Живописные уголки.

I.

«Ничто не вѣчно подъ луной»—говоритъ старинная пословица; и въ самомъ дѣлѣ, даже твердыя каменныя породы разрушаются и исчезаютъ съ лица земли. У камней бываетъ своя старость и смерть. Люди съ годами теряютъ красоту юношескихъ лѣтъ: лицо ихъ покрывается морщинами, станъ горбится, походка дѣлается нерѣшительной. Нельзя сказать того же о камняхъ. Чѣмъ старше скалы, образованныя ими, тѣмъ онѣ живописнѣе, и тамъ, гдѣ вода и воздухъ всего дальше повели дѣло разрушенія, мы наталкиваемся на такіе живописные уголки, прелести которыхъ трудно передать даже на самой искусной картинѣ.

Перенесемся хотя-бы въ Саксонію. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Рудныя горы встрѣчаются съ Судетами, прорыла себѣ путь рѣка Эльба. Какъ разъ въ промежуткѣ между обѣими горными массами вздымаются Эльбскія Песчаниковыя горы. Сядемъ здѣсь на пароходъ. Поднимаясь вверхъ по Эльбѣ, мы скоро достигнемъ подножія причудливыхъ скалъ, самыхъ живописныхъ во всей Саксонской Швейцаріи.

Передъ нами столбы, башни, стѣны, крѣпости, среди которыхъ самымъ неожиданнымъ образомъ выдѣляются цѣлыя группы деревьевъ и зеленыхъ кустовъ: они высовываются изъ всѣхъ трещинъ и щелей, и издали пораженному путешественнику кажется, будто онъ подъѣзжаетъ къ старинному, покинутому людьми городу, полуразрушенныя зданія котораго живописно обросли мохомъ. Во всей Европѣ это одинъ изъ чарующихъ по своей красотѣ уголковъ. На первый взглядъ вы прямо недоумѣваете, какъ мертвыя скалы безъ всякаго участія человѣка могли принять такія причудливыя формы. Но песчаникъ, изъ котораго сложены всѣ эти возвышенности, обладаетъ способностью распадаться при разрушеніи на совершенно правильные столбы и плитки. Однѣ изъ такихъ плитокъ уже свалились къ подножію и даже разсыпались здѣсь на мелкій песокъ, дру-

гія чуть держатся на своихъ прежнихъ мѣстахъ, и въ общемъ всѣ скалы пріобрѣтаютъ видъ какихъ-то развалинъ.

Этому дивному уголку, пожалуй, не уступаютъ по своей живописности горы Южнаго Тироля. Чтобы составить представленіе объ ихъ красотахъ, мы должны сначала отправиться къ Боцену. Отсюда среди виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ идетъ дорога къ деревнѣ Обербоцену. Подымаясь вверхъ, мы встрѣ-

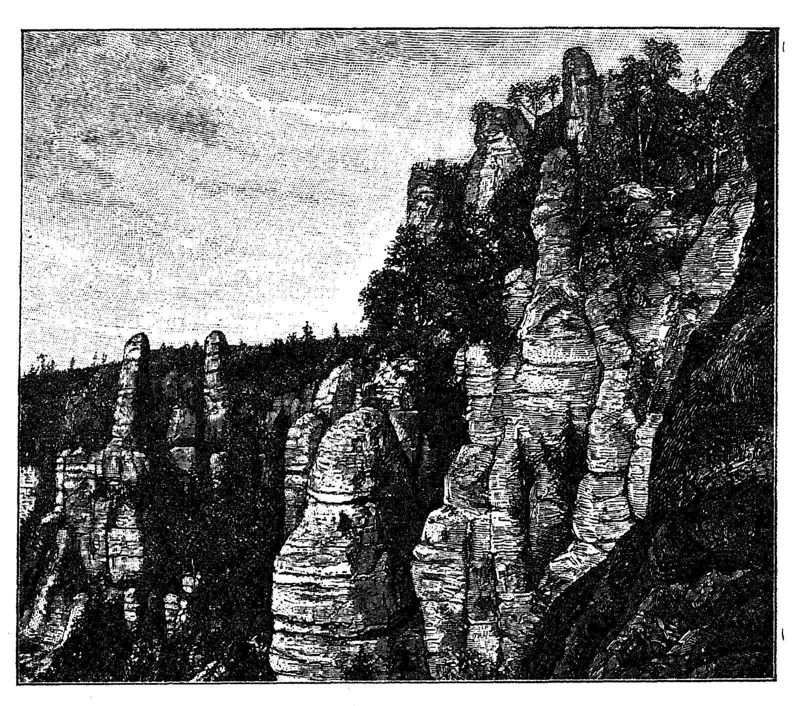

Рис. 77. Скалы Саксонской Швейцаріи.

тимъ на пути дикія скопленія такъ называемыхъ земляныхъ пирамидъ. Передъ вами сотни плоскихъ свободно стоящихъ столбовъ. Они состоятъ изъ довольно твердой красноватой глины,—на вершинѣ каждаго изъ нихъ почти всегда лежитъ большая каменная глыба. Между рядами столбовъ живописно протянулись полосы лѣсной растительности... Эти причудливыя пирамиды—дѣло горныхъ ручьевъ. Протекая по склонамъ возвышенности, они прорыли въ рыхлой глинѣ сотни глубокихъ промоинъ и, постоянно мѣняя свое направленіе, наконецъ, разбили всю ея массу на отдѣльные столбы. Множество мелкихъ камней,

тутъ и тамъ выступающихъ съ боковъ пирамидъ, сообщаетъ имъ своеобразную пестроту. Мы минуемъ это скопленіе причудливыхъ глиняныхъ сооруженій и вступаемъ въ полосу густыхъ горныхъ лѣсовъ, среди которыхъ выдвигаются древнія лавы, свидѣтельствующія, что здѣсь когда-то разыгрывались грозныя изверженія. Дорога круто поднимается вверхъ, лѣсъ начинаетъ рѣдѣть, и вотъ мы, наконецъ, среди роскошныхъ и пышныхъ альпійскихъ луговъ. Съ наслажденіемъ вдыхаетъ путешественникъ ароматъ душистыхъ

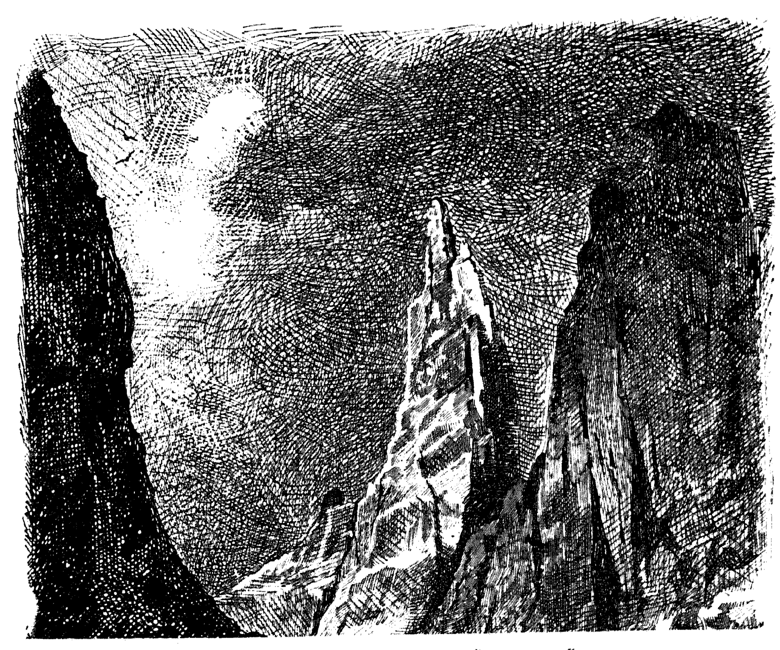

Рис. 78. Ландшафтъ въ „Саду розъ".

альпійскихъ растеній. Кругомъ виднѣются пастушьи лачуги, и на привольѣ горныхъ луговъ пасутся многочисленныя стада... Но мы покинемъ этотъ зеленый уголокъ и подымемся выше, къ такъ называемымъ Доломитовымъ горамъ. Тутъ передъ нами выдвигаются дикіе отвѣсные утесы и гребни прихотливыхъ формъ, усыпанные безчисленными обломками. Среди зеленыхъ луговъ, точно башни, поднимаются къ небу высокія скалы, стройныя, величественныя. На нихъ нѣтъ ни травы, ни мха; и даже быстроногая серна не заглядываетъ на ихъ вершины. Эти скалы состоятъ изъ огромнаго множества столбовъ, колоннъ, обелисковъ. Чарующая пре-

лесть ихъ увеличивается еще прихотливою игрою свѣта самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Въ ясные дни при восходѣ и закатѣ солнца здѣсь такое разнообразіе цвѣтовъ, что даже, пожалуй, чарующіе ландшафты Сициліи не могутъ поспорить съ красотой этихъ

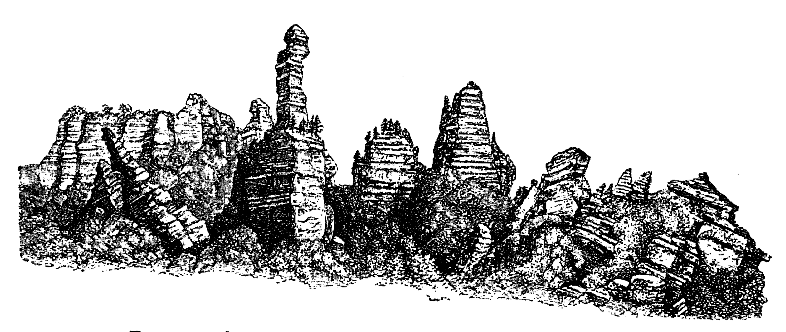

Рис. 79. Формы разрушенныхъ известняковыхъ горъ.

мѣстъ. Кажется, будто пылаетъ вся внутренность горы, и изъ нѣдръ ея вырывается зарево пожара. Порой изумленный путешественникъ затрудняется рѣшить, сверкаетъ ли это причудли-

Рис. 80. Каменные столбы въ „Паркѣ памятниковъ" въ Сѣв. Америкѣ.

вымъ сіяніемъ мертвая скала, или выплываетъ на горизонтъ мѣсяцъ. Тотъ, кому приходилось видѣть эти дивныя картины, не забудетъ ихъ никогда! А когда на вечернемъ небѣ появляется легкій туманъ, тогда надъ причудливыми столбами и обелисками распространяется

точно розовое покрывало, съ фіолетовымъ оттѣнкомъ на краяхъ трещинъ. Потому-то эти мраморно-бѣлыя скалы народъ называетъ «Садомъ розъ».

Не мало и другихъ уголковъ въ Европѣ славится красотою своихъ полуразрушенныхъ горъ. Нельзя не упомянуть Адерсбахскаго «города скалъ» въ Чехіи (Богеміи), близъ деревни Адерсбахъ, живописныхъ утесовъ въ Саерми на Кавказѣ, нашихъ Жигулевскихъ горъ и проч. Но едва ли не самыя прихотливыя образованія встрѣчаемъ мы въ Скалистыхъ горахъ Сѣверной Америки.

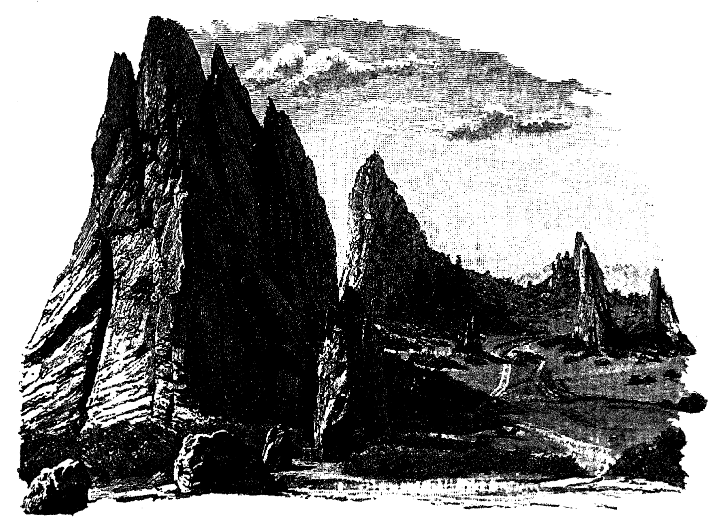

Рис. 81. „Садъ боговъ" въ Сѣв. Америкѣ.

Скалистыя горы—какое-то скопленіе «чудесъ природы». Среди нихъ пріютился знаменитый Іеллоустонскій Національный Паркъ; тутъ же встрѣчаете вы самыя живописныя скалы, по красотѣ своей не уступающія Саксонской Швейцаріи и Южному Тиролю. Въ 76 англійскихъ миляхъ отъ Денвера, близъ желѣзнодорожной линіи, раскинулся «Паркъ памятниковъ». Скалы разныхъ каменныхъ породъ, подъ вліяніемъ разрушительныхъ силъ, приняли здѣсь самыя фантастическія формы, и, проѣзжая по оголенной дорогѣ, вы любуетесь картинами, какихъ не встрѣтите болѣе нигдѣ. Передъ вашими глазами проходятъ каменные памятники,

колонны, урны, пирамиды. Всѣ они совершенно округлены и отполированы, точно вышли изъ подъ рѣзца невѣдомаго ваятеля. Однѣ изъ скалъ имѣютъ видъ женщины, превращенной въ камень, подобно Лотовой женѣ, другія—форму наковальни, третьи—кажутся окаменѣлымъ жрецомъ. Есть тутъ своеобразная группа, получившая названіе «Голландской свадьбы»... Окраины этихъ скалъ чрезвычайно разнообразны: вы видите всевозможные переходы, отъ самыхъ свѣтлыхъ до самыхъ темныхъ цвѣтовъ. Оттого-то протекающая здѣсь рѣка и получила названіе Колородо, что значитъ въ переводѣ—«цвѣтная», «красная».

Неподалеку отъ «Парка памятниковъ» вы найдете и другой столь же любопытный уголокъ, получившій названіе «Сада боговъ». Но, пожалуй, еще величественнѣе картины такъ называемой «Худой земли», раскинувшейся между черными холмами и рѣкою Іеллоустономъ. Это—дикая пустынная мѣстность. «Изъ необъятнаго простора прерій», разсказываетъ путешественникъ, «вы спускаетесь въ глубокую долину и здѣсь вступаете въ совершенно особенный міръ. Тысячи высокихъ колоннъ и обелисковъ скучены до того тѣсно, что между ними остаются только очень глубокіе и узкіе ходы, вьющіеся запутаннымъ лабиринтомъ и напоминающіе вамъ кривыя улицы средневѣковаго города. Издали эти каменныя скалы кажутся вамъ человѣческимъ сооруженіемъ. Вы ясно различаете зубцы и башни, столбы и входныя ворота: передъ вами какой-то древній городъ, гдѣ вымершій народъ безъ счета нагромоздилъ памятники своего искусства. Но какъ только вы спуститесь въ долину—призракъ исчезаетъ. Вы направляетесь по извилистымъ ходамъ и заглядываете въ самые загаенные уголки... Всюду мертвая пустыня... Лѣтомъ солнце заливаетъ своимъ свѣтомъ узкіе проходы. Бѣлыя скалы отбрасываютъ его лучи, и ничто не умѣряетъ здѣсь палящаго зноя: нѣтъ здѣсь растеній, которыя могли бы дать прохладную тѣнь, не чувствуется и дуновеніе вѣтра.

Въ Австраліи славятся своею красотою Голубыя горы, ниспадающія крутыми обрывами, а въ Африкѣ своими причудливыми формами отличаются абиссинскіе «амбасы».

II.

Живописна горная природа, но не легко живется тамъ людямъ. Покрытая камнемъ и пескомъ почва едва поддается обработкѣ. Въ сильные ливни ручьи, текущіе по склонамъ, превращаются въ бѣшеные каскады; ворочая на пути камни, ломая дома и мосты, они заносятъ пескомъ и щебнемъ воздѣланныя поля. Жизнь горца ежеминутно подвергается опасности: наводненія, лавины грозятъ ему на каждомъ шагу. Но едва ли не са-

мымъ страшнымъ бичемъ альпійской страны являются каменные обвалы.

Въ сентябрѣ 1806 года надъ деревушками, расположенными у подошвы горы Россберга въ Альпахъ, стряслась грозная бѣда. Каменная глыба погребла ихъ подъ грудою развалинъ.

Все лѣто шли, не переставая, проливные дожди. Ручьи выступили изъ береговъ и затопили окрестность. Пастухи, бродившіе со своими стадами по зеленымъ склонамъ горъ, были въ тревогѣ. Лачужки ихъ, кое-какъ сдѣланныя изъ драни, сломало бурей и унесло. Вѣтеръ грозилъ все разрушить. Дернъ, размытый водою, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ сползъ, и въ обна-

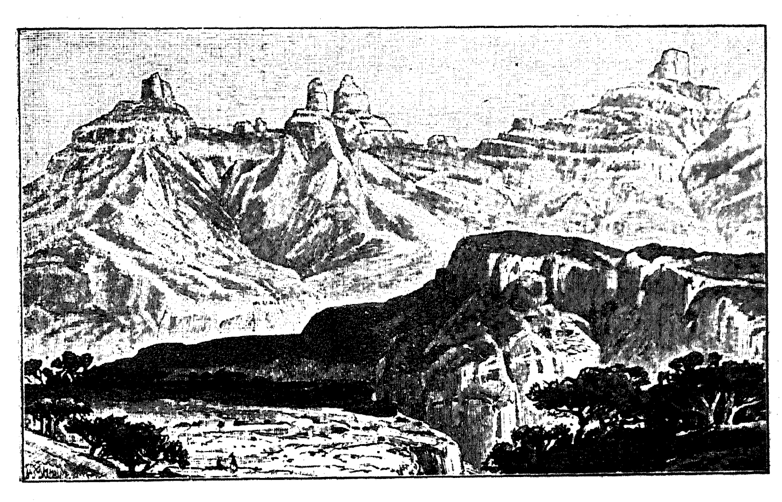

Рис. 82. Абиссинскіе „амбасы".

женныхъ камняхъ зіяли глубокія трещины. Въ лѣсу слышался шумъ, точно какая-то нечеловѣческая сила ломала корни могучихъ сосенъ. Скалистые обломки обрывались тутъ и тамъ... Щебень ручьями струился внизъ...

Наступилъ сентябрь. Пастбища были усыпаны обломками камней, и скоту негдѣ было пастись... Пастухи собирались гнать въ долины своихъ коровъ и козъ...

Въ ночь на 2 сентября дождь еще усилился. Это былъ какой-то потопъ. Раскаты грома и завываніе бури заглушали человѣческій голосъ. Въ лѣсу высокія сосны колыхались, будто колосья на нивѣ... Заалѣлась блѣдная заря, и день озарилъ ужасную картину: почва была усѣяна огромными камнями и облом-

ками деревьевъ, трава вывернута и смята. Вдругъ что-то загрохотало наверху... Перепуганныя птицы,—вороны, галки, ястреба, испуская жалобные крики, поднялись стаями и полетѣли. Земля заволновалась, и съ вершинъ сталъ скользить дернъ, песокъ, деревья, камни,—сначала медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе. Пастухи чувствовали, какъ почва уходила изъ-подъ ногъ ихъ и бросились бѣжать, сами не зная куда. Перепуганныя стада съ ревомъ неслись за ними; но сосны и камни, падая съ высоты, убивали ихъ и влекли за собою. Съ замираніемъ сердца смотрѣли пастухи на гибель любимыхъ коровъ и овецъ.

Вдругъ раздался такой трескъ, будто разрывалась вся земля. Масса въ милліонъ пудовъ устремилась на деревни... Все закружилось, запрыгало: камни, земля, трава, кустарники, деревья... Огромныя скалы съ растущими на нихъ соснами летѣли внизъ, встрѣчались и, точно бомбы, брошенныя невидимымъ снарядомъ, отскакивали, прыгали по землѣ, то останавливались, то снова неслись съ грохотомъ и стономъ. Иныя разбивались вдребезги и тучами пыли и щебня устремлялись внизъ... Перепуганные пастухи, не помня себя, летѣли черезъ бездны и пропасти, думая только о своемъ спасеніи. Каменныя глыбы настигали ихъ и увлекали за собою.

Въ то время склоны горы Россберга были покрыты жилищами, а у подошвы лежали богатыя деревни Гольдау, Безингенъ, Ловерцъ... Грозный обвалъ уничтожилъ ихъ во мгновеніе ока... На мѣстѣ ихъ лежала безотрадная пустыня, усѣянная обломками скалъ, деревьевъ и бревенъ. Всего было разрушено болѣе ста домовъ, свыше двухсотъ сараевъ и хлѣвовъ и двѣ церкви. Число человѣческихъ жертвъ доходило до четырехъ съ половиною сотенъ: они заживо были погребены подъ развалинами или погибли отъ ранъ.

Когда начался грозный обвалъ, суевѣрный поселянинъ, Блези Меттлеръ, жившій у самой подошвы горы, сломя голову, побѣжалъ къ священнику. Разрушеніе казалось ему предвозвѣстникомъ конца міра и страшнаго суда. На колѣняхъ молилъ онъ священника пойти съ нимъ. Между тѣмъ гора заколыхалась. Обезумѣвъ отъ ужаса, Меттлеръ бросился къ своему дому: тамъ осталась его жена и грудной младенецъ—сынъ... Съ быстротою серны мчится онъ по колеблющейся землѣ,—бѣжитъ и не узнаетъ своего жилища: безобразныя груды обломковъ громоздятся на его мѣстѣ. Значитъ, все пропало—имущество и семья! Земля дрожитъ и волнуется подъ его ногами. Не помня себя, бросается онъ въ сторону и мчится, самъ не зная куда, лишь бы уйти изъ этого проклятаго мѣста... Щебень градомъ сыплется у его ногъ, вѣтки царапаютъ лицо... Онъ не чувствуетъ боли и бѣжитъ... Вдругъ онъ, пораженный, останавливается на мѣстѣ. Передъ нимъ

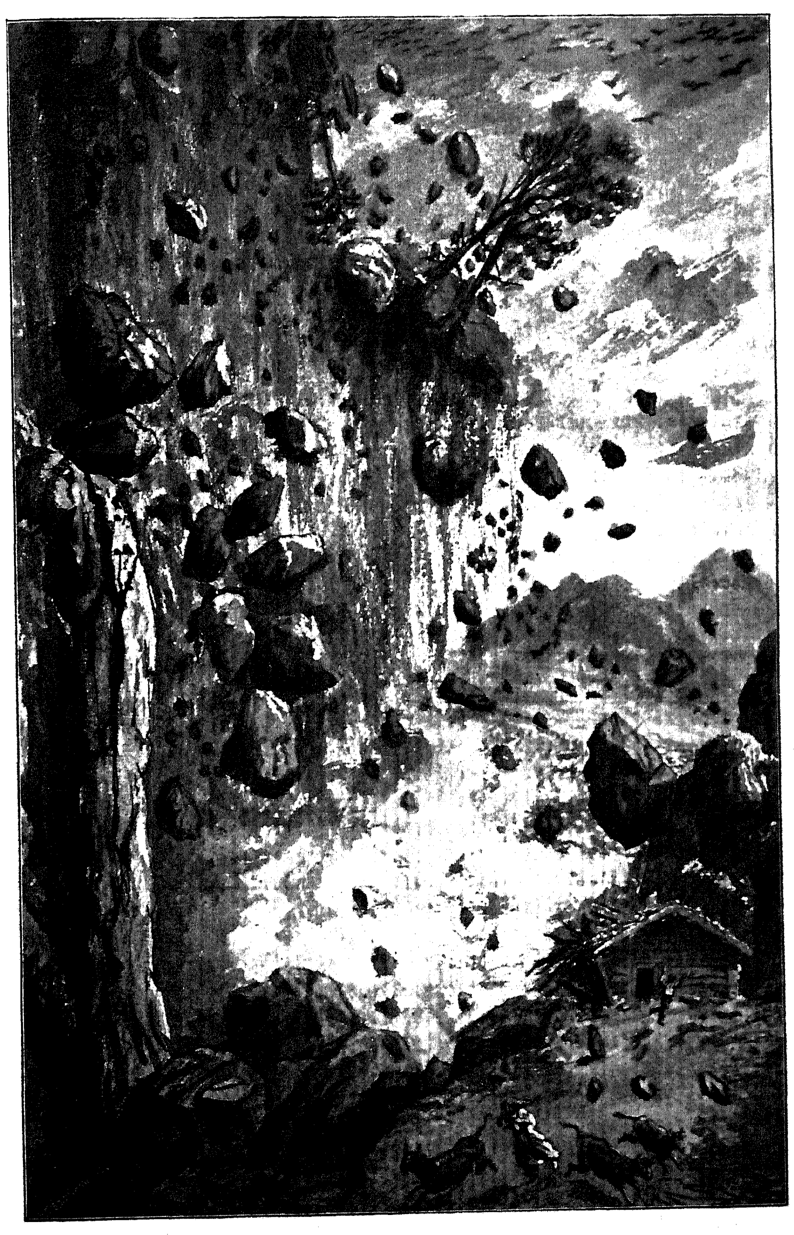

Рис. 83. Горный обвалъ. Ориг. рис. художника Ф. Г. Евдокименко.

жена,—она держитъ на рукахъ спящаго младенца. Перепуганная шумомъ въ горахъ и внезапнымъ исчезновеніемъ мужа, она успѣла во время выбѣжать; домъ разрушился, когда она была уже за порогомъ. Невольный крикъ радости вырывается у Меттлера изъ груди. Онъ падаетъ на колѣни.

Настало утро слѣдующаго дня. Всѣ, кто уцѣлѣлъ въ живыхъ, не досчитывались своихъ близкихъ. Старый крестьянинъ Жозефъ Винсетъ, чуть ли не первый богачъ въ Безингенѣ, потерялъ всю семью,—жену и двухъ дочерей. Онъ посѣдѣлъ за эту ночь и, какъ тѣнь, бродилъ между развалинами, розыскивая дорогіе трупы.

«Хоть бы тѣла-то ихъ найти да предать христіанскому погребенію», думаетъ онъ... Изъ сосѣднихъ деревень собираются поселяне и начинаютъ раскопки. Тянутся мучительные часы; трупъ за трупомъ достаютъ люди изъ-подъ груды камней. Вотъ и жена Винсета: обезображенный трупъ ея покрытъ ранами и запекшеюся кровью. Безъ чувствъ падаетъ къ ней на грудь несчастный старикъ и горько рыдаетъ. И какъ бы въ отвѣтъ на его вопли, изъ-подъ земли раздается глухой голосъ. Онъ молитъ о помощи. Это голосъ старшей дочери Винсета—Франциски. Она еще жива и скраситъ горькое одиночество старца.

— Скорѣе! спасите ее!—молитъ онъ товарищей. Работники удваиваютъ усилія, но раскопки подвигаются съ трудомъ: бревна и камни надо разворачивать осторожно, чтобы не ранить погребенную подъ ними дѣвушку... Вотъ еще раскопана одна могила: между обломками лежитъ бѣлокурая дѣвочка. Старый Винсетъ узнаетъ свою малютку и бросается къ ней... Изъ груди ребенка вырывается чуть слышный стонъ. Она жива: сердце бьется. О, какая это радость для несчастнаго отца! Откапываютъ скоро и старшую дочь. Ее выносятъ замертво. Отъ слабости и волненія дѣвушка лишилась чувствъ: четырнадцать часовъ пробыла она подъ землею подъ страхомъ голодной смерти. А сколько, можетъ быть, другихъ несчастныхъ жертвъ стонало цѣлые дни, молило о помощи и умерло въ ужасныхъ мукахъ, не дождавшись ея!

Такова картина человѣческихъ бѣдствій, далеко не рѣдкихъ въ горныхъ странахъ... Бываютъ катастрофы еще болѣе неожиданныя.

Въ ночь на 21 іюля 1900 года на Забайкальской желѣзной дорогѣ потерпѣлъ крушеніе поѣздъ, вышедшій изъ Иркутска въ 2 часа ночи. Дорога идетъ по берегу р. Ангары, прихотливо извиваясь въ разныя стороны. Справа высятся утесы. Они состоятъ изъ сильно разрушившейся породы и не разъ уже случались здѣсь обвалы, надолго задерживавшіе движеніе. Несмотря на надзоръ, дорога считается не безопасной.

Роковая ночь катастрофы была мрачная, стоялъ густой туманъ,

мѣшавшій машинисту видѣть что-либо впереди паровоза. Дорожный сторожъ за часъ передъ несчастьемъ пропустилъ по тому же пути товарный поѣздъ и, обойдя дальній конецъ своего участка, направлялся на встрѣчу пассажирскому поѣзду. Вдругъ послышался грохотъ обвала. Сторожъ кинулся впередъ, думая задержать поѣздъ. Но было уже поздно. На полотно навалилась груда камней. Красные огни локомотива врѣзались въ нихъ. Въ вагонахъ почувствовался страшный толчекъ. Пассажиры были сброшены со скамеекъ. Еще мгновеніе, и поѣздъ остановился. Всѣ повыскакивали изъ вагоновъ.

При тускломъ свѣтѣ начинавшагося дня представилась ужасная картина: паровозъ помятъ, два вагона совсѣмъ поломаны, въ прочихъ сильныя поврежденія. Ѣхавшіе въ переднихъ вагонахъ всѣ пострадали. Ихъ пришлось извлекать изъ подъ груды обломковъ. Невредимой осталась только одна женщина съ ребенкомъ. Она сидѣла на скамейкѣ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, которое оказалось сильнѣе всего исковерканнымъ. По счастливой случайности за нѣсколько минутъ предъ крушеніемъ она встала и подошла къ умывальнику, находившемуся у дверей въ заднюю половину вагона: ее отбросило при крушеніи назадъ въ уцѣлѣвшую часть вагона. Остальные пассажиры жестоко пострадали: четверо получили тяжкія увѣчья, одинъ извлеченъ съ самаго дна вагона мертвымъ, съ придавленною грудью.

Изъ поѣздной прислуги убитъ машинистъ; его выкинуло при первомъ толчкѣ на камни, подъ колеса паровоза; кромѣ того, пострадалъ смазчикъ, брошенный на топку и получившій ожоги кисти рукъ, и сильно ушибъ плечо одинъ изъ кондукторовъ.

Ѣхавшіе въ почтовомъ вагонѣ почтальонъ и почтовый чиновникъ, видя надвигающуюся на нихъ стѣнку вагона, выбили окно и выскочили наружу.

Катастрофа была бы ужаснѣе, если бы поѣздъ шелъ быстрѣе. Онъ неизбѣжно долженъ былъ бы низвергнуться въ воды рѣки, и всѣ ѣхавшіе въ немъ погибли бы въ бурныхъ водахъ Ангары.

Много труда затратилъ человѣкъ, чтобы обезопасить горныя дороги. Черезъ Кавказскій хребетъ на протяженіи нѣсколькихъ сотенъ верстъ тянется чудная Военно-Грузинская дорога. Громаднѣйшія скалы, ровныя, какъ стѣна, теряются въ вышинѣ. По сторонамъ дороги зіяютъ бездонныя пропасти. На днѣ ихъ реветъ и прыгаетъ Терекъ. Дорога вьется зигзагами по уступамъ скалъ. Каменныя громады балкономъ висятъ надъ нею. Вотъ этотъ камень чуть-чуть держится: онъ только краемъ опирается на скалу; трещины бороздятъ его во всѣхъ направленіяхъ. И сердце ваше замираетъ, когда приближаетесь къ нему: такъ и кажется, что вотъ сейчасъ онъ рухнетъ и раздавитъ васъ.

Въ старину несчастія на Военно-Грузинской дорогѣ случались

очень часто; но теперь дорога очищена отъ всѣхъ сколько-нибудь опасныхъ камней: они взорваны порохомъ. Громады, висящія надъ дорогой, держатся крѣпко и простоятъ цѣлыя сотни лѣтъ. Инженеры слѣдятъ за ними и, когда предвидится опасность, удаляютъ, не давая упасть. Массы людей работали надъ очисткою Военно-Грузинской дороги, и въ борьбѣ съ грозною природою многіе изъ нихъ гибли. Чудная дорога,—широкая и красивая, грандіозная и удобная, упитана кровью... Но таковъ ужъ человѣкъ: его не останавливаютъ препятствія; онъ побѣдоносно шагаетъ черезъ всѣ преграды и достигаетъ завѣтной цѣли,—полнаго торжества надъ природой.

Отчего же случаются каменные обвалы? Кажется, что можетъ быть прочнѣе камня?.. На рубежѣ непроходимой африканской пустыни Сахары гордо высятся къ небу египетскія пирамиды. Десятки вѣковъ стоятъ онѣ, непоколебимыя и прочныя. Вся человѣческая исторія разыгралась передъ ними: падали государства, вымирали цѣлые народы, а пирамиды стоятъ...

III.

Перенесемся въ Финляндію. Это—маленькая, угрюмая страна, цѣликомъ расположенная на голомъ камнѣ и усѣянная тысячами озеръ, ручьевъ и водопадовъ. Камень покрытъ тонкимъ слоемъ почвы; въ ней укрѣпились громадные и густые лѣса, тутъ и тамъ выглядываютъ голыя скалы, покрытыя только мохомъ. Населяетъ Финляндію народъ, такой же мрачный и угрюмый, какъ сама природа. Въ борьбѣ съ невзгодами онъ закалилъ свой характеръ. Онъ удобрилъ каменистую почву, покрылъ ее цвѣтущими нивами и огородами, вырубилъ, гдѣ нужно, дремучіе лѣса и въ дикомъ камнѣ пробилъ каналы, по которымъ нынѣ бѣгутъ пароходы и тащатся барки, нагруженныя всякимъ товаромъ.

Если вы когда-нибудь бывали въ Выборгѣ и хоть немного проѣхались по Сайменскому каналу, вы, вѣроятно, любовались чудными густыми лѣсами, одѣвающими его берега. Какъ они свѣжи и зелены! Кажется, будто никогда не ступала человѣческая нога на эту дѣвственную почву. Эти громадные лѣса, какъ и все въ Финляндіи, укрѣпились въ необычайно тонкомъ слоѣ почвы, подъ которою лежитъ голый камень.

Красноватый камень, на которомъ расположилась Финляндія,—гранитъ. Въ огромномъ количествѣ выламывается онъ здѣсь и развозится по всей Россіи. Въ скалѣ, которая выбрана для ломки, выбиваются въ двухъ мѣстахъ глубокія дыры или скважины, по нѣсколько саженъ въ длину. Въ скважины эти насыпаютъ пороху и вставляютъ фитиль. Даютъ сигналъ,—рабочіе поспѣшно удаляются, а фитиль зажигаютъ. Бѣда, если кто-нибудь замѣшкается

или не обратить вниманія на сигналъ: черезъ мгновеніе раздается страшный грохотъ, порохъ взрываетъ, и скала трескается. Кирками рабочіе увеличиваютъ трещины и вставляютъ въ нихъ глубокіе клинья. Тяжелымъ молотомъ ударяютъ по нимъ, и глыба отскакиваетъ. Огромными желѣзными брусьями ее опрокидываютъ на чугунныя ядра и катятъ къ берегу, а потомъ на суда. Колонны Исаакіевскаго Собора, Александровскій столбъ, гранитная набережная Невы сдѣланы изъ камня, добытаго въ Пютерлакской каменоломнѣ. Можете ли вы представить, сколько человѣческаго труда воплощено въ этихъ чудныхъ сооруженіяхъ столицы, и ка-

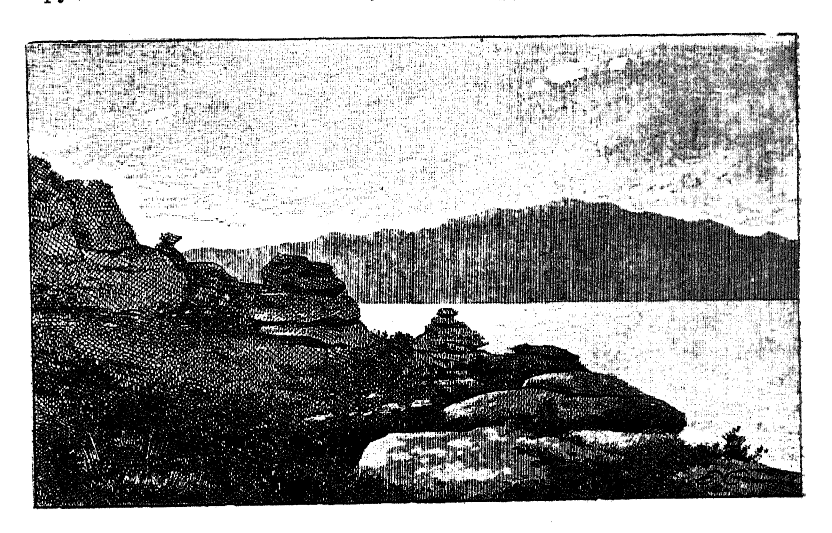

Рис. 84. Глыбы вывѣтрѣлаго гранита на берегу Колыванскаго озера на Алтаѣ. (По фотографіи Г. Г. ф. Петца).

кихъ страшныхъ усилій стоила перевозка камней, вѣсящихъ десятки тысячъ пудовъ?

Камень для Александровской колонны везли изъ Финляндіи на двухъ судахъ, которыя едва могли сдержать глыбу.

Но что трудно для человѣка, то легко совершается въ природѣ: быстро рушатся величайшія скалы и исчезаютъ съ лица земли цѣлые горные хребты.

Много, много тысячъ лѣтъ назадъ Финляндскія горы были выше и тянулись длинными хребтами. Дикія ущелья бороздили ихъ, грозныя скалы висѣли надъ пропастями...

Природа искрошила финляндскія скалы въ куски, разбила ихъ въ мелкій щебень и осколки величественныхъ утесовъ разнесла на

огромныя пространства [1]). Великія силы незамѣтно для человѣче-

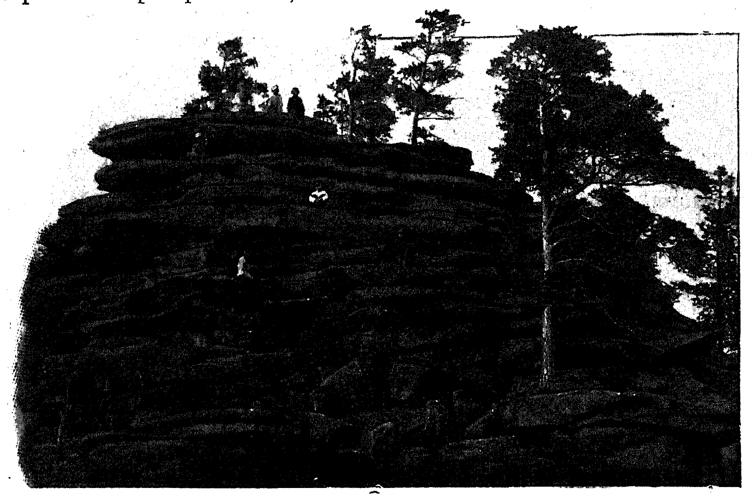

Рис. 85. Гранитная скала, распавшаяся на огромныя глыбы въ формѣ матрацовъ.

скаго глаза изо дня въ день разрушаютъ каменныя горы. Эти силы—вода и тепло, дождь и солнце, холодъ и ледъ.

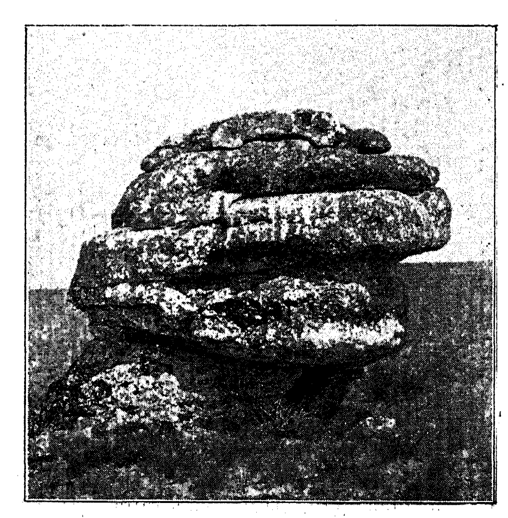

Рис. 86. Глыба разрушеннаго песчаника.

Съ ранняго утра и до поздняго вечера солнце нагрѣваетъ гранитную скалу своими жгучими лучами. Громада раскаляется и пышетъ огнемъ. Вечерѣетъ... Солнце садится за далекимъ горизонтомъ. На землю спускается ночь... Въ горахъ сыро и прохладно.

Горячій стаканъ лопается, если въ него вдругъ налить холодной воды. То же

[1]) См. книгу „Между огнемъ и льдомъ", а въ ней статью „Безмолвные странники".

самое происходитъ и съ каменною скалой. Въ холодныя ночи она трескается: тутъ и тамъ появляются на ней небольшія щели. Каждый день грѣетъ и накаливаетъ скалу солнце, а ночью скрывается за горами, и каждый день на скалѣ дѣлается все больше и больше трещинъ. Если вы живали въ Финляндіи, вамъ, вѣроятно, приходилось слышать по ночамъ трескъ, раздающійся въ лѣсной чащѣ. Это—лопаются каменныя скалы. Въ холодныя ночи, наступающія вслѣдъ за жаркимъ днемъ, этотъ трескъ напоминаетъ отдаленные выстрѣлы.

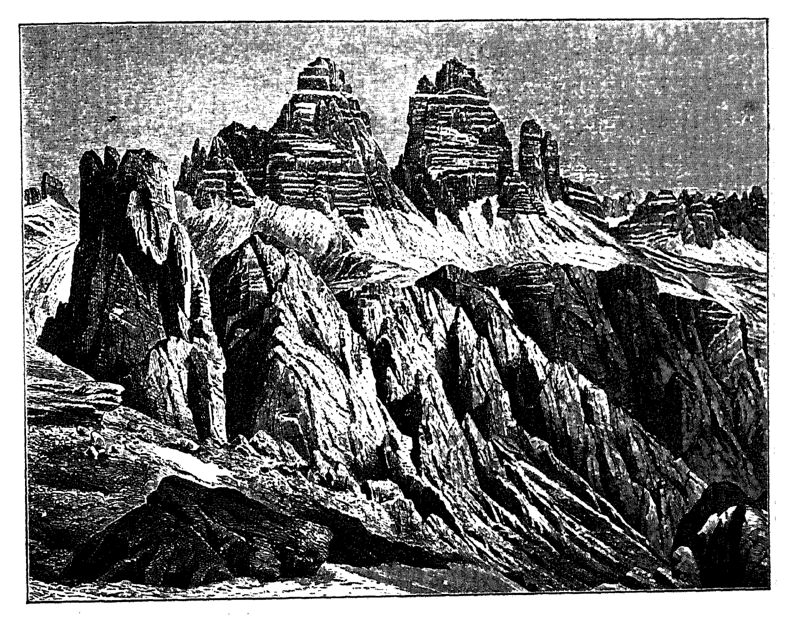

Рис. 87. Скала „Три Зуба" близъ Шлюдербаха въ Тиролѣ.

Замѣчали-ли вы какъ въ баняхъ пускаютъ паръ? Тамъ устроена жаркая духовая печь. Въ ней лежатъ большіе камни. Когда хотятъ пустить паръ, горячіе камни обливаютъ холодною водой. Вода мгновенно испаряется. А что дѣлается съ камнями? Осмотрите ихъ, когда баня холодная, и вы увидите, что они покрыты множествомъ трещинъ, а нѣкоторые совсѣмъ разсыпались въ песокъ. Камни разрушаются здѣсь отъ смѣны тепла и холода. То же происходитъ и въ природѣ.

Зимою солнце грѣетъ слабо. Но разрушеніе камней не прекращается. Работу солнца продолжаетъ морозъ.

Приходилось ли вамъ наблюдать, что дѣлается съ бутылкою, если ее крѣпко заткнуть пробкою и выставить на морозъ? Когда вода замерзнетъ, бутылка лопается съ сильнымъ трескомъ. Почему? Предлагаю сдѣлать очень простой, но интересный опытъ. Возьмите небольшую стклянку, налейте ее доверху водой, заткните пробкой, а въ пробку вставьте тоненькую стеклянную трубочку. Сверху облейте пробку сургучомъ, чтобы не осталось щелокъ. Поставьте все въ снѣгъ и наблюдайте. Вода понемногу охладится и, наконецъ, замерзнетъ. Передъ замерзаніемъ она станетъ подни-

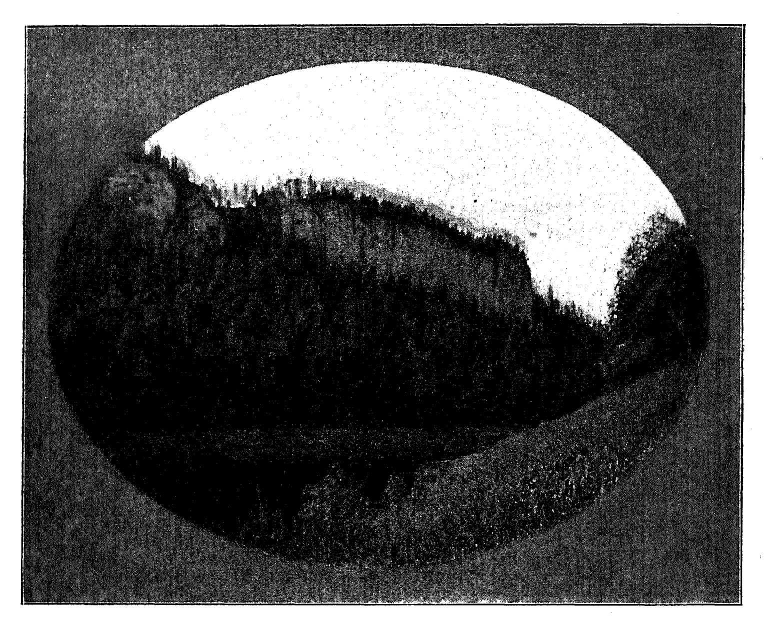

Рис. 88. Известняковая стѣна, полузаросшая лѣсомъ: „Ветланскій камень" на рѣкѣ Вишерѣ на Уралѣ.

маться по трубкѣ. Значитъ, вода, превращаясь въ ледъ, расширяется и не можетъ уже умѣститься въ стклянкѣ. Если въ бутылку не вставить трубочки, то водѣ будетъ некуда выйти. Она станетъ давить на стѣнки, и отъ этого напора бутылка лопнетъ. То, что дѣлаетъ вода съ бутылкою, дѣлаютъ водяныя капельки съ утесомъ.

Осенью во всѣ щелки гранитной скалы забирается вода. Съ наступленіемъ холодовъ она замерзаетъ и расширяется, и подъ ея напоромъ трещины увеличиваются. Растительность, одѣвающая скалы, также способствуетъ ихъ разрушенію. Лишайники и мхи

разъѣдаютъ своими корешками поверхность скалъ и разрыхляютъ ихъ въ настоящій песокъ. Въ трещины проникаютъ корни деревьевъ и, увеличиваясь при ростѣ, расширяютъ ихъ.

Непрерывно идетъ разрушеніе скалы. Крупные и мелкіе обломки поминутно свергаются внизъ и скопляются у подножія огромными кучами. У горы св. Давида въ Тифлисѣ, даже въ безвѣтреный день, слышится несмолкаемый шумъ. Это мелкіе камешки скользятъ по склонамъ горы. Въ Крыму, на Кавказѣ, въ Альпахъ долины загромождены щебнемъ и крупными обломками.

Рис. 89. Столбъ известняка: „Колокольный камень" на рѣкѣ Вишерѣ на Уралѣ.

Полуразрушенныя горы принимаютъ самыя причудливыя формы. Массивныя глыбы гранитовъ, нагромождаясь другъ на друга, создаютъ мрачныя и дикія группы. Въ Выборгѣ, въ саду Монрепо барона Николаи, вы можете видѣть дивныя картины. Передъ вами крутые обрывы, стѣны, гроты, бесѣдки, сквозь прорѣзанныя глубокими трещинами, изъ которыхъ выглядываетъ можевельникъ, ель и сосна. Чуденъ по своей дикой красотѣ уголокъ, гдѣ среди скалъ и деревьевъ ютится статуя легендарнаго финскаго пѣвца Вейнемейнена.

Особенно живописны горы, сложенныя изъ известняковъ. Эта каменная порода обладаетъ любопытною особенностью. Она лежитъ пластами или слоями. Трещины разбиваютъ ихъ на четырехугольныя плиты. При разрушеніи однѣ изъ такихъ плитъ остаются на мѣстѣ, другія разсыпаются въ мелкій щебень, который скатывается къ подножію скалы. Оттого-то разрушенныя известняковыя скалы пріобрѣтаютъ видъ древнихъ искусственныхъ построекъ. Таковы, напр., Доломитовыя горы Тироля.

Часто растрескавшіяся скалы сдерживаются только дерномъ и

корнями могучихъ сосенъ. Въ дождливую осень вода размываетъ дернъ, уноситъ землю,—и корни, оцѣплявшіе скалы, теряютъ опору. Деревья падаютъ, а скалы рушатся. Происходятъ грозные обвалы.

IV.

Проточная вода вообще довершаетъ разрушеніе скалъ. Протекая по ихъ поверхности, она разъѣдаетъ, разрыхляетъ ихъ. Разрушеніе происходитъ благодаря тому, что въ проточной водѣ почти всегда содержится углекислый газъ. Пропитанная имъ вода способна растворять многіе камни.

Такъ, напр., гранитъ легко разрушается водою. Онъ состоитъ изъ зеренъ различныхъ минераловъ. Одни изъ нихъ красныя, кирпичныя или сѣрыя, это—*полевой шпатъ;* рядомъ видны черныя чешуйки, блестящія, какъ зеркало, мягкія, если ихъ поцарапать ножемъ, это—*слюда*; наконецъ, вы находите зерна сѣроватыя, бѣлыя или совсѣмъ безцвѣтныя, прозрачныя, какъ стекло, это—*кварцъ.* Полевой шпатъ быстро разъѣдается водою; онъ теряетъ свой мясо-красный цвѣтъ, дѣлается рыхлымъ и превращается въ глину. Кусокъ гранита съ такимъ измѣнившимся полевымъ шпатомъ разсыпается. Неизмѣнившіяся зерна кварца образуютъ песокъ; слюда, распавшись въ мельчайшія чешуйки, смѣшивается съ глиной.

Въ мѣстахъ разрушенія вмѣстѣ со щебнемъ скопляются огромныя массы глины и песка. Среди нихъ громоздятся крупные обломки. Такія *каменныя розсыпи* попадаются въ горныхъ странахъ нерѣдко, особенно тамъ, гдѣ разрушеніе происходитъ съ давнихъ временъ. Наши Уральскія горы принадлежатъ къ группѣ очень древнихъ горъ, и потому каменныя розсыпи встрѣчаются тамъ на каждомъ шагу.

Проточная вода мало-по-малу сортируетъ обломочный матеріалъ. Проносясь во время дождей бурнымъ ручьемъ, она уноситъ глину и песокъ. При впаденіи въ озеро или море каждый такой потокъ роняетъ сначала песокъ, а легкія глинистыя частички уносятся дальше. Когда теченіе прекратится, и онѣ падаютъ на дно.

Медленно заполняются обломочнымъ матеріаломъ озера и мелкія моря. Многія изъ нихъ уже заполнились совершенно и превратились въ низины, покрытыя лѣсомъ, травою, занятыя лугами и пашнями. Рейнская, Ломбардская, Венгерская низменности когда-то были озерами. Каспійское море постепенно сокращаетъ свои размѣры и рано или поздно высохнетъ совсѣмъ, заполненное тѣми обломками, которые получаютъ рѣки отъ разрушенія скалъ.

Разрушительныя силы стремятся понизить все выступающее надъ поверхностью земли, разрушить горы и обломками ихъ заполнить всѣ впадины. И если бы эти силы не встрѣчали противодѣйствія, давно бы поверхность земли превратилась въ однообразную и скучную равнину.

Въ Жигуляхъ.

(Изъ записной книжки).

Кончились дни томительнаго ожиданія. Комфортабельный пароходъ, двое сутокъ замѣнявшій мнѣ гостиницу, трогается въ путь. Я безъ сожалѣнія покидаю Нижній и его сутолоку.

Тихо скользимъ мы по гладкой поверхности воды. Городъ уходитъ вдаль. На зеленыхъ обрывахъ береговыхъ горъ долго еще бѣлѣютъ кремлевскія стѣны и сверкаютъ на солнцѣ золотыя маковки церквей. Наконецъ, все пропадаетъ въ сизоватой дымкѣ тумана.

Вотъ промелькнулъ живописный, весь утопающій въ зелени Печерскій монастырь. За нимъ прошли села Высокое, Подновье, Боръ, Исады. Вотъ и знаменитый Макарьевъ — родина великаго Нижегородскаго торжища, теперь унылый и невзрачный городокъ со стариннымъ монастыремъ и рядами деревянныхъ домиковъ. Одинъ за другимъ утонули вдали городки и села.

Передо мною въ нѣмомъ величіи развертывается могучая Волга. Необъятный просторъ и мертвая тишина...

Только лѣнивый плескъ парохода нарушаетъ гробовое безмолвіе. Изрѣдка проползетъ баржа, проплыветъ буксиръ, изрѣдка промелькнетъ убогая деревушка... Я съ упоеніемъ отдаюсь созерцанію дѣвственной красоты природы. Въ душу вливается миръ и покой. Треволненія будничной жизни уходятъ куда-то вдаль. Легко дышется среди необъятнаго простора воды, полей и лѣсовъ.

Снова къ тебѣ прихожу я
Волга, родная рѣка!
Съ новою радостью чую
Свѣжій порывъ вѣтерка...
Вылѣчи сердце больное,
Волга, родная рѣка!
Вылѣчи свѣтлымъ просторомъ,
Пѣснею вѣтра живой,
Волнъ, набѣгающихъ хоромъ.
Свѣтлой живою водой...

Картины, одна другой очаровательнѣе, какъ въ волшебномъ калейдоскопѣ, смѣняютъ другъ друга. Отъ Нижняго до Казани и дальше протянулись по правому берегу Волги живописныя обнаженія «пестроцвѣтныхъ» породъ. Передъ вами высокія стѣны, прихотливо окрашенныя горизонтальными полосами бѣлаго, сѣраго и розоваго оттѣнковъ; это пласты песчаниковъ и рухляковъ, чередующихся другъ съ другомъ... Къ рѣкѣ спускаются зіяющими широкими пастями овраги и разбиваютъ гигантскую стѣну на цѣлую цѣпь куполовидныхъ холмовъ. Крутые обрывы ихъ лишены растительности. Дождевыя воды размыли ихъ здѣсь и тамъ, придали имъ форму столбиковъ, башенъ, колоннъ. Рухлякъ, распавшійся на отдѣльныя плиты, дополняетъ иллюзію; передъ вами стѣны какого-то полуразрушеннаго города, невѣдомо кѣмъ и когда возведеннаго на пустынныхъ берегахъ Волги. Внизу они засыпаны огромными кучами щебня. Тутъ и тамъ на этихъ грудахъ появилась уже растительность и живописно прикрыла пестроцвѣтный обрывъ; по склонамъ овраговъ ютятся также густыя заросли кустарника, и это чередованіе яркой растительности, пріютившейся на боковыхъ склонахъ холмомъ и у подножія ихъ, съ голыми обрывами, обращенными къ рѣкѣ, сообщаетъ чарующую прелесть всей картинѣ...

Особенно хороша она въ часъ солнечнаго заката. Высокій берегъ окутался полумракомъ надвигающейся ночи. Кое-гдѣ въ окнахъ сторожевыхъ будокъ и лачугъ зажглись свѣтлые огоньки. Но на небѣ надъ гигантскою пестроцвѣтною стѣною еще горитъ зарево заката. Огненный отблескъ льется на зеркальную поверхность Волги и окрашиваетъ воду въ нѣжно-розовый цвѣтъ. Тихо скользитъ пароходъ. Погасаютъ послѣдніе лучи... Сумракъ густѣетъ. На небѣ вспыхиваютъ звѣзды, и громадныя стѣны рухляковъ выдвигаются чернымъ прихотливо-изрѣзаннымъ силуэтомъ. Все окуталось тьмою. Вотъ протащился буксиръ, сверкая своими сигнальными огнями... И снова все стихло... На цѣлыя версты тянется окутанная мракомъ водная пустыня, а темный силуэтъ стѣны какимъ-то призракомъ выдвигается надъ нею.

Теплая ласкающая ночь спустилась надъ Волгой. Заснула природа, но не спитъ пароходъ... Мы проходимъ опасныя мели. Снизу раздаются унылые оклики: «три-три», «два съ половиной—два съ половиной!» Вымѣряя фарватеръ, осторожно двигаемся мы впередъ. Пассажиры толпятся на галлереѣ, любуясь нѣмою красотою волжской ночи, и только какая-то компанія купцовъ, возвращающихся съ ярмарки, сидитъ въ салонѣ за картами, забывъ и Волгу, и ночь, и просторъ, и ароматическій воздухъ.

Живописные обрывы, то голые, то покрытые растительностью, тянутся и за Казанью. Тутъ и тамъ Волга отходитъ отъ нихъ. Высоты смѣняются зеленѣющею низиною поймы съ песчаными

мысами и островками на краю. Мелькаютъ города, деревушки. На каждой пристани я съ компаніей попутчиковъ выхожу на берегъ, странствую по городу, дѣлаю закупки волжскихъ видовъ и провизіи и снова спѣшу на пароходъ...

Прекрасна Волга и подъ Нижнимъ, и за Казанью, но главныя прелести еще впереди. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ Жигулей...

Жигули—художественная слава Волги. Истинный волгарь преклоняется передъ ними, какъ индусъ передъ Гималаями. И въ са-

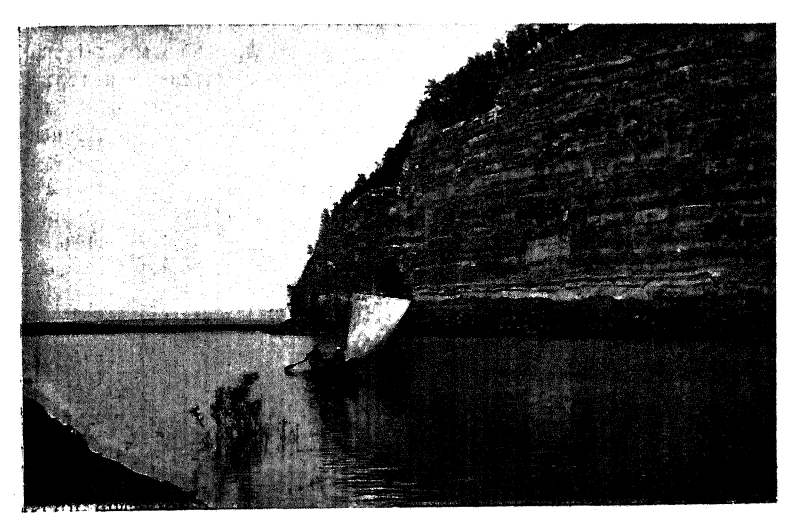

Рис. 90. Обрывы пестрыхъ мергелей по Волгѣ.

момъ дѣлѣ, на всей Волгѣ нѣтъ уголка живописнѣе и очаровательнѣе.

Раннимъ утромъ подъѣзжали мы къ с. Усолью, откуда начинаются знаменитыя горы. По берегу потянулись бѣлые обрывы, тутъ и тамъ смѣняющіеся густыми дубовыми и орѣховыми лѣсами. Несмотря на ранній часъ, всѣ пассажиры на палубѣ.

Погода хмурится. Небо одѣто облаками. Только тутъ и тамъ проглядываютъ пятна яркой лазури. Волга сверкаетъ безчисленными красками. Полосы свинцово-сѣраго, голубого и бѣлаго цвѣтовъ стелются по ея зеркальной поверхности. Мѣстами выступаютъ желтыя пятна—отраженіе прибрежныхъ песковъ.

Береговые обрывы вдругъ пропадаютъ. Передъ нами обширная долина, сплошь покрытая желтѣющими нивами. На горизонтѣ тем-

нѣетъ кайма отдаленнаго лѣса. У берега пріютилось село. Это и есть Усолье. Сейчасъ начнутся Жигули.

Каюты опустѣли. На галлереѣ всѣ мѣста заняты. Каждый ревностно охраняетъ свою скамью или стулъ. Наиболѣе предусмотрительные пассажиры расположились у столиковъ и пьютъ утренній чай. Мнѣ не сидится на мѣстѣ. Я брожу по галлереѣ взадъ и впередъ, стараясь съ разныхъ точекъ осмотрѣть живописный ландшафтъ...

Тучи расходятся. По поверхности Волги пробѣгаетъ огненный отблескъ солнечнаго свѣта. Береговыя высоты еще остаются вдали. Прямо передъ глазами разстилается низменная пойма. Края ея размыты. Всюду слѣды недавнихъ разрушеній. Молодыя деревья вырваны съ корнями и лежатъ грудами, точно скошенная трава.

Наконецъ, выплываютъ лѣсистые холмы, всѣ подернутые полумракомъ, и только въ ложбинахъ между ними сверкаютъ солнечные лучи. Это и есть Жигули...

Высокій холмъ—Караульный бугоръ — служитъ ихъ началомъ. Съ вершины его виденъ весь Симбирскъ и всѣ окрестности, верстъ на сотню кругомъ. Въ старину этотъ бугоръ былъ укрѣпленъ, и съ него наблюдали за движеніемъ враждебныхъ татаръ. Отсюда произошло и названіе.

За этимъ бугромъ сплошной стѣной потянулись горы. Волга вдругъ потемнѣла, приняла дикій и грозный видъ. Все выше вздымаются Жигули, и по сравненію съ ними Волга кажется крохотной, узкой рѣкой. Какая дивная картина! Какъ густы и свѣжи лѣса, одѣвающіе склоны, какъ прихотливы формы горъ!

Вотъ выдвигается крошечный бастіонъ, изрѣзанный глубокими трещинами и заросшій густою зеленью. За нимъ потянулась длинная сѣрая стѣна, вся иззубренная временемъ и поминутно пропадающая въ густой растительности. Это — Молодецкій курганъ. Вдоль него цѣлая цѣпь бастіоновъ. Вотъ промелькнула башня, круглая, съ трещинами. Вмѣсто зубцовъ на вершинѣ ея мрачный лѣсъ. Глазъ различаетъ въ ней черныя впадины, точно фантастическія бойницы. Башня отошла назадъ, и взамѣнъ ея выдвинулась другая—полуразрушенная. Зелень пробивается сквозь ея каменную кладку. Дальше еще стѣны и бастіоны...—Чудится вамъ, будто эти высокія горы обведены двойными рядами укрѣпленій, одни выше, массивнѣе и грознѣе другихъ. И воображеніе отказывается вѣрить, что эти фантастическія формы созданы рукою природы.

Вотъ промелькнулъ первый буеракъ—Жигулевская труба. Въ ясный день въ глубинѣ его привлечетъ ваше вниманіе оголенный спереди и плоскій наверху утесъ—Дѣвій курганъ.

Давнымъ давно, разсказываетъ волжская легенда, здѣсь у подножія горы росъ высокій дубъ. Подъ корнями его таилась дверь въ подземелье. И жили въ томъ подземельи двѣнадцать сестеръ

удалыхъ. Выходили онѣ на свѣтъ Божій воевать татарву невѣрную. Двѣнадцать лѣтъ жили богатырши. И не было имъ молодца подъ силу, не было равныхъ удальцовъ. Какъ колосъ въ полѣ валили всѣхъ молодыя дѣвы. Пришелъ наконецъ изъ русской земли калика-перехожій. Ростомъ былъ онъ малъ, бородою сѣдъ, ногами кривъ. Засмѣяли старика молодыя дѣвы и бороться съ нимъ не захотѣли. Только младшая схватилась съ каликою. И опомниться она не успѣла, какъ онъ бережно положилъ ее на шелковую мураву. За

Рис. 91. Караульный бугоръ въ Жигуляхъ.

нею вышла другая, постарше, за другой — третья. Всѣ вышли до единой, и всѣхъ поборолъ калика-перехожій.

— Гой, ты еси калика-перехожій, много ли васъ на Руси богатырей такихъ?—спрашиваютъ сестры.

— Что я за богатырь!—отвѣчаетъ старикъ.—Сами вы видите,— и сѣдъ я, и малъ, и ногами кривъ. Самый послѣдній я изъ послѣднихъ на святой русской землѣ, самый немощный изъ придорожныхъ старцевъ.

И затуманились богатырши: видно, почуяли, что придетъ сюда изъ Руси сила великая и всю землю ихъ подъ себя возьметъ.

Вотъ потянулись ярко-зеленые холмы, сплошь одѣтые густыми дубовыми, липовыми и орѣховыми лѣсами. Кое-гдѣ среди нихъ

темнѣютъ пятна хвойныхъ деревьевъ. Глубокія долины—буераки, до основанія прорѣзываютъ живописную цѣпь, а на заднемъ планѣ, въ глубинѣ этихъ ущелій виднѣются новые зеленые холмы. У подножія грудой насыпаны обломки. Кое-гдѣ у берега пріютились лачуги—землянки. Тутъ и тамъ видны каменоломни, и рядомъ дымятъ своими высокими трубами печи для обжиганія извести. Вотъ промелькнулъ обрывокъ стѣны, бастіонъ, и снова зелень, и зелень. Вотъ вдругъ выдвинулся высокій, весь растрескавшійся, полузаросшій обрывъ и рядомъ съ нимъ зеленый снизу и лысый сверху холмъ. Это—Лысая гора, чуть ли не самая крупная вершина Жигулей (120 саж.). Преданіе гласитъ, что на нее подымался Петръ Великій и на память о своемъ восхожденіи выбилъ на камнѣ число 1720. Но теперь и признаковъ нѣтъ этой надписи.

Вслѣдъ за Лысой горой Жигули раздвигаются, и передъ вами—буеракъ, пріютившій село Морквашн. Онъ весь уставленъ вѣтряными мельницами, которыя рѣзко выдѣляются своими красными верхушками на однообразномъ фонѣ желтѣющихъ нивъ. Съ правой стороны его выдвигается живописный обломокъ стѣны. Съ десятокъ лѣтъ назадъ она вздымалась высоко вверхъ, но теперь сохранился незначительный остатокъ этого обрыва, только его основаніе. Время безжалостно уничтожило его. Внизу у самой Волги грудами навалены обломки, свидѣтели происходившаго разрушенія. Въ Морквашахъ—лѣсопильный заводъ. Густые клубы дыма подымаются изъ его трубы.

Дальше опять потянулись зеленыя горы съ башнями, стѣнами и бастіонами. Солнце, закрывшееся тучами, снова выплываетъ на небо. Пятна свѣта и тѣни прихотливо чередуются другъ съ другомъ. Тутъ и тамъ на фонѣ яркой зелени рѣзко выдѣляются сѣрыя лысины. Это каменоломни. Мѣстами среди лѣса убѣгаютъ куда-то вверхъ узенькія тропинки и теряются въ густыхъ заросляхъ. Человѣкъ уже посягнулъ на жигулевскіе лѣса. Но пока рубка лѣса ведется правильно. Мѣстами мелькаютъ поляны, сплошь заваленныя великанами-деревьями, павшими подъ ударами топора. Съ парохода лѣсъ кажется мохомъ, а бревна хворостомъ, такъ далеко ѣдемъ мы отъ берега, хотя Волга и выглядитъ здѣсь узкой. Вотъ промелькнулъ третій большой буеракъ—Ширяевскій, а прямо противъ него выплылъ во всемъ своемъ дикомъ величіи Царевъ курганъ. Давнымъ давно, говоритъ легенда, проходилъ здѣсь Иванъ Грозный со своимъ войскомъ. Захотѣлъ онъ сосчитать свою рать и велѣлъ каждому воину принести по горсти земли и всѣмъ высыпать ее въ одно мѣсто. Изъ этой земли и выросъ Царевъ курганъ. Вскорѣ послѣ этого проходилъ въ этихъ мѣстахъ невѣрный царь. Захотѣлъ онъ показать, будто его войско больше рати Грознаго и велѣлъ воинамъ взять по горсти земли съ кургана. Тѣ взяли по двѣ, и все-таки курганъ остался и даже почти не уменьшился въ своихъ размѣрахъ.

За Царевымъ курганомъ Жигули кончаются, уходятъ въ сторону отъ Волги. По берегамъ тянутся лѣсистые обрывы, но въ нихъ уже нѣтъ величія Жигулей. Скоро лѣсъ и совсѣмъ исчезнетъ, уступая мѣсто необъятной степи. Мы подъѣзжаемъ къ Самарѣ.

Я не разъ ѣздилъ по Волгѣ, но никогда не приходилось мнѣ видѣть Жигулей раннею весною и позднею осенью. Говорятъ, въ это время онѣ еще величественнѣе. Вотъ какъ описываетъ ихъ путешественникъ (Н. Лендеръ), проѣзжавшій по Волгѣ весной.

«Надъ Волгой только-что занялось весеннее утро, но не робкое и ясное, а хмурое и вѣтряное. Въ небѣ тяжело плывутъ облака. Ни одного голубого клочка, ни одного просвѣта. Наканунѣ вечеромъ и ночью былъ сильный дождь. Сыро и свѣжо; туманныя дымки такъ и висятъ въ воздухѣ, застилая вершины жигулевскихъ холмовъ и заполняя всѣ долины и ущелья между ними. Шесть часовъ утра; совсѣмъ разсвѣтаетъ, но разсвѣтъ не легко дался и напоминаетъ насильственную недовольную улыбку хмураго человѣка. Волга бушуетъ, подкатывая къ пароходу огромныя волны. Одна за другой встаютъ суровыя высоты, еще не проснувшіяся послѣ свѣжей и бурной ночи и хранящія въ себѣ мракъ и холодъ. Зеленые холмы, часто поросшіе лѣсомъ, то возвышаются въ оди-

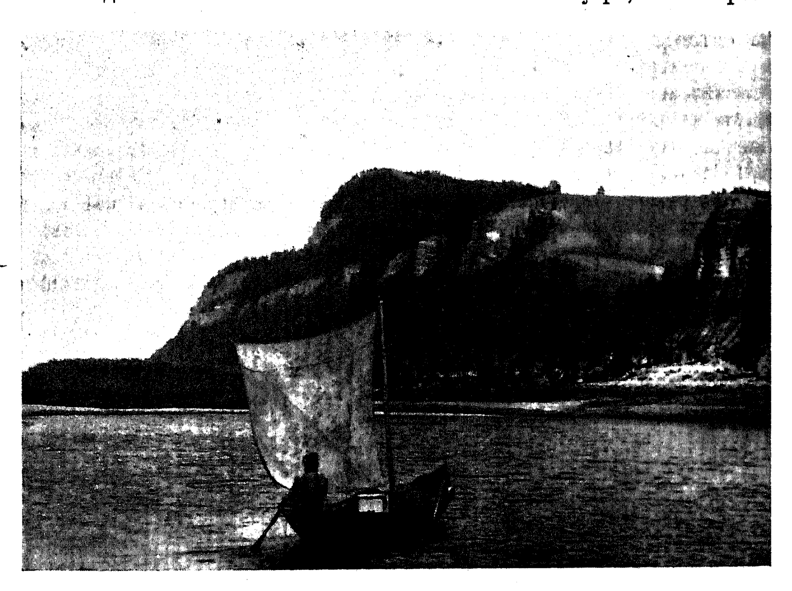

Рис. 92. Молодецкій курганъ въ Жигуляхъ.

ночку, то безпорядочно толпятся вокругъ небольшой лощины и словно выглядываютъ изъ-за плечъ другъ друга...

«Глухо шумятъ встрѣчныя волны, непрозрачныя, принявшія какой-то сѣро-свинцовый оттѣнокъ. Кругомъ сумрачно, точно осенью. Но вотъ нежданно показался между горами клочекъ свѣтлаго неба, блеснулъ одинокій солнечный лучъ, робко и задумчиво заигралъ блѣднымъ свѣтлымъ пятномъ между двумя холмами и, словно испугавшись, поблѣднѣлъ и погасъ... Мрачные холмы Жигулей дѣлаются все выше и выше. Неподражаемо убранные однимъ зеленымъ ковромъ, они выступаютъ во всеоружіи величія и красоты. Словно почуявъ это, откуда-то прорвался новый солнечный лучъ; весело и смѣло пронизалъ онъ туманный воздухъ, улыбнулся, ярко-ярко заигралъ, заблисталъ на свинцовой поверхности воды, заставивъ и ее блеснуть серебромъ. Вотъ онъ успѣлъ уже перелетѣть на ту сторону рѣки и съ противоположной стѣны Жигулей улыбается вамъ ясной улыбкой майскаго утра. За однимъ смѣлымъ лучомъ заблистали другіе. Все ожило, все проснулось. Солнечный свѣтъ разсыпался по зеленымъ стѣнамъ Жигулей и заигралъ брильянтами утренней росы на каждомъ деревѣ, на каждой травкѣ... Словно великій оркестръ природы съ мощью и силой подхватилъ случайно упавшую небесную мелодію, подхватилъ всѣми своими струнами и понесся съ ней по всей землѣ...

«На горизонтѣ, на свѣтломъ фонѣ неба зардѣлись и заблистали уже яркія золотыя тѣни на куполѣ самарскаго собора и колокольни. Назади еще свинцовыя волны и мракъ, а Самара уже вся горитъ и сіяетъ. Вотъ наконецъ солнце ворвалось въ туманъ, освѣтило встрепенувшійся лѣсъ и алымъ, пурпурнымъ отблескомъ засіяло на волнахъ съ ихъ бѣлыми пѣнящимися гребешками. На всемъ пространствѣ, вплоть до горизонта, началась причудливая игра цвѣтовъ и оттѣнковъ».

Въ старину Жигулевскія горы служили пріютомъ разбойниковъ, и, начиная съ XVI вѣка, на всей Волгѣ не было мѣста страшнѣе Жигулей. Почти всѣ атаманы волжскихъ разбойниковъ побывали здѣсь, и едва ли не каждый оврагъ или бугоръ связанъ съ воспоминаніями о нихъ. Много страху натерпѣлись здѣсь волжскіе промышленники. Говорятъ, что разбойники «жгли» попадавшихъ въ ихъ руки людей. Несчастнаго раздѣвали до гола и сѣкли зажженными вѣниками до тѣхъ поръ, пока онъ не скажетъ, гдѣ спряталъ деньги и добро. Такая операція носила названіе «жечь на вѣникахъ», и отсюда, вѣроятно, произошло названіе Жигули. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія совершалось здѣсь не мало звѣрствъ, но приблизительно съ 40-хъ годовъ разбои въ Жигуляхъ окончательно прекратились.

И до сихъ поръ Жигули—дикій и пустынный уголокъ. На всемъ 90-верстномъ протяженіи ихъ не болѣе пяти-шести посел-

ковъ. Въ лѣсной чащѣ въ изобиліи водятся медвѣди, лисицы, волки, зайцы, бѣлки, а изъ птицъ—дикія утки, бекасы и др. Въ нѣдрахъ горъ заключены многія минеральныя богатства. Въ настоящее время здѣсь добывается сѣра и желѣзный колчеданъ, ломается известнякъ и гудронный (смолистый) песчаникъ, который служитъ для добычи асфальта. Большая часть Жигулей составляетъ собственность графа Орлова-Давыдова.

Мнѣ пришлось еще разъ увидѣть Жигули. Доѣхавъ только до Саратова, я принужденъ былъ прервать свое путешествіе, и тою же дорогой отправился назадъ. Предо мною прошли дивныя картины Волги въ обратномъ порядкѣ. Мы проѣзжали Жигули вечеромъ, и я имѣлъ возможность любоваться ими при новомъ освѣщеніи. Солнце уже садилось, когда мы миновали Морквашки. Облака отливали золотомъ и серебромъ. Волга подернулась легкою рябью. Впереди громоздились гиганты Жигулей. Слѣва выплывалъ блѣдный серпъ луны. Отдаленные силуэты горъ заволакивались уже туманомъ и, когда вдали показались очертанія Караульнаго бугра, погасли послѣдніе лучи. Темная звѣздная ночь окутала Волгу...

Черезъ два дня я былъ уже въ Нижнемъ и, быстро обѣжавъ еще разъ ярмарку, мчался на поѣздѣ въ Петербургъ.

Прошло пять лѣтъ и мнѣ снова привелось увидѣть Жигули. На этотъ разъ я рѣшилъ проѣхать Самарскую луку на лодкѣ. Такъ какъ грести противъ теченія трудно, то мнѣ показался наиболѣе удобнымъ тотъ путь, которымъ обыкновенно пользуются жители города Самары. Они спускаются внизъ по Волгѣ до села Переволокъ (см. карту на рис. 93), затѣмъ на особыхъ дрогахъ перевозятъ лодку сухимъ путемъ до р. Усы, Усой спускаются до Молодецкаго кургана и по Волгѣ возвращаются въ Самару. Это называется «ѣхать въ кругосвѣтку». Путь этотъ старинный, и открытъ онъ не самарцами: такъ обыкновенно ѣздили волжскіе разбойники, при чемъ отъ Переволокъ до Усы они тащили лодку «волокомъ». Отсюда произошло и названіе села.

Подобравъ компанію попутчиковъ [1]), я заручился лодкой съ хорошимъ проводникомъ. Взявъ съ собою запасъ провизіи на нѣсколько дней, мы около полудня 19 іюня выѣхали изъ Самары [2]). Главный фарватеръ мнѣ былъ хорошо извѣстенъ изъ многочисленныхъ поѣздокъ на пароходѣ, а потому мы переправились на противоположный берегъ и плыли воложками среди живописныхъ заросшихъ зеленью острововъ и обширной поймы.

---

[1]) Моими попутчиками были три реалиста (изъ нихъ двое только-что окончившіе курсъ) и одна гимназистка.

[2]) Болѣе подробное описаніе этой поѣздки см. въ моей книжечкѣ „Пять дней въ лодкѣ“. Изд. П. В. Луковникова.

Переночевавъ въ деревнѣ, носящей нѣсколько неожиданное для насъ названіе Рязани, мы рано утромъ тронулись въ дальнѣйшій путь и около семи часовъ утра были уже у Переволокъ. Пока приготовлялись дроги, мы отъѣхали на середину Волги, вышли на песчаный островокъ и здѣсь выкупались. На обратномъ пути я уронилъ въ Волгу мою златоустовскую стальную тросточку. Мѣсто было не особенно глубокое, и я былъ увѣренъ, что ее удастся вытащить. Выѣхали рыбаки съ баграми и сѣтями, но всѣ поиски оказались напрасными. По дну Волги стремительно несется песокъ, и въ какія-нибудь десять минутъ моя тросточка была погребена въ его массѣ. Я утѣшалъ себя мыслью, что ей не суждено погибнуть. Въ толщахъ песка на днѣ Волги она несомнѣнно превратится въ руду, а впослѣдствіи, когда здѣсь образуется островокъ, кто-нибудь выкопаетъ ее и долго будетъ ломать голову, рѣшая, почему руда имѣетъ такую правильную форму.

Между тѣмъ дроги были готовы. Они оказались очень длиннымъ экипажемъ, въ который была запряжена пара лошадей... Въ лодкѣ остался только нашъ проводникъ, а всѣ мы вышли на берегъ. Дроги были введены въ Волгу и совсѣмъ скрылись подъ водой. Лодка въѣхала на нихъ и была вытащена на берегъ.

До Усы не болѣе часа ѣзды. Мы прошли этотъ путь пѣшкомъ, а за нами тихо двигались дроги. Уса оказалась маленькой рѣчкой съ очень красивыми полузаросшими берегами. Была уже середина іюня, и вода стояла въ ней низко. Вотъ почему самарцы предпочитаютъ ѣздить «въ кругосвѣтку» раннею весной, во время половодья.

Спустивъ лодку, мы разсчитались съ крестьянами, доставившими насъ сюда, и поѣхали дальше. Рѣка Уса удивительно живописна. Густые камыши и ольховыя заросли сопровождаютъ ее на всемъ протяженіи. Кругомъ мертвая тишина, нарушаемая только крикомъ птицъ и плескомъ воды. Теченіе рѣки тихое, и поверхность ея кажется зеркальною. На всемъ двадцативерстномъ протяженіи, почти до самаго устья не замѣтно никакихъ признаковъ человѣческаго жилья. Только верстахъ въ пяти отъ мѣста впаденія Усы въ Волгу находится деревня Жигулиха, да и та лежитъ въ сторонѣ отъ рѣки.

Чтобы облегчить движеніе лодки, которая то и дѣло врѣзалась въ песокъ, мы много разъ выходили на берегъ, оставляя грести кого-нибудь одного. Наконецъ эти безчисленныя остановки прискучили намъ. Мы рѣшили раздѣлиться на двѣ партіи: двое поѣдутъ въ лодкѣ, трое вмѣстѣ съ проводникомъ пойдутъ пѣшкомъ. Обѣ партіи должны встрѣтиться у большой дороги, ведущей къ Жигулихѣ... Я примкнулъ къ пѣшеходамъ. Было часовъ шесть вечера, когда мы тронулись въ путь; предполагалось, что къ восьми часамъ мы сойдемся... Но расчеты наши не оправдались.

Мы шли лѣсомъ уже три часа. Сильно темнѣло, а рѣка, ушед-

шая отъ насъ въ сторону, такъ и не показывалась. Мы кричали, но отвѣтовъ не было. Рѣка дѣлаетъ огромныя извилины, уклоняясь то въ ту, то въ другую сторону. Очевидно, наши спутники были далеко и не слышали нашихъ криковъ.

Къ десяти часамъ вечера мы достигли землянки, которая пріютилась на берегу рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ ней подходитъ дорога, соединяющая Жигулиху съ Усольемъ. Такъ какъ на рѣкѣ нѣтъ ни моста, ни парома, то конные переправляются въ бродъ, а пѣшіе ѣдутъ на лодкахъ. Въ землянкѣ живутъ перевозчики...

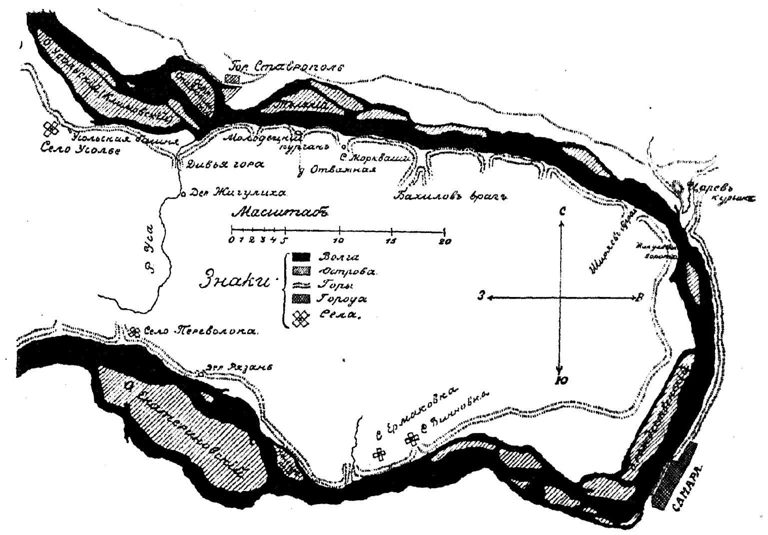

Рис. 93. Планъ Самарской луки. (Масштабъ выраженъ въ верстахъ).

Остановиться у нихъ оказалось невозможнымъ: въ убогомъ жилищѣ было тѣсно, сыро и душно.

Усѣвшись на берегу, мы стали ждать товарищей. Спустилась черная южная ночь. На небѣ ярко засіяли звѣзды. Надъ рѣкою поднимался туманъ. Становилось холодно. Главная бѣда заключалась въ томъ, что въ лодкѣ остались всѣ съѣстные припасы, чайникъ, посуда, лишняя одежда. Насъ мучили жажда и голодъ. Доѣдутъ ли наши спутники къ ночи? Или имъ наскучило болтаться по длиннымъ излучинамъ рѣки, и, рѣшивъ, что встрѣча уже невозможна, они остановились гдѣ-нибудь на ночлегъ? Возможно, что они даже выбились изъ силъ, или, что еще хуже, проглядѣли землянку и уѣхали дальше. Мы кричали, но отвѣта попрежнему не было. Вѣтеръ дулъ съ рѣки и относилъ наши крики въ Жигулиху.

Стало быть, кричать безполезно. Мы зажгли большой костеръ и усѣлись около него грѣться. Нашъ проводникъ вытащилъ изъ-за пазухи хлѣбъ и предложилъ подѣлиться съ нами. Онъ былъ до приторности теплъ и влаженъ отъ пота. Но мы не ѣли ничего съ утра и принялись уничтожать этотъ хлѣбъ съ большимъ аппетитомъ.

Вдругъ послышался отдаленный выстрѣлъ. Несомнѣнно это — наши: у нихъ было ружье. Мы стали кричать еще сильнѣе, и на этотъ разъ услышали отвѣтъ. Черезъ четверть часа лодка подъѣхала къ берегу. Но былъ уже двѣнадцатый часъ. О путешествіи въ Жигулиху нельзя было и мечтать. Да и, Богъ знаетъ, нашли ли бы мы тамъ порядочный ночлегъ?

Мы рѣшили ночевать у костра. Правда, ночь обѣщала быть очень холодной, но дождя не предвидѣлось. Совершивъ нашу скромную трапезу и напившись чаю, мы легли спать. Почти всѣ мои спутники поѣхали налегкѣ безъ запаса теплой одежды. Имъ пришлось жестоко страдать отъ холода Да и кромѣ того,—провести вторую ночь, не снимая съ себя одежды, было тягостно. Тѣмъ не менѣе послѣ длиннаго пѣшаго перехода и испытанныхъ волненій, я заснулъ богатырскимъ сномъ.

На другой день всѣ проснулись рано. Рѣшено было отправиться на Караульный бугоръ и оттуда полюбоваться Волгой и Жигулями. Прогулка была слишкомъ заманчивой. Тѣмъ не менѣе одинъ изъ нашихъ спутниковъ вмѣстѣ съ лодочникомъ-проводникомъ предпочелъ остаться у костра. Такъ какъ наши съѣстные припасы подходили къ концу, то мы просили оставшихся сходить въ Жигулиху и закупить провизіи.

Взваливъ на плечи наши дорожные мѣшки, мы переправились на противоположный берегъ, долго брели поймой рѣки, потомъ попали въ большую деревню, — если не ошибаюсь — «Усладу» и наконецъ вышли на большую дорогу, красиво усаженную съ той и другой стороны дубами, кленами и тополями. Мѣстность представляетъ однообразную равнинную степь, по большей части распаханную и засѣянную хлѣбомъ. Тутъ я воочію убѣдился, что Жигули—не горы, а крутой обрывистый край высокой каменной глыбы, заполняющей все пространство Самарской луки... Проточная вода размыла его, во многихъ мѣстахъ прорѣзала глубокими оврагами, склоны которыхъ давно заросли лѣсомъ. Съ Волги Жигули представляются въ видѣ цѣпи коническихъ горъ съ притупленными верхушками, но если бы мы взобрались на нихъ, то не нашли бы спуска въ другую сторону: степь, слабо наклоненная къ югу, привела бы насъ къ противоположному берегу луки.

Весь путь до Караульнаго бугра былъ около 15 верстъ, и половину его мы прошли благополучно. Между тѣмъ небо, пасмурное съ самаго утра, заволоклось черными тучами, послышался отда-

ленный громъ, и вдругъ разверзлись всѣ хляби небесныя: хлынулъ такой ливень, что всѣ мои спутники, одѣтые въ легкое платье, въ одно мгновеніе промокли до послѣдней нитки. Особенно пострадала наша спутница—гимназистка: платье ея плотно прилипло къ тѣлу и мѣшало итти, туфельки такъ размокли, что ихъ пришлось бросить. Я былъ въ высокихъ сапогахъ и имѣлъ съ собою два дождевыхъ плаща: одинъ съ рукавами былъ надѣтъ внизу, а другой — безъ рукавовъ — снаружи. Такимъ образомъ, для воды я оказался неуязвимымъ. Кругомъ не было и слѣдовъ человѣческаго жилья. Укрыться негдѣ. И поневолѣ, не взирая на ливень, пришлось итти

Рис. 94. Царевъ курганъ въ Жигуляхъ.

и итти. Ливень былъ непродолжителенъ, но онъ лишилъ насъ возможности немедленно привести въ исполненіе принятый планъ. Пришлось свернуть въ сторону, зайти въ Усолье, чтобы обсушиться.

Это заняло не мало времени. Видъ нашъ былъ до того жалокъ, что мы не рѣшились пройти всю усольскую улицу: вниманіе прохожихъ и ихъ замѣчанія конфузили насъ. На краю села ютились все бѣдныя избы, но среди нихъ нашлась одна, только-что отстроенная. Сообразивъ, что въ богатый домъ насъ, грязныхъ и промокшихъ, пожалуй, и не пустятъ, мы рѣшили здѣсь остановиться. Хозяева встрѣтили насъ радушно. Промокшее платье было снято и повѣшено сушиться. Я предложилъ спутникамъ запасъ моего

бѣлья. гимназистка одѣлась въ добытый у хозяевъ сарафанъ. Въ такомъ преобразованномъ видѣ мы усѣлись за ѣду. Тѣмъ временемъ взошло солнце и, пока мы пили чай, платье высохло. Поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ за пріемъ и расплатившись за чай, хлѣбъ и молоко, мы въ 4 часа вечера вышли изъ села и направились къ Караульному бугру.

Подъемъ невеликъ и не труденъ. На вершинѣ горы устроена башня, которая въ народѣ слыветъ подъ названіемъ «Усольской вышки». Видъ изъ нея роскошный. И городъ Ставрополь, и пойма противоположнаго берега съ островками и воложками, и длинныя излучины Волги, и первые великаны Жигулей,—все видно отсюда, какъ на ладони. Волжская вольница не могла выбрать болѣе удобнаго сторожеваго пункта.

Къ сожалѣнію, мы не могли долго отдаваться созерцанію красотъ природы. Было поздно, а намъ, порядочно утомленнымъ, предстоялъ обратный пятнадцативерстный путь.

Назадъ мы шли благополучно. Посреди дороги насъ догналъ крестьянинъ, ѣхавшій на телѣгѣ. Онъ обратился къ намъ съ просьбой дать совѣтъ по дѣлу о наслѣдствѣ. Дѣло это оказалось настолько запутаннымъ, а объясненія нашего собесѣдника столь невразумительными, что мы рѣшительно ничего не поняли. Но встрѣча эта имѣла свою хорошую сторону. Занятые разговоромъ, мы и не замѣтили, какъ подошли къ деревнѣ.

Когда мы распрощались съ нашимъ спутникомъ, было уже совсѣмъ темно. Между тѣмъ намъ предстояла самая трудная часть пути—пойма рѣки Усы, по которой надо пробираться тропинками среди густыхъ зарослей камыша. Тутъ только мы сообразили, что послѣдствія ливня для насъ еще неисчерпаны. Что если пойма сплошь залита водой, и тропинки затоплены? Возможно ли при такихъ условіяхъ, да еще впотьмахъ, добраться до костра?

Наши опасенія оказались не напрасными. Пойма была неузнаваема. Надъ нею стоялъ густой туманъ. Поминутно встрѣчались огромныя лужи. И мы скоро потеряли дорогу. Положеніе получилось досадное. Куда бы мы ни пошли, вездѣ грязь, вода, непроходимыя трясины. Костеръ совсѣмъ близко. Яркою точкой сверкаетъ онъ сквозь туманъ: видны даже густые клубы дыма, испускаемаго имъ. А какъ къ нему попасть? Ужасъ охватилъ насъ при мысли, что мы, усталые, промокшіе, голодные, принуждены будемъ ночевать здѣсь въ сырой поймѣ, не имѣя возможности даже прилечь..

Но судьба не была къ намъ жестокой. Тропинку удалось найти, и мы добрались до берега рѣки. Тутъ опять огорченіе. Стали мы звать лодку Никакого отклика. Стрѣляли изъ ружья: отвѣта нѣтъ. Мы уже предвкушали блаженство съѣденія курицы, которую навѣрное раздобыли наши спутники,—и вдругъ опять полная не-

извѣстность и безплодныя ожиданія. Только минутъ черезъ двадцать лодка подъѣхала. Лодочникъ оказался порядочно выпившимъ, а оставшійся съ нимъ спутникъ спалъ блаженнымъ сномъ.

Отъ лодочника мы, къ глубокому прискорбію, узнали, что въ Жигулихѣ никакой провизіи достать не удалось Купленъ былъ хлѣбъ и немного яицъ.

Добравшись до костра, мы съ наслажденіемъ повалились на холодную и мокрую землю, разостлавъ предварительно клеенчатые плащи. Всѣмъ пришлось тѣсниться на томъ небольшомъ пространствѣ, которое они прикрывали... Бѣлье на насъ было мокро отъ пота, и мы рисковали простудиться. Нужно было переодѣться. Въ холодную ночь подъ открытымъ небомъ, это — пренепріятная операція. Прежде всего надо было стащить промокшую обувь. Особенно трудно пришлось съ моими сапогами, которые слѣзли съ ногъ только послѣ невѣроятныхъ усилій. Развѣсивъ ихъ на вбитыхъ въ землю палкахъ сушиться, я перемѣнилъ у костра бѣлье, надѣлъ штиблеты и, напившись чаю, легъ спать. Но, несмотря на усталость, спалось плохо. Плащи ушли на подстилку, а въ лѣтнемъ пальто было слишкомъ холодно. Еще до разсвѣта мы поднялись и стали ждать восхода солнца. . Когда наконецъ оно взошло, мы, пригрѣтые его лучами, снова улеглись спать.

Часовъ въ десять мы тронулись въ дальнѣйшій путь. Рѣка сдѣлалась еще интереснѣе. Начались Жигули. Мы сошли съ лодки у Дивьей горы. Она поднимается надъ рѣкою въ видѣ высокой и совершенно голой стѣны, у подножія которой лежатъ груды обломковъ. Я взялъ образчики горныхъ породъ, ее слагающихъ, и между прочимъ нашелъ здѣсь въ пустотахъ известняка превосходныя друзы [1]) известковаго шпата. Чтобы замѣнить потерянную тросточку, я вырѣзалъ себѣ орѣховую палку и потомъ выжегъ на ней надпись: «Жигули, 1904». Любопытно, что нигдѣ до сихъ поръ мы не встрѣчали змѣй. По народному повѣрію, ихъ заклялъ Степанъ Тимоѳеевичъ, и потому онѣ здѣсь не водятся.

За Дивьей горой вздымается рядъ живописныхъ утесовъ, но узнать ихъ названія не удалось: народъ уже началъ забывать географію Жигулей, которая до сихъ поръ никѣмъ еще не записана. Теперь только немногіе старики помнятъ всѣ названія горъ и знаютъ всѣ связанныя съ ними преданія.

Скоро показался и Молодецкій курганъ. Его отдѣляла отъ насъ широкая пойма, и тѣмъ не менѣе онъ производилъ величественное впечатлѣніе. Скалы, которыя съ парохода кажутся крохотными бастіончиками, вздымались въ видѣ огромныхъ утесовъ. Обогнувъ пойму, мы выѣхали въ Волгу и подошли къ самой горѣ. Здѣсь я

---

[1]) Друза—группа сросшихся вмѣстѣ кристалловъ. См. книжку А. П. Нечаева „И камни живутъ".

убѣдился, что пѣшкомъ пройти Жигули невозможно. Отвѣсные обрывы ихъ спускаются прямо въ Волгу, которая въ такихъ мѣстахъ очень глубока. Со стороны рѣки Молодецкій курганъ неприступенъ, да и подъѣхать къ нему можно только съ большою осторожностью, такъ какъ подъ водою скрываются острые камни. Чтобы не наскочить на нихъ и не повредить лодку, намъ приходилось держаться подальше отъ берега.

Въ этотъ день мы проѣхали не больше тридцати верстъ. Но зато дорога была дивно хороша. Для обѣда мы высадились у самаго подножія гигантскаго утеса, густо заросшаго лѣсомъ, и развели костеръ подъ тѣнью старыхъ дубовъ. Здѣсь я собралъ много превосходныхъ экземпляровъ кремня, который довольно часто попадается въ жигулевскихъ известнякахъ. Выломанные мною образчики известняка тоже были интересны: въ нихъ я замѣтилъ превосходно сохранившіеся остатки древнихъ коралловъ... Милліоны лѣтъ назадъ не было ни Волги, ни Жигулей. На ихъ мѣстѣ шумѣли морскія волны. На днѣ моря, какъ и теперь, скоплялись раковины и другіе твердые остатки, напр., иглы морскихъ ежей, части морскихъ лилій и т. п. Кораллы, которые строятъ теперь острова въ тропическихъ моряхъ, водились тогда повсемѣстно. На мѣстѣ нынѣшнихъ Жигулей взымались, надо полагать, воздвигнутые ими рифы. Волны своими ударами дробили ихъ, обломки разносили по дну моря и, наконецъ, разрушили ихъ совсѣмъ. Между тѣмъ, морское дно стало подниматься. Море исчезло. Скопившіеся на днѣ его раковины и другіе животные остатки превратились въ плотный известнякъ, который теперь выдвинулся на дневной свѣтъ. Прошли еще милліоны лѣтъ. Поверхность известняка прорѣзалась глубокими трещинами. По этимъ трещинамъ стала медленно опускаться длинная и узкая полоса суши (рис. 95). И при ея опусканіи кругомъ содрогалась земная кора,—происходили сильныя землетрясенія [1]...

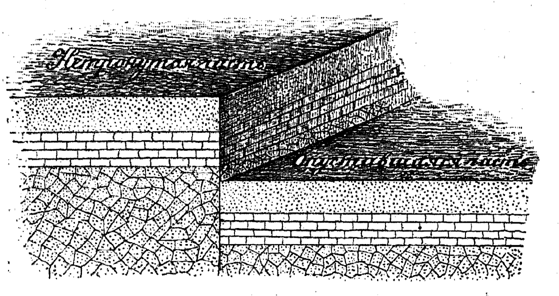

Рис. 95. Схема праваго берега Волги въ Самарской лукѣ: въ разрѣзѣ видны пласты горныхъ породъ; по опустившейся части земной коры течетъ Волга; нетронутая часть образуетъ Жигули.

[1]) Объ опусканіяхъ суши и образованіи горъ см. въ моей книгѣ „Между огнемъ и льдомъ“ статью „Въ мірѣ міровъ“.

Еще пробѣжали тысячи вѣковъ, и на мѣстѣ прежняго моря протянулось длинное и дикое ущелье, обставленное по бокамъ отвѣсными обрывами известняковъ, и въ это ущелье устремилась рѣка Волга. Вода дождей и ручьевъ, скатываясь съ обрывовъ скалъ, промыла глубокіе овраги — буераки, и на склонахъ ихъ мало-помалу появилась лѣсная растительность. Такъ возникли Жигули. Человѣкъ засталъ только конецъ ихъ длинной исторіи, начало же ея теряется во тьмѣ вѣковъ. Накопленіе жигулевскихъ известняковъ на днѣ моря происходило въ то отдаленное отъ насъ время, когда поверхность земли была покрыта лѣсомъ гигантскихъ папоротниковъ, хвощей и плауновъ, давшихъ начало каменному углю.

Вся длинная исторія Жигулей проносилась въ моей головѣ, когда я разсматривалъ собранные мною образчики известняковъ. А сколько свѣтлыхъ умовъ поработало надъ тѣмъ, чтобы раскрыть эту исторію! Сколько потребовалось усидчиваго труда, чтобы изучить эти камни, выбрать изъ нихъ хорошо сохранившіеся остатки животныхъ и по нимъ, какъ по книгѣ, прочитать прошлое Жигулей.

Но нельзя было долго предаваться мечтамъ. Мы торопились и даже взяли чай въ лодку, чтобы не терять драгоцѣннаго времени и къ ночи попасть въ Бахиловъ Врагъ. По полученнымъ свѣдѣніямъ, въ этомъ буеракѣ находится домикъ лѣсника, и тамъ можно съ удобствомъ остановиться на ночлегъ. Мы миновали крохотную деревушку Отважную и вечеромъ были у Морквашей. Здѣсь мы все-таки остановились, чтобы осмотрѣть каменоломни и подняться на скалу, которая вздымается съ правой стороны буерака.

Къ ночи мы были въ Бахиловомъ оврагѣ. Лѣсникъ принялъ насъ радушно, и домъ его показался мнѣ чѣмъ—то въ родѣ очень порядочнаго швейцарскаго отеля. Чистенькія комнаты, на окнахъ цвѣты и занавѣски, недурная мебель,—все это было для насъ полною неожиданностью. Намъ отвели наверху просторную комнату, на полу которой были постланы постели. Послѣ двухдневной ночевки около костра все то, что мы встрѣтили у лѣсника, показалось намъ верхомъ комфорта, и особенно было пріятно раздѣться и лечь въ мягкую и чистую постель. Но полное блаженство едва ли возможно въ этомъ мірѣ,—и потому мы всю ночь жестоко страдали отъ блохъ, черезчуръ уже многочисленныхъ въ этомъ прекрасномъ домѣ.

На слѣдующій день насъ постигло еще одно бѣдствіе. Мы проѣхали уже Хохлатскій Рынокъ и приближались къ Ширяеву. Вдругъ небо, и безъ того пасмурное, сдѣлалось совсѣмъ чернымъ. На горизонтѣ поднялись темныя тучи пыли. Зная по опыту, чѣмъ можетъ все это кончиться, я распорядился ѣхать къ берегу. Гребли изо всѣхъ силъ. Уже упало нѣсколько крупныхъ капель дождя. Волга потемнѣла. Еще нѣсколько ударовъ веселъ, и мы у берега. И какъ бы разсвирѣпѣвъ на потерянную добычу, Волга бѣшено заревѣла.

Поднялись грозныя волны и съ яростью бросились на берегъ. Хлынулъ ливень. Но мы были подъ защитой старыхъ дубовъ. Черезъ нѣсколько мгновеній все кончилось,—Волга успокоилась, но всюду у береговъ были замѣтны слѣды громадныхъ разрушеній: выброшенныя на берегъ бревна, доски, вырванные съ корнемъ кусты, поломанные сучья и т. п. Этой остановкой мы воспользовались, чтобы пообѣдать. У встрѣтившагося случайно рыбака было куплено за пятнадцать копѣекъ десятка два превосходной стерляди. Изъ нея мы сварили въ чайникѣ уху, которую и съѣли съ большимъ аппетитомъ.

Въ Ширяевѣ мы остановились только на минуту, чтобы купить папиросъ и хлѣба... Моимъ спутникамъ уже прискучила поѣздка, и всѣ спѣшили сегодня же добраться до Самары. Поэтому намъ не привелось побывать на Царевомъ курганѣ. Говорятъ, что на вершинѣ его устроена башня, изъ которой открывается отличный видъ на окрестность.

За Жигулевскими воротами (такъ называется самое узкое мѣсто въ Жигуляхъ) горы ушли отъ берега, и мѣсто ихъ заняли обширныя поймы, мели и острова. Зато съ лѣвой стороны потянулись живописные утесы. Съ парохода они не производятъ впечатлѣнія, но теперь, когда мы ѣхали прямо у ихъ обрывовъ, мы не могли вдоволь налюбоваться ихъ красотою.

Въ двадцати верстахъ выше Самары существуетъ пещера. По словамъ однихъ она украшена сталактитами, по словамъ другихъ стѣны ея покрыты толстымъ слоемъ инея. Мнѣ очень хотѣлось посѣтить эту пещеру, и спутники мои на это согласились. Лодочникъ хорошо зналъ ея мѣстоположеніе, и мы остановились какъ разъ у входа. Чернымъ пятномъ зіяетъ онъ высоко надъ Волгой, и добраться до него можно по очень крутой каменной осыпи. Поднявшись вверхъ, мы влѣзли въ узкое треугольное отверстіе и зажгли взятыя съ собой свѣчи. Мы были въ просторномъ гротѣ. Стѣны его мѣстами покрыты тонкимъ налетомъ инея. Несмотря на тщательные поиски боковыхъ ходовъ, мы не нашли ихъ и, такъ какъ въ гротѣ было нечего больше дѣлать, отправились назадъ.

Выйдя на дневной свѣтъ, мы были поражены дивнымъ видомъ, который передъ нами развернулся. Сверху обрывъ казался еще круче,—и прямо подъ нашими ногами текла Волга. Къ сожалѣнію, пошелъ дождь, и мы поспѣшили спуститься, пока осыпь не успѣла еще сдѣлаться скользкой.

Когда мы сѣли въ лодку, дождь сталъ усиливаться и скоро превратился въ настоящій ливень, который уже не прекращался во все время нашего пути. Всѣ промокли насквозь. Наступила холодная ночь. Только гребцы находились въ лучшемъ положеніи. Остальные дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Спутница наша совсѣмъ посинѣла отъ холода. Я боялся, что она уже простудилась и же-

стоко поплатится за прогулку въ Жигули. И выхода изъ нашего положенія не предвидѣлось. До Самары оставалось болѣе десяти верстъ, а остановиться на ночлегъ раньше было негдѣ, да никто и не хотѣлъ останавливаться...

Пріѣхали мы въ Самару въ первомъ часу ночи, голодные, промокшіе и озябшіе. Если бы мы въ такомъ видѣ вернулись днемъ, то привлекли бы къ себѣ всеобщее вниманіе. Но въ такой поздній часъ мирные обыватели города уже спали, и мы могли незамѣтно добраться до своихъ жилищъ.

На пристани насъ поразили слѣды грозныхъ разрушеній, произведенныхъ сегодняшнею бурею. Купальня повреждена. Вездѣ груды обломковъ. Распрощавшись со своими спутниками, я сѣлъ на извозчика и черезъ пять минутъ былъ уже въ комфортабельной гостиницѣ, гдѣ оставались мои вещи и былъ припасенъ номеръ. Пріятно было надѣть чистое и сухое бѣлье и лечь въ мягкую постель.

На другой день я увидѣлъ моихъ спутниковъ веселыми и здоровыми... Въ четыре часа дня я сѣлъ на пароходъ, идущій вверхъ по Волгѣ, и рѣшилъ ѣхать безъ остановокъ до Рыбинска.

Жигули еще разъ прошли предо мною. Теперь они были чѣмъ то мнѣ близкимъ и роднымъ. Я внимательно всматривался въ нихъ, отыскивая знакомые уголки, гдѣ мы останавливались, разводили костеръ и устраивали нашу скромную трапезу. Проѣзжая Бахиловъ Врагъ, я мысленно послалъ привѣтъ его радушнымъ хозяевамъ, а любуясь Молодецкимъ курганомъ вспомнилъ нашу двухдневную ночевку у костра и богатое приключеніями путешествіе на Усольскую вышку.

Подземные дворцы.

I.

Въ штатѣ Кентукки, близъ города Луизвиля, раскинулся среди холмовъ дубовый лѣсъ. Какъ-то, въ началѣ минувшаго столѣтія, гонялся здѣсь одинъ охотникъ за медвѣдемъ. Увлеченный преслѣдованіемъ, онъ шелъ все дальше и дальше и, наконецъ, забрался въ непроходимую чащу... Раненый медвѣдь бросился въ кусты. Раздвинувъ осторожно вѣтви, охотникъ нашелъ за ними небольшой холмъ, въ которомъ виднѣлась узкая щель.

— А, туда, значитъ, и спрятался разбойникъ! — И, не долго думая, смѣльчакъ полѣзъ въ дыру. Ощупавъ карманъ, онъ нашелъ въ немъ огарокъ. Щель уходила куда-то вдаль. Кругомъ была тьма. Доставъ свѣчу, охотникъ зажегъ ее и, согнувшись, побрелъ по длинной и узкой галлереѣ. Карабкаясь по грудамъ камней, а коегдѣ пробираясь и ползкомъ, онъ скоро достигъ обширной залы, своды которой терялись въ темнотѣ. Далѣе тянулись новые коридоры и вели въ другіе гроты. Подъ землею былъ цѣлый дворецъ. Тутъ и тамъ на пути зіяли глубокія трещины, виднѣлись бездонныя пропасти...

Какъ очарованный, бродилъ охотникъ по подземелью. Онъ забылъ и о медвѣдѣ, который уже успѣлъ скрыться, и о голодѣ, который его мучилъ, и о возвращеніи домой. Такого чуда онъ не думалъ найти здѣсь. Внимательно всмотрѣвшись въ стѣны и дно грота, онъ нашелъ большіе куски селитры [1]), въ которой тогда Америка очень нуждалась.

Вернувшись въ деревню, онъ долго разсказывалъ о чудесахъ дубоваго лѣса и о дивномъ подземельѣ. Нашлись люди, которые пожелали воспользоваться новымъ открытіемъ, и скоро въ пещерѣ началась добыча селитры. Окрестности нынѣшняго Луизвиля были тогда покрыты дѣвственными лѣсами. Дороги шли по горамъ, перевозка селитры въ городъ стоила слишкомъ дорого. И пещеру скоро

[1]) Селитра употребляется между прочимъ для приготовленія пороха.

забросили... Изрѣдка заглядывали въ нее любопытные путешественники, да и тѣ ходили не далеко. Груды сыпучихъ обваловъ, глубокія пропасти и узкія, прихотливо вѣтвящіяся лазейки пугали ихъ.

Такъ прошло тридцать лѣтъ. Прекрасный дубовый лѣсъ перешелъ во владѣніе богатаго американца. Подивился хозяинъ своимъ подземнымъ владѣніямъ, да и сообразилъ, что такая диковинка можетъ принести ему доходъ: стоитъ только людямъ узнать о ней, и со всѣхъ концовъ земли нахлынутъ путешественники. Надо было сдѣлать пещеру доступной для посѣтителей, и вотъ принялся догадливый американецъ за изученіе подземнаго дворца. Въ числѣ рабовъ его нашлись два отважныхъ негра, Стефенъ и Матъ, которые проникли въ отдаленные уголки пещеры и открыли много диковинокъ. Съ фонаремъ въ рукахъ спустился хозяинъ внизъ и остолбенѣлъ отъ изумленія. Во всѣ стороны лучами расходились длинные коридоры; они вели въ огромныя и красивыя залы. Стѣны и потолки гротовъ были увѣшаны причудливыми каменными украшеніями; то молочно-бѣлыя, то слегка желтоватыя, то прозрачныя, какъ стекло, они горѣли и искрились при слабомъ мерцаніи свѣчей. Мѣстами своды залъ были подперты массивными колоннами; тутъ и тамъ виднѣлись каменные пьедесталы, а на нихъ стояли гигантскіе гробы и статуи какихъ-то великановъ... Тутъ и тамъ мелькали прозрачныя, почти невидимыя каменныя кружева. Въ глубинѣ подземелья были найдены озера и рѣчка со слѣпою рыбою. Но сколько ни пытались люди разслѣдовать всѣ затаенные уголки этого страннаго дворца, не удалось имъ пройти пещеру до конца: извилистые и низкіе коридоры оканчивались на краю бездонныхъ пропастей; черная тьма скрывала ихъ дно; когда бросали туда какой-нибудь тяжелый предметъ, то даже не слышно было звука отъ его паденія; свѣча, опущенная на проволокѣ внизъ, гасла, и долго не рѣшался никто спускаться въ эти страшныя пропасти. Въ настоящее время длина извѣстныхъ галлерей, залъ и переходовъ достигаетъ 300 верстъ. Всѣ они нанесены на планъ и имѣютъ особыя названія. Однако и теперь еще пещера не вся изслѣдована. Много въ ней узкихъ дыръ, въ которыя никто не проникалъ, и за которыми, можетъ быть, скрыты неизвѣстныя чудеса.

Не ошибся въ своихъ расчетахъ изобрѣтательный американецъ; скоро вѣсть о дивномъ подземельѣ разнеслась по всему міру, и изъ разныхъ странъ стали стекаться люди, чтобы повидать волшебное сооруженіе. Съ каждаго посѣтителя сталъ брать хозяинъ плату за входъ и выстроилъ поблизости гостиницу. По сосѣдству поселились десятки проводниковъ со своими семьями. Взявъ путешественника подъ свое покровительство и снабдивъ его масляною лампою, проводники ведутъ его по узкой тропинкѣ между крутыми утесами къ небольшому отверстію на склонѣ горы. Входъ загороженъ массивной желѣзной рѣшеткой съ калиткою, которая держится

на замкѣ. Правда въ пещерѣ не хранится никакихъ драгоцѣнностей, но прогулки безъ проводниковъ весьма опасны: среди безчисленныхъ переходовъ легко заблудиться, и тогда путникъ кончаетъ смертью въ какомъ-нибудь глухомъ закоулкѣ.

Подземелье близъ Луизвиля, названное Мамонтовой пещерою, громко прославилось на весь міръ. Ежегодно бываетъ здѣсь до 6000 посѣтителей, пріѣзжающихъ изъ всѣхъ странъ. Пещера давно уже перешла къ другому владѣльцу, давно уже проведена къ ней желѣзная дорога. Но гостиница осталась въ прежнемъ видѣ, и зданіе ея, расположенное въ лѣсу, отъ времени покривилось. Своимъ дряхлымъ видомъ она напоминаетъ запустѣвшіе старинные дома русскихъ помѣщиковъ. По праздникамъ для развлеченія посѣтителей играетъ здѣсь доморощенный оркестръ, составленный изъ негровъ—лакеевъ гостиницы. Въ пещеру попрежнему спускаются съ лампами, но проводники берутъ съ собою ракеты и бенгальскій огонь для освѣщенія отдѣльныхъ гротовъ и галлерей.

Таинственное подземелье не могло не поразить воображенія человѣка. И много разсказовъ правдивыхъ и выдуманныхъ ходитъ о немъ среди окрестныхъ жителей. Грустными страницами омрачена его исторія.

Въ старыя времена Америка была страною невольниковъ. Несчастные негры изнемогали подъ тяжестью работъ на плантаціяхъ богатыхъ американцевъ и страдали отъ возмутительно жестокаго, нечеловѣческаго обращенія. На нихъ смотрѣли, какъ на животныхъ и обращались хуже, чѣмъ съ домашнимъ скотомъ. И чаша терпѣнія переполнялась. Въ надеждѣ на свободу, несчастные бѣжали отъ своихъ господъ, скрывались въ непроходимыхъ дебряхъ дѣвственныхъ лѣсовъ и предпочитали умереть съ голоду и быть растерзанными дикимъ звѣремъ, чѣмъ вернуться къ хозяину. И жестокая же пытка ожидала ихъ, если бѣгство не удавалось, и они попадали опять въ руки плантаторовъ!

Двое бѣглецовъ изъ Алабамы, пробираясь въ Сѣверные Штаты, укрылись на ночь въ Мамонтовыхъ пещерахъ. Они думали, что преслѣдователи ихъ скоро потеряютъ слѣдъ. Но не такъ легко было избѣгнуть ужасной погони: въ охотѣ на бѣжавшаго негра помогали плантаторамъ собаки, нарочно выдрессированныя для травли невольниковъ. Прошло лишь нѣсколько часовъ послѣ того, какъ бѣдняки скрылись въ подземельи, а спущенная на нихъ свора уже яростно лаяла у входа въ пещеру. Слѣдъ былъ найденъ! И вотъ въ безчисленныхъ извилинахъ темной пещеры началась позорная охота: при свѣтѣ факеловъ, при звукѣ роговъ и громкомъ атуканьи рыскали плантаторы по подземелью. Безчеловѣчная травля длилась цѣлый день. Перебѣгая изъ коридора въ коридоръ, изъ залы въ залу, очутились, наконецъ, бѣглецы на краю бездонной пропасти. Впередъ—дороги нѣтъ, а сзади уже слышны

торжествующіе крики истязателей. Несчастнымъ предстоялъ выборъ: сейчасъ же смерть на днѣ бездонной пещеры, или мученическая жизнь подъ ударами палокъ и среди безконечныхъ оскорбленій. И первое показалось настрадавшимся людямъ пріятнѣе: громкимъ крикомъ извѣстили они преслѣдователей о своемъ присутствіи и бросились въ черную бездну. Съ яростнымъ лаемъ остановились на краю пропасти собаки; а плантаторы, издали видя паденіе бѣглецовъ, ни съ чѣмъ вернулись домой, раздосадованные неудачной охотой [1]).

Много знаменитыхъ путешественниковъ побывало въ Мамонтовыхъ пещерахъ и сдѣлало прекрасныя описанія ихъ. Въ 1892 году

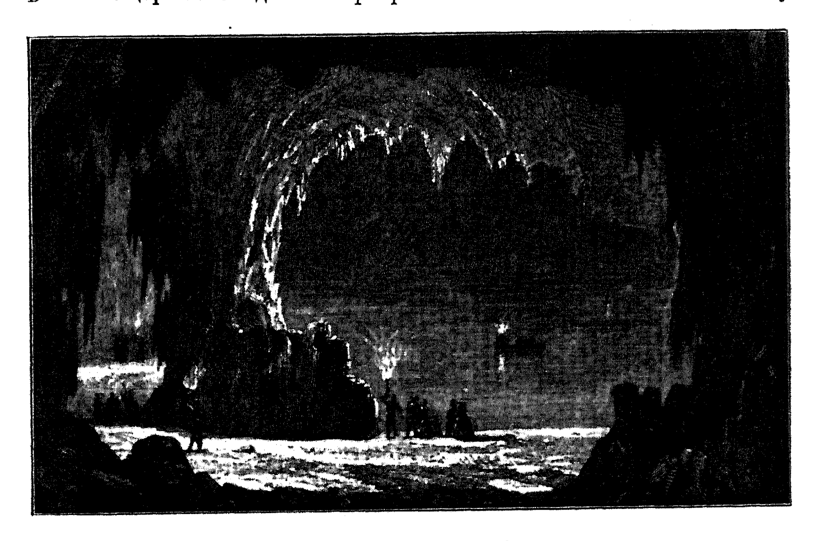

Рис. 96. Мамонтова пещера. „Мертвое море".

нашъ ученый В. Витковскій совершилъ поѣздку по Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ и между прочимъ побывалъ въ знаменитомъ подземельѣ. Три дня странствовалъ онъ по его проходамъ и галлереямъ и превосходно описалъ эти путешествія въ своей увлекательной книгѣ «За океанъ». Во время одной изъ продолжительныхъ экскурсій онъ проѣхался и по подземнымъ рѣкамъ пещеры—Стиксъ и Эхо. Большою компаніей, въ которой принимали участіе и дамы, путешественники спустились въ подземелье и, миновавъ рядъ длинныхъ коридоровъ и залъ, вышли въ широкую

[1]) Прочитайте интересную книгу г-жи Бичеръ-Стоу „Хижина дяди Тома".

галлерею, которая называется *рѣчною*, потому что ведетъ прямо къ рѣкѣ Стиксъ.

«Въ одномъ мѣстѣ этой галлереи, разсказываетъ Витковскій, виднѣется сбоку обширный провалъ съ бассейномъ, наполненнымъ водою. Это такъ называемое «*Мертвое море*». Я бросилъ туда камень и опредѣлилъ, что глубина провала до уровня воды около 30 саженъ (камень летѣлъ $3^1/_2$ секунды). Проводникъ увѣрялъ, что можно спуститься къ самой водѣ, карабкаясь по стѣнамъ провала, и что на днѣ, близъ воды, растутъ грибы въ родѣ трюфелей.

«Съ полверсты дальше пещера дѣлается гораздо шире и выше, при чемъ тропинка идетъ по узкому карнизу подъ потолкомъ галлереи. Внизу по дну вьется рѣка, вытекающая изъ бассейна Мертваго моря, которое въ свою очередь питается многочисленными подземными источниками. Это — рѣка *Стиксъ* [1]). Въ одномъ мѣстѣ имѣется оригинальный и опасный для перехода естественный мостъ, по которому мы перешли съ одной стороны галлереи на другую. При этомъ открывается поразительное зрѣлище: стѣны мрачно высятся надъ рѣкою и замыкаются хаотическимъ нагроможденіемъ камней въ видѣ свода. Ширина пещеры въ этомъ мѣстѣ не болѣе пяти саженъ, а высота, я полагаю, болѣе десяти. Далѣе на днѣ рѣки имѣется значительный уступъ, и р. Стиксъ образуетъ довольно величественный каскадъ, шумъ котораго мы слышали еще издали.

«Постепенно спускаясь, мы подошли наконецъ и къ самой водѣ; узкіе берега рѣки—не голый камень, а песокъ, весьма нѣжный и образованный, вѣроятно, отложеніями самой рѣки. Пройдя около 5-ти саженъ по берегу, мы снова начали подыматься и вошли въ боковую галлерею; рѣка же скрывается въ невидимую подземную трубу. Оригинальность и мрачность этихъ мѣстъ напоминаютъ извѣстный разсказъ Жюля Верна о путешествіи къ центру земли. Черезъ нѣсколько минутъ мы опять идемъ по карнизу и видимъ подъ собою воду: это—озеро *Леты* [2]), составляющее въ сущности продолженіе рѣки *Стиксъ*. Тутъ мы снова спустились къ водѣ, но на этотъ разъ уже не замѣтили никакого бокового выхода. Проводникъ объявилъ, что итти дальше сухимъ путемъ нельзя, а это озеро надлежитъ переплыть въ лодкѣ. Дѣйствительно, мы вскорѣ увидѣли и лодку, которая сперва не была за-

[1]) Стиксъ—по вѣрованіямъ грековъ — одна изъ тѣхъ большихъ и страшныхъ рѣкъ, которыя опоясывали преисподнюю или адъ. Получила она свое названіе отъ потока въ сѣверной Аркадіи, который въ глухой лѣсной чащѣ ниспадалъ съ высокаго обрыва и несся по глубокому и дикому ущелью. Теперь это—рѣка Мавронеро.

[2]) Лета у древнихъ грековъ — рѣка забвенія, протекавшая въ аду. Изъ нея души умершихъ пили забвеніе своего земного существованія.

мѣтна частью вслѣдствіе темноты, а частью потому, что цвѣтъ ея ничѣмъ не отличается отъ цвѣта окружающихъ каменныхъ стѣнъ. Лодка не можетъ похвалиться изяществомъ: на днѣ ея — вода и грязь, садиться нужно на борты, обшитые досками. Переѣздъ былъ не великъ, и мы почти тотчасъ пристали къ противоположному берегу, вышли изъ лодки и вступили въ широкую и довольно красивую галлерею, называемую «большою аллеей».

«Наши дамы не были удовлетворены короткою прогулкою въ лодкѣ и обратились съ разспросами къ проводнику. Тотъ успокоилъ ихъ, говоря, что это было озеро, а судоходная рѣка еще впереди. Дѣйствительно, черезъ полчаса мы снова подошли къ водѣ, именно къ рѣкѣ Эхо. Мы были теперь на 400 футовъ ниже входа въ пещеру и на 500 ниже поверхности земли. На этотъ разъ мы увидѣли не одну, а цѣлыхъ три лодки, изъ которыхъ каждая могла вмѣстить около 20 человѣкъ; такимъ образомъ, когда партія посѣтителей бываетъ большая, то тутъ плыветъ цѣлая флотилія, вѣроятно, весьма эффектная при свѣтѣ лампъ. Въ виду малочисленности нашей партіи, мы отвязали только одну лодку и размѣстились въ ней весьма удобно. Проводникъ и одинъ изъ негровъ усѣлись на носу, мы всѣ — по бортамъ и на поперечныхъ скамейкахъ, а другой негръ—на кормѣ.

«Сводъ надъ рѣкою весьма обширенъ. Иногда высота его не менѣе 3-хъ саженъ, ширина до 10-ти. Однако кое-гдѣ сводъ опускается такъ низко, что мы были принуждены не только наклоняться, но и присѣдать на дно лодки, при чемъ дамамъ было, конечно, не особенно пріятно пачкать свои платья о грязное дно. Проводникъ объяснилъ, что уровень воды здѣсь не всегда одинаковъ. Весною онъ значительно выше, и иногда вода заполняетъ всю галлерею, такъ что путешествіе въ лодкѣ дѣлается немыслимымъ, и тогда дальнѣйшія прелести пещеры совершенно недоступны. Глубина рѣки весьма различна и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до пяти и болѣе саженъ. Береговъ нѣтъ, такъ какъ прямо надъ водою подымается сводъ потолка. Однако во многихъ мѣстахъ есть выступы камней, къ которымъ при желаніи можно причалить. Хотя ширина рѣки позволяетъ плыть на веслахъ, но мы пользовались ими рѣдко и большею частью двигались, упираясь въ берега или цѣпляясь за выступы свода.

«Рѣка не даромъ получила свое названіе. Эхо здѣсь поразительное. Проводникъ самъ кричалъ разными голосами и показалъ намъ разнообразные эффекты подземнаго эхо, а затѣмъ предложилъ намъ самимъ спѣть что-либо. Сперва, какъ водится, всѣ стѣснялись, но потомъ спѣли нѣсколько премилыхъ пѣсенокъ, которыя съ сопровожденіемъ эхо произвели на меня весьма пріятное впечатлѣніе. Всего въ лодкѣ мы плыли около получаса, но время прошло не-

замѣтно и, полагаю, въ каждомъ изъ насъ эта прогулка оставила самое отрадное воспоминаніе.

«Подземная рѣка имѣетъ обитателей. Еще Агассисъ [1]) нашелъ тутъ породу слѣпыхъ рыбъ, различной величины, до 6 дюйм. длиною. Онѣ почти прозрачны и не только лишены зрѣнія, но не имѣютъ даже признаковъ глазъ или глазныхъ впадинъ. По словамъ проводника, посѣтители занимаются тутъ иногда рыбною ловлею, но мы не хотѣли терять на это времени: мы видѣли этихъ рыбъ плавающими подлѣ самой лодки.

«Наконецъ рѣка окончилась или, вѣрнѣе, превратилась въ замкнутый каналъ, недоступный для дальнѣйшаго плаванія на лодкѣ. Мы вышли на откосъ берега, на который проводники вытащили лодку, и двинулись дальше по узкой, но довольно ровной галлереѣ».

Мамонтова пещера по своей громадной величинѣ и разнообразію гротовъ—единственная во всемъ мірѣ. Но и въ другихъ частяхъ свѣта существуетъ не мало подземныхъ дворцовъ, которые поражаютъ путешественниковъ своею красотой. Въ Европѣ громкою извѣстностью пользуется очаровательный Адельсбергскій гротъ въ Австріи близъ Тріеста. На цѣлыхъ три версты съ лишнимъ протянулись его галлереи и гроты, украшенные дивными каменными изваяніями, напоминающими формы разныхъ сооруженій и фигуры людей и животныхъ. Давно уже устранены въ немъ всѣ неудобства для путешествій; полъ выравненъ, проходы расширены, надъ пропастями перекинуты мостики. По всему подземелью протянуты проволоки, и на пути туристовъ безчисленные гроты и галлереи этого подземнаго дворца освѣщаются электричествомъ.

Много и другихъ пещеръ пользуется громкою славой... Всѣ онѣ похожи другъ на друга своими гротами, коридорами и каменными украшеніями. Почти всегда находимъ мы въ нихъ таинственныя рѣки и мрачныя озера. Невѣдомый творецъ подземныхъ замковъ работалъ по одному плану, но сколько разнообразія сумѣлъ онъ создать въ подробностяхъ!.. Въ нѣмомъ изумленіи бродятъ путешественники по длиннымъ галлереямъ и съ трепетомъ заглядываютъ въ бездонныя пропасти. Съ громаднымъ интересомъ изучаютъ ученые всѣ развѣтвленія пещеръ и наносятъ ихъ на планы... Бѣгутъ вѣка, и никто не замѣчаетъ въ этихъ подземельяхъ крупныхъ измѣненій, никто никогда не былъ свидѣтелемъ новаго появленія пещеры. Съ незапамятныхъ временъ украшаютъ онѣ глубокія нѣдра земной коры. Кто же былъ строителемъ подземныхъ дворцовъ? Какъ они образовались?

---

[1]) Агассисъ – знаменитый геологъ, родомъ изъ Швейцаріи, образованіе получилъ въ Европѣ; научная же дѣятельность его пріурочена къ Сѣв.-Ам. Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ онъ и былъ профессоромъ.

II.

Что можетъ быть красивѣе известняковыхъ горъ? Длинныя полуразрушенныя стѣны, развалины огромныхъ зданій, башни, столбы, пирамиды нагромоздились въ живописномъ безпорядкѣ. Зелень прикрыла несовершенства картины и придала скаламъ чарующую красоту.

Но поднимитесь на вершины этихъ горъ. Трудно представить себѣ мѣстность, болѣе унылую и однообразную! Безъ конца тянется степь, покрытая жесткими и колючими травами и изрѣдка оживленная кустарникомъ. Въ окрестностяхъ Тріеста, на поверхности плоской известняковой возвышенности, всюду нагромоздились голые

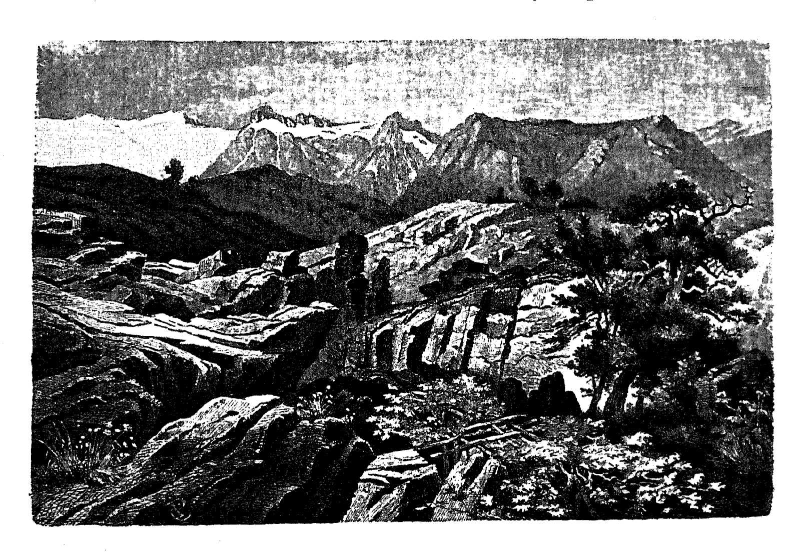

Рис. 97. Въ окрестностяхъ Тріеста.

камни, всюду зіяютъ трещины и провалы, засыпанные обломками.

Ни одна капля воды не можетъ застояться на поверхности известняковыхъ равнинъ. Все, что выпадаетъ дождемъ, черезъ трещины уходитъ подъ землю. Даже рѣки, достигая этихъ мѣстъ, вдругъ прерываются, пропадаютъ: по трещинамъ изливаются онѣ въ подземныя дебри и тамъ продолжаютъ свой путь... Оттого-то окрестности Тріеста жестоко страдаютъ отъ безводья. На каменистой и сухой почвѣ ютится скудная растительность, и бѣдное населеніе Истріи и Далмаціи страдаетъ не только отъ недостатка воды, но и пищи.

Куда же дѣвается вода, уходящая подъ землю? Она бѣжитъ между пластами известняковъ невидимыми ручьями и рѣчками и несетъ обильныя количества углекислаго газа, который образуется при гніеніи животныхъ и при дыханіи ихъ. Это—тотъ самый газъ, который съ шипѣніемъ вылетаетъ изъ бутылки лимонада или сельтерской воды, когда мы ихъ откупориваемъ. Вода, содержащая углекислый газъ, обладаетъ способностью разъѣдать многіе камни. легче же всего растворяется въ ней известнякъ. Неудивительно, что подземная вода, пробираясь по трещинамъ между пластами этой породы, промываетъ себѣ глубокій подземный каналъ. Кромѣ того подземныя рѣки также несутъ на своихъ водахъ камешки и песокъ и стираютъ ими свои берега. Такъ постепенно возникаютъ въ нѣдрахъ известняковыхъ горъ длинныя галлереи. Нерѣдко вода, ихъ промывшая, уходитъ дальше въ глубину, и дно галлерей дѣлается сухимъ.

Часто въ толщахъ известняковъ залегаютъ огромныя глыбы гипса, той каменной породы, которая въ измельченномъ, растертомъ видѣ даетъ художникамъ матеріалъ для статуй. Гипсъ растворяется даже въ чистой водѣ, а потому разрушеніе его происходитъ еще быстрѣе, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ залегалъ, возникаютъ огромныя пустоты. Иногда онѣ образуются еще проще: въ толщахъ известняка застаивается вода, разливается въ цѣлое подземное озеро и промываетъ огромную полость. И тѣмъ, и другимъ способомъ получаются обширныя залы.

Нерѣдко подземныя галлереи и залы располагаются въ нѣсколько этажей другъ надъ другомъ, и въ такомъ случаѣ ихъ соединяютъ длинныя трубы и каналы, заваленные грудами обломковъ. Иногда они тоже промываются водой, въ большинствѣ же случаевъ образуются вслѣдствіе проваловъ. Въ Мамонтовой пещерѣ изъ числа такихъ трубъ особенно замѣчателенъ «*Пробочникъ*». Это рядъ проваловъ, около 20 саженъ высотою. Обыкновенно туристы знакомятся съ нимъ при обратномъ путешествіи. Во многихъ мѣстахъ этого винтообразнаго и крайне запутаннаго канала устроены лѣстницы, но спускаться по нимъ можетъ не всякій. «Я со своею лампою не разъ падалъ, разсказываетъ Витковскій, и совсѣмъ изнемогъ отъ усталости, но въ концѣ концовъ все-же выбрался и совершенно неожиданно увидѣлъ себя подъ потолкомъ «главнаго входа». Отсюда по стѣнѣ вырублена довольно сносная лѣстница, по которой мы и спустились на полъ этой широкой галлереи».

Иногда ручьи, промывшіе пещеру, съ теченіемъ времени исчезаютъ или, вѣрнѣе говоря, прокладываютъ себѣ гдѣ-нибудь новое русло. Гораздо рѣже они сохраняются. Въ послѣднемъ случаѣ на днѣ пещеры мы находимъ подземныя рѣки и озера. Стиксъ и Эхо, вѣроятно, и были тѣми невидимыми строителями, которые возвели дивныя галлереи и залы Мамонтовой пещеры.

Особенно интересны тѣ подземныя рѣки, которыя текутъ также и по поверхности земли. Вблизи Адельсберга тихо извивается по своей долинѣ рѣка Пойкъ. Наталкиваясь на известняковые утесы, она дѣлаетъ крутой поворотъ и черезъ высокій порталъ уходитъ внутрь горы. Если уровень воды не особенно низокъ, то нѣтъ возможности проникнуть въ глубь по ложу рѣки. Но зато направо располагается другое отверстіе,—«Главный входъ въ пещеру»,—и если мы, воспользовавшись имъ, пройдемъ въ подземелье, то скоро увидимъ, какъ Пойкъ снова выползаетъ изъ узкаго прохода между

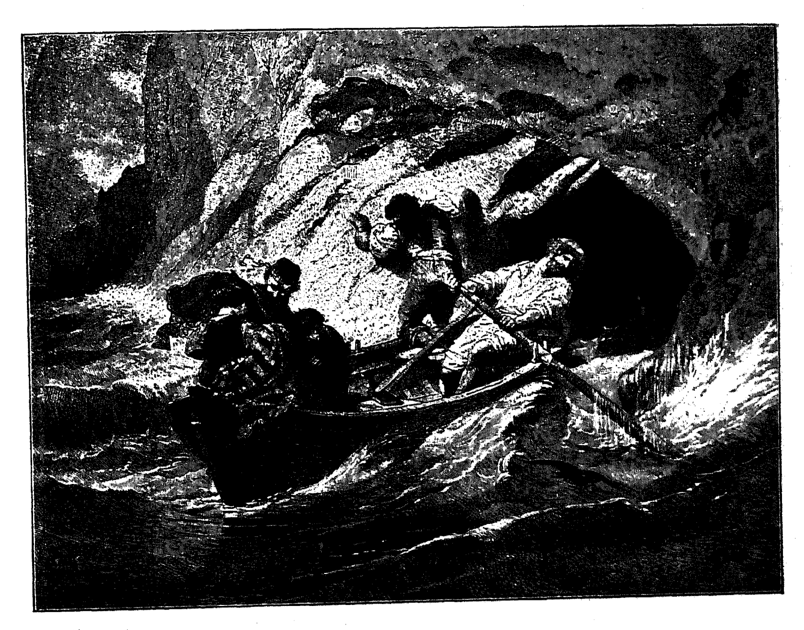

Рис. 98. Въѣздъ въ Лазурный гротъ.

скалъ. Здѣсь подземный гротъ развѣтвляется; налѣво тянется извилистая галлерея, по которой рѣка несетъ свои темныя воды, направо идетъ безконечная цѣпь эффектныхъ залъ и коридоровъ. Первый изъ этихъ ходовъ почти недоступенъ. По нему удалось пробраться на лодкѣ не далѣе, какъ на 940 метровъ; наоборотъ, вторымъ путемъ направляются ежедневно туристы, осматривающіе пещеру.

Нѣсколько ниже Пойкъ опять появляется на поверхность. Съ шумомъ вырывается онъ изъ отверстія, расположеннаго у основанія высокой заросшей елями скалы, и снова катитъ свои воды по

поверхности земли. Въ дальнѣйшемъ бѣгѣ своемъ рѣка еще не одинъ разъ скрывается въ трещинахъ известняковъ и наконецъ, слившись съ другою такою же рѣкою Унцомъ, впадаетъ въ Саву.

Адельсбергскій гротъ, какъ и Мамонтова пещера, созданъ подземною рѣкою. Также возникли и всѣ другія большія пещеры. Нѣкоторые небольшіе гроты, расположенные въ обрывахъ высокихъ морскихъ береговъ, выбиты волнами. Вода морская, во время прибоя, попадаетъ въ трещины известняковъ и точно также расширяетъ ихъ. Какъ и подземная вода, она можетъ растворять залежи гипса. Но, само собою разумѣется, работа ея проявляется только вблизи берега. Гроты, возникшіе такимъ путемъ, имѣютъ обыкновенно небольшіе размѣры. Изъ числа ихъ славится своею красотою Лазурный гротъ на островѣ Капри въ Италіи.

Это едва ли не самая великолѣпная изъ всѣхъ морскихъ пещеръ. Сводчатый потолокъ ея украшенъ причудливыми каменными фигурами, а дно составляетъ море, ясное и голубое, какъ небо. Небольшой, узкій входъ грота пропускаетъ немного свѣта. Все внутри пещеры — и стѣны, и потолокъ окутаны полумракомъ; при входѣ въ гротъ ничего не видно, кромѣ ярко-голубого моря. Лазоревый цвѣтъ отражается на стѣнахъ, на потолкѣ, на причудливыхъ каменныхъ фигурахъ, и зрителю кажется, будто весь онъ освѣщенъ бенгальскимъ огнемъ. Зрѣлище до того очаровательно, что путешественникъ долго находится подъ вліяніемъ какого-то необъяснимаго восторга. Разсказываютъ, что римскій императоръ Тиберій, умирая, приказалъ похоронить себя въ этой пещерѣ.

«Однажды», разсказываетъ путешественникъ, «усердные матросы разбудили меня очень рано съ радостною вѣстью, что Лазурный гротъ сегодня къ моимъ услугамъ. Море чуть дышало у тѣснаго входа. Я спокойно легъ въ лодку и зажмурилъ глаза отъ удовольствія. Едва замѣтныя волны нѣжно двинули насъ подъ узкій сводъ утесовъ.

«Когда я открылъ глаза, мы были уже въ другомъ мірѣ. Здѣсь царствовалъ одинъ голубой цвѣтъ. Лодка моя скользила по гладкому кристальному озеру, скрытому внутри горы. Скалистыя стѣны, прозрачная вода, песокъ на днѣ и фантастическія фигуры на сводахъ,—все здѣсь небесно-голубого цвѣта. Эта синева такъ нѣжна, что кажется, будто на все наброшена дымка серебристаго газа. Я молчалъ, какъ околдованный. Гребецъ поднялъ весла, и лодка чуть скользила по бирюзовой влагѣ. На водѣ ни малѣйшей зыби, въ воздухѣ ни малѣйшаго дыханія; кругомъ тишина глубокая, торжественная, какъ въ безднахъ неба.

«Въ задней стѣнѣ грота я замѣтилъ темное углубленіе; лодка подплыла туда, и я вышелъ на камни, торчащіе изъ воды. Это что-то въ родѣ полуразрушенной галлереи; ступени, разрозненныя водой, облѣплены чернымъ мхомъ; и съ камней ихъ не совершенно

стерлись слѣды рукъ гранильщика. Эта разрушенная лѣстница вела на гору.

«Я пытался сдѣлать нѣсколько шаговъ по ней, но былъ остановленъ и мракомъ, и сыростью, и обломками камней. Мы зажгли два факела, но при свѣтѣ ихъ не было возможности разсмотрѣть, куда я шелъ: въ пещеру, въ коридоръ, или въ бездну. Суевѣрный гребецъ старался убѣдить меня, что это — гнѣздилище змѣй, или, что несравненно хуже,—притонъ злыхъ духовъ, и умолялъ меня не пускаться далѣе. Вдругъ отверстіе грота, выходящее на море, на мгновеніе потемнѣло. Я едва успѣлъ прыгнуть въ лодку.

«Въ гротъ проникла еще одна лодочка. Два существа, лежавшія на ея днѣ, приподнялись: это были путешественники — мужчина и дама; оба они были точно окрашены въ прелестнѣйшій голубой цвѣтъ.

«Пріѣхавшая дама принялась рисовать, а мужчина вынулъ изъ кармана флажолетъ, и причудливые своды грота наполнились дивными мелодическими звуками.

«Вдругъ на морѣ поднялся вѣтеръ, и, когда мы это замѣтили, было уже поздно: мы оказались плѣнниками моря. Волны поминутно закрывали отверстіе, — единственный нашъ выходъ. Бассейнъ грота, за минуту сонный и нѣмой, встревожился въ свою очередь. Скалы застонали надъ нашей головой. Лазурный свѣтъ превратился въ мертвенно-свинцовый. Когда валы отступали, въ отверстіе грота мы видѣли море, взбороженное волнами. Нѣсколько разъ пытались мы вырваться изъ морской темницы вмѣстѣ съ выбѣгающей волной; но, едва лодка подходила къ низкому своду, новый валъ съ шумомъ врывался въ пещеру и отбрасывалъ нашу тщедушную лодку назадъ. Мы должны были лежать, какъ муміи, на влажномъ днищѣ и безпрестанно глотать горькосоленыя брызги, между тѣмъ какъ гребцы наши изнемогали въ борьбѣ съ бушующимъ моремъ.

«Надо было рѣшиться переночевать въ гротѣ. При красноватомъ свѣтѣ зажженнаго факела мы отыскали скалу, выдающуюся террасой, и расположились тутъ, проклиная море и всѣ его причуды. Къ нашему благополучію, вдругъ послышались голоса. Моряки острова Капри замѣтили наше продолжительное отсутствіе и, смекнувъ, что мы попали въ лазурную западню, поспѣшили къ намъ на выручку. Съ немалыми усиліями имъ удалось бросить къ намъ въ гротъ обломокъ весла съ привязаннымъ къ нему концомъ веревки. Но только, когда море немного успокоилось, насъ, злополучныхъ, можно было извлечь изъ очаровательнаго грота».

III.

Промытыя водой пещеры представляютъ цѣлые лабиринты ходовъ и лазеекъ, въ которыхъ слишкомъ не трудно запутаться. Пу-

тешествіе по нимъ сопряжено съ большими опасностями. Каждую минуту ждешь, что вотъ-вотъ свалится съ потолка каменная глыба, раздавитъ тебя или, что еще хуже, загородитъ выходъ. Спускаясь по мокрымъ уступамъ изъ одного подземелья въ другое и различая при слабомъ свѣтѣ факеловъ только ближайшіе предметы, рискуешь оступиться и упасть, Богъ знаетъ куда. Иногда спертый воздухъ подземелій давитъ грудь, стѣсняетъ дыханіе; голова начинаетъ кружиться и болѣть. Стоитъ только немного не остеречься, наступаетъ обморокъ, и лишенный всякой помощи путешественникъ находитъ въ подземельи могилу. А если, увлекшись осмотромъ пещеры, потеряешь дорогу или забудешь слѣдить за факеломъ, который вдругъ догоритъ до конца, — то уже не избѣжишь мучительной голодной смерти.

Исторія подземныхъ дворцовъ полна трогательными, а иногда и ужасными разсказами о тѣхъ приключеніяхъ, которыя случались съ путешественниками и нерѣдко кончались гибелью ихъ...

Въ западной части Средиземнаго моря, близъ береговъ Испаніи раскинулась группа Балеарскихъ островов. Прекрасный климатъ, живописное положеніе и роскошная природа дѣлаютъ ихъ однимъ изъ привлекательнѣйшихъ уголковъ южной Европы. Самый большой изъ островов—Майорка—весь покрытъ фруктовыми садами, виноградниками, оливковыми рощами и прекрасными лугами, на которыхъ пасется тучный скотъ. Много родится тутъ всякихъ плодовъ: персиковъ, сливъ, апельсиновъ, винограда; много убивается скота, а а еще болѣе готовится сладкихъ винъ, которыя развозятся по всей Европѣ. Не мудрено, что на этомъ островкѣ, который занимаетъ всего лишь 30,000 квадратныхъ верстъ, поселилось 180,000 жителей. Много диковинокъ разсказываютъ путешественники про этотъ чудный край, но ничто не привлекаетъ такъ ихъ вниманія, какъ подземные замки Майорки. Близъ города Манакоръ, извѣстнаго своимъ виномъ, въ имѣніи испанца дона-Хозе-Морагеса, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ тянутся подъ землей дивныя «Пещеры Дракона».

Въ апрѣлѣ 1878 года изъ города Барцелоны пріѣхали полюбоваться Майоркой два путешественника-испанца. Наскоро перебрались они съ парохода въ гостиницу, оставили въ номерѣ свои вещи, и, даже не пообѣдавъ, какъ слѣдуетъ, немедленно отправились осматривать чудесныя пещеры. По неосторожности, путешественники не захватили съ собой опытнаго проводника, хорошо знакомаго съ расположеніемъ подземныхъ залъ. Съ факеломъ въ рукахъ долго бродили они по пещерамъ, любуясь ихъ колоннами, озерами и поражаясь ихъ безконечною величиной. Почувствовавъ голодъ, путники вздумали вернуться въ гостиницу. Они двинулись въ обратный путь по знакомой дорогѣ: но каковъ же былъ ихъ ужасъ, когда послѣ часового путешествія они замѣтили себя среди

совсѣмъ неизвѣстныхъ залъ и коридоровъ. Не зная выхода, забираясь все дальше и дальше, они поняли, наконецъ, что дорога совсѣмъ потеряна и что ихъ ждетъ голодная смерть въ подземельѣ. Въ отчаяніи опустились они на камень и рѣшили безмолвно ожидать своей участи.

Между тѣмъ хозяинъ гостиницы замѣтилъ, что его постояльцы долго не возвращались; зная, куда отправились испанцы, онъ сообразилъ, въ чемъ дѣло. Съ дѣтства хорошо знакомый съ расположеніемъ ходовъ въ пещерахъ Дракона, онъ захватилъ съ собою трехъ работниковъ и отправился разыскивать туристовъ. Долго

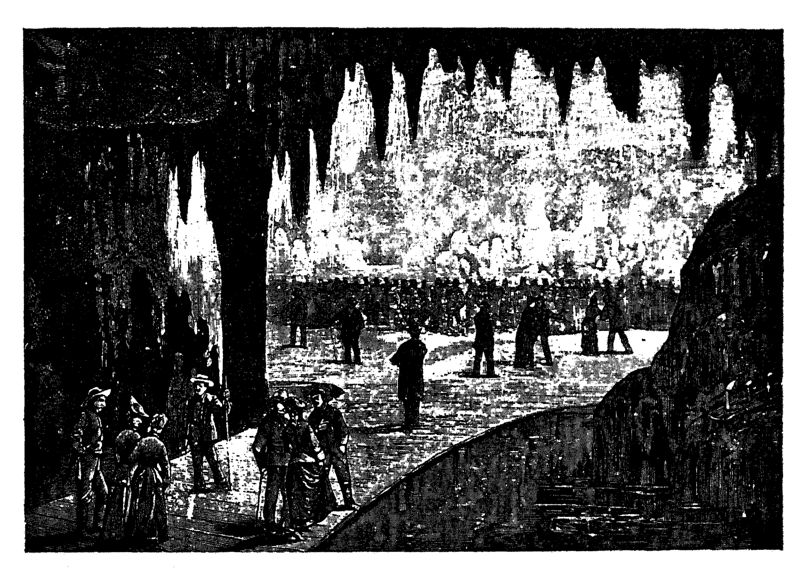

Рис. 99. Пещера Лурей во время бала, устроеннаго подъ землею.

пробродилъ онъ по подземелью и, наконецъ, напалъ на слѣдъ заблудившихся. Нельзя описать той радости, съ которою встрѣтили несчастные путешественники своего избавителя. Голодные, усталые и прозябшіе, пробывъ 16 часовъ подъ землею, они вернулись въ гостиницу, а то мѣсто, гдѣ они были найдены, въ память ихъ печальнаго приключенія, названо «гротомъ заблудившихся туристовъ».

А вотъ примѣръ моментальной гибели человѣка, причиненной неосторожнымъ шагомъ. На западномъ берегу Норвегіи лежитъ угрюмая пещера Дольстенъ. Она состоитъ тоже изъ ряда залъ, отдѣленныхъ одна отъ другой бездонными пропастями. Однажды

два путешественника вздумали посѣтить ее. Смѣло опустились они въ мрачное подземелье и двинулись въ путь. Факелъ мерцалъ слабо, и въ трехъ шагахъ ничего не было видно. Полъ пещеры шелъ уступами. Приходилось пробираться по краямъ пропастей, по мокрымъ и слизкимъ камнямъ, осторожно цѣпляясь за утесы. Вдругъ одинъ невѣрный шагъ,—путникъ оступился и исчезъ въ зіяющей мглѣ пропасти. Раздался отчаянный крикъ и смолкъ... Пораженный ужасомъ и горемъ, долго стоялъ на краю бездны товарищъ погибшаго и не могъ притти въ себя... Дрожа отъ волненія и страха, сталъ онъ пробираться вверхъ по уступамъ, царапаясь о камни, разрывая о нихъ одежду... и вдругъ!.. факелъ погасъ. Снова ужасъ охватываетъ несчастнаго; но вдали виднѣется синяя точка: это дневной свѣтъ, тамъ—земля. Ползкомъ пробирается путешественникъ къ выходу и, выбравшись на земную поверхность, падаетъ безъ чувствъ.

Въ штатѣ Виргинія въ Сѣверной Америкѣ, близъ городка Лурей, находится замѣчательная пещера, протянувшаяся по крайней мѣрѣ на двѣ версты и состоящая изъ многихъ залъ и переходовъ. Открытіе этой пещеры чуть не стоило жизни отважному изслѣдователю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежитъ лурейскій подземный дворецъ, мальчики часто охотились за кроликами, что и дало поводъ предполагать, что здѣсь находится пещера. Въ апрѣлѣ 1878 года два брата Кампбель, путешествуя по окрестностямъ, остановились въ Луреѣ и рѣшились приступить къ розыскамъ пещеры. Они бродили и копали землю нѣсколько мѣсяцевъ, истратили не мало денегъ, но все напрасно. Окрестные жители прозвали ихъ «пещерными крысами» и осыпали насмѣшками. Только въ августѣ одинъ изъ братьевъ Кампбель открылъ довольно значительную впадину, заросшую сорными травами, изъ которой виднѣлась какъ бы подземная галлерея. Проникнувъ въ эту галлерею, Кампбель неожиданно провалился и, получивъ довольно тяжкіе ушибы, сталъ звать на помощь, но никто не слышалъ его криковъ. Къ счастью, у него были при себѣ спички и свѣча; и вотъ, освѣтивъ свою невольную темницу, онъ увидалъ обширный гротъ со множествомъ красивыхъ сталактитовъ, очень разнообразныхъ по формѣ и цвѣту. Черезъ нѣкоторое время товарищи замѣтили исчезновеніе своего спутника, разыскали впадину, проникли въ пещеру уже при помощи веревки и спасли несчастнаго. Теперь эта пещера пользуется громкою славою и привлекаетъ ежегодно болѣе тысячи посѣтителей (рис. 99 и 100) [1].

Дорого дается людямъ знакомство съ подземнымъ міромъ. Дорога къ знанью вездѣ усыпана трупами погибшихъ. Но тотъ, кто

[1]) Прекрасное описаніе этой пещеры см. въ книгѣ В. Витковскаго „За океанъ“.

любитъ науку, въ комъ горитъ та свѣтлая искорка, что влечетъ все впередъ, тотъ не останавливается передъ препятствіями, чтобы внести свою крупинку въ сокровищницу человѣческаго знанія.

Владѣлецъ Мамонтовой пещеры предложилъ 600 долларовъ тому, кто спустится на дно одной изъ самыхъ ужасныхъ пропастей его подземелья, носящей названіе Мальштрума. Въ то время славился въ окрестности своею смѣлостью и неустрашимостью проводникъ Стефенъ. Но и онъ остановился передъ страшнымъ путешествіемъ. Не помогли просьбы и не соблазнила его груда золота.

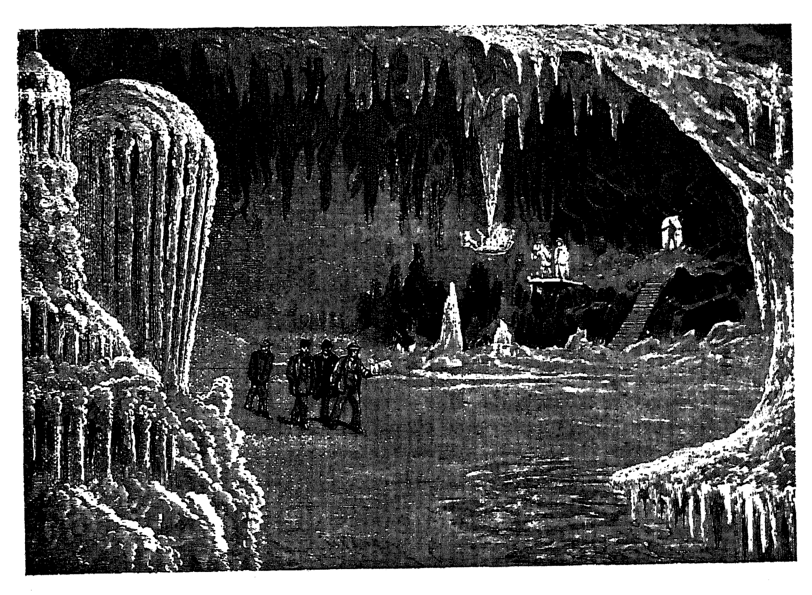

Рис. 100. Пещера „Лурей". Такъ называемый „Органный залъ" при свѣтѣ люстръ, укрѣпленныхъ на концахъ сталактитовъ. Справа въ глубинѣ грота видны искусственныя лѣстницы.

На вызовъ явился молодой профессоръ изъ Тенесси. Ему не нужны были доллары, и не для нихъ рѣшился онъ на подвигъ: заранѣе отказавшись отъ награды, онъ шелъ въ подземелье изъ жажды знанья... На крѣпкомъ канатѣ спустился онъ въ бездну, но уже на глубинѣ ста футовъ почувствовалъ стѣсненіе въ груди; мысли его стали путаться; дернувъ за веревку, онъ далъ сигналъ и лишился чувствъ. Его вытащили замертво. Онъ разсказывалъ, что, опустившись въ бездну, почувствовалъ такой ужасъ, что предпочелъ бы смерть вторичной попыткѣ. И рѣшили тогда всѣ, что

бездна недоступна для человѣка: туда, гдѣ остановился ученый подвижникъ, не проникнетъ уже никто!

Вдругъ явился изъ Луизвиля юноша, почти мальчикъ, отважный, рѣшительный и скромный,—онъ отказался даже назвать свое имя,— и объявилъ, что желаетъ совершить ужасную прогулку. Всѣ стали отговаривать молодого человѣка; но его не пугала никакая опасность...

Приступили къ приготовленіямъ. Привезли изъ города крѣпкій просмоленный канатъ, и юноша, закутавъ голову войлокомъ, чтобы защитить себя отъ падающихъ камней, взялъ въ руки фонарь, обвязалъ вокругъ пояса веревку и сталъ спускаться... Канатъ ушелъ уже на сто футовъ въ глубину. Вдругъ раздался страшный трескъ: каменная глыба, оторвавшись отъ стѣны, свалилась въ бездну Люди, спускавшіе канатъ, невольно остановились. Они были увѣрены, что молодой изслѣдователь погибъ. Но снизу поданъ ободряющій сигналъ и спускъ продолжается. Канатъ уходитъ все глубже и глубже...

Прошло много минутъ,—никакихъ знаковъ изъ подземелья не было. Пріостановили спускъ,—сигнала нѣтъ. Докторъ Райтъ, присутствующій здѣсь, приказалъ тотчасъ же поднимать канатъ. Несчастный путешественникъ, конечно, задохся или лишился чувствъ. Но въ ту же минуту опять долетѣлъ сигналъ, и опять онъ требовалъ спуска

На глубинѣ 180 футовъ молодой изслѣдователь достигъ дна. Осмотрѣвъ все внимательно и записавъ наблюденія въ книжку, онъ потребовалъ поднимать. Въ стѣнахъ бездны виднѣлось множество отверстій. Желая осмотрѣть и ихъ, молодой человѣкъ остановился на одномъ выступѣ, отвязалъ отъ пояса канатъ и вдругъ, прыгая въ галлерею, нечаянно выпустилъ изъ рукъ веревку. Она болталась на разстояніи двухъ аршинъ. Другой на мѣстѣ отважнаго юноши просто умеръ бы со страха; но онъ, не теряя присутствія духа, зубами сдѣлалъ изъ ручки фонаря крючекъ, всталъ на скалистый уступъ, протянулъ впередъ руку и поймалъ висящую веревку. Теперь онъ привязалъ ее къ скалѣ и продолжалъ изслѣдованіе. На разстояніи 90 футовъ отъ поверхности земли, онъ услышалъ надъ собою отчаянные крики:

— «Канатъ горитъ!.. воды!»

Вслѣдствіе тренія о деревянную перекладину, канатъ, дѣйствительно, воспламенился. Къ счастью, у одного изъ рабочихъ оказалась въ карманѣ фляга водки съ водой. Канатъ залили, и безстрашный юноша вышелъ скоро на землю. Отъ пережитыхъ волненій онъ былъ въ лихорадкѣ. Выпивъ рюмку рома и закутавшись въ шубу, онъ сталъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ. Во время этого разсказа докторъ Райтъ лишился чувствъ. Написавъ подробный отчетъ обо всемъ видѣнномъ подъ землею и отказавшись отъ награды, молодой человѣкъ такъ и ушелъ, не объявивъ своего имени.

IV.

Какъ ни трудны для путешествій малоизслѣдованныя пещеры, тѣмъ не менѣе онѣ влекутъ къ себѣ и ученыхъ, и туристовъ. Дивное зрѣлище гротовъ и галлерей, украшенныхъ каменными изваяніями, столбами, сосульками, занавѣсками, вознаграждаетъ путешественника за всѣ перенесенные труды и лишенія. Кто же занимался отдѣлкою подземныхъ дворцовъ? Кто соорудилъ огромныя колонны и чудныя украшенія потолковъ?

Если вамъ случилось жить въ мѣстности, гдѣ неподалеку залегаетъ известнякъ, то вы, вѣроятно, замѣчали на стѣнкахъ самовара толстую кору или накипь, какъ ее называютъ. Эта накипь—не что иное, какъ известнякъ, выдѣлившійся изъ воды. При нагрѣваніи вода обращается въ паръ и вмѣстѣ съ паромъ улетаетъ часть углекислаго газа. Послѣ этого известь не можетъ уже оставаться въ растворенномъ состояніи и осѣдаетъ на стѣнкахъ самовара. Что дѣлается въ самоварѣ, то же происходитъ въ рѣкахъ, въ ручьяхъ и во всякой водѣ. Солнце нагрѣваетъ воду, легкимъ паромъ поднимается она къ небу, а растворенныя въ ней тѣла падаютъ на дно.

Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ ручьяхъ накопляются слои известковаго туфа, той самой каменной породы, которая употребляется для украшенія акваріумовъ и садовыхъ клумбъ. Изъ нѣдръ земли вырывается вода, пропитанная углекислымъ газомъ: она пѣнится и шипитъ, какъ откупоренная бутылка сельтерской воды: газъ улетаетъ, а известь садится на дно. Она покрываетъ вѣтки, листья, сучья, мелкіе камешки, лежащіе на днѣ, и вновь образовавшійся камень дѣлается ноздреватымъ и неровнымъ: нерѣдко онъ представляетъ комокъ окаменѣлыхъ растительныхъ остатковъ.

Такимъ же путемъ образовались и дивныя украшенія подземныхъ дворцовъ. Вода, создавшая пещеры, занялась и отдѣлкою ихъ. Изъ останковъ разрушенныхъ пластовъ известняка она создала колонны, карнизы, кружева, занавѣсы. Тихо пробирался надъ потолкомъ подземелья ручей и несъ въ своихъ водахъ много раствореннаго известняка. Одна за другой просачивались по трещинамъ капельки; достигнувъ пещеры, онѣ долго висѣли на потолкѣ, такъ какъ были слишкомъ малы и не могли упасть внизъ. Вода капелекъ обращалась понемногу въ легкій паръ, а известнякъ, который былъ растворенъ въ ней, остался на потолкѣ точно такъ же, какъ накипь остается на стѣнкахъ самовара.

За первой арміей капелекъ появлялась вторая и, испаряясь, опять оставляла на потолкѣ новыя крупинки известняка. Годы бѣжали за годами, и капельки все продолжали свою работу. Пролетѣлъ не одинъ десятокъ столѣтій, и изъ маленькихъ крупинокъ

осѣвшаго изъ воды известняка выросла длинная, будто ледяная сосулька. Много такихъ сосулекъ или сталактитовъ, какъ ихъ называютъ, появилось на потолкѣ, и мрачная пещера преобразилась: словно самъ человѣкъ пришелъ на помощь природѣ и разукрасилъ подземный дворецъ милліонами причудливыхъ фигуръ.

Наблюдали ли вы надъ капельками, висящими на потолкахъ бань? Онѣ образовались изъ пара, которымъ тамъ пропитанъ воздухъ. Паръ, охлаждаясь, превращается въ воду и осѣдаетъ на стѣнахъ и потолкѣ. Вы замѣчали, вѣроятно, какъ капелька все растетъ и растетъ, дѣлается все больше и тяжелѣе, наконецъ, вытягивается и разрывается на двѣ части: одна остается на потолкѣ, другая падаетъ на полъ. То же происходитъ и въ пещерѣ. Просачиваясь сквозь трещины, капельки тотчасъ же начинали испаряться, но сверху прибывало воды больше, чѣмъ успѣвало обратиться въ паръ, и капелька на потолкѣ все росла; достигнувъ извѣстнаго размѣра, она разрывалась, и одна половина ея падала на полъ. Здѣсь вода продолжала испаряться, и известнякъ, растворенный въ ней, садился на дно пещеры. Изъ маленькихъ крупинокъ, оставленныхъ милліонами капелекъ, выросъ мало-по-малу остроконечный столбикъ: сосульки росли въ пещерѣ не только на потолкѣ сверху внизъ, но и на полу, снизу вверхъ.. Послѣднія принято называть сталагмитами.

Съ теченіемъ времени сталактиты и сталагмиты удлинялись все больше и больше. Случалось, что верхушки ихъ, встрѣтившись другъ съ другомъ, сливались вмѣстѣ, и тогда получалась высокая колонна, поддерживающая своды пещеры... Если въ пещерѣ попадался камень, то капельки падали и на него и, стекая по бокамъ, оставляли тамъ крупинки известняка. Такимъ путемъ образовались пьедесталы. На этихъ пьедесталахъ выросли новые сталагмиты и красуются теперь, точно статуи великановъ. Гдѣ полъ пещеры шелъ уступами, тамъ осѣвшій изъ воды известнякъ принялъ видъ застывшаго водопада.

Не разъ приходилось вамъ наблюдать образованіе ледяныхъ сосулекъ. Эти сосульки, украшающія зимой крыши нашихъ домовъ, такъ сходны съ фантастическими образованіями подземныхъ пещеръ, что получили названіе ледяныхъ сталактитовъ. Всякій разъ, когда вслѣдъ за оттепелью наступаетъ морозъ и падающая съ крышъ вода быстро замерзаетъ, образуются ледяные сталактиты. Нерѣдко подъ сталактитомъ растетъ и сталагмитъ. Если вы себѣ представите огромную залу, полъ и потолокъ которой украшенъ ледяными сосульками, и вообразите, что нѣкоторые изъ нихъ разрослись въ цѣлыя колонны, то это и будетъ сталактитовая пещера.

Впрочемъ, формы известняковыхъ сталактитовъ гораздо разнообразнѣе. Въ Адельсбергскомъ гротѣ онѣ нагромоздились мѣстами въ формѣ готическихъ церквей и огромныхъ органовъ, мѣстами

Рис. 101. Въ Адельсбергскомъ гротѣ.

образовали группы каменныхъ статуй людей и животныхъ. Въ одномъ изъ гротовъ этой пещеры показываютъ сталагмитъ, имѣющій изумительное сходство съ собакой. и для большей иллюзіи кто-то на немъ изобразилъ карандашомъ глаза. Особенно замѣчательна тонкая сталактитовая «занавѣсь»: проводникъ зажигаетъ за нею рядъ электрическихъ лампочекъ, и свѣтъ ихъ проходитъ черезъ нѣжную сталактитовую массу. Въ тѣхъ залахъ этой пещеры, которыя носятъ названіе Отокскаго грота, имѣются сталактиты въ видѣ макаронъ, въ безчисленномъ множествѣ свѣшивающихся со сводовъ: точно и въ самомъ дѣлѣ здѣсь макаронная фабрика. Въ другихъ отдѣленіяхъ висятъ на стѣнахъ огромныя кожи, а для большаго правдоподобія природа окрасила ихъ желѣзомъ въ бурый цвѣтъ. Дальше вы наталкиваетесь на цѣлыя груды бѣлыхъ, плотно набитыхъ и крѣпко завязанныхъ мѣшковъ. Въ одномъ изъ проходовъ американской пещеры Лурей стѣны покрыты множествомъ большихъ и малыхъ сталактитовъ, которые своимъ видомъ напоминаютъ рыбъ, развѣшенныхъ для продажи. Сталактиты эти всегда мокры отъ струящейся по нимъ воды и при своей разнообразной окраскѣ, дѣйствительно, напоминаютъ рыбъ съ темными спинками и бѣлыми брюшками. Въ той же пещерѣ, въ «залѣ Гигантовъ», огромные сталактиты имѣютъ видъ канделябръ. Около одной изъ стѣнъ въ этомъ же гротѣ находится «туалетъ Діаны». Это—впадина, наполненная водой, въ своемъ родѣ—ванна. Рядомъ съ ней свѣшивается со стѣны огромное и чрезвычайно тонкое «одѣяло». Когда проводникъ освѣщаетъ его сзади, оно просвѣчиваетъ красивымъ красновато-желтымъ свѣтомъ. Въ Россіи одна изъ самыхъ красивыхъ сталактитовыхъ пещеръ «Бимбашъ-Коба» или «Тысячеголовая» въ горѣ Чатыръ-Дагъ въ Крыму. Вотъ какъ описываетъ ее нашъ извѣстный путешественникъ Е. Марковъ:

«Пройдя длинный и узкій коридоръ, имѣющій видъ какой-то змѣиной лазейки и переполненный липкой грязью, мы очутились, наконецъ, у входа въ высокую темную пещеру. Неожиданность зрѣлища поразила меня. Мы были въ мрачной и таинственной индійской пагодѣ. Высокіе своды пропадали въ темнотѣ; колонны, узорчатыя, витыя, цѣлыми букетами поднимались кверху по стѣнамъ и угламъ. Ихъ расписала какими-то чудесными іероглифами [1]) невѣдомая рука... Со сводовъ падали цѣлыми десятками каменныя и хрустальныя паникадила; стояли посреди подземнаго храма великолѣпные массивные подсвѣчники странной работы, тоже сверкающіе какъ хрусталь; стояли огромные жертвенники изъ тяжелаго прозрачнаго камня, безобразные идолы, то коротенькіе, то уродливо толстые, то высокіе, какъ столбы колоннъ... Одинъ храмъ слѣдуетъ за другимъ, поднимаясь все выше и выше въ гору...

[1]) Іероглифы—знаки, замѣнявшіе у египтянъ буквы.

Освѣщенныя мерцающими огнями нашихъ свѣчей, эти могильныя капища кажутся еще таинственнѣе. Ихъ безчисленные сталактиты, вылившіеся во всевозможныя формы, то чуть-чуть обрисовываются въ голубоватомъ туманѣ, то сверкаютъ яркими искрами на черномъ фонѣ непроглядной тьмы. Тѣни длинныя, неуловимыя ползутъ по стѣнамъ, широко и медленно, и при нашемъ движеніи быстро перебѣгаютъ, какъ крыло испуганной птицы, переплетаются, сливаются другъ съ другомъ... Колоннады, жертвенники, идолы то выплываютъ изъ мрака, то тонутъ въ немъ... А на полу, между каменными сидѣніями, страшною грудою насыпаны человѣческіе черепа. Желтые, какъ старый пергаментъ, съ черными дырьями вмѣсто глазъ, съ оскаленными рядами зубовъ, покрытые землею и плѣсенью гніютъ эти черепа въ своемъ великолѣпномъ сталактитовомъ склепѣ. Они лежатъ безъ счета и призора, ихъ безъ вниманія топчетъ нога туриста, изумленно оглядывающаго пещеру». [1])

Исторія пещеры не извѣстна. Откуда взялись эти безчисленныя человѣческія кости—покрыто непроницаемымъ мракомъ. Какъ утверждаютъ путешественники, по формѣ череповъ можно было бы предположить, что это—останки древнихъ грековъ, неизвѣстнымъ образомъ попавшіе сюда. Но среди мѣстныхъ жителей разсказывается вотъ какая легенда.

Въ глубокой древности, когда Крымомъ владѣли могучіе татары, нахлынули въ ущелье Чатыръ-Дага несмѣтныя полчища турокъ. Они жгли и грабили деревни, угоняли скотъ, убивали женщинъ и дѣтей .. Все храброе населеніе крымскихъ горцевъ было перебито; осталась только тысяча человѣкъ, но самыхъ отважныхъ. Видя передъ собою неотразимую силу турецкихъ полковъ, не хотѣли они живыми отдаться на поруганіе врагу и рѣшили скрыться тамъ, куда не позволялось проникнуть ни одному смертному человѣку, гдѣ обитали злые духи тьмы: они бѣжали въ мрачную пещеру... Не посмѣли турки двинуться за ними и зажгли передъ входомъ огромные костры Дымъ наполнилъ подземелье и задушилъ всѣхъ. И. погибая въ страшныхъ мученіяхъ, ни одинъ человѣкъ не вышелъ оттуда и не сдался.

Многія тысячи лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, когда первыя капельки просочились въ пещеру, но и до сихъ поръ во многихъ гротахъ и галлереяхъ идетъ неутомимая работа. Почти въ каждой сталактитовой пещерѣ можно замѣтить тихое, но непрерывное паденіе капелекъ. Въ Мамонтовой пещерѣ проводникъ обращаетъ вниманіе на *«водяные часы»*. Въ отдаленіи слышатся равномѣрно повторяемые звуки: гдѣ-то въ стѣнѣ вытекаетъ капля за каплей вода и падаетъ въ бассейнъ. Это равномѣрное паденіе капель происходитъ непрерывно и лѣтомъ, и зимою, но мѣсто паденія еще

[1]) См. очень интересную книгу Е. Маркова „Очерки Крыма“.

не найдено: быть можетъ, оно и вовсе недоступно... На Уралѣ по теченію рѣки Бѣлой существуетъ пещера, называемая въ народѣ *Каповой* [1]). Въ ней тоже слышится непрерывное паденіе водяныхъ капелекъ... Блуждая по подземнымъ заламъ Адельсбергскаго грота, вы часто можете видѣть, какъ на концахъ сталактитовъ висятъ крохотныя капельки. Здѣсь работа еще продолжается. Проводники, завѣдующіе гротомъ, ставятъ въ такихъ мѣстахъ стаканы, наполненные костями, мелкими камнями и т. п. Падающія въ стаканъ капельки мало-по-малу покрываютъ эти предметы известковою корой.. Въ другихъ гротахъ наоборотъ,—работа водяныхъ капелекъ давно прекратилась: сталактиты и дно пещеры совершенно сухи.

Извѣстны случаи, когда сталактиты образовались на глазахъ людей. Въ городѣ Юрьевѣ (Дерптѣ) Лифляндской губерніи черезъ рѣку Эмбахъ перекинутъ старый каменный мостъ. Онъ построенъ еще при императрицѣ Екатеринѣ II. Подъ арками этого моста образовались теперь настоящія сталактитовыя пещеры, потолокъ которыхъ украшенъ каменными сосульками до полъ-аршина въ длину. Проѣзжая подъ мостомъ на лодкѣ, невольно поражаешься ихъ видомъ. Къ сожалѣнію, достать до нихъ рукою невозможно, а отъ битья палкой они разсыпаются на мелкіе куски. Катающіеся по рѣкѣ не особенно щадятъ это произведеніе природы, и врядъ-ли когда-нибудь сталактиты Эмбахскаго моста достигнутъ значительной длины Такіе же сталактиты были сняты съ потолка нѣкоторыхъ оранжерей въ ботаническомъ саду того же города. Довольно крупные сталактиты попадаются и въ Петербургѣ подъ Николаевскимъ и Троицкимъ мостами (рис. 102). Такіе сталактиты, которые образовались недавно, внутри обыкновенно полы и хрупки: они не могутъ образовать тѣхъ огромныхъ колоннъ, которыя наблюдаемъ мы въ подземныхъ пещерахъ. Послѣднія растутъ очень медленно. Надписи, вырѣзанныя на нихъ посѣтителями пещеръ въ XIII и XIV вѣкахъ, покрылись только очень тонкимъ прозрачнымъ слоемъ. Отсюда уже не трудно сообразить, что для образованія какой-нибудь колонны, въ нѣсколько аршинъ въ обхватѣ, понадобится не одно тысячелѣтіе.

По самымъ скромнымъ расчетамъ пещера Лурей, не отличающаяся особенно большими размѣрами, существуетъ не менѣе семи милліоновъ лѣтъ.

V.

Пещеры привлекали къ себѣ вниманіе человѣка еще въ то время, когда онъ жилъ въ дикомъ состояніи и не умѣлъ строить

---

[1]) Описаніе этой пещеры см. въ книгѣ С. Меча „Россія". Географическій сборникъ.

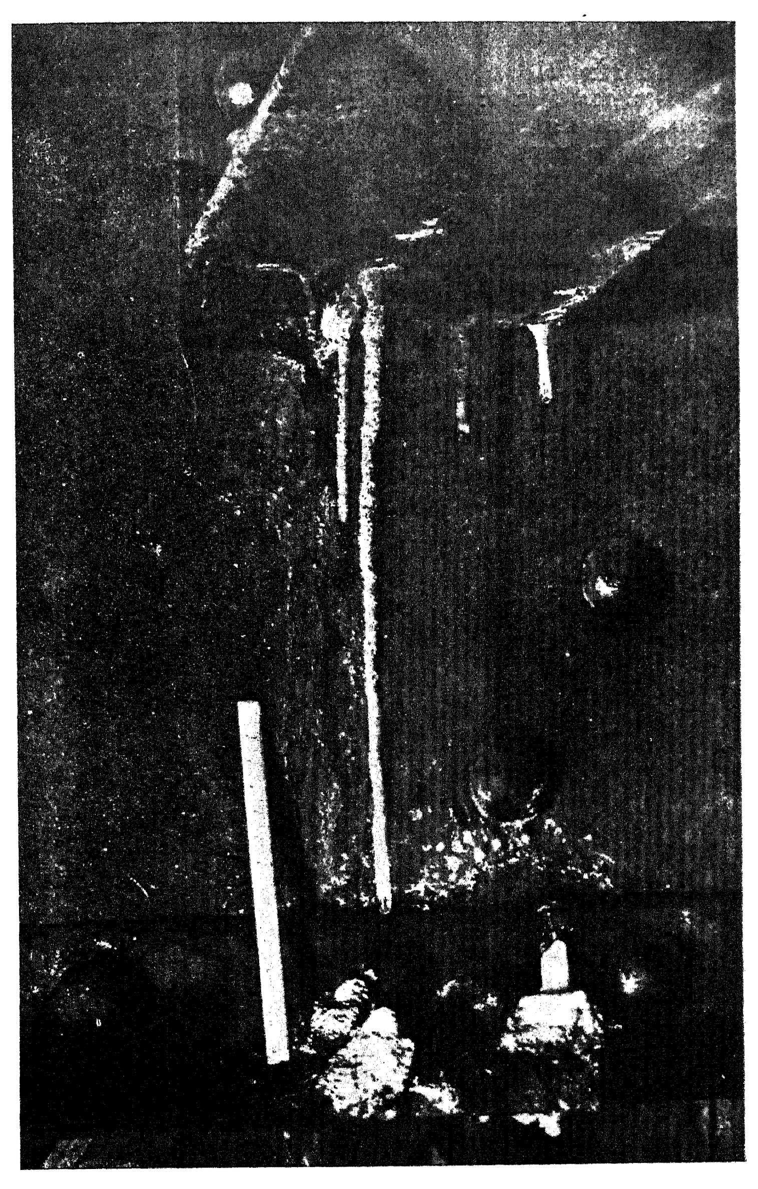

Рис. 102. Сталактиты подъ Троицкимъ мостомъ въ Петербургѣ.
Съ фотогр. А. Н. Чуракова.

домовъ. Въ нихъ онъ находилъ защиту не только отъ непогоды, но и отъ дикихъ звѣрей: стоило лишь зажечь у входа костеръ, и животныя, которыя, какъ извѣстно, боятся огня, не осмѣливались приблизиться къ нему.

Чтобы завладѣть пещерами, человѣку въ большинствѣ случаевъ пришлось выдержать борьбу. Первыми обитателями ихъ были лютые хищники,—теперь уже вымершіе пещерные медвѣди, львы и гіены. Умирая, они оставляли въ пещерахъ свои туши, которыя быстро разлагались; сохранялись только кости, которыя мало-помалу пропитывались известковыми растворами и превращались въ настоящій камень. Поэтому во многихъ пещерахъ встрѣчаются значительныя скопленія костей животныхъ. Прежде ихъ добывали съ большимъ усердіемъ и употребляли, какъ цѣлебное средство, противъ всѣхъ болѣзней. Но особенный интересъ привлекли къ себѣ эти кости, когда было выяснено, что онѣ принадлежатъ нынѣ вымершимъ животнымъ. Изъ числа пещеръ, наиболѣе богатыхъ ископаемою костью, широкую извѣстность пріобрѣла Гайленрейтерская пещера во Франконской Швейцаріи. Эта пещера имѣетъ очень узкій входъ, обладаетъ огромными размѣрами и располагается въ нѣсколько этажей. Многіе гроты ея украшены сталактитами. На днѣ ихъ въ толщахъ глины и подъ известковыми натеками находили несмѣтныя количества костей, принадлежащихъ гигантскимъ медвѣдямъ, львамъ, гіенамъ и сѣверному оленю. Въ числѣ этихъ находокъ особенно интересна рука человѣка, вѣроятно затащенная сюда однимъ изъ хищниковъ.

Въ другихъ пещерахъ, на ряду съ костями животныхъ, попадались черепа, зубы и другія кости человѣка, а также разные остатки его орудій.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ пещерахъ Европы жилъ человѣкъ, прошли десятки тысячелѣтій... Даже въ преданіяхъ старины не сохранилось никакихъ воспоминаній объ этомъ времени. Но по многочисленнымъ находкамъ орудій и утвари первобытнаго человѣка удалось довольно ясно представить картину его жизни.

По своему внѣшнему виду онъ сильно отличался отъ современныхъ жителей Европы, былъ высокаго роста, имѣлъ выступающія впередъ челюсти и покатый лобъ. Онъ не сѣялъ хлѣба, не имѣлъ еще домашнихъ животныхъ и занимался охотою, при чемъ отваживался нападать на гигантскаго слона-мамонта, который въ настоящее время уже вымеръ. Всѣ свои орудія и оружіе,—топоры, молотки, долота, ножи, наконечники стрѣлъ и копій приготовлялъ онъ изъ грубаго неотесаннаго камня. Употлебленіе метталовъ ему было неизвѣстно, но онъ умѣлъ уже дѣлать грубую глиняную посуду [1]).

[1]) См. занимательный разсказъ Д. А. Коропчевскаго „Дѣти каменнаго вѣка".

Бѣжали вѣка, человѣкъ мало-по-малу совершенствовался, научился пользоваться металлами, приручилъ многихъ животныхъ, сталъ заниматься земледѣліемъ и наконецъ основалъ тѣ государства, съ которыми мы встрѣчаемся на первыхъ страницахъ исторіи.

Пещеры раскрыли намъ многое изъ жизни первобытнаго человѣка. Вотъ почему и теперь, нерѣдко съ рискомъ жизни, ученые спускаются въ нѣдра таинственныхъ подземелій и проводятъ тамъ цѣлые дни, слѣдя за раскопками.

Даже въ историческое время человѣкъ пользовался пещерами

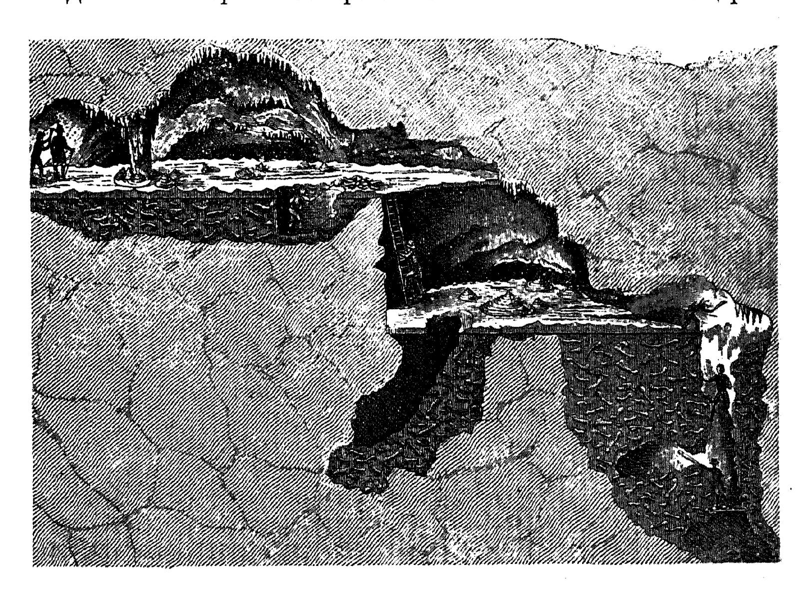

Рис. 103. Гайленрейтерская пещера во Франконіи съ многочисленными скопленіями костей.

для различныхъ надобностей. Египтяне хоронили въ нихъ останки священныхъ животныхъ, которыхъ такъ же, какъ и людей, бальзамировали, т. е, вынувъ внутренности, наполняли тѣло душистыми травами, смазывали его пахучими маслами и, завернувъ въ дорогія ткани, сохраняли въ подземельѣ. Такія набальзамированные трупы или муміи, какъ ихъ называютъ, не разлагались и остались цѣлы до настоящаго времени. Въ большихъ количествахъ попадаются они и въ пещерахъ. Изъ такихъ пещеръ особенно извѣстны египетскія «Пещеры крокодиловъ» (рис. 104). Онѣ состоятъ изъ многихъ десятковъ комнатъ, тѣсныхъ и низкихъ. Комнаты сообщаются между собою узкими проходами, а иногда и просто щелями. Лѣтъ

30 назадъ посѣтилъ эти пещеры путешествовавшій тогда по Африкѣ знаменитый естествоиспытатель Бремъ.

«Мы ѣхали по Нилу», разсказываетъ онъ, «и ночью пристали къ городу Манфалуту. На противоположномъ берегу, за селеніемъ Моабдехъ, какъ разъ и лежатъ знаменитыя пещеры крокодиловъ. Наняли мы небольшую лодочку, взяли двухъ проводниковъ-арабовъ и отправились... Выйдя на берегъ, мы добрались скоро до подошвы невысокихъ холмовъ. Въ одномъ изъ нихъ проводникъ указалъ намъ входъ въ пещеру. То была небольшая дыра, прикрытая свѣсившимся надъ нею громаднымъ обломкомъ утеса. Кругомъ бѣлѣлись на солнцѣ кости мумій и сухія мышцы; финиковая кора, финиковыя вѣтки и перегнившій холстъ навалены были кучами. Проводники раздѣлись и осторожно полѣзли въ отверстіе. Мы отправились за ними и зажгли свѣчи. Извнутри пещеры обдало насъ крѣпкимъ противнымъ запахомъ. Мы чуть не задохлись отъ пыли и жара. Проходъ былъ очень узкій: мы то и дѣло задѣвали за угловатые камни. Мало-по-малу, однако, пыль рѣдѣла, проходъ расширялся, становился просторнѣе и выше. Тысячи-тысячъ летучихъ мышей укрывались въ этихъ пустотахъ; онѣ сплошной массой висѣли одна около другой, уцѣпившись ногами за сводъ, точно мухи. Спугнутыя нами, онѣ срывались съ мѣста и кучами летали вокругъ съ страшнымъ шумомъ; постепенно усиливаясь, онъ отдавался въ пещерѣ, какъ отдаленные раскаты грома. Не одинъ разъ летучія мыши тушили наши свѣчи; нѣсколькихъ мы поймали, но должны были тотчасъ выпустить: онѣ страшно кусались».

«Длинный ходъ привелъ насъ въ просторную залу. Мы никакъ не могли освѣтить ее своими плохими свѣчами. Отсюда во всѣ стороны расходились просторные коридоры. Мы вошли въ одинъ изъ нихъ и принуждены были снова пробираться ползкомъ: проходъ былъ очень узкій, мы не разъ вязли и съ трудомъ могли пролѣзать дальше. То и дѣло, должны мы были перелѣзать черезъ нагроможденныя каменныя глыбы; вправо и влѣво виднѣлись большія трещины и провалы, въ которые очень опасно было свалиться. Наконецъ, мы протискались черезъ узкую лазейку и очутились въ просторной сводчатой пещерѣ. Запахъ здѣсь былъ невыносимъ. Одинъ изъ проводниковъ разсказалъ, что тутъ однажды задохлись двое англичанъ... На полу валялось много пальмоваго лыка и обрывковъ холста. Мы влѣзли на вершину холма. При ближайшемъ разсмотрѣніи онъ оказался сложеннымъ изъ мумій. Очень немногія изъ нихъ были еще совершенно цѣлы: прежніе посѣтители пещеры уже развернули ихъ, повытаскали изъ гнилыхъ покрововъ и переломали. Тутъ же набросаны были массы холста. Проводники предупредили, чтобы мы осторожно обращались со свѣчами: достаточно одной искры и тряпки вспыхнутъ. Мы скоро выбрали себѣ нѣсколько отлично сохранившихся мумій; прошли еще немного дальше

и очутились въ обширной, сводчатой пещерѣ. Здѣсь лежали тысячи мумій крокодиловъ всевозможныхъ размѣровъ, отъ десяти дюймовъ длины до двадцати футовъ и болѣе. Всѣ онѣ располагались слоями одинъ на другомъ».

«Своды пещеры покрыты надписями и именами прежнихъ посѣтителей. На одномъ довольно гладкомъ участкѣ стѣны сохранились даже слѣды одной римской ученой экспедиціи: на камнѣ большими буквами высѣчено: Speditione romana.

«Мы выбрали себѣ по нѣскольку сохранившихся крокодиловъ и отправились въ обратный путь; свѣчи уже совсѣмъ догорѣли. Мы шли и лѣзли довольно медленно: всякій что-нибудь несъ. Среди

Рис. 104. Въ пещерѣ крокодиловъ.

дороги свѣчи угрожали окончательно потухнуть. Мы невольно пришли въ содроганіе... Тогда одинъ изъ матросовъ вынулъ изъ кармана нѣсколько огарковъ. Онъ благоразумно ихъ приберегъ именно на такой случай. Съ живѣйшей радостью мы зажгли эти огарки; ихъ оказалось достаточно. Наконецъ, мы завидѣли солнечный свѣтъ и нашихъ слугъ, ожидавшихъ у входа. Мы громко закричали «ура» и приказали повару Фадтлю сварить кофе. Фадтль на нашихъ глазахъ зажегъ небольшой костеръ. Вмѣсто дровъ онъ употребилъ муміи, пропитанныя смолою, и пальмовое лыко; оно было оторвано отъ древнихъ стволовъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ и теперь вытащено изъ пещеры...

«Мы очень устали, съ наслажденіемъ разлеглись на своихъ ко-

врахъ и полною грудью вдыхали въ себя чистый воздухъ, съ удовольствіемъ разсматривая принесенныя изъ пещеры муміи. Ихъ было семь; всѣ отлично сохранились.

«Затѣмъ мы пошли къ рѣкѣ. Взобравшись на одинъ изъ утесовъ, мы остановились, чтобы полюбоваться восхитительной панорамой, которая разстилалась передъ нашими глазами. Необозримая долина Нила, окутанная туманами и покрытая озерами, тянулась на далекое пространство. Селенія выставлялись тамъ и сямъ, точно цвѣтущіе острова; дома, минареты и пальмы разбросаны были въ живописномъ безпорядкѣ; а вдали, на горизонтѣ разстилалась пустыня».

Путешествіе по этимъ пещерамъ не безопасно. Баронъ Фелькерзамъ, посѣтившій ихъ еще въ XVII столѣтіи, наткнулся тамъ на трупъ человѣка, который, распростершись по землѣ, заграждалъ дорогу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него лежалъ другой трупъ. Оба трупа совершенно высохли и были тверды, какъ дерево. По костюму это были европейцы, которые погибли, вѣроятно, отъ удушливыхъ испареній. Справки показали, что нѣсколько лѣтъ назадъ англійскій путешественникъ Вальтеръ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ отправились осматривать подземелье и никогда болѣе не возвращались оттуда.

Въ той же пещерѣ показывали нѣсколько лѣтъ назадъ совершенно высохшій трупъ путешественника, заблудившагося въ лабиринтѣ переходовъ и умершаго отъ голода и усталости.

VI.

Не всѣ пещеры могли въ одинаковой степени служить человѣку. Нѣкоторыя изъ нихъ даже и во времена глубокой древности были неудобны для обитанія. Сюда относятся, напр., всѣ ледяныя пещеры. Въ нихъ стоитъ цѣлый годъ низкая температура, и вода остается въ замерзшемъ состояніи. Пещеры эти встрѣчаются по преимуществу въ странахъ, гдѣ лѣто жаркое, но короткое, а зима холодная и длинная. Въ лѣтніе мѣсяцы каменныя массы горъ не успѣваютъ прогрѣться насквозь и въ глубинѣ ихъ, въ длинныхъ и темныхъ пещерахъ сохраняется зимняя температура. Вода, просачивающаяся сверху, быстро замерзаетъ въ этихъ холодныхъ гротахъ и, стекая по каплямъ, образуетъ причудливые ледяные сталактиты и сталагмиты.

Такія пещеры-ледники извѣстны во многихъ мѣстахъ, встрѣчаются и въ Россіи: въ Крыму и на Уралѣ. Всѣ онѣ мало изслѣдованы. Для примѣра я назову пещеру абатства Божіей Милости въ шести миляхъ отъ Безансона. Расположенная въ глухомъ лѣсу, пещера эта имѣетъ довольно широкій входъ и, несмотря на это, весь годъ бываетъ наполнена льдомъ. По бокамъ висятъ ледяные

фестоны, съ которыхъ постоянно стекаютъ капли воды, образующія на днѣ толстый ледяной слой. По мѣрѣ спуска въ ледникъ, большія бѣловатыя массы, едва замѣтныя по дальности разстоянія, становятся все болѣе блестящими. Высокія серебристыя колонны поддерживаютъ снѣгъ, а на стѣнахъ сверкаютъ ледяныя иглы и неподвижные каскады,—словомъ здѣсь такое же богатство формъ, какъ и въ известняковыхъ пещерахъ, разница только въ цвѣтѣ: всѣ сталактитовыя образованія обладаютъ здѣсь ослѣпительною бѣлизной.

Любоваться красотами грота значительно мѣшаетъ сильный холодъ. Свѣжесть воздуха, чувствительная уже при входѣ, по мѣрѣ спуска превращается въ настоящій морозъ, такъ что потомъ пріятно погрѣться на солнцѣ. Зелень, безоблачное небо кажутся тогда вдвое прекраснѣе, и воздухъ, наполненный ароматомъ цвѣтовъ, доставляетъ невыразимое наслажденіе.

Въ пещерахъ Урала.

Лѣтомъ 1901 года мнѣ привелось побывать на Уралѣ и между прочимъ посѣтить знаменитую «Ледяную пещеру» въ окрестностяхъ города Кунгура. Спутникомъ моихъ экскурсій былъ мой ученикъ, кадетъ 1-го корпуса.

Давно знакомымъ мнѣ путемъ добрались мы по Волгѣ до Нижняго-Новгорода, гдѣ и пересѣли на большой двухъэтажный пароходъ братьевъ Каменскихъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Пермь. Трудно вообразить что-нибудь унылѣе береговъ нижней Камы! Ничѣмъ не ознаменовано впаденіе ея въ Волгу: ни городка, ни поселка. Только узкій и длинный песчаный языкъ раздѣляетъ двѣ могучія рѣки. По обоимъ берегамъ тянется безграничная низменная пойма съ ея однообразнымъ ландшафтомъ. Кругомъ никакого намека на человѣческое жилье. Ничто не нарушаетъ торжественной тишины, и, кажется, сама рѣка спитъ, нехотя отражая въ своей зеркальной поверхности унылый ландшафтъ береговъ.

Полдня ѣхали мы, томясь однообразіемъ картинъ и жадно ожидая новыхъ впечатлѣній. Вдругъ позади парохода на горизонтѣ показалось темное облако. Еще вчера вечеромъ наблюдались зловѣщіе признаки. Всю ночь сверкали зарницы. Узкій рогъ нарождающейся луны былъ огненно-краснымъ. Но, казалось, этимъ признакамъ не суждено было оправдаться. Цѣлый день небо оставалось безоблачнымъ. Не слышно было и слабаго вѣтра... И вотъ теперь далеко на горизонтѣ протянулись длинныя тучевидныя полосы. Край небосклона почернѣлъ, и тьма шире и шире расползалась по небу. Кто-то сказалъ: «пыль идетъ!» Не прошло и минуты, какъ вдали на берегу и въ самомъ дѣлѣ закружилась пыль. Высокими струями неслась она прямо на насъ. Съ поразительною быстротой берегъ заволакивался туманомъ. Солнце скрылось. Еще нѣсколько мгновеній, и оба берега исчезли. Пронесся свирѣпый порывъ вѣтра. На водѣ поднялись бѣлые гребни. Кама потеряла границы

и вдругъ превратилась въ одно безбрежное море. Свирѣпо гудитъ вѣтеръ. Пароходъ скрипитъ. Пыль несется на корму. Волны вздымаются все выше и грознѣе. Начинается качка. Нѣтъ силъ держаться на ногахъ. На небѣ взгромоздилися тучи. Гремитъ отдаленный громъ. Вотъ черная тьма прорѣзалась длинными зигзагами молніи. Золотистою нитью спустилась она съ высоты и, извернувшись змѣею, пропала. Капли дождя упали на палубу. Вотъ онѣ уже мочатъ лицо и руки, но удивительно! вода ихъ совсѣмъ тепла...

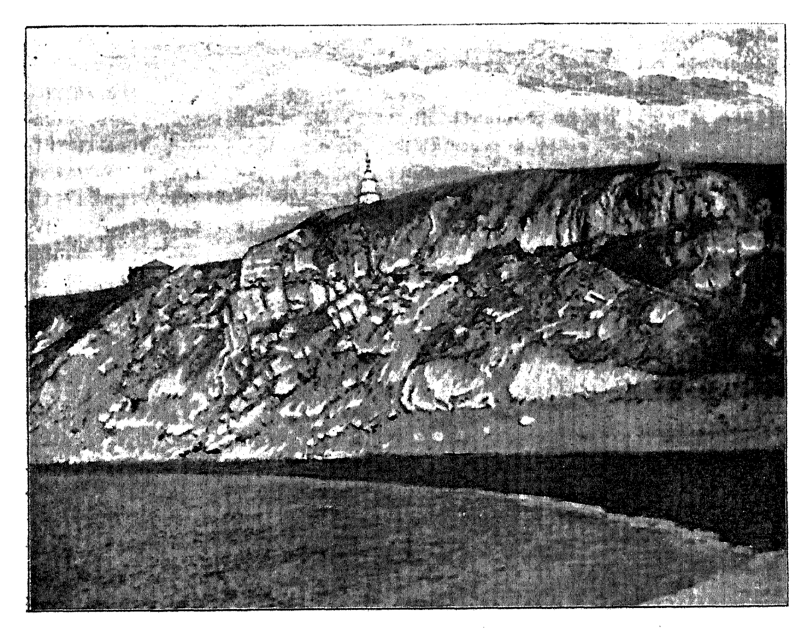

Рис. 105. Берегъ рѣки Сылвы по дорогѣ къ пещерѣ.

Пароходъ подходитъ къ пристани. Радостное чувство охватываетъ всѣхъ: мы у твердой земли! Но какая кругомъ грозная картина! Всюду слѣды разрушенія: поломанные мостики, залитыя лодки... Волны яростно бьютъ въ берега. Простоявъ нѣсколько минутъ, пароходъ даетъ свистокъ и трогается. Между тѣмъ Кама успокаивается. Качки уже нѣтъ. И вдругъ поразительный контрастъ... Всѣ еще находятся подъ впечатлѣніемъ грознаго величія бури, тутъ и тамъ еще вздымаются бѣлые гребешки, а внизу на палубѣ раздается разудалая пѣсня...

Скоро Кама заснула. Мертвая тишина окутала ея берега и

водную поверхность. Но небо осталось чернымъ. Ночью дождь хлесталъ по крышамъ каютъ. Я пробовалъ выходить на палубу. Кругомъ непроницаемая тьма: зги не видать. И, точно звѣзды на ночномъ небѣ, ярко свѣтятъ вдали сторожевые огоньки.

На другой день Кама предстала уже въ иномъ свѣтѣ. Потянулись обнаженія тѣхъ же пестроцвѣтныхъ мергелей, что выступаютъ и на Волгѣ. Берегъ до невѣроятія дикъ. Вся его каменная масса разбита на огромное множество мрачныхъ и однообразныхъ коническихъ холмовъ. Склоны совершенно голы. Никакихъ слѣдовъ человѣка. Но попрежнему, какъ и на Волгѣ, встрѣчаются острова, украшенные вѣтвистыми осокорями, и также за пароходомъ вьются крикливыя чайки.

Чѣмъ дальше мы поднимались, тѣмъ диче и красивѣе становились берега. Скоро совсѣмъ пропалъ волжскій ландшафтъ. Смѣшанный лѣсъ замѣнился хвойнымъ, и ель пріобрѣла господствующую роль. Но сплошного лѣса еще нѣтъ. Тутъ и тамъ выступаютъ голые обрывы, тутъ и тамъ ихъ смѣняютъ зеленыя лужайки съ темными пятнами еловыхъ зарослей. Сама Кама еще болѣе опустѣла. Рѣдко встрѣтится пароходъ, и пассажиры идутъ на трапъ смотрѣть на него, какъ на рѣдкость. Не видно длинныхъ каравановъ барокъ, которые такъ часто попадаются на Волгѣ. Ихъ замѣняютъ огромные плоты... Дико, сурово и величественно кругомъ! Въ холодномъ дуновеніи вѣтра и рѣзкой прохладѣ ночей уже чувствуется близость сѣвера.

Черезъ два дня мы были въ Перми, гдѣ и пересѣли на маленькій пароходъ «Желанный»; по рѣкамъ Чусовой и Сылвѣ онъ долженъ былъ доставить насъ въ Кунгуръ, въ двухъ верстахъ отъ котораго и находится «Ледяная пещера», бывшая цѣлью нашего путешествія. Еще въ сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія Киттары сдѣлалъ прекрасное описаніе ея, и съ тѣхъ поръ многочисленные туристы и ученые посѣщаютъ ее. И. С. Поляковъ, бывшій въ пещерѣ лѣтъ двадцать назадъ, нашелъ въ ней многое измѣнившимся. Съ большимъ нетерпѣніемъ стремились мы въ Кунгуръ, чтобы самимъ пережить впечатлѣнія, которыя въ такомъ заманчивомъ видѣ изложены въ описаніяхъ прежнихъ посѣтителей пещеры.

Одинъ изъ пассажировъ парохода, ѣхавшій тоже въ Кунгуръ, заинтересовался нашимъ планомъ посѣщенія пещеры и предложилъ составить цѣлую компанію, на что мы охотно согласились.

Пріѣхавъ въ Кунгуръ вечеромъ, мы переночевали на пароходѣ и рано утромъ отправились на базаръ, гдѣ пріобрѣли двѣ дешевыхъ ситцевыхъ рубахи, чтобы ихъ не жалко было бросить, двѣ пары кожаныхъ рукавицъ, фунта четыре стеариновыхъ свѣчей и нѣсколько связокъ бичевки, которая могла бы пригодиться въ томъ случаѣ, если бы проводникъ оказался недостаточно опытнымъ, и

мы заблудились бы въ пещерѣ: мы предполагали привязать ее у входа и постепенно разматывать по мѣрѣ углубленія въ подземелье.

Около десяти часовъ утра мы были уже на берегу рѣки, гдѣ встрѣтили всю компанію, готовую къ отплытію. Въ числѣ нашихъ спутниковъ оказались двѣ консерваторки изъ Петербурга, остальные — все молодежь и притомъ мѣстные жители, никогда еще не видавшіе пещеры.

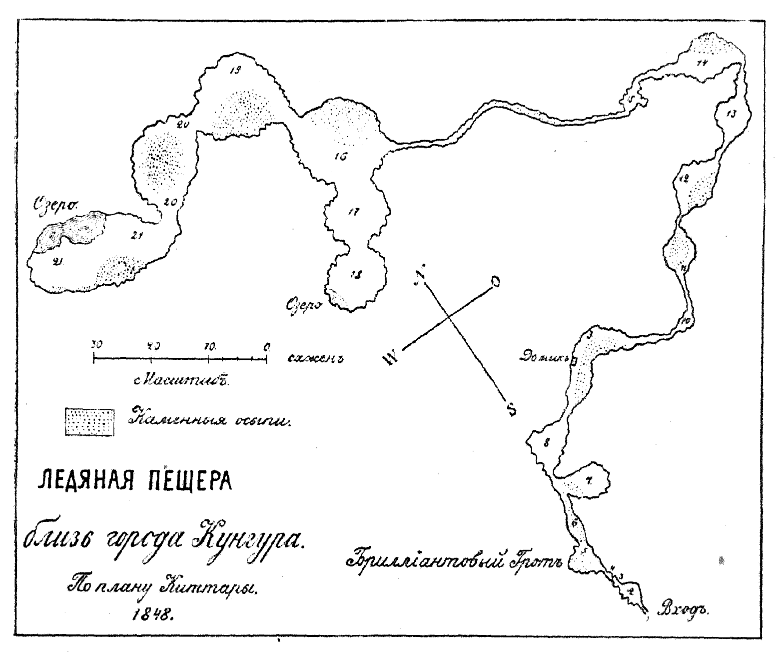

Рис. 106. Планъ Кунгурской пещеры.

Мы усѣлись въ лодки и отчалили. Берега, открывшіеся передъ нами, уже настраивали на угрюмый ладъ. Высокими отвѣсными и совершенно голыми стѣнами поднимались они надъ рѣкою. (рис. 105). Плыть намъ пришлось не долго, и черезъ какихъ-нибудь три четверти часа мы были уже у входа въ пещеру, который лежитъ саженяхъ въ 20 отъ Сылвы.

Здѣсь мы расположились отдыхать, между тѣмъ какъ двое изъ нашихъ спутниковъ отправились въ село Банное разыскивать проводника. Къ нашему изумленію, у входа въ пещеру оказалась дверь, запертая на замокъ.

Проводникъ не заставилъ себя ждать. Отъ него мы узнали, что пещера арендуется мѣстнымъ крестьяниномъ Романовскимъ, племянникомъ того Романовскаго, который былъ проводникомъ Полякова. Арендная плата пустая,—всего 10 рублей въ годъ, но и эта скромная сумма выручается съ трудомъ. Романовскій предполагалъ пользоваться пещерой, какъ ледникомъ для храненія рыбы, но по какой-то непонятной причинѣ рыба тамъ скоро портилась: пришлось возложить всѣ надежды на туристовъ, а они не могутъ представить доходной статьи уже потому, что являются сюда рѣдко. Какъ бы то ни было, входъ оказался платнымъ—по 50 копѣекъ съ человѣка.

Проводникъ нашъ явился съ ключами, и дверь была отперта. Мы приготовились къ спуску. Дикое впечатлѣніе произвела на меня эта пещера, и тѣмъ болѣе, что спускался я въ нѣдра земныя первый разъ. Къ сожалѣнію, я потерялъ мои путевыя записки и былъ бы, вѣроятно, лишенъ возможности разсказать о нашемъ восьмичасовомъ пребываніи подъ землей, если бы у моего спутника не оказалось прекраснаго описанія этой экскурсіи. Привожу его разсказъ.

«Пока всѣ отдыхали, я пошелъ познакомиться со входомъ. Онъ помѣщается ниже уровня земли, какъ бы въ ямѣ, и представляетъ собой дыру, аршина полтора въ діаметрѣ. Я сѣлъ около этой дыры и вглядывался въ ея зіяющую пасть. Какой контрастъ! Здѣсь кругомъ меня кипитъ жизнь, голубое небо, жаркое солнце, а тамъ подо мною, тьма, холодъ, оттуда вѣетъ сыростью... И мнѣ вдругъ захотѣлось подольше полюбоваться живою природой, погрѣться на солнцѣ, я съ невольнымъ трепетомъ думалъ, что черезъ нѣсколько минутъ буду въ царствѣ вѣчной тьмы и вѣчнаго холода. Но надо и въ путь. Всѣ начали облачаться въ самые причудливые костюмы: одни надѣвали какіе-то длинные балахоны и подвязывали ихъ веревками, другіе выворачивали пальто на изнанку, третьи нацѣпляли на себя какія-то рубища. Багажъ нашъ,—фотографическій аппаратъ, разныя принадлежности дляениманія при свѣтѣ магнія, провизія, изрядный запасъ свѣчей и проч. былъ распредѣленъ поровну между всѣми, такъ что на долю каждаго приходилось немного. Замѣчу кстати, что запасенную на всякій случай бичевку мы съ собой не взяли. Предосторожность оказалась излишней: годъ тому назадъ мѣстная милліонерша Колчина посѣтила пещеру; для большей безопасности она предварительно приказала всюду разложить стрѣлки, указывающія направленіе пути, и протянуть по всѣмъ ходамъ бумажную тесьму. Эта тесьма отчасти втоптались въ дно пещеры, отчасти вмерзла въ него и, безъ сомнѣнія, долго можетъ служить прекраснымъ указателемъ пути для тѣхъ туристовъ, которые не хотятъ положиться на проводника.

«Окончивши сборы, вся компанія во главѣ съ проводникомъ

двинулась къ пещерѣ. Уже самый входъ производитъ непріятное, отталкивающее впечатлѣніе. Съ глухимъ завываніемъ идетъ изъ него струя холоднаго воздуха, тушитъ свѣчи и прямо-таки отбиваетъ всякую охоту къ дальнѣйшему путешествію. Тутъ я вполнѣ оцѣнилъ слова Полякова: «Многіе, говоритъ онъ, подойдя къ пещерѣ, такъ непріятно ею поражались, что не рѣшались итти дальше вглубь и поворачивали обратно». Мнѣ кажется, что надписи, испещряющія входъ, довольно ясно свидѣтельствуютъ о малодушіи многихъ посѣтителей пещеры.

Рис. 107. Бриллiантовый гротъ. Съ фот. Н. И. Каракаша.

«Входъ—слишкомъ громкое названіе для этой лазейки, по которой надо ползти на животѣ сажени двѣ, да еще внизъ головою. Мы ползли впотьмахъ, такъ какъ зажечь свѣчи у входа было невозможно: вѣтеръ задувалъ ихъ. Миновавъ лазейку, мы вступили въ первое, довольно просторное отдѣленіе пещеры (см. планъ на рис. 106). Дневной свѣтъ проникаетъ въ него очень слабо. Здѣсь мы зажгли свѣчи. Подъ ногами ледъ. Стѣны покрыты инеемъ. Температура сравнительно съ наружной кажется очень низкой. Холодъ захватываетъ дыханіе и пронизываетъ тѣло. Но что это? Изъ одного угла грота вдругъ пахнуло чѣмъ-то ужаснымъ. Проводникъ

Рис. 108. Ледяныя люстры въ Кунгурской пещерѣ.

пояснилъ, что зловоніе распространяютъ груды тухлой рыбы, сложенной въ углу. Холодъ и нестерпимый запахъ не дали намъ возможности лучше ознакомиться съ первымъ отдѣленіемъ. Скорѣе дальше, прочь отъ ужаснаго грота! Всѣ буквально кинулись вслѣдъ за проводникомъ въ двѣ щели, зіяющія между камней на противоположной отъ входа стѣнѣ. Но изъ огня мы попали въ полымя. Проходъ, по которому мы поползли,—одинъ изъ самыхъ неудобныхъ во всей пещерѣ. Сперва мы спустились по камнямъ нѣсколько внизъ и очутились въ такой же дырѣ, какъ и входъ, даже еще, пожалуй, хуже. Сильная, холодная струя воздуха погасила свѣчи, и казалось мы ползли головою внизъ въ какую-то темную бездну. Въ одномъ мѣстѣ лазейка дѣлаетъ сильный изгибъ, и здѣсь мнѣ опять пришли на память слова Полякова, что нужно обладать особенной гибкостью стана, чтобы проползти этотъ неудобный проходъ. Но зато, миновавъ его, мы были вполнѣ вознаграждены чуднымъ зрѣлищемъ «Бриллiантоваго грота».

«Это небольшой, чистый гротъ. Стѣны и потолокъ его сплошь покрыты кристаллами льда (рис. 107). На потолкѣ они стягиваются и нависаютъ роскошными гроздями и люстрами. Каждый кристалликъ имѣетъ форму правильной шестиугольной таблички съ діаметромъ въ два и даже три дюйма (рис. 109). Параллельно краямъ идутъ штрихи, показывающіе, что каждая такая пластинка—сростокъ очень многихъ столбчатыхъ кристалловъ. Пластинки эти

цѣпляются другъ за друга своими углами и образуютъ довольно длинныя цѣпи. На нижнихъ концахъ цѣпей виситъ цѣлый пукъ такихъ же пластинокъ, такъ что получается близкое подобiе люстры (рис. 108). Пластинки и составляющiе ихъ кристаллики соединены очень непрочно. Достаточно легкаго прикосновенiя, чтобы цѣпь развалилась. Ударяясь о дно пещеры, она распадается на отдѣльные игольчатые кристаллики. Вѣроятно, весь тотъ разсыпчатый ледъ, который покрываетъ дно грота, образовался изъ кристалловъ, раньше красовавшихся на сводахъ. Гротъ этотъ вполнѣ заслуживаетъ свое названiе: кристаллы, усыпающiе его сводъ, при свѣтѣ свѣчей, то потухаютъ, то опять вспыхиваютъ, и горятъ яркими огоньками, точно бриллiанты. А когда мы зажгли ленту магнiя, то подземный дворецъ, озаренный яркимъ свѣтомъ, предсталъ пе-

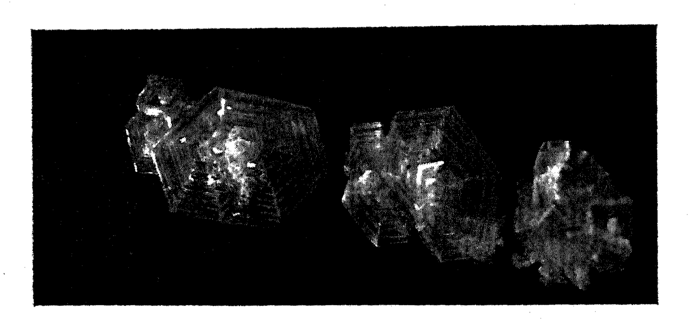

Рис. 109. Кристаллы льда въ Кунгурской ледяной пещерѣ.
Съ фот. Н. И. Каракаша.

редъ нами въ новомъ блескѣ и величiи... Влѣво отъ входа возвышается гора, сложенная изъ обломковъ камней и покрытая инеемъ. Расположившись на ней, мы долго не могли оторваться отъ фантастической картины.

«Налюбовавшись вдоволь, мы двинулись далѣе. Путь опять не легокъ. Сразу изъ «Бриллiантоваго грота» онъ идетъ по узенькой тропинкѣ, проложенной по скату ледяной горы. Благодаря низкому своду, итти здѣсь надо сильно согнувшись. Справа—голая, гладкая ледяная стѣна, слѣва—одинъ лишь непроглядный мракъ. Что за бездну скрываетъ эта мгла?—думаешь невольно,—и отъ этой мысли мурашки пробѣгаютъ по тѣлу, и ближе прижимаешься къ холодной стѣнѣ! Путь по скату тянется приблизительно не болѣе десяти саженъ. Онъ облегчается тѣмъ, что для миллiонерши, о которой упоминалось выше, здѣсь были пробиты ступени, теперь впрочемъ уже сильно сгладившiяся. Поляковъ думаетъ, что этотъ скатъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается, все ближе под-

ходитъ къ потолку, и что въ концѣ концовъ ледяная гора окончательно соединится со сводомъ; такимъ образомъ доступъ въ остальную часть пещеры будетъ прекращенъ. Доказательство этому Поляковъ видитъ въ словахъ Киттары, посѣтившаго пещеру въ сороковыхъ годахъ: проводники его, увидя ледяной скатъ, были очень удивлены. Они называли его «притчей», которой прежде не было, и увѣряли, что на мѣстѣ ледяной горы находился только бугоръ изъ крупныхъ каменьевъ.

«Послѣ ледяной горы направо лежитъ очень занимательная часть пещеры, изображенная на планѣ подъ номеромъ 7. Къ несчастью, мы были лишены удовольствія видѣть это интересное отдѣленіе, такъ какъ входъ въ него совершенно затянутъ льдомъ. Но вотъ что пишетъ о немъ Киттары: «Это чистый и просторный гротъ, длиною равный осьми, а шириною пяти саженямъ. Начиная отъ самаго входа, гротъ направленъ къ юго-востоку и, несмотря на тщательный обыскъ, не представляетъ выходовъ; дно его удивительно ровное и покрыто тонкою ледяной корою. Это отдѣленіе пещеры было украшено многими ледяными фигурами столь дивно прихотливой формы, что онѣ надолго приковывали къ себѣ взоры посѣтителя. Первый между ними бросавшійся въ глаза предметъ былъ большой ледяной круглый столбъ, совершенно правильный, съ гладкой, какъ-бы полированной поверхностью; онъ помѣщался на ледяномъ же пьедесталѣ, имѣвшемъ видъ усѣченнаго конуса. Этотъ столбъ, вмѣстѣ съ его подножіемъ, кажется высѣченнымъ изъ бѣлаго мрамора и имѣетъ вышину, не превышающую сажени, а ширину, равную почти двумъ аршинамъ. Чтобы взглянуть на его вершину, мы вырубили на пьедесталѣ ступени, но весьма ошиблись, думая увидѣть ровную поверхность: столбъ имѣлъ внутри глубокую воронкообразную пустоту, до половины наполненную весьма чистою снѣговою водою, которую онъ получалъ по каплѣ со свода. Другіе предметы были не менѣе интересны: мѣстахъ въ десяти на полу находились ледяныя вазы, своею правильностью могущія поразить самый привычный глазъ; форма ихъ была неприхотлива: на крутой бѣло-матовой подножкѣ помѣщался корпусъ вазы, имѣвшій видъ цилиндра, внизу округленнаго; безцвѣтный и прозрачный ледъ, его составляющій, былъ снабженъ на поверхности различной глубины бороздами, что придавало вазѣ видъ граненой; наконецъ, сходство съ искусственными вазами вполнѣ довершалось пустотой, находившейся внутри цилиндра и до половины наполненной чистою, капавшей со свода водою. Всѣ десять вазъ были совершенно сходны между собою; вышина каждой изъ нихъ равнялась пяти, а ширина тремъ вершкамъ. Остальные предметы, украшавшіе описываемый гротъ, были не столь ужъ интересны; между ними наиболѣе заслуживали вниманія формы, совершенно сходныя въ правильности, величинѣ и цвѣтѣ съ сахарными головами».

«Послѣ ледяной горы мы прошли еще небольшой гротъ, имѣющій треугольное очертаніе. Въ слѣдующемъ за нимъ крайне длинномъ, 22-хъ саженномъ и узкомъ отдѣленіи обращаетъ вниманіе какое-то грубо сложенное строеніе или «избушка», какъ называетъ его проводникъ. Въ немъ очень трудно подмѣтить сходство съ жилищемъ человѣка — до того оно безформенно. Возникновеніе «избушки» можно приписать раскольникамъ; увлекаемые преслѣдованіями и фанатизмомъ, они нѣкогда уходили спасаться въ пещеру отъ мірской суеты и несправедливыхъ гоненій.

«За гротомъ съ «избушкой» слѣдуетъ длинный рядъ гротовъ или, на мѣстномъ языкѣ, «комнатъ», чередующихся съ проходами. Путь становится крайне неудобнымъ. Всюду лежатъ груды обвалившихся сверху камней; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они нагромоздились въ цѣлыя горы. Многіе изъ такихъ обваловъ произошли, повидимому, недавно: объ этомъ можно судить по свѣжему излому камней. Заключеніе неутѣшительное! Путникъ ничѣмъ не застрахованъ отъ новаго обвала; въ мгновеніе ока онъ можетъ быть погребенъ подъ грудою камней или, что хуже, быть отрѣзаннымъ отъ входа. Карабкаться по этимъ каменнымъ розсыпямъ очень затруднительно. Каждый шагъ долженъ быть хорошенько обдуманъ, въ противномъ случаѣ нога можетъ легко соскользнуть въ одну изъ разсѣлинъ между камнями. Узкія лазейки, порой очень длинныя и покрытыя глиной, довершаютъ трудность пути. Кромѣ того, надо постоянно остерегаться, чтобы не удариться головой объ острые выступы стѣны. Всѣ эти гроты не представляютъ особеннаго интереса и обнаруживаютъ большое сходство между собой. Своды, стѣны и дно ихъ состоятъ изъ известняка и алебастра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти породы выступаютъ на потолкахъ красивыми узорами. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи «Рѣзной гротъ». Словно рука великана искусно выпилила стѣны его и украсила ихъ прихотливыми кружевами.

«Чѣмъ дальше мы идемъ, или вѣрнѣе полземъ, тѣмъ замѣтно становится теплѣе. Уже послѣ ледяной горы снѣгъ и иней исчезаютъ, а ихъ мѣсто заступаетъ глина, покрывающая дно мокрымъ и скользкимъ слоемъ.

«Въ одномъ изъ гротовъ проводникъ объявляетъ, что путь раздваивается: два прохода ведутъ въ одно и то же мѣсто; онъ спрашиваетъ, какую дорогу мы желаемъ избрать? «Одинъ проходъ, говоритъ онъ намъ, свободный, но грязный, другой низкій, но зато чистый». Мнѣнія раздѣляются. Происходитъ небольшой споръ, окончившійся въ пользу свободнаго, но грязнаго пути, такъ какъ ползаніе на животѣ порядочно-таки всѣмъ надоѣло. Проходъ этотъ, дѣйствительно, оказался грязнымъ. Ноги поминутно завязали въ глинѣ, и надо было дѣлать страшныя усилія, чтобы вытаскивать ихъ вмѣстѣ съ сапогами. Миновавъ еще одинъ длинный (30-ти са-

женный) проходъ, мы достигли большого грота (на планѣ цифра 16). «Длина» его (по словамъ Киттары) равняется девятнадцати, ширина пятнадцати, а вышина, по крайней мѣрѣ, шести саженямъ. Онъ, какъ видно на планѣ, имѣетъ два широкихъ выхода: одинъ на сѣверо-западъ, другой на юго-западъ. Послѣднiй привелъ насъ къ лужѣ прозрачной воды, лежащей между камнями и называемой «Малымъ озеромъ».

«Воротившись въ большой гротъ, мы послѣдовали въ проходъ, направленный на сѣверо-западъ и, пройдя еще два не менѣе обширныхъ зала, достигли нашего конечнаго пункта — «Большого озера». Оно лежитъ въ разстоянiи около трехъ четвертей версты отъ входа. Но никакъ нельзя сказать, что имъ пещера кончается. Озеро только для туристовъ является конечнымъ пунктомъ, для нихъ это естественная и непреодолимая преграда. Что находится за озеромъ и велико ли оно — трудно сказать. По словамъ Киттары, длина озера равна двѣнадцати саженямъ. Я же относительно его величины ничего не могу сказать: измѣрить его длину шагами не было возможности, благодаря вязкимъ илистымъ берегамъ, а о ширинѣ его нельзя судить даже и приблизительно, такъ какъ глазъ можетъ охватить лишь небольшой клочекъ воды, освѣщенный свѣчами; дальше вода уходитъ подъ низкiй сводъ и теряется въ непроницаемомъ для глаза мракѣ. Эта вода до того прозрачна, что почти не видно, гдѣ она граничитъ съ берегомъ. Вслѣдствiе этого непредупрежденный туристъ можетъ легко очутиться въ водѣ, чему и бывали случаи. Такъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, знавшiй о такомъ дивномъ свойствѣ воды, всѣхъ предупреждалъ быть осторожными, и самъ первый попалъ въ нее. Залъ, въ которомъ лежитъ озеро, самый обширный во всей пещерѣ. Въ немъ особенное вниманiе привлекаетъ жертвенникъ. Онъ помѣщается вблизи озера и представляетъ собою квадратъ, грубо сложенный изъ плоскихъ камней. На немъ водруженъ деревянный крестъ, почернѣвшiй отъ времени, около креста стоятъ два или три старинныхъ образа, а передъ ними лежитъ что-то въ родѣ мѣдныхъ лампадъ. Кто могъ воздвигнуть этотъ жертвенникъ? Богомольные-ли посѣтители пещеры, или тотъ легендарный купецъ, который будто-бы заблудился въ нѣдрахъ горы, но случайно—спасся. Не онъ ли и воздвигъ жертвенникъ въ благодарность за свое избавленiе отъ гибели? Или, быть можетъ, это еще одинъ памятникъ раскольниковъ, жившихъ въ пещерѣ?... Мы прошли всего лишь около трехъ четвертей версты, но, благодаря трудностямъ пути, всѣ были порядочно-таки утомлены и голодны. Поэтому, расположившись около озера на горкѣ изъ груды камней, мы немедленно приступили къ уничтоженiю принесенной провизiи. Закусивъ, мы хотѣли было итти обратно, но проводникъ предложилъ намъ осмотрѣть еще одну достопримѣчательность грота—«колокольню». Всѣ нехотя поплелись къ одному

углу, въ которомъ находилась цѣлая гора изъ огромныхъ обвалившихся камней. На эту-то гору надо было лѣзть, чтобы увидѣть «колокольню». Признаться, въ душѣ я проклиналъ проводника вмѣстѣ съ его «колокольней». Но отказаться отъ ея лицезрѣнія я не хотѣлъ: разъ началъ смотрѣть, такъ надо все и досматривать. Съ опасностью сломить себѣ шею, стали мы карабкаться по камнямъ и, поднявшись саженъ на пять вверхъ, очутились около довольно широкой дыры. Я поднялъ голову и увидѣлъ длинную вертикальную, куполообразную впадину, имѣющую видъ трубы; неровная внутренность ея дала намъ возможность подняться нѣсколько ближе къ ея вершинѣ. Труба эта (по словамъ Киттары) своимъ верхнимъ концомъ открывается въ небольшой гротъ, неимѣющій выхода. Нѣтъ сомнѣнія, что эта «колокольня» образовалась вслѣдствіе обвала: груды камней, лежащія подъ нею, ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Спустившись тѣмъ же порядкомъ, мы, уже больше не медля, двинулись обратно ко входу. Итти назадъ было не такъ жутко, глазъ привыкъ къ темнотѣ, вообще мы освоились съ пещерой: она уже не казалась такой мрачной и таинственной. (Если бы кто-нибудь со стороны посмотрѣлъ на насъ, то, видя эту длинную вереницу темныхъ фигуръ со свѣчами въ рукахъ и въ странныхъ одеждахъ, онъ навѣрно подумалъ бы, что перенесся во времена инквизиціи, въ подземелье какой-нибудь тюрьмы. Эти фантастическіе люди съ факелами въ рукахъ ужъ не идутъ ли къ своимъ жертвамъ? Но долетѣвшіе до него звуки веселаго марша мигомъ бы разсѣяли мрачную картину. Наши музыкальныя спутницы, должно быть подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, не вытерпѣли и затянули какой-то свадебный маршъ, но, къ счастью, быстро спохватились: въ пещерѣ всякій шумъ, а тѣмъ болѣе пѣніе опасны: иногда бываетъ достаточно самаго незначительнаго колебанія воздуха, чтобы заставить сорваться съ потолка огромную глыбу, едва державшуюся въ равновѣсіи. Тишина—одно изъ главныхъ условій, обезпечивающихъ безопасность странствованія по такой пещерѣ). Въ томъ гротѣ, гдѣ путь раздваивается и идутъ два прохода: одинъ низкій, но чистый, другой высокій, но грязный, произошло опять небольшое колебаніе, куда итти. На этотъ разъ предпочтеніе было оказано низкому, но зато чистому проходу. Онъ оказался не только низкимъ и страшно длиннымъ, но еще и грязнымъ: дно его было покрыто мокрой глиной. Едва я въ немъ проползъ сажени двѣ, какъ принужденъ былъ остановиться: двѣ грязныхъ подошвы чьихъ-то ногъ очутились около моего носа. Обладатель этихъ ногъ, вѣроятно, завязъ и дѣлалъ тщетныя усилія, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія. Своими безпокойными движеніями онъ подвергалъ меня опасности получить ударъ по лицу, въ виду чего я хотѣлъ благоразумно ретироваться. Но не успѣлъ я еще сдвинуться съ мѣста, какъ сзади меня послышался

жалобный голосъ, молящій прекратить такую безумную попытку, дабы не ударить его ногой. Вѣроятно, находившійся сзади меня былъ въ не менѣе критическомъ положеніи. Видя, что ничего не остается дѣлать, какъ ждать, я пролежалъ еще нѣсколько минутъ, имѣя передъ носомъ двѣ подошвы, которыя, къ счастью, скоро избавили меня отъ своего непріятнаго присутствія.

«Странствованіе наше близилось къ концу. Вотъ уже мы прошли избушку, прошли ледяную гору съ пропастью, зіяющей справа, которая уже не показалась такой страшной, вотъ наконецъ и послѣдній гротъ. Еще лазейка,—и послѣ пятичасового пребыванія въ темнотѣ мы увидимъ снова дневной свѣтъ! Какъ ни интересна и поучительна эта грандіозная пещера, съ ея чуднымъ «Брилліантовымъ» гротомъ, озеромъ заколдованной воды, которая своею невидимой поверхностью какъ бы заманиваетъ къ себѣ неосторожнаго путника, жертвенникомъ и «избушкою»—этими безмолвными свидѣтелями прошлаго,—тѣмъ не менѣе, чѣмъ больше приближался выходъ, тѣмъ мнѣ все сильнѣе хотѣлось покинуть гнетущую тишину подземелья, освободиться отъ этихъ давящихъ громадъ, скорѣе увидѣть свѣтъ и свободно вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Мы вползли въ послѣднюю лазейку. Вонъ уже виднѣется выходъ. Скорѣй, скорѣй! Еще нѣсколько усилій, и мы на поверхности земли. Стоитъ-ли говорить, какое радостное чувство испытывалъ я, да должно-быть и каждый изъ насъ, когда послѣ холода и мрака вновь увидѣлъ жизнь и свѣтъ. И незатѣйливыя картины, разстилающіяся кругомъ: известняковыя скалы, на которыхъ клочьями пріютилась растительность, чахлая трава и жалкій кустарникъ, а вдали серебристая лента рѣки—все чаруетъ и радуетъ глазъ. Со всѣхъ сторонъ несущіеся звуки: щебетанье птицъ, плескъ воды, голоса и крикъ людей,—все говоритъ о жизни, которая здѣсь бьетъ ключемъ, и тѣмъ мрачнѣе выдвигаются въ памяти картины мрачнаго подземелья».

Вернулись мы въ Кунгуръ уже къ вечеру и, переночевавъ еще разъ въ каютахъ гостепріимнаго парохода, на другой день рано утромъ на почтовыхъ отправились обратно въ Пермь.

Лѣтомъ 1904 года Кунгурскую пещеру посѣтилъ Н. И. Каракашъ, которому удалось не только попасть въ гротъ, обозначенный на планѣ цифрою 7, но и сдѣлать фотографическій снимокъ его (см. рис. 110). Входъ въ него не представлялъ никакихъ препятствій. Дно грота было покрыто толстымъ слоемъ льда, который у одной изъ стѣнъ поднимался широкимъ и высокимъ уступомъ. На уступѣ этомъ стояло нѣсколько ледяныхъ сталагмитовъ, словно выточенныхъ изъ бѣлаго мрамора. Въ «Брилліантовомъ гротѣ» Н. И. Каракашъ не нашелъ люстръ, но кристаллики, усѣивающіе стѣны, точно также представляли сростки въ видѣ шестиугольныхъ табличекъ.

Обиталъ ли въ Кунгурской пещерѣ первобытный человѣкъ? На это Поляковъ даетъ отрицательный отвѣтъ: всѣ произведенныя имъ раскопки свидѣтельствовали о полномъ отсутствіи костей. Холодъ, которымъ дышетъ узкій входъ, вѣроятно, и первобытнаго дикаря приводилъ въ трепетъ. Тѣмъ удивительнѣе преданія, повѣствующія о пребываніи раскольниковъ въ этой пещерѣ...

Въ это же лѣто привелось мнѣ познакомиться и съ другою уральскою пещерой, заброшенной уже въ глуши чердынскихъ лѣсовъ, или

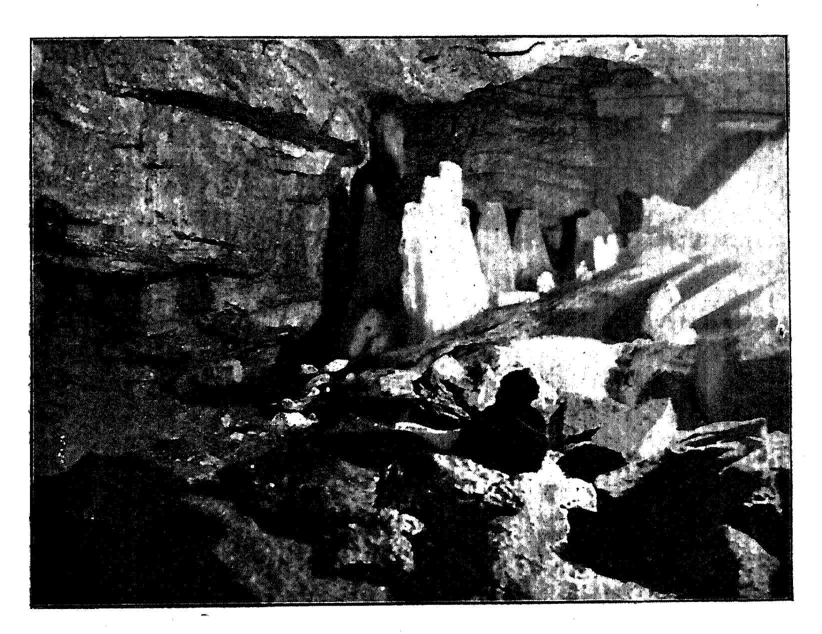

Рис. 110. Ледяные сталагмиты въ Кунгурской ледяной пещерѣ. По фот. Н. И. Каракаша.

такъ называемой «пармы». О пещерѣ этой я нашелъ только отрывочныя свѣдѣнія въ моемъ путеводителѣ и зналъ, что она достаточно велика и носитъ названіе «Дивьей пещеры».

Маленькій, но все еще двухъэтажный пароходъ доставилъ насъ въ Чердынь, откуда мы на почтовыхъ отправились въ селеніе Ныробъ, чтобы познакомиться съ его историческими достопримѣчательностями и проѣхать далѣе въ деревню Ветланъ, вблизи которой и находится «Дивья пещера».

Деревня Ветланъ лежитъ на рѣкѣ Колвѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Вишеру. Кругомъ на сотни верстъ тянутся глухіе первобытные лѣса, гдѣ на привольѣ растетъ лиственница и полновластно царитъ медвѣдь.

Остановившись въ зажиточномъ домѣ вдовы Девяткиной, мы тотчасъ приступили къ поискамъ проводника, но имъ не суждено было увѣнчаться успѣхомъ. Было около двухъ часовъ дня, и всѣ крестьяне находились на работѣ на своихъ полянахъ. Изъ разспросовъ же стариковъ и бабъ мы не получили никакихъ утѣшительныхъ свѣдѣній. Было ясно, что пещера пользуется недоброй славой: въ нее боятся ходить, а потому ея не знаютъ; дѣлать было нечего,—мы рѣшили ждать возвращенія мужиковъ, питая еще слабую надежду на ихъ помощь. Я обѣщалъ одному изъ стариковъ хорошее вознагражденіе, если только онъ найдетъ мнѣ проводника, и старикъ, польщенный деньгами, всячески старался меня обнадежить.

Остатокъ дня мы провели въ домѣ Девяткиной, которая между прочимъ разсказала намъ любопытную легенду, объясняющую названіе пещеры. Въ стародавнія времена жили въ тѣхъ земляхъ Палюдъ-Богатырь и Дѣва-Богатырша. Каждый изъ нихъ сидѣлъ на своей горѣ въ золотѣ, жемчугѣ и серебрѣ, и отъ нечего дѣлать перекидывались богатыри каменьями. Между тѣмъ шли годы и настало время, когда богатыри на Руси перевелись. Окаменѣли тогда и Палюдъ, и Дѣва Богатырша и вмѣстѣ со своими сокровищами провалились въ нѣдра горъ. Тамъ сидятъ они понынѣ въ глубокихъ пещерахъ, окаменѣлые, неподвижные, но зорко стерегутъ свое добро, и плохо приходилось тѣмъ, кто пытался проникнуть въ ихъ подземныя владѣнія: назадъ онъ уже не возвращался.

Какъ ни интересна легенда сама по себѣ, но она повергла насъ въ еще большее уныніе: отыскать проводника, очевидно, было невозможно. Впрочемъ, съ возвращеніемъ мужиковъ наши опасенія нѣсколько разсѣялись. Нашелся неразговорчивый, угрюмый мужичекъ, который согласился вести насъ въ пещеру за три рубля. Но когда я, уже увѣренный въ его опытности, сталъ разспрашивать о пещерѣ, онъ давалъ сбивчивые и неопредѣленные отвѣты, и въ концѣ концовъ у меня явилось подозрѣніе, что пещеры онъ не знаетъ.

Положиться на такого проводника было рисковано, и потому я рѣшилъ принять мѣры предосторожности. Прежде всего несомнѣнно могла пригодиться бичевка, припасенная еще для путешествія по Кунгурской пещерѣ; кромѣ того слѣдовало бы взять большой запасъ соломы, чтобы раскидывать ее по дорогѣ, но, по настоянію проводника, отъ этой мѣры пришлось отказаться: путь до того труденъ, что много соломы протащить нельзя, да и достать ее не

легко, такъ какъ хлѣбопашество деревни находится въ плачевномъ состояніи.

Тогда я рѣшилъ положиться на инстинктъ собаки. Всѣ обитатели деревни—охотники, мѣсяцами и недѣлями пропадающіе въ лѣсахъ. Я выискалъ среди нихъ владѣльца хорошей собаки и предложилъ ему, тоже за вознагражденіе, пропутешествовать съ нами въ пещеру, захвативъ съ собою и собаку. Онъ безъ всякихъ колебаній на это согласился. Когда уже всѣ переговоры закончились, къ намъ обратился мальчикъ Андрюша съ настойчивою просьбою взять и его: таинственное подземелье неодолимо тянуло его къ себѣ, и хотя мальчикъ намъ ни на что не могъ пригодиться, мы охотно согласились взять его съ собой.

На другой день рано утромъ впятеромъ сѣли мы въ лодку и стали медленно подниматься по Колвѣ. Кругомъ дивныя картины! Насъ охватилъ густой и непроходимый дремучій лѣсъ. Запрятавшаяся въ немъ рѣчка казалась черною, а на берегахъ ея съ той и другой стороны вздымались отвѣсными стѣнами живописныя скалы.

Мы ѣхали недолго. Черезъ какой-нибудь часъ лодка пристала къ берегу, и насъ приняла въ свои объятія дѣвственная парма. Я никогда не видалъ такого лѣса. Пришлось пробираться среди густыхъ зарослей кустарника и молодыхъ деревьевъ. Мѣстами нашъ проводникъ прокладывалъ дорогу топоромъ. Наконецъ мы остановились. Когда были раздвинуты тѣснившіеся передъ нами кусты, мы увидѣли глубокую яму и у самаго дна въ стѣнѣ ея крохотное отверстіе. Проводникъ объяснилъ намъ, что это и есть входъ въ пещеру. Вооружившись свѣчами и взявъ достаточный запасъ спичекъ, мы предложили ему первому отправиться въ зловѣщую дыру, а затѣмъ и сами послѣдовали за нимъ. Пришлось стать на дно ямы, затѣмъ сѣсть и ногами впередъ пропихнуться въ узкое отверстіе. Къ счастью, лазейка не была длинной, и мы тотчасъ же попали въ первый довольно обширный гротъ пещеры.

Поневолѣ мы ползли безъ свѣчей. Какъ только дневной свѣтъ скрылся изъ нашихъ глазъ, вдругъ послышался въ подземельѣ вокругъ насъ страшный шумъ, щелканье и хлопанье. Со всѣхъ угловъ поднялись какія-то крылатыя существа и, торопливо метаясь изъ стороны въ сторону, задѣвали насъ своими крыльями. Это были летучія мыши, перепуганныя нашимъ внезапнымъ появленіемъ. Мы зажгли свѣчи и тутъ увидѣли, что собака не можетъ служить намъ помощникомъ и проводникомъ. Она до того была перепугана шумомъ, что робко прижалась къ своему хозяину и съ той минуты не отходила отъ него ни на шагъ.

Привязавъ у входа бичевку и разбрасывая по дорогѣ бумажки, которыя я на всякій случай тоже захватилъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь и, миновавъ рядъ длинныхъ и узкихъ коридоровъ,

попали въ просторный залъ. Онъ былъ такъ громаденъ, что, зажегши даже всѣ свѣчи, мы не могли увидѣть его цѣликомъ, и только при свѣтѣ магніевой ленты онъ на мгновеніе предсталъ передъ нами во всемъ своемъ величіи. Залъ поражалъ своимъ невѣроятно мрачнымъ видомъ. Дно его усѣяно острыми обломками, а своды украшены толстыми и короткими сталактитами, которыхъ мы сразу и не замѣтили.

Пока мы пробирались по острымъ камнямъ, усѣивающимъ дно этой залы, протянутая нами бичевка гдѣ-то перетерлась, и тутъ я убѣдился, насколько ненадежна эта мѣра предосторожности. Изъ словъ проводника можно было заключить, что пещера обладаетъ очень солидными размѣрами и не уступаетъ Кунгурской; онъ увѣрялъ, что необходимо, по крайней мѣрѣ, восемь часовъ, чтобы пройти всѣ отдѣленія и вернуться обратно. Дальнѣйшіе гроты, видимо, представляли большой интересъ, такъ какъ по намекамъ проводника можно было догадаться, что они украшены большими сталактитами. Поэтому, не взирая на очевидную опасность заблудиться, мы рѣшили итти, пока это возможно.

Изъ залы проводникъ повелъ насъ въ узкую щель, которая, по его словамъ, тянется саженъ на двадцать. Путешествіе было не изъ пріятныхъ: пришлось итти бокомъ, поминутно спотыкаясь о камни, мѣстами проходъ былъ такъ узокъ, что приходилось проталкиваться черезъ него. Но все это не было бы еще бѣдой, если бы тутъ не обнаружилась полная неосвѣдомленность нашего проводника. Щель то и дѣло развѣтвлялась. Не зная основательно дороги, проводникъ тащилъ насъ въ первую попавшуюся разсѣлину, затѣмъ возвращался, бросался въ другую и опять недоумѣвалъ. Сдѣлать какія-нибудь мѣтки было рѣшительно невозможно, а если бы мы, заблудившись, не вышли на дневную поверхность, то, въ силу существовавшихъ въ деревнѣ суевѣрій, это было бы признано естественнымъ, и никто не подалъ бы намъ помощи.

Убѣдившись окончательно въ неопытности проводника, я рѣшилъ отложить осмотръ пещеры до другого случая, а теперь необходимо было вернуться. Мой спутникъ пробовалъ возражать, но въ виду очевидной опасности безумная отвага была неумѣстна.

На пути изъ большого зала къ выходу, мы были поражены какимъ-то шумомъ, который доносился изъ глубины. Шумъ этотъ, видимо, происходилъ отъ подземнаго ручья. Внимательно разсмотрѣвъ дно коридора, по которому шелъ нашъ путь (рис. 111), мы замѣтили разсѣлину, но до того узкую, что никто изъ взрослыхъ не могъ бы черезъ нее пробраться. Приблизивъ къ ней свѣчи, мы увидѣли на нѣкоторой глубинѣ дно. Убѣдившись при помощи палки въ его несомнѣнномъ существованіи, я предложилъ мальчику спуститься. Тотъ безъ всякаго колебанія согласился и при нашей помощи былъ спущенъ внизъ. Онъ оставался въ под-

земельѣ около пяти минутъ, и мы уже стали безпокоиться за его судьбу. Вернувшись къ намъ, онъ разсказалъ, что подъ нашими ногами тянется длинный коридоръ и по дну его бѣжитъ ручеекъ. Было ясно, что въ пещерѣ не менѣе двухъ этажей.

Рис. 111. Въ одномъ изъ проходовъ Дивьей пещеры.
(По фот. Д. В. Болдырева).

Дальнѣйщій путь мы прошли безъ всякихъ приключеній и благополучно достигли поверхности земли. Послѣ полуторачасового странствованія по подземелью, парма уже перестала казаться намъ угрюмой. Свѣтъ, разлитый кругомъ, и голоса птицъ, долетавшіе со всѣхъ сторонъ, послѣ мрака и безмолвія пещеры слишкомъ оживляли пейзажъ, который раньше казался намъ мрачнымъ.

Доѣхавъ до Ветланскаго камня, выдвигающагося на берегу Колвы у самой деревни, мы отпустили проводниковъ и съ мальчикомъ взобрались на вершину утеса. Передъ нами раскрылся дивный видъ на р. Колву и на окружающія горы. Мы видѣли издали и Палюдовъ камень, къ которому намѣревались теперь отправиться.

По возвращеніи въ деревню мальчикъ сталъ у насъ просить оставшіяся свѣчи. Пещера настолько заинтересовала его, что онъ рѣшилъ основательно съ нею познакомиться. Мы охотно отдали ему весь запасъ. Теперь изъ него, можетъ быть, уже выработался хорошій проводникъ.

На другой день мы отправились на лошадяхъ въ Бахари, откуда намѣревались предпринять восхожденіе на Палюдовъ камень и проѣхаться по красавицѣ Урала—рѣкѣ Вишерѣ.

Я не безъ умысла назвалъ имя сопутствовавшаго намъ мальчика, которому теперь уже около 20 лѣтъ. Если вамъ, читатель, приведется побывать въ деревнѣ Ветланъ, непремѣнно разыщите его, и я увѣренъ, что онъ сумѣетъ быть хорошимъ проводникомъ въ вашихъ странствованіяхъ по пещерѣ.

Летучіе пески.

I.

Въ 26 верстахъ отъ Петербурга на самомъ берегу Финскаго залива лежитъ селеніе Сестрорѣцкъ. Прекрасные сосновые лѣса и рѣдкая для петербургскихъ окрестностей сухость привлекаютъ сюда лѣтомъ огромное множество дачниковъ. Поѣздка въ Сестрорѣцкъ,— одна изъ интереснѣйшихъ прогулокъ, какія только могутъ совершить жители столицы или ея временные гости. Здѣсь царство песковъ, величественныхъ, грозныхъ, поучительныхъ...

Весь сестрорѣцкій берегъ покрытъ чуднымъ сосновымъ лѣсомъ, который на краю у самой воды окаймляется широкою лентою песка. Во многихъ мѣстахъ онъ нагромоздился въ высокія горы, которыя цѣпями тянутся вдоль берега. Желтые и голые, лишенные всякихъ слѣдовъ растительности, онѣ производятъ унылое впечатлѣніе.

Попробуемъ посѣтить ихъ въ вѣтряный день. Какая грозная картина! Каждый холмъ превратился какъ бы въ вулканъ. Кажется, будто онъ извергаетъ клубы паровъ и пепла. Это песокъ подымается съ его вершины. Тучами несется онъ по переднему склону, взлетаетъ наверхъ и, обезсиленный, падаетъ назадъ, засыпая деревья и кустарники и все больше приближаясь къ селенію. Около каждаго кустика и камня выростаютъ новыя кучи песка. Точно снѣгъ во время мятели, кружатся безчисленныя песчинки въ воздухѣ, залѣпляютъ глаза, попадаютъ въ ротъ и заметаютъ всякій слѣдъ.

Въ такіе дни и въ самомъ селеніи носятся тучи песка. Онъ появляется на улицахъ, въ огородахъ, въ садахъ. У заборовъ и стѣнъ домовъ песокъ собирается цѣлыми сугробами. Бывали года, когда онъ, казалось, стремился все уничтожить. Въ 1881 году дорога, идущая на Лисій Носъ, въ одномъ мѣстѣ была совершенно засыпана. Песокъ, скученный здѣсь въ видѣ высокаго бугра, оживалъ даже при слабомъ вѣтрѣ и двигался къ селенію. Между развалившимся вокзаломъ прежней сестрорѣцкой дороги и рукавомъ

ръки Сестры развертывались унылыя картины. Летучіе пески загромоздили здъсь прежнее русло ръки и заставили ее измънить свой путь. Узкая лента воды уже не доходила до моря. Темно-зеленыя заросли тростниковъ заглушали ея мелководное русло и терпъливо ждали своей гибели въ пескахъ... Особенно грозные размъры приняло движеніе сестроръцкихъ песковъ въ семидесятые годы минувшаго столътія [1]). Нашъ ученый Н. А. Соколовъ заинтересовался тогда этимъ явленіемъ и поъхалъ въ Сестроръцкъ. День за днемъ проводилъ онъ на пескахъ. Онъ видълъ, какъ постепенно росли новые холмы и какъ разрушались вътромъ старые. Онъ слъдилъ, какъ море накопляетъ на берегу песокъ и какъ вътеръ приводитъ его въ движеніе. Впослъдствіи Н. А. Соколовъ побывалъ и въ другихъ мъстахъ, гдъ существуютъ пески, и, наконецъ, написалъ превосходную книгу, изъ которой мы узнали много новаго и интереснаго о жизни сыпучихъ песковъ.

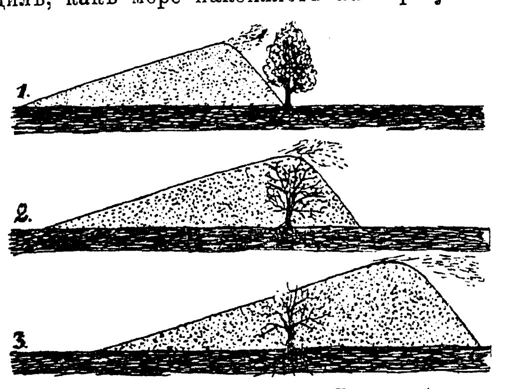

Рис. 112. Схема движенія дюнъ. Три послъдовательныя положенія дюны отмъчены цифрами— 1, 2, 3.

Вездъ на берегахъ морей, ръкъ и озеръ, гдъ только существуетъ песокъ, развертываются картины, подобныя тъмъ, которыя мы можемъ наблюдать въ Сестроръцкъ. Вътеръ сгоняетъ песокъ въ огромные холмы, называемые дюнами,—и дюны эти, какъ живыя, движутся, уходятъ все дальше отъ берега и засыпаютъ все, что встрътится имъ на пути... Отчего же образуются дюны?

На гладкой поверхности песокъ лежитъ ровнымъ слоемъ, какъ снъгъ на полъ... Но берегъ ръдко бываетъ ровнымъ. Повсюду валяются камни, вътви и стволы деревьевъ, сломанныхъ бурею и принесенныхъ волнами. Неръдко лежатъ цълыя кучи раковинъ. Мъстами на безплодномъ побережьъ встръчаются жалкіе кусты растительности... Всъ эти предметы задерживаютъ песокъ... Вы, въроятно, наблюдали зимой, какъ образуются снъжные сугробы. По улицъ мятель гонитъ цълыя тучи снъжинокъ, и пока нътъ препятствій, онъ, падая на землю, ложатся ровною пушистой пеленою. Но обра-

[1]) Чтобы посътить сестроръцкіе пески, надо ъхать по Приморской ж. д. до станціи „Дюны". Не менъе грозные пески расположились и на финляндской сторонъ р. Сестры, въ дер. Куоккала,—въ той ея части, которая получила названіе „Оллила" (станція Финляндской ж. д.).

тите вниманіе на тумбы и заборы... Тутъ накопились цѣлыя груды снѣга, и чѣмъ дальше длится вьюга, тѣмъ выше и выше становятся онѣ... То же самое происходитъ и на морскомъ побережьѣ. Около каждаго предмета, лежащаго здѣсь, скопляется песокъ, и мало-по-малу изъ него вырастаютъ огромныя дюны... Передній склонъ ихъ пологій, а задній—крутой: вѣтеръ непрерывно сдуваетъ песокъ спереди и перебрасываетъ его назадъ (рис. 112).

Выберемъ день, когда дуетъ ровный морской вѣтеръ, и подымемся на гребень дюны. Посмотримъ, что дѣлается внизу у нашихъ ногъ. Безчисленное множество песчинокъ несется вверхъ по

Рис. 113. Дюны Куришъ-Нерунга.

склону дюны. Сверкая на солнцѣ, онѣ кружатся, какъ рой мошекъ въ теплый лѣтній вечеръ. Вотъ армія песчинокъ достигла гребня дюны, за нею другая. Мало-по-малу на обратной сторонѣ холма образовался цѣлый карнизъ изъ песка. Отъ собственной тяжести онъ обваливается назадъ. Песчинки катятся, какъ струи воды, и ложатся крутымъ склономъ... При сильномъ вѣтрѣ дюны принимаютъ грозный видъ. Гребни ихъ окутаны облакомъ мелкой пыли. Весь передній склонъ изрытъ вѣтромъ. Груды песка обваливаются со зловѣщимъ шумомъ.

Двигаясь внутрь страны, дюны причиняютъ много вреда. Перенесемся мысленно на ту узкую косу, которая отдѣляетъ Куришъ-Гафъ отъ Балтійскаго моря. Вся она покрыта пескомъ и представляетъ голую, лишенную растительности пустыню. Дюны вздымаются

маются до 35 саженъ въ высоту. Крутые склоны ихъ падаютъ отвѣсными стѣнами, и во время сильныхъ бурь съ нихъ низвергаются цѣлыя лавины песка. Нѣсколько лѣтъ назадъ отъ такой лавины произошла страшная катастрофа. Четырнадцать человѣкъ крестьянъ возвращались съ ярмарки въ свою деревню. Дорога шла дюнами. Дулъ сильный вѣтеръ. Путь былъ занесенъ пескомъ. Измученныя лошади, утопая въ сугробахъ его, падали. Много часовъ блуждали путники среди песчаныхъ холмовъ. Вдругъ огромная глыба песка низверглась съ крутого обрыва. Въ мгновеніе ока все спуталось. Телѣги, лошади, люди, — все было погребено въ кучахъ песка. Всѣ четырнадцать человѣкъ погибли, и только впослѣдствіи были найдены ихъ похолодѣвшіе трупы (рис. 114).

Весною и осенью въ глубокихъ впадинахъ между дюнами скопляется вода, образуются глубокія озера. Вѣтеръ заноситъ ихъ мелкимъ пескомъ. Однѣ песчинки падаютъ на дно, другія плаваютъ, образуя тонкую и на видъ совершенно сухую кору. Нѣтъ возможности догадаться, что подъ ровнымъ слоемъ сухого песка скрывается вода [1]). И бывали печальные случаи. Неосторожный путникъ ступалъ на эту предательскую почву, проваливался и погибалъ въ водѣ.

Но не въ этомъ еще главный вредъ дюнъ. Катастрофы въ родѣ описанныхъ случаются рѣдко. Между тѣмъ летучіе пески изо дня въ день причиняютъ огромныя бѣдствія и разоряютъ цѣлыя сотни людей. Нерѣдко они движутся съ поразительною быстротою — по три сажени въ годъ — и погребаютъ въ своихъ массахъ все, что встрѣчается на пути, — лѣса, деревни, поля. Жители покидаютъ насиженныя мѣста и, бросая на произволъ судьбы свои дома и постройки, бѣгутъ. Возникаетъ новая деревня. Но и ее настигаютъ дюны. На берегахъ Куришъ-гафа уже исчезли съ лица земли многія селенія — Айгетта, Негельнъ, Каравайтенъ. Исторія сохранила только ихъ имена. Селеніе Филлькоппенъ при грозномъ нашествіи дюнъ было перенесено дальше, но и здѣсь его скоро засыпалъ песокъ. Жители бѣжали на новыя мѣста. Но и третій Филлькоппенъ будетъ скоро засыпанъ. Та же участь грозитъ и другимъ деревнямъ, раскинувшимся на берегу гафа: рано или поздно и онѣ скроются подъ сугробами дюнъ.

Впрочемъ, не на вѣки погребаются въ пескѣ злосчастныя селенія. Бѣгутъ годы, дюны уходятъ все дальше, а развалины погибшихъ строеній выступаютъ на дневную поверхность съ тѣмъ, чтобы быть снова засыпанными пескомъ. Въ началѣ минувшаго столѣтія деревня Кунценъ была настигнута дюнами и погибла въ массахъ сыпучаго песка. Прошли годы, и теперь старая церковь уже выступила изъ своей могилы... Мало-по-малу обнажатся развалины до-

[1]) Сравни „затоку" въ статьѣ „На болотѣ".

мовъ, а дюны уйдутъ дальше... Рано или поздно весь перешеекъ будетъ засыпанъ пескомъ, дюны достигнутъ гафа и станутъ засыпать его. По приблизительнымъ расчетамъ, лѣтъ черезъ 200, самое большое черезъ 500, вся сѣверная часть залива превратится въ сушу. А пройдутъ тысячелѣтія, и отъ него не останется слѣда. Если человѣкъ не приметъ мѣръ, не вступитъ въ борьбу съ грозными песками, то на мѣстѣ гладкой поверхности нынѣшняго гафа будетъ лежать мертвая, покрытая пескомъ пустыня.

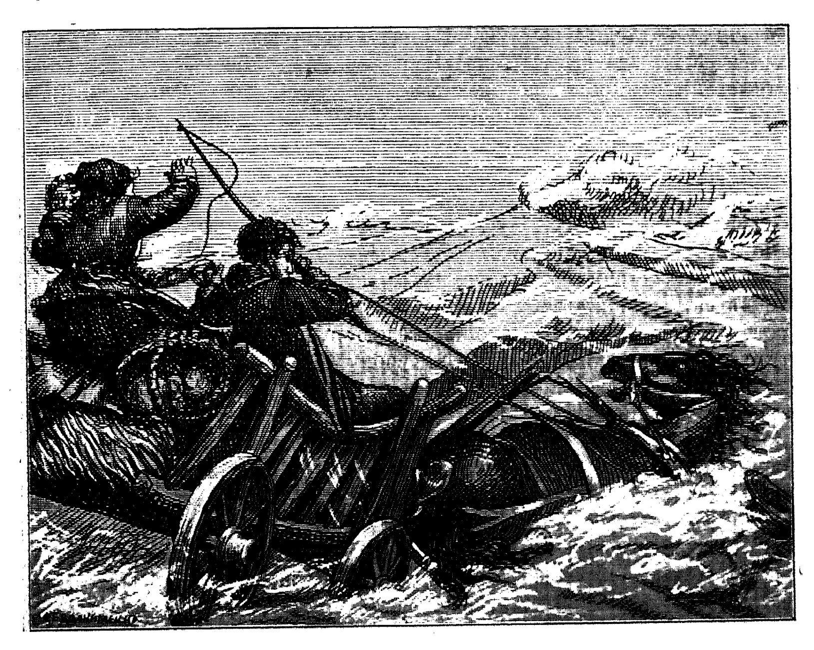

Рис. 114. Въ пескахъ Куришъ-Нерунга.

Но возможна ли борьба? Въ силахъ ли человѣка остановить грозное движеніе песковъ? Только во всеоружіи науки онъ является побѣдителемъ стихійныхъ силъ. Внимательное изученіе жизни дюнъ можетъ сослужить огромную службу: сама природа укажетъ средства для защиты отъ нихъ.

Какъ и все на землѣ, дюны имѣютъ свой конецъ... Пройдя огромныя пространства и произведя на пути грозныя разрушенія, онѣ наконецъ успокаиваются, замираютъ. Плотнымъ ковромъ оковываетъ ихъ растительность... Уже на голомъ пескѣ ютятся тощіе злаки. Сгнивая, они обогащаютъ песокъ перегноемъ. Появляется мало-по-малу трава; выростаетъ лѣсъ. Дернъ защищаетъ песокъ

отъ вѣтра, а вѣтвистые корни сосенъ, проникая въ глубину, создаютъ дюнѣ прочный скелетъ... И нерѣдко въ глубинѣ сосноваго бора можно встрѣтить старыя заросшія дюны. Опытный наблюдатель тотчасъ узнаетъ ихъ по формѣ...

Но покой дюнъ не вѣченъ. Вѣтеръ пользуется малѣйшими поврежденіями растительнаго покрова и, выдувая песокъ, оживляетъ дюну. Иногда буря вырветъ съ корнями дерево,—и этого уже достаточно, чтобы дюна проснулась. А сколько другихъ причинъ ведетъ къ уничтоженію и порчѣ растительности! Волны морскія и проточная вода довольствуются ничтожнымъ доступомъ къ песку и размываютъ всю дюну. Громадный вредъ приносятъ роющія животныя, напр., кроты, которые выбрасываютъ песокъ наружу и прорѣзываютъ своими ходами растительный панцырь. Но, по большей части, самъ человѣкъ нарушаетъ покой дюнъ. Знаніе далеко еще не сдѣлалось общимъ достояніемъ, и работы ученыхъ тружениковъ пока недоступны народнымъ массамъ. Въ погонѣ за кускомъ хлѣба, а иногда въ поискахъ легкой наживы темный человѣкъ себѣ же самому причиняетъ огромное зло. Во многихъ уже мѣстахъ лѣса пали подъ ударами топора и скрѣпленная ими почва открылась для вѣтра. Тутъ и тамъ стравлена скотомъ травянистая растительность. А сколько проложено неумѣлою рукою дорогъ? Въ древности, когда лѣса покрывали всю Европу, никто не слышалъ о сыпучихъ пескахъ въ этой части свѣта. А теперь они занимаютъ уже огромныя площади.

Мало-по-малу вредъ безпощаднаго вырубанія лѣсовъ сознается всѣми. И въ тѣхъ странахъ, гдѣ дюны развились до угрожающихъ размѣровъ, начинается искусственное насажденіе ихъ, а существующіе, сохранившіеся отъ старыхъ временъ лѣса, тщательно оберегаются отъ уничтоженія. Но какого труда и какихъ огромныхъ денегъ стоитъ искусственное закрѣпленіе дюнъ! Какого ухода требуютъ молодыя деревья, посаженныя въ сыпучій песокъ! Но разъ зло сознано, человѣкъ уже не останавливается передъ препятствіями. На помощь темной массѣ приходятъ люди науки, и дружными усиліями знанія и труда достигается полная побѣда надъ слѣпыми силами природы.

Въ своемъ родѣ единственный примѣръ торжества человѣка представляютъ Гасконскія ланды во Франціи, раскинувшіяся на огромномъ пространствѣ между рѣкой Гаронной и Пиринейскими горами. Еще полсотни лѣтъ назадъ онѣ представляли безплодную и мертвую пустыню, покрытую зарослями вереска и непроходимыми болотами. Пастухи ландъ, странствовавшіе со своими стадами среди этой мертвой равнины, принуждены были пользоваться высокими ходулями, чтобы безопасно пройти зыбкія трясины. Вдоль всей западной окраины ландъ на берегу моря протянулась цѣпь

мелководныхъ, недоступныхъ для морехода заливовъ - лагунъ, а за ними такая же цѣпь озеръ, полузаросшихъ осокой и тростникомъ и отчасти уже превратившихся въ болота. Впереди и позади ихъ виднѣлась широкая полоса морскихъ песковъ, взвѣянныхъ вѣтромъ въ огромныя дюны. Грозно вторгаясь внутрь страны, они причиняли прибрежнымъ жителямъ неисчислимыя бѣдствія. Деревни, расположенныя на берегу озеръ къ востоку отъ гасконскихъ дюнъ, принуждены были время отъ времени перемѣщаться вглубь материка. Песокъ грозилъ ихъ засыпать. При приближеніи угрожающей опасности жители этихъ мѣстъ пытались иногда бороться, но безуспѣшно. Какъ только господствующій западный вѣтеръ смѣнялся на время восточнымъ, пастухи и земледѣльцы, вооружившись лопатами и заступами, спѣшили на вершины дюнъ, и съ безсильнымъ усердіемъ принимались разрушать песчаные гребни, чтобы вѣтру было удобнѣе сдуть ихъ. Но проходилъ день, — снова появлялся западный вѣтеръ и относилъ песокъ вглубь материка. Дюны снова начинали свое наступленіе и обращали крестьянъ въ бѣгство. Изъ опасенія быть погребенными въ пескахъ, они ломали свои хижины, увозили матеріалъ вглубь ландъ, и принимались строить здѣсь новыя жилища. Такъ протекали годы и столѣтія. Дюны, а вмѣстѣ съ ними и озера двигались все впередъ, и жители принуждены были уходить все дальше и дальше въ области, поросшія верескомъ. Исторія не сохранила извѣстій о такихъ перемѣщеніяхъ, но многочисленныя развалины церквей, теперь уже выступившія изъ своихъ могилъ, ясно свидѣтельствуютъ намъ о грозномъ нашествіи песковъ. Особенно страдало мѣстечко Мимизанъ, игравшее нѣкогда значительную роль. Потерявъ свой портъ и предмѣстья, оно едва не было засыпано песками. Только въ самый послѣдній моментъ удалось наконецъ остановить наступленіе дюнъ съ помощью изгородей и посадки деревьевъ. И до сихъ поръ еще передъ Мимизаномъ возвышается полукруглый рядъ надвигавшихся на него песчаныхъ холмовъ. Своимъ видомъ они напоминаютъ полуразрушенный кратеръ вулкана и какъ бы собираются пожрать городскія постройки.

Въ теченіе послѣдняго столѣтія человѣкъ снова завладѣлъ этою обширною областью, и нынѣ безжизненные ланды превратились въ тѣнистый лѣсъ. Уже съ 1789 года началось ихъ засажденіе пробковымъ дубомъ и сосной. Прежде всего были закрѣплены пески, затѣмъ постепенно уничтожались пустыни и болота. Лѣтъ тридцать назадъ всѣ работы были закончены. Затраченныя на это грандіозное предпріятіе деньги давно уже вернулись отъ продажи смолы и пробки Теперь ланды—одна изъ привлекательныхъ мѣстностей Западной Европы. Знаніе устранило зло, которое еще недавно было создано человѣческою безпечностью и невѣжествомъ.

II.

Дюны извѣстны во многихъ мѣстахъ Россіи. Почти непрерывною цѣпью тянутся онѣ по берегамъ Балтійскаго моря, Финскаго и Рижскаго заливовъ... На крайнемъ западѣ, въ Курляндіи, ихъ нѣтъ... Песокъ здѣсь мелокъ, какъ пыль. Впитавъ въ себя воду, онъ медленно просыхаетъ и слеживается въ плотную массу. Вѣтеръ не можетъ его поднять. Даже отъ проходившаго человѣка на песчаной поверхности не остается слѣда, и сюда нерѣдко сворачиваютъ съ почтовой дороги экипажи... Только около Либавы встрѣчаются первыя дюны. Въ настоящее время онѣ заросли густымъ сосновымъ лѣсомъ, но недавно еще были грозою окрестныхъ мѣстъ и засыпали немало угодій, усадьбъ и мызъ.

Вдоль Рижскаго залива и особенно у устья Западной Двины дюны и до сихъ поръ проявляютъ грозные признаки жизни. Всякій, кому приходилось ѣздить въ Ригу, поражался тѣмъ мертвымъ ландшафтомъ, который развертывается въ окрестностяхъ города. Вездѣ песокъ и песокъ. Тутъ и тамъ голыя огромныя дюны. На памяти исторіи онѣ засыпали не менѣе 200 десятинъ пасторскихъ и крестьянскихъ земель. Закрѣпленіе этихъ дюнъ началось еще въ первую половину прошлаго столѣтія, но до окончанія работъ еще далеко.

Своимъ оригинальнымъ видомъ выдѣляются ревельскія дюны. Онѣ лежатъ за городомъ у самаго обрыва такъ называемаго глинта и занимаютъ здѣсь площадь, длиною въ 8 верстъ и шириною до 1 версты. Къ сѣверу отъ нихъ тянется низина, покрытая лугами и кустарникомъ. Еще дальше раскинулся Ревель, съ темными башнями и высоко возносящимися къ небу шпилями готическихъ церквей. За городомъ, сливаясь съ горизонтомъ, широкой полосой синѣетъ море. Среди этой пестрой картины рѣзко выступаютъ однообразныя бѣловато-желтыя дюны, почему-то называемыя «Голубыми горами». Куда ни кинешь взоръ, всюду мертвая пустыня. Ни одно деревцо не оживляетъ ея, и только на самой окраинѣ торчатъ кое-гдѣ жалкіе кустики ивы. Мѣстами дюны поросли жестколистными злаками, но эти блѣдно-окрашенныя травы не оживляютъ тоскливаго пейзажа и теряются на однообразномъ фонѣ песковъ. Большая часть ревельскихъ дюнъ находится въ движеніи.

Вблизи Петербурга, кромѣ Сестрорѣцка, дюны извѣстны въ окрестностяхъ Нарвы и за Ораніенбаумомъ, а на противоположномъ берегу у деревень Мурила и Лаутеранда на половинѣ разстоянія между Петербургомъ и Выборгомъ.

На югѣ Россіи дюны встрѣчаются и на берегахъ рѣкъ. Знаменитые «Алешкинскіе пески» въ низовьяхъ Днѣпра тянутся на протяженіи цѣлыхъ 150 верстъ и занимаютъ полосу земли въ 30 верстъ шириною. Подвижные холмы носятъ здѣсь въ народѣ

названіе «кучугуръ». Въ большинствѣ случаевъ они имѣютъ форму неправильныхъ конусовъ, то островерхихъ, то болѣе или менѣе плоскихъ; иногда нѣсколько холмовъ сливаются вмѣстѣ, образуя сильно искривленныя гряды. Въ настоящее время значительная часть Алешкинскихъ дюнъ засажена ивнякомъ.

На Дону между станицами Усть-Медвѣдицкой и Новогригорьевской также существуютъ дюны. Здѣсь онѣ носятъ названіе «буруновъ». Песокъ донскихъ дюнъ чрезвычайно мелокъ. Уже при сла-

Рис. 115. Караванъ въ Сахарѣ.

быхъ вѣтрахъ онъ переносится на значительныя разстоянія и засыпаетъ дороги. Во время сильнаго вѣтра ходить по донскимъ бурунамъ крайне непріятно. Густыми тучами носится мелкій песокъ и осыпаетъ путника. Острыя песчинки колютъ лицо и руки. Въ «падахъ», т. е. ложбинахъ среди дюнъ, мѣстные жители не разъ пробовали сѣять коноплю, но цѣлыя пашни заносились надвигающимися бурунами. По словамъ мѣстныхъ жителей, донскіе пески съ каждымъ годомъ распространяются дальше и дальше, занося цѣлыя станицы и заставляя жителей переселяться на новыя мѣста. Такъ, напримѣръ, Гугнинская станица уже давно погребена подъ

сугробами песка. Съ болью въ сердцѣ жители должны были покинуть родныя пепелища и основать на рѣкѣ Цильмѣ новую станицу—Баклановскую. И теперь только нѣсколько хижинъ, да маленькая часовня на мѣстѣ прежней церкви свидѣтельствуютъ о томъ, что жизнь еще не совсѣмъ заглохла въ этомъ безотрадномъ морѣ песка.

Внутри Россіи съ каждымъ годомъ все шире и шире разрастаются сыпучіе пески. Лѣса, нѣкогда покрывавшіе значительную часть нашей страны, безпощадно вырубаются. Всюду на оголенной поверхности равнины появляются гигантскіе овраги, всюду выступаютъ голыя лысины песковъ, которыя прежде были скрыты подъ растительнымъ покровомъ. И послѣ каждаго ливня изъ зіяющихъ пастей овраговъ выносятся новыя и новыя массы песка [1]). Вѣтеръ подымаетъ его, разноситъ на огромныя пространства, сдуваетъ въ настоящія дюны. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ недавно еще сѣяли хлѣбъ, разстилается песчаная пустыня. Въ вѣтряные дни надъ ней кружатся цѣлыя тучи песка и, разносясь по степи, засыпаютъ пашни и поля, уничтожаютъ посѣвы. По свѣдѣніямъ Министерства Земледѣлія сыпучіе пески занимаютъ теперь въ Европейской Россіи болѣе 4 милліоновъ десятинъ! Это составляетъ уже $^1/_{100}$ часть всей поверхности страны, а съ каждымъ годомъ цифра эта все растетъ и растетъ. Помѣщики умѣютъ защищаться отъ угрожающей опасности, и, по большей части, страдаютъ отъ песчаныхъ заносовъ лишь земли нашего темнаго крестьянства. Правительство предприняло закрѣпленіе наиболѣе опасныхъ песковъ. Производятся посадки сосны, осокоря, бѣлой акаціи и другихъ древесныхъ породъ и кустарниковъ.

III.

Настоящее царство песковъ—пустыня. Уже въ зауральскихъ степяхъ огромныя пространства покрыты летучимъ пескомъ, безжизненныя же равнины Туркестана принадлежатъ къ великому поясу пустынь, который широкой полосой протянулся черезъ всѣ материки Стараго Свѣта отъ западныхъ береговъ Африки до Манджуріи. На сотни верстъ во всѣ стороны тянется здѣсь безконечное песчаное море съ окаменѣлыми желтыми волнами. Грозныя дюны вздымаются до 50 саженъ въ высоту. Кругомъ никакихъ признаковъ жизни. Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ ни животныхъ, ни растеній. Только кое-гдѣ бѣлѣютъ кости людей и животныхъ, собранныя прохожими въ груды, да изрѣдка между песками встрѣчаются колючія и жесткія травы... Медленно движется по песчаному морю караванъ. Одинъ за другимъ тянутся верблюды, тяжело ступая по горячему песку. Немилосердно палитъ путниковъ багрово-

[1]) См. раньше статью „Бичи земледѣльца“.

красное солнце. Глаза болятъ отъ блеска, разлитаго кругомъ, и отъ красноватой пыли, пронизывающей воздухъ. Отъ мучительной жажды пересыхаетъ горло... Кругомъ ни утеса, ни камня, подъ тѣнью котораго истомленное тѣло могло бы найти покой. А когда подымется жгучій вѣтеръ,—сердце замираетъ у настрадавшагося путника. Вихрь взметаетъ пыль, несетъ острыя зерна песка, жжетъ и рѣжетъ лицо. И закутавшись въ плащъ, ложится на землю человѣкъ, выжидая, пока стихнетъ грозный порывъ вѣтра. А что если исто-

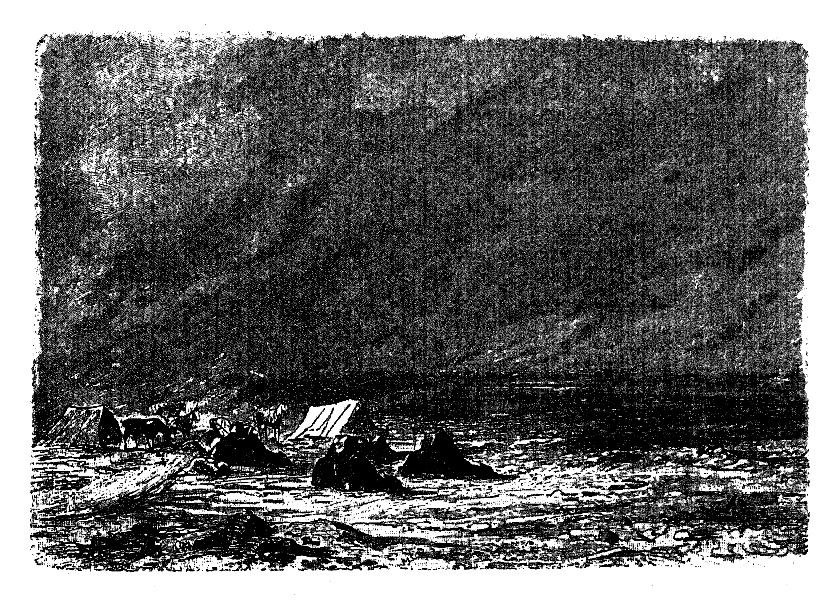

Рис. 116. Пески Сахары во время сильнаго вѣтра.

щится запасъ влаги въ мѣхахъ, или падетъ верблюдъ, измученный жаждою и зноемъ? Тогда уже нѣтъ спасенія, и грозная желтая пустыня поглотитъ свою новую жертву.

Но не только отважному путнику грозятъ сыпучіе пески пустыни. Съ несокрушимою силою движутся они къ населеннымъ цвѣтущимъ оазисамъ, засыпаютъ колодцы и родники, губятъ растительность. По свидѣтельству путешественниковъ, дюны Туркестана каждый годъ отвоевываютъ новыя пространства плодородной земли и гонятъ населеніе съ воздѣланныхъ имъ полей. Кто не слыхалъ о бухарскомъ городѣ Каракулѣ? На весь міръ прославился

онъ своими мерлушками и отъ продажи ихъ разбогатѣлъ. Еще восемьдесятъ лѣтъ назадъ это былъ большой цвѣтущій городъ. Но песокъ ополчился противъ него, подошелъ къ его улицамъ, сталъ засыпать его площади, дома и фонтаны. Разоренные жители бѣжали прочь отъ родныхъ пепелищъ и устраивались въ другихъ городахъ. Съ каждымъ годомъ пустѣлъ Каракуль, и теперь это—маленькая деревушка, вся окаймленная горами сыпучаго песка. Тутъ и тамъ выглядываютъ развалины старыхъ построекъ, высохшія деревья, разрушенныя мечети. Подобно Каракулю засыпанъ городъ Варданзи, а изъ оазисовъ Ромитана за послѣднія тридцать лѣтъ бѣжало болѣе 16,000 жителей. Многіе оазисы доживаютъ свои послѣдніе дни, другіе близки къ полному уничтоженію

Съ незапамятныхъ временъ ведетъ свое разрушеніе пустыня, и въ глубинѣ ея песковъ погребены многіе города и селенія. Давно ужъ забыты мѣстонахожденія ихъ, давно сошли со сцены обитавшіе въ нихъ народы. Но торжествующая пустыня обнажаетъ изъ подъ песчаной пелены трофеи своихъ побѣдъ, и загадочныя развалины выходятъ изъ своей могилы. Свенъ Гединъ, во время своихъ странствованій въ безжизненныхъ степяхъ Восточнаго Туркестана, открылъ и описалъ два такихъ города. Первый изъ нихъ былъ встрѣченъ на пути къ рѣкѣ Керіи-Дарьѣ.

«Въ одной впадинѣ, разсказываетъ путешественникъ,—мы нашли «кетекъ», т. е. мертвый лѣсъ. Сѣрые низкіе стволы и пни, хрупкіе какъ стекло, покоробленныя вѣтки, выбѣленные солнцемъ корни—вотъ все, что осталось отъ стараго лѣса. Вѣроятно, когда-нибудь въ этомъ мѣстѣ протекала рѣка, можетъ быть, даже Керія, но, по примѣру прочихъ рѣкъ Восточнаго Туркестана, она перемѣстила свое русло дальше на востокъ. Нѣсколько тополей были еще живы... Для насъ эта полоса мертваго лѣса имѣла большое значеніе. Проводники знали, что старый городъ, занесенный пескомъ, Такла-Маканъ, какъ они его называли, находился недалеко отъ восточнаго края лѣса. Оставивъ свой лагерь безъ присмотра, мы всѣ отправились къ развалинамъ съ топорами и лопатами. Я ѣхалъ на верблюдѣ, но ѣхать пришлось недолго: развалины были совсѣмъ близко отъ насъ.

«Ни одинъ изъ древнихъ городовъ Восточнаго Туркестана, какіе мнѣ удалось посѣтить, не походилъ на тотъ оригинальный городъ, остатки котораго лежали передъ нами. Въ Такла-Маканѣ всѣ дома были деревянные (тополевые), не было никакихъ слѣдовъ каменныхъ или глиняныхъ построекъ. Отъ домовъ остались только столбы, футовъ въ 10 высотою; заостренные наверху, они растрескались, обветшали подъ вліяніемъ вѣтра и песка, стали хрупкими, какъ стекло, и легко разбивались отъ удара. Такихъ разрушенныхъ домовъ можно было насчитывать цѣлыя сотни, но по нимъ нельзя было составить себѣ понятія объ общемъ планѣ города. Дѣло въ

томъ, что весь городъ занимаетъ обширную площадь отъ 2 до $2^1/_2$ миль въ поперечникѣ [1]), но онъ скрытъ подъ песчаными холмами, и теперь вышли наружу только тѣ постройки, которыя находятся во впадинахъ между ними. Въ одномъ изъ зданій уцѣлѣла часть стѣнъ. Онѣ сплетены изъ камыша, обмазаны смѣсью глины съ соломой, оштукатурены внутри и снаружи и украшены живописью. Разрывая песокъ около стѣны, мы нашли кусокъ бумаги съ надписью, которую я не могъ разобрать, хотя она хорошо сохранилась. Въ другомъ домѣ лопаты наши случайно наткнулись на массу гипсовыхъ слѣпковъ, изображавшихъ Будду въ разныхъ положеніяхъ. Тутъ же мы нашли разные обломки колоннъ, карнизовъ и т. п., все изъ гипса. Идя дальше, мы встрѣтили куколку шелковичнаго червя, ось отъ колеса, жерновъ изъ порфира [2]).

Рис. 117. Развалины одного изъ домовъ въ Такла-Маканѣ (по Свену Гедину).

Между песчаными холмами сохранились слѣды садовъ. Пни тополя тянулись рядомъ, показывая, что тутъ когда-то были аллеи».

«Стѣны злосчастнаго города, погребеннаго въ пустынѣ, омывались нѣкогда большою рѣкой; въ домахъ и храмахъ его вода протекала по безчисленнымъ каналамъ. Около города, на берегахъ рѣки, росли густолиственные лѣса. Въ жаркіе дни жители укрывались подъ тѣнью абрикосовыхъ деревьевъ. Воды, протекавшія здѣсь, были настолько сильны, что ворочали тяжелые жернова. Шелководство, садоводство и промышленность процвѣтали; народъ умѣлъ со вкусомъ украшать дома и храмы художественными произведеніями.

«Въ какое время жили люди въ этомъ таинственномъ городѣ? Когда зрѣли въ послѣдній разъ абрикосы на его деревьяхъ, когда

[1]) Слѣдовательно, по своимъ размѣрамъ онъ не меньше, а, можетъ быть, и больше Петербурга.

[2]) Порфиръ—изверженная горная порода съ крупными выдѣленіями кристалловъ.

въ послѣдній разъ упали пожелтѣвшіе листья этихъ тополей? Когда умолкъ шумъ его водяныхъ мельницъ? Когда несчастные жители окончательно покинули свои жилища въ жертву царя пустыни? Какой народъ жилъ здѣсь, на какомъ языкѣ говорилъ, откуда взялся и куда ушелъ?» До сихъ поръ никто и не подозрѣвалъ, что внутри страшной пустыни Гоби, и именно въ самой мертвой ея части, погребены подъ пескомъ большіе города.

«На поставленные вопросы отвѣтить трудно, но одно можно сказать съ полною достовѣрностью: такого художественнаго развитія, какое обнаруживаютъ найденныя произведенія искусства, нельзя найти у тюркскихъ народовъ, населяющихъ въ наше время Восточный Туркестанъ. Очевидно, этотъ городъ принадлежалъ буддистамъ и, слѣдовательно, существовалъ раньше 700 года, т. е. раньше вторженія въ Восточный Туркестанъ мусульманъ-арабовъ».

Черезъ недѣлю пути путешественникъ нашелъ и другой, также засыпанный пескомъ городъ. «Дорога опять шла по высохшему руслу рѣки. Этотъ городъ былъ нѣсколько меньше, но, очевидно, принадлежалъ той же эпохѣ. На стѣнахъ такая же живопись, хотя хуже сохранившаяся, та же архитектура домовъ, тѣ же строительные матеріалы».

Какъ ни грозна великая пустыня, но и съ нею человѣкъ ведетъ неустанную борьбу и, вооруженный знаніемъ, торжествуетъ побѣду. Въ Сахарѣ французы достигли уже значительныхъ успѣховъ. Подъ раскаленною почвой пустыни, нерѣдко на незначительной глубинѣ, люди находятъ много подземной воды. Уже древніе египтяне извлекали на поверхность эту драгоцѣнную влагу. И въ древности тамъ, гдѣ теперь разстилаются мертвые пески, существовали цвѣтущія поселенія. Во многихъ оазисахъ найдены ихъ развалины. По большей части, они погибли вслѣдствіе опустошеній, произведенныхъ самими же людьми.

Теперь устроены новые колодцы и, благодаря этому, во многихъ мѣстахъ мертвая пустыня превратилась въ цвѣтущій садъ. Нерѣдко изъ такихъ колодцевъ вода била съ огромною силою, и пески оживали, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Всюду, куда проникала вода, появлялись скоро ростки акацій и финиковыхъ пальмъ. Такимъ образомъ удастся, быть можетъ, сдѣлать плодородными огромные участки Сахары [1]), а впослѣдствіи и всю ее покрыть плантаціями и полями.

IV.

Откуда же берется въ пустынѣ песокъ? Еще недавно думали, что песокъ можетъ скопляться только на берегу моря. Поэтому

[1]) См. статью „Грозныя невидимки“ въ моей книгѣ „Между огнемъ и льдомъ“.

Сахару считали дномъ недавно высохнувшаго моря. Полагали, что она представляетъ однообразную равнину, покрытую сыпучимъ пескомъ...

Рис. 118. Изображенія Будды, найденныя Свеномъ Гединымъ въ Такла-Маканѣ.

Но вотъ одинъ за другимъ проникали въ дебри пустынь отважные путешественники. Каждое десятилѣтіе приносило все новыя и новыя свѣдѣнія... И къ общему изумленію оказалось, что Сахара

обладаетъ большимъ разнообразіемъ ландшафтовъ. Въ ней встрѣчаются высокія каменистыя горы причудливыхъ формъ и удивительной красоты, и на огромныя пространства тянутся равнины, покрытыя острымъ щебнемъ. И теперь уже никто не сомнѣвается, что песокъ пустыни получился отъ разрушенія ея скалъ.

Правда, въ незапамятныя времена Сахара, какъ и многія другія области земного шара, была залита моремъ. На днѣ моря накоплялись пески, глины, известковыя раковины. Всѣ они превратились теперь въ твердый камень и лежатъ на поверхности Сахары непроницаемымъ плащемъ. Прошлое пустынь покрыто густымъ мракомъ, но есть основаніе думать, что еще недавно, въ началѣ человѣческой исторіи, онѣ не были столь мертвыми и безжизненными, какъ въ настоящее время. Тутъ и тамъ попадаются камни со слѣдами дождевыхъ капель, тутъ и тамъ тянутся глубокія ложбины, промытыя нынѣ исчезнувшими рѣками, въ огромномъ множествѣ встрѣчаются развалины древнихъ домовъ, остатки фонтановъ и колодцевъ.

Сложенная изъ горизонтальныхъ пластовъ разныхъ каменныхъ породъ, Сахара подымается рядомъ уступовъ, точно гигантская лѣстница, и передъ каждымъ уступомъ тянутся длинные ряды горъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ форму пирамиды со срѣзанной верхушкой (рис. 119). И между этими горами пораженный путешественникъ встрѣтитъ скалы самыхъ причудливыхъ формъ, то въ видѣ длинныхъ стѣнъ съ огромными окнами, то въ видѣ длинныхъ рядовъ колоннъ. Тутъ и тамъ вздымаются гигантскіе каменные грибы, и рядомъ съ ними въ скалахъ выдолблены, невѣдомо кѣмъ, глубокія ниши и пещеры. Таковъ ландшафтъ каменистой пустыни или гаммады.

Кто же былъ создателемъ этихъ причудливыхъ скалъ? Въ пустынѣ нѣтъ воды, которая въ другихъ областяхъ земли создаетъ поражающіе насъ красотою живописные уголки. Разрушеніе скалъ происходитъ здѣсь вслѣдствіе чередованія жара и холода, окончательною же отдѣлкою ихъ занимается вѣтеръ. Онъ-то и создаетъ фантастическія колоннады, стѣны съ окнами, ниши и грибы.

Днемъ каменныя скалы пустыни нагрѣваются до 70—80° по Цельзію, ночью охлаждаются до 15°. Вслѣдствіе попеременнаго накаливанія и охлажденія онѣ прорѣзываются крупными и мелкими трещинами. Тутъ и тамъ отскакиваютъ мелкіе обломки. И нерѣдко скала, поражающая путника яркостью и свѣжестью окраски, при первомъ ударѣ молотка вся разсыпается въ щебень и песокъ.

Какъ только образовался песокъ, начинаетъ свою работу вѣтеръ. Начисто обметаетъ онъ скалы, отовсюду выгоняетъ острыя зерна песка. Онъ проникаетъ во всѣ трещины и пустоты и удаляетъ все, что успѣло разрыхлиться. Мы, жители Европы, не можемъ и представить, какъ громадна эта работа. Но вотъ примѣръ.

Въ аравійской пустынѣ близъ Синая устроенъ карантинъ для пилигримовъ, отправляющихся въ Мекку. Подлѣ самой деревни лежитъ кладбище, и здѣсь до сихъ поръ еще хоронятъ умершихъ. Путешественника непріятно поражаетъ не совсѣмъ обычный видъ этого кладбища. Всюду изъ могилъ высовываются сухіе, завернутые въ бѣлыя ткани трупы. Правда, арабы хоронятъ своихъ умершихъ не глубоко, но все же нужна огромная работа, чтобъ обнажить недавно зарытый трупъ. И эту работу производитъ вѣтеръ.

Захватывая повсюду огромныя массы песка, вѣтеръ несетъ ихъ цѣлыми тучами, протаскиваетъ по поверхности скалъ и, какъ гигантскій рѣзецъ, шлифуетъ камни, проводитъ на нихъ глубокіе штрихи. Въ Сахарѣ, въ долинѣ Гизе, десятки столѣтій красуется сфинксъ, высѣченный еще египтянами изъ плотнаго известняка. Время положило на него свой отпечатокъ, и какъ ни крѣпка каменная порода, уже видны тутъ и тамъ слѣды разрушенія. Но что

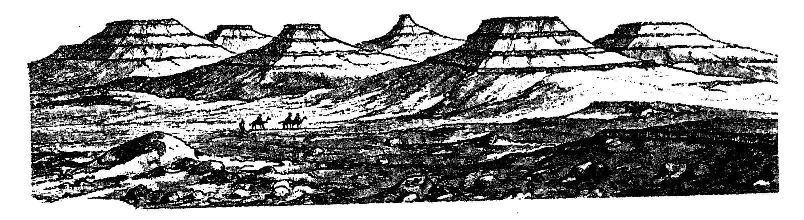

Рис. 119. Горы „гаммады“ въ Сахарѣ.

за странныя царапины покрываютъ поверхность сфинкса? Правильно, точно по линейкѣ, проведены онѣ невѣдомой силой; врѣзавшись вглубь камня, онѣ уже исказили подробности изваянія и уничтожили мелкія его части. Царапины эти проведены острыми песчинками, которыя проносилъ по поверхности сфинкса вѣтеръ (рис. 120).

Такимъ же образомъ разрушаетъ онъ и природныя скалы. Цѣлыми тучами песка швыряетъ онъ въ трещины, углубляетъ и расширяетъ ихъ. Менѣе прочныя части породъ легко поддаются дѣйствію песка, другія, болѣе крѣпкія, долго противостоятъ ему. Всюду на поверхности скалъ появляются глубокія борозды, ямы, впадины. При совмѣстной работѣ жара, холода и вѣтра съ каждымъ днемъ онѣ становятся глубже и наконецъ пронизываютъ скалу сквознымъ каналомъ. Со свистомъ врывается вѣтеръ въ такія отверстія, съ силой протаскиваетъ по нимъ миріады острыхъ и крѣпкихъ песчинокъ, и, какъ неутомимый ваятель, все увеличиваетъ, расширяетъ каналъ. Такъ получаются въ скалахъ огромныя окна.

Но работа не кончена. Все тоньше становится верхняя перекладина надъ окномъ, и, пронизанная трещинами, она, наконецъ,

подъ вліяніемъ собственной тяжести обваливается внизъ. Скала съ окнами превращается въ длинную колоннаду.

Теперь вѣтеръ принимается за отдѣлку одиночныхъ столбовъ. Ежедневно кругомъ ихъ прогоняетъ онъ густыя тучи песка. По поверхности пустыни онъ передвигаетъ даже крупные камни. Надъ ними несется крупный песокъ, и выше всего подымаются мелкія песчинки и тонкая пыль. Неудивительно, что основаніе столба обтачивается быстрѣе, чѣмъ его вершина. Оно становится все тоньше и тоньше, и мало-по-малу колонна превращается въ грибъ. Какъ разнообразны формы этихъ грибовъ! Одни стоятъ на длинныхъ ножкахъ съ маленькими шапками, другіе едва поднимаются надъ поверхностью, но подъ ихъ гигантскимъ навѣсомъ можетъ укрыться путешественникъ со своимъ верблюдомъ.

Такова каменистая пустыня или гаммада. Весь обломочный матеріалъ уносится вѣтромъ съ ея поверхности. Крупный щебень широкимъ и шумнымъ потокомъ стелется по каменистому грунту, но чуть ослабѣетъ сила вѣтра, останавливается. Онъ не можетъ быть отнесенъ далеко отъ гаммады и, скопляясь по сосѣдству съ ней, образуетъ такъ называемый «сериръ», обширныя и мертвыя равнины, покрытыя острыми камнями.

Дальше проносится песокъ, но и онъ, по мѣрѣ того какъ ослабѣваетъ вѣтеръ, ложится на поверхность: сначала падаютъ крупныя зерна, потомъ все болѣе мелкія. Такъ получается самая мертвая, самая безотрадная песчаная пустыня. Во время урагана снова вздымается песокъ и скучивается въ огромныя дюны. Каждая неровность,—даже скелетъ недавно павшаго верблюда и незначительный кустарникъ — служитъ тѣмъ ядромъ, около котораго растетъ песчаный холмъ...

V.

Всего дальше уноситъ вѣтеръ мелкую пыль, которая тучами поднимается со скалъ и густымъ туманомъ наполняетъ воздухъ. Она переходитъ границы пустыни и ложится на поверхность сосѣднихъ травянистыхъ степей. Лишь только вѣтеръ вступитъ въ эту степь, сила его уменьшается. Гибкія травы ослабляютъ стремительное движеніе воздуха. Несомая имъ пыль мало-по-малу успокаивается. Осѣдая на почву, она находитъ защиту подъ каждымъ стебелькомъ. Дождь и роса прибиваютъ къ землѣ осѣвшій слой и уплотняютъ его. Растенія не погибаютъ, но съ каждымъ годомъ подымаются выше и выше надъ поверхностью прежней степи. Въ глубинѣ почвы остаются ихъ корешки и нижнія части стеблей. Изъ года въ годъ обметаетъ вѣтеръ пустыню, и постоянно осаждается въ степи мелкая плодородная пыль.

Пыльные ураганы въ степяхъ — явленіе самое обыкновенное. При безоблачномъ небѣ солнце вдругъ пріобрѣтаетъ матово-желтый

цвѣтъ, и вся почва облекается толстымъ покровомъ пыли. Въ Туркестанѣ при сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ цѣлыми днями носится мелкая пыль. Въ населенныхъ мѣстахъ она не только проникаетъ въ юрты кочевника, но даже въ дома съ запертыми окнами и покрываетъ всѣ предметы тонкимъ слоемъ. Она осаждается на крышахъ домовъ, на стѣнахъ, и даже на шпицахъ башенъ и колоколенъ. При слѣдующемъ вѣтрѣ она сдувается снова, если только дождь не уплотнитъ ея. Развалины старыхъ домовъ въ Туркестанѣ постепенно скрываются подъ толщами пыли и одѣваются богатымъ растительнымъ покровомъ, который быстро развивается на навѣянной вѣтромъ плодородной почвѣ... Китайцы съ нетерпѣніемъ

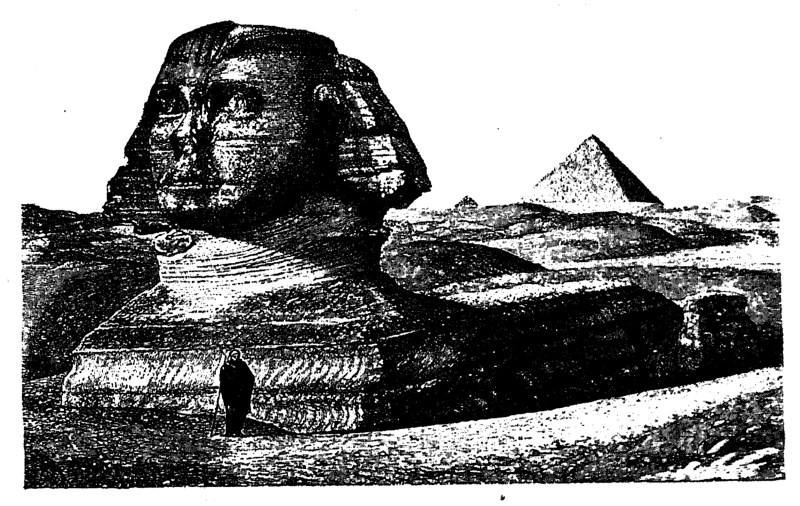

Рис. 120. Сфинксъ съ царапинами, произведенными на немъ вѣтромъ.

ждутъ выпаденія пыли и видятъ въ ней предзнаменованіе урожайнаго года.

Накопляясь изъ года въ годъ, эта пыль даетъ начало своеобразной горной породѣ—лессу. Это особаго рода суглинокъ желтаго цвѣта. Сплошнымъ панцыремъ одѣваетъ онъ поверхность травянистыхъ степей и обладаетъ нерѣдко колоссальною толщиною, до 300 саженъ! Весь онъ пронизанъ тончайшими трубочками, которыя то и дѣло вѣтвятся. Это слѣды корней и стеблей травянистой растительности. Присутствіемъ этихъ трубочекъ объясняются два свойства лесса: во-первыхъ, онъ чрезвычайно жадно впитываетъ воду, какъ губка; во-вторыхъ, онъ раскалывается только въ одномъ направленіи, какъ лучина, и потому обнаруживаетъ наклонность къ образованію высокихъ отвѣсныхъ стѣнъ и глубокихъ ущелій.

Во всѣхъ странахъ, расположенныхъ по сосѣдству съ пустыней, лессъ занимаетъ огромныя пространства. Имъ покрытъ между прочимъ весь сѣверный Китай. Ландшафтъ этой страны не имѣетъ ничего подобнаго въ мірѣ. Передъ вами огромная зеленая равнина, сплошь покрытая цвѣтущими полями. Нигдѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ неровностей,—ни холма, ни пригорка. Но стоитъ только отправиться въ путешествіе по этой равнинѣ,—и на каждомъ шагу препятствіе: то и дѣло приходится совершать огромные объѣзды. Глубокія и темныя ущелья во всѣхъ направленіяхъ прорѣзываютъ страну. Попробуемъ спуститься въ одно изъ нихъ. Намъ придется

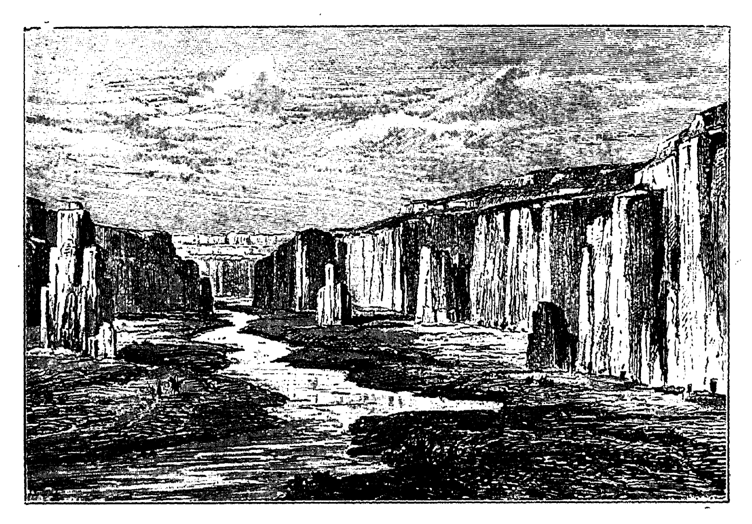

Рис. 121. Долина рѣки Хуанъ-хэ, промытая въ толщахъ лесса.

карабкаться по отвѣснымъ обрывамъ, пока наконецъ мы не достигнемъ перваго уступа. За нимъ опять отвѣсная стѣна, и снова такіе же уступы... Равнина кажется совсѣмъ пустынной. Среди прекрасно обработанныхъ полей нельзя найти ни одного дома. Напрасно спрашиваетъ себя путешественникъ, гдѣ живутъ люди, воздѣлавшіе эти нивы. Но, достигши лессовой стѣны, онъ перестаетъ недоумѣвать. Здѣсь все копошится, точно въ разрушенномъ муравейникѣ, и на желтые уступы поминутно выбѣгаютъ люди. Милліоны трудолюбивыхъ земледѣльцевъ живутъ въ этихъ глубокихъ ущельяхъ-пещерахъ, прорытыхъ ими въ лессѣ. По опыту жители легко находятъ мѣста, гдѣ лессъ обладаетъ достаточною крѣпостью.

Пещеры прокапываются у основанія стѣны, на днѣ ущелья, или на одномъ изъ его уступовъ. Онѣ открываются наружу широкими воротами. Отсюда въ обѣ стороны идутъ длинные коридоры и комнаты-пещеры съ окнами въ наружныхъ лессовыхъ стѣнахъ. Иногда комнаты располагаются тремя, четырьмя этажами, и въ такомъ случаѣ ихъ соединяютъ лѣстницы, выбитыя въ лессѣ. Въ толщахъ этой породы попадается много желваковъ извести. Изъ нихъ жители приготовляютъ великолѣпный цементъ. которымъ оштукатуриваютъ стѣны и смазываютъ подоконники. Этимъ сообщается жилищу прочность, сухость и уютность. Такіе дома передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и служатъ одной семьѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. На границѣ Монголіи то и дѣло встрѣчаются цѣлыя селенія, выстроенныя въ лессѣ.

Глубокія ущелья, прорѣзывающія лессъ, по большей части возникли благодаря работѣ подземной воды. Она прорыла длинныя пещеры, кровли которыхъ наконецъ обрушились. Кое-гдѣ сохранились, впрочемъ, естественные мостики, соединяющіе противоположные берега этихъ ущелій. Впрочемъ, и рѣки принимаютъ участіе въ разрушеніи лессовыхъ толщъ. Знаменитая Хуанъ-хэ протекаетъ среди глубокой долины, прорытой ею въ лессѣ. Съ той и другой стороны вздымаются высокія желтыя стѣны, тутъ и тамъ стоятъ одинокіе, уцѣлѣвшіе отъ размыва столбы. Лессовый илъ попадаетъ въ рѣку и сообщаетъ ей желтую окраску. Онъ выносится на огромное разстояніе въ море и окрашиваетъ его воду въ тотъ же цвѣтъ. Любопытная и оригинальная страна! Почва, вода, скалы— все въ ней желтое. И населяютъ ее люди тоже съ желтымъ цвѣтомъ кожи. Настоящее желтое царство!

Весь своеобразный ландшафтъ сѣвернаго Китая обязанъ своимъ происхожденіемъ лессу. Плодородныя поля этой страны возникали изъ пыли, вынесенной вѣтромъ изъ пустыни. Жгучій вѣтеръ азіатскихъ степей несетъ путнику смерть, но онъ же неустанно удобряетъ поля земледѣльцевъ. Онъ и губитъ, и благодѣтельствуетъ. Въ природѣ нѣтъ ни злыхъ, ни добрыхъ силъ, и то, что сегодня несетъ намъ гибель, разореніе и смерть, завтра служитъ источникомъ благополучія и даже высокаго наслажденія.

Великій работникъ—море.

I.

На берегу Нѣмецкаго моря лежитъ крохотная страна — Голландія, населенная трудолюбивымъ земледѣльческимъ народомъ. Посмотрите на карту, и васъ поразятъ своеобразныя очертанія ея. Ровною линіею тянется берегъ. Только два мелководныхъ залива—Зюдерзее и Долляртъ — далеко врѣзываются въ сушу. И, точно кольца разорванной цѣпи, окаймляютъ страну низменные Фризскіе острова. Гладка, ровна, какъ столъ, поверхность маленькой Голландіи: нигдѣ никакихъ слѣдовъ повышенія. Пышныя нивы и роскошные луга покрываютъ ее на всемъ пространствѣ. Но что за странныя сооруженія тянутся вдоль берега? Это—длинныя, высокія и крѣпкія плотины, непроницаемою стѣною отгораживаютъ страну отъ моря. Во время прилива вода нерѣдко подымается выше поверхности воздѣланныхъ полей, и тогда вся Голландія лежитъ ниже уровня моря... Выберемъ ясный день и подымемся на одну изъ высокихъ башенъ, которыми такъ богаты старые города этой страны. Посмотримъ на разстилающуюся внизу зеленую равнину. Словно сотни голубыхъ лентъ, тянутся во всевозможныхъ направленіяхъ каналы, уставленные съ обѣихъ сторонъ безчисленными вѣтряными мельницами и обсаженные деревьями. По нимъ плывутъ пароходы и скользятъ лодки. Въ городахъ—та же картина. Амстердамъ напоминаетъ далекую Венецію: вмѣсто улицъ—каналы и только коегдѣ передъ домами узкая полоса суши для пѣшеходовъ. Въ этомъ городѣ болѣе 300 мостовъ! Многіе изъ нихъ перекинулись огромной аркой съ берега до берега и при помощи особой машины могутъ мгновенно подыматься и опускаться. Ни суда, плавающія по каналамъ, ни экипажи, ѣдущіе по улицамъ, не испытываютъ ни малѣйшихъ задержекъ въ своемъ движеніи. Нигдѣ въ Европѣ вы не встрѣтите подобныхъ ландшафтовъ, нигдѣ не найдете такого множества сооруженій, свидѣтельствующихъ о неутомимомъ трудолюбіи

жителей, которые сдѣлали безплодную страну удобной для своего существованія.

Голландія—дѣтище моря, вырванное изъ волнъ его человѣкомъ. Еще на зарѣ исторіи на мѣстѣ нынѣшнихъ цвѣтущихъ полей и зеленыхъ луговъ тянулись непроходимыя пустоши и трясины, образовавшіяся изъ того ила, который приносили рѣки, и изъ того песка, который выбрасывало море. Вдоль берега громоздились мертвыя, желтыя и при вѣтрѣ грозныя дюны, а дальше раскинулись безграничныя болота и пустоши, поросшія верескомъ. Въ бурные дни и во время высокихъ приливовъ, море врывалось въ

Рис. 122. Въ городѣ Амстердамѣ.

эту низину и заливало ее своими волнами. Тутъ шла грозная борьба. Намывъ новый клочекъ суши, море не хотѣло разстаться съ нимъ и, какъ бы жалѣя потерянное мѣсто, снова захватывало его. Волны не разъ уничтожали собственное созданіе, и вода водворялась снова въ тѣхъ мѣстахъ, которыя уже были отвоеваны сушею.

И въ эту борьбу вмѣшался человѣкъ. Поселившись на низменномъ побережьѣ, онъ задумалъ превратить его въ цвѣтущую земледѣльческую страну. Для защиты отъ морскихъ волнъ онъ сталъ укрѣплять дюны, а тамъ, гдѣ ихъ не было, возводилъ крѣпкія плотины, вбивая въ землю сваи и засыпая ихъ камнями, землею и пескомъ. Чтобы осушить пропитанную влагою почву, онъ про-

рывалъ каналы и устраивалъ вѣтряныя мельницы, главное назначеніе которыхъ выкачивать воду изъ болотъ. Такъ получились плодородныя поля и пышные луга, названные «польдерами».

Не легко далась человѣку эта борьба. Море яростно уничтожало его сооруженія. И первые годы этой борьбы потребовали многихъ жертвъ. Вся исторія Голландіи полна разсказами о страшныхъ катастрофахъ, которыя разыгрывались въ этой странѣ. Наводненія насчитывались сотнями. Опустошенія были громадны, и жертвы въ десятки тысячъ человѣкъ были явленіемъ обычнымъ. Въ 1230 году утонуло 400 тысячъ человѣкъ, въ 1240-мъ году богатый городъ Рингхольдъ въ Фрисландіи былъ затопленъ вмѣстѣ съ 7 приходами, въ 1287 году погибло болѣе 80 тысячъ человѣкъ, въ 1362 году залито 30 церковныхъ приходовъ Ночью 19 ноября 1421 года была затоплена вся южная Голландія. Семьдесятъ два селенія исчезли подъ водою, болѣе 100 тысячъ человѣкъ погибло въ страшномъ потопѣ. Самое грозное наводненіе случилось 1 и 2 ноября 1570 г.; въ эти дни погибло до 400 тысячъ человѣкъ: города Амстердамъ, Мюйденъ, Роттердамъ, Дортрехтъ были залиты водою. Вотъ какъ описано въ современной лондонской газетѣ одно изъ сильнѣйшихъ наводненій, случившееся въ 1686 году:

«Въ пятницу 22 ноября, въ продолженіе цѣлаго дня, дулъ сильный юго-западный вѣтеръ, сопровождавшійся дождемъ и громомъ. Къ вечеру онъ повернулъ на востокъ, потомъ съ востока перешелъ на сѣверо-востокъ, и такимъ образомъ продолжалъ мѣняться ежеминутно съ ужасною быстротой и силой. Буря свирѣпствовала всю ночь. На многихъ домахъ были опрокинуты трубы и сорваны крыши. Плотины не могли противиться ярости моря и разорвались. На другой день утромъ большая часть страны была затоплена. Вода во многихъ мѣстахъ поднялась на восемь футовъ выше плотинъ. Уже тысячи жителей и огромныя количества скота были поглощены страшнымъ наводненіемъ, а вода все еще продолжала прибывать. Наконецъ, она достигла города Дельфзиля и поднялась такъ высоко и скоро, что жители едва успѣли взобраться на чердаки и кровли своихъ домовъ. Все селеніе Отердамъ исчезло подъ водою. Въ Термундерзвилѣ не осталось ни одного дома; изъ 300 жителей только 19 спаслось отъ потопленія. Всѣ селенія въ окрестностяхъ Эмса были полуразрушены потопомъ. Въ субботу и воскресенье на той же недѣлѣ самыя нижнія части Эмса покрылись водою. На поверхности новаго моря только кое-гдѣ виднѣлись крыши домовъ и поднимались верхи колоколенъ. Мы не находили словъ, чтобы описать отчаяніе этой страны. Все залито водой: цѣлыя селенія поглощены моремъ. Несчастные жители, которые еще успѣли спастись отъ гибели на чердакахъ и кровляхъ домовъ, доведены до послѣдней крайности. Во всей странѣ раздаются крики отчаянія и раздирающія душу жалобы. Слышенъ унылый звонъ колоколовъ,

призывающій жителей твердой земли на помощь своимъ соотечественникамъ. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ люди для спасенія несчастныхъ. Будетъ-ли во время помощь? Вода все еще поднимается. До насъ дошли свѣдѣнія, что въ Отердамѣ только двадцать пять человѣкъ избѣжали смерти. Въ селеніи Петерборнъ только три дома уцѣлѣли. Вся Голландія повергнута въ полное отчаяніе».

Во время такихъ наводненій море дѣлало огромные захваты. Карты Голландіи, дошедшія до насъ отъ I вѣка по Рожд. Хр., рѣзко отличаются отъ современныхъ: тогда не было залива Зюдерзее, и суша тянулась до сѣверныхъ окраинъ нынѣшнихъ Фризскихъ острововъ. Только глубоко внутри страны лежало мелководное озеро Флево, черезъ которое протекалъ Иссель, одинъ изъ рукавовъ рѣки Рейна. Съ IV столѣтія по Р. Хр. началось усиленное разрушеніе берега, происходившее главнымъ образомъ во время наводненій. Къ концу VII столѣтія край его былъ уже сильно изорванъ: появилось нѣсколько новыхъ островковъ. Въ 1170 году были поглощены еще новыя пространства суши. Къ началу XIII вѣка озеро Флево значительно увеличилось, заливъ своими водами прибрежныя селенія. Наконецъ, въ 1395 году былъ прорванъ узкій перешеекъ, отдѣлявшій его отъ моря: озеро превратилось въ обширный заливъ Зюдерзее.

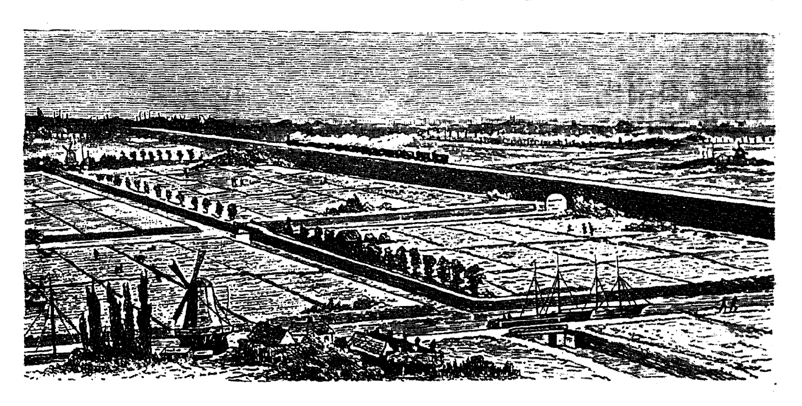

Рис. 123. Польдеры въ Голландіи.

Точно также образовался и заливъ Доллартъ. Катастрофа произошла въ день Рождества Христова въ 1277 году. Вода уничтожила городъ Торумъ съ двумя мѣстечками и 50 деревнями и на мѣстѣ ихъ образовала новый заливъ.

Грозныя катастрофы происходили и на Фризскихъ островахъ,

которые своимъ восточнымъ концомъ заходятъ уже въ Германію. Вода не разъ заливала ихъ, неся гибель и разореніе бѣднымъ жителямъ деревень. Нерѣдко въ глубокую ночь зловѣщій звонъ набата пробуждалъ спящихъ. Оторопѣвшіе жители бросались на крыши домовъ и влѣзали на башни, оставляя свое имущество на произволъ разъяренныхъ стихій. При шумѣ волнъ и дикомъ завываніи вѣтра, сами на волоскѣ отъ смерти, они наблюдали грустныя картины гибели односельчанъ и немногіе спасались. Большинство поглощалось моремъ.

На глазахъ исторіи многіе изъ Фризскихъ острововъ сократили свои размѣры, а отъ нѣкоторыхъ остались только груды песка. Островъ Боркумъ въ IX столѣтіи былъ разорванъ на двѣ части, а затѣмъ послѣ каждой бури все сокращалъ свои размѣры: за послѣднія двѣсти лѣтъ онъ уменьшился больше, чѣмъ вдвое. Островъ Вангерогъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ находился въ цвѣтущемъ состояніи и, благодаря своимъ купаньямъ, привлекалъ множество дачниковъ. Въ 1854 году страшное наводненіе уничтожило расположенную здѣсь деревню, и съ тѣхъ поръ островъ пришелъ въ полное запустѣніе. Уцѣлѣвшій маякъ и колокольня омываются волнами моря.

Но какъ ни свирѣпствовало море, человѣкъ не отступалъ передъ нимъ. Въ рукахъ его было великое оружіе—знаніе. И, по мѣрѣ того, какъ наука шла впередъ и инженерное искусство дѣлало все новые успѣхи,—грозный натискъ моря все менѣе страшилъ отважныхъ жителей. Теперь они уже торжествуютъ побѣду. Плотины тянутся во многихъ мѣстахъ въ шесть рядовъ и достигаютъ въ высоту до 5 саженъ. Онѣ построены такъ крѣпко, что катастрофы стали величайшею рѣдкостью. У подножія гигантскихъ стѣнъ. возведенныхъ человѣкомъ, море реветъ и бьется, безсильное сломить ихъ твердыню.

Для сооруженія плотины въ землю вбиваютъ нѣсколькими рядами толстыя сваи, соединяютъ ихъ крѣпкими поперечными балками и обкладываютъ каменною плитой и фашинами. Сверху все сооруженіе засыпается пескомъ, глиной, землею и нерѣдко гребень такой плотины представляетъ превосходный путь для экипажей; по нѣкоторымъ изъ нихъ проложены даже желѣзныя дороги. Въ послѣднее время для укрѣпленія плотинъ употребляютъ по преимуществу гранитъ. Изъ Норвегіи привозятся для этой цѣли огромныя глыбы, даже цѣлыя скалы. Такъ сооружаетъ человѣкъ крѣпость для борьбы съ разъяреннымъ моремъ, и успѣшно отражаетъ его натискъ.

Но доблестная защита еще не даетъ удовлетворенія. Человѣкъ не забылъ прежнихъ захватовъ моря и стремится вернуть уничтоженныя земли. Голландцы мечтаютъ осушить Зюдерзее и превратить его дно въ цвѣтущіе польдеры.

Уже осушено Гаарлемское озеро, которое безъ вмѣшательства человѣка такъ же, какъ и Флево, соединилось бы съ моремъ. Съ начала тринадцатаго вѣка, площадь этого озера стала сильно увеличиваться. Въ 1836 году воды его, гонимыя яростнымъ вѣтромъ, дошли почти до воротъ Амстердама. Въ виду неминуемой бѣды рѣшено было осушить озеро, и въ 1852 году это колоссальное предпріятіе было закончено. Озеро, имѣвшее 21 километръ въ длину, 10 километровъ въ ширину и 4 метра въ глубину, превратилось въ сушу. Еще въ 16 столѣтіи на его поверхности происходило морское сраженіе между испанцами и голландцами, а теперь глинисто-торфяниковое дно его превращено въ цвѣтущіе поля и луга.

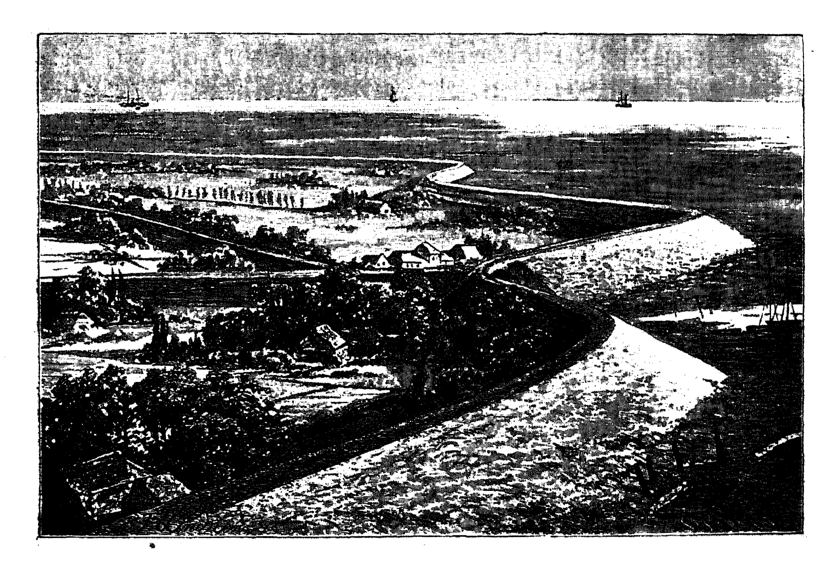

Рис. 124. Плотины въ Голландіи.

Около 6000 милліоновъ ведеръ воды, вмѣщавшейся въ озерѣ, было тремя паровыми машинами вылито въ море! Грандіозное предпріятіе стоило только 24 милліона франковъ (=9 милл. рублей).

Такимъ же образомъ будетъ отвоеванъ у океана и обширный заливъ Зюдерзее. Созданное моремъ въ теченіе многихъ столѣтій будетъ уничтожено человѣкомъ въ нѣсколько лѣтъ. Прежде всего предполагается построить дамбу, которая отгородитъ заливъ отъ моря. Для выпуска рѣчныхъ водъ въ ней будутъ сдѣланы прорѣзы, укрѣпленные шлюзами. По удаленіи воды получится 4 огромныхъ польдера. По нимъ пройдутъ длинные и глубокіе каналы,

огороженные съ двухъ сторонъ высокими дамбами. По этимъ каналамъ будутъ ѣздить большія суда, и селенія, расположенныя теперь на берегахъ Зюдерзее, нисколько не потеряютъ своихъ выгодъ. Для осуществленія этого грандіознаго проекта потребуется только 32 года.

II.

Грозна разрушительная работа моря въ Голландіи. Но еще грандіознѣе проявляется она въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега вздымаются высокими обрывистыми скалами. Въ открытомъ океанѣ прибойныя волны обладаютъ огромною силою. Съ яростью несутся онѣ черезъ подводные камни и ударяютъ о подошву скалъ. Отъ этихъ ударовъ исполинскія стѣны береговъ дрожатъ снизу до верху, и ревъ волнъ перекатывается по всѣмъ трещинамъ и пустотамъ утесовъ. Во время большихъ бурь волны катятъ гигантскія глыбы въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ и ударяютъ ими въ берегъ. Цѣлыя тучи мелкихъ обломковъ, песокъ, раковины подхватываются ими и, точно залпъ цѣлаго отряда, швыряются въ берега. Даже самыя крѣпкія скалы не выдерживаютъ натиска волнъ и постепенно разсыпаются въ груды обломковъ.

Со страшною силою врываются волны въ глубокія трещины скалъ, сжимаютъ находящійся тамъ воздухъ и раздвигаютъ имъ каменныя глыбы. Изъ сквозныхъ трещинъ вылетаютъ иногда высокіе фонтаны воды. Одинъ изъ такихъ естественныхъ фонтановъ находится на мексиканскомъ берегу Тихаго океана близъ деревни Гуапулько. Изъ отверстія одной трещины при каждомъ ударѣ волны съ непомѣрною силой выбрасывается струя воды, высотою до 50 метровъ! Брызги ея осыпаютъ всю окрестность, а шумъ напоминаетъ отдаленный громъ или гулъ извергающагося вулкана. Въ тихую погоду у подножія скалы видна глубокая воронкообразная впадина, наполненная водой. Нижній узкій конецъ ея, видимо, переходитъ въ трещину, открывающуюся съ противоположной стороны. Волны съ силою врываются въ эту яму, и вода ихъ стремительно вылетаетъ черезъ узкое отверстіе... Такіе фонтаны вообще не рѣдкость. На островѣ Миноркѣ на Средиземномъ морѣ бьютъ двѣ высокихъ струи воды. Въ народѣ онѣ слывутъ подъ названіемъ «мѣховъ дьявола». На Гваделупѣ выбрасывается фонтанъ высотою въ 10 метровъ. На островѣ Бора-Бора въ Тихомъ океанѣ могучая струя воды взлетаетъ на высоту до 45 метровъ!

Съ особенно грозною силой дѣйствуютъ волны во время высокихъ приливовъ и бурь. Бываютъ случаи, когда волна въ открытомъ океанѣ достигаетъ 10 саженъ въ высоту. Можно себѣ представить, какія опустошенія она производитъ. Стремительно бросаясь на берегъ, она сокрушаетъ все на пути, вторгается въ устья рѣкъ

и бурно несется вверхъ, производя наводненія на значительномъ пространствѣ.

Со страшною силой дѣйствуетъ приливная волна въ устьѣ рѣки Сены. Грозное движеніе ея, получившее названіе «маскаре», проявилось въ особенно величественныхъ формахъ 12 марта 1887 года. Вотъ что разсказываетъ очевидецъ, наблюдавшій это явленіе въ городкѣ Кодебекѣ, расположенномъ въ 40 километрахъ отъ Гавра вверхъ по теченію Сены.

«Въ 10 часовъ утра толпа зрителей, пріѣхавшихъ изъ окрестныхъ мѣстъ, изъ Руана и даже изъ Парижа, собралась на берегу Сены. Воды ея были неподвижны и блистали, какъ зеркало. Глаза всѣхъ устремились внизъ: всѣ съ напряженіемъ ждали маскаре. И онъ явился съ точностью, которая сдѣлала бы честь монарху. Вдали, гдѣ Сена дѣлаетъ излучину, мы увидѣли бѣлыя линіи пѣны и тучи брызгъ у выпуклаго берега. Посреди рѣки двигалась темная стѣна; тутъ и тамъ черезъ нее перекатывались волны. Она неслась со скоростью рысака и черезъ минуту была у Кодебека. У береговъ змѣями проскользнули бѣлые гребни, и за ними во всю ширину рѣки хлынула волна высотою до 7 метровъ. По своей формѣ и темно-зеленому цвѣту это была настоящая морская волна, и гребень ея такъ же, какъ на морѣ, вспѣнивался и опрокидывался. Впереди ея Сена оставалась спокойной, какъ прудъ. Еще мгновеніе, и русло рѣки до самыхъ краевъ заполнилось свирѣпо клокочущей водою. Все это произошло гораздо скорѣе, чѣмъ можно сказать или написать. Волна хлынула на берегъ, и тотъ, кто не успѣлъ бѣжать, принялъ холодную ванну. Не успѣли мы еще отдѣлаться отъ изумленія, какъ передъ нашими глазами пронеслось еще съ полдюжины болѣе слабыхъ волнъ, свирѣпо бросавшихъ воду на берегъ Все явленіе продолжалось не болѣе минуты, но Сена долго еще была наполнена доверху водой, бурно пѣнилась и клокотала. Внезапность и сила маскаре превзошли всѣ мои ожиданія. И какъ это ни удивительно, я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ настоящую морскую волну въ 40 километрахъ отъ устья». Такое же явленіе наблюдается въ устьяхъ рѣки Амазонки, Ганга и др.

Не менѣе величественную картину представляетъ приливъ въ бухтѣ св. Михаила (между полуостровами Бретанью и Котантеномъ во Франціи). Въ мгновеніе ока покрывается здѣсь водою огромная мель въ 250 квадратныхъ километровъ, и вода эта пѣнится, клокочетъ, бьется о берегъ и свирѣпо врывается въ устья рѣкъ.

А какія грозныя волны вздымаются во время урагана! Особеннаго вниманія заслуживаютъ бури Бенгальскаго залива. До сихъ поръ еще свѣжи преданія о той страшной катастрофѣ, которая разразилась въ этихъ мѣстахъ 31 октября 1876 года. Ураганъ, направившійся къ сѣверу, уничтожилъ большія суда на своемъ пути и, хотя пощадилъ Калькутту, но налетѣлъ на Читтонгъ, го-

родъ, расположенный въ сѣверо-восточномъ углу бухты, и выбросилъ здѣсь на берегъ всѣ суда, укрывшіяся въ портѣ. Поднявшееся море затопило цѣлый рядъ острововъ въ устьяхъ Ганга и залило твердую землю на пространствѣ до 10 километровъ. Эти громадныя волны катились съ поразительною быстротой. Еще въ 11 часовъ вечера изъ Калькутты были отправлены телеграммы, не предвѣщавшія ничего недобраго, а въ полночь ближайшія окрестности города были уже на шесть метровъ залиты водою. Безмолвіе смерти охватило страну. Застигнутое вторженіемъ волнъ населеніе укрывалось на высокихъ деревьяхъ. Тѣ, кому удалось найти тамъ убѣжище, должны были дѣлить его съ хищными звѣрями, птицами и змѣями. Тысячи домовъ разрушены яростью волнъ; двѣ трети населенія исчезли. Оффиціальныя донесенія насчитывали не менѣе 250,000 жертвъ!

Еще грознѣе проявилъ свою разрушающую силу «великій ураганъ» 10 октября 1780 года въ Вестъ-Индіи. Море поднялось на семь съ половиною метровъ и произвело на Антильскихъ островахъ ужасныя опустошенія. На островѣ Мартиникѣ было потоплено 40 французскихъ военныхъ судовъ съ 4000 солдатъ, а въ городѣ С.-Пьерѣ смыто на берегу 150 домовъ, у Порто-Рико уничтожено нѣсколько англійскихъ судовъ, возвращавшихся въ Европу, въ Сенъ-Эсташѣ 7 судовъ разбиты вдребезги на скалахъ, а изъ девятнадцати обрѣзавшихъ канаты и вышедшихъ въ открытое море, только одно вернулось въ портъ. Въ Сенъ-Люси море поднялось на такую высоту, что уничтожило цѣлый англійскій флотъ, а одно судно, брошенное къ берегу, опрокинуло на госпиталь, который былъ раздавленъ подъ его тяжестью.

Въ тропическихъ моряхъ ураганы не представляютъ рѣдкости, и катастрофы съ тысячами человѣческихъ жертвъ повторяются, чуть ли не ежегодно.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при своей силѣ волны разрушаютъ даже самыя крѣпкія скалы, берега же, сложенные изъ рыхлыхъ породъ, раздробляютъ съ поразительною быстротою. У сѣверныхъ береговъ Шотландіи не разъ сбрасывались глыбы въ 70—80 куб. саженъ въ объемѣ, и волны передвигали ихъ на разстояніе въ 7 саженъ. У Гавра во Франціи буря разрушила берегъ на 15 метровъ вглубь страны. Острова уничтожаются нерѣдко съ удивительною быстротою. Поучительна исторія Гельголанда. Въ настоящее время этотъ островокъ, сложенный изъ краснаго песчаника, имѣетъ не болѣе 2 верстъ въ длину и 300 саженъ въ ширину. Нѣсколько грядъ картофеля да скудныя пастбища составляютъ все его богатство. Между тѣмъ еще въ 1072 году онъ занималъ не менѣе 900 квадратныхъ верстъ, былъ богатъ хлѣбомъ, скотомъ и дичью. Если довѣрять показаніямъ лѣтописцевъ, то въ теченіе послѣднихъ пяти столѣтій островъ уменьшился, по крайней

мѣрѣ, въ 4 раза. Пусть даже эти цифры преувеличены, но какъ бы то ни было Гельголандъ быстро таетъ въ волнахъ моря, какъ огромный кристаллъ соли. Гибель его неизбѣжна.

Такъ же разрушаются и всѣ каменистые берега. Разница лишь въ скорости размыва... Повсюду разрушенный берегъ выдвигается надъ моремъ въ видѣ живописныхъ, изрытыхъ, иззубренныхъ скалъ. Если берегъ слагается изъ горизонтальныхъ пластовъ различныхъ породъ, то нерѣдко образуются навѣсы и глубокія ниши (рис. 125). Волны ударяютъ въ нижнія части береговыхъ уступовъ, и здѣсь идетъ наиболѣе быстрое разрушеніе... Мало-по-малу навѣсъ обрушивается отъ собственной тяжести, и груды обломковъ ложатся у

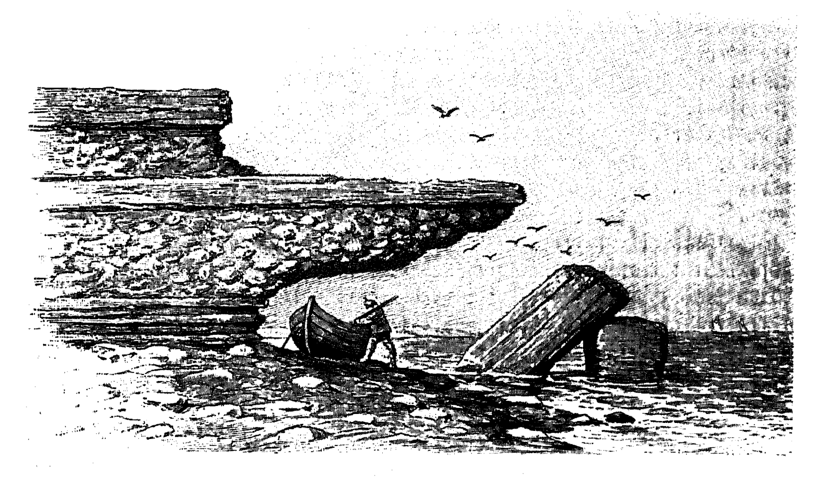

Рис. 125. Навѣсъ на берегу моря, промытый волнами.

подножія скалы. Особенно причудливыя формы получаются въ тѣхъ случаяхъ, когда берегъ слагается изъ известняковъ, которые легко растворяются въ водѣ, содержащей углекислоту. Море выдалбливаетъ въ нихъ глубокія пещеры, камеры и ходы. Такимъ образомъ возникъ, вѣроятно, знаменитый «Лазурный гротъ» на островѣ Капри. Иногда пещеры образуются вслѣдствіе постепеннаго расширенія трещинъ волнами моря, и въ такомъ случаѣ мы можемъ ихъ встрѣтить даже въ гранитѣ. Таковъ, напр., гротъ, прорѣзывающій величественную скалу Торнгаттенъ въ сѣверной Норвегіи. На цѣлые 300 метровъ въ длину тянется онъ въ видѣ сквозной, изумительно правильной галлереи. Полъ его усыпанъ пескомъ; боковыя стѣны такъ гладки, какъ будто онѣ высѣчены рукою человѣка. Съ мимо идущаго судна виденъ противоположный просвѣтъ.

Безчисленные рифы и бѣлые гребни морского прибоя сквозятъ сквозь этотъ гигантскій телескопъ и, когда пейзажъ облитъ яркими лучами солнца, представляютъ чудное зрѣлище.

III.

Какъ ни грозна сила волнъ, тѣмъ не менѣе море не можетъ безъ конца разрушать. Мало-по-малу у подножія береговыхъ скалъ скопляются огромныя груды обломковъ. Перекатываясь черезъ нихъ, волна теряетъ свою силу и уже не достигаетъ береговыхъ обрывовъ... Разрушеніе кончено. Но остановилась ли работа моря? Нашли-ли отдыхъ его неугомонныя волны?

Я люблю сидѣть на берегу подъ тѣнью его высокихъ обрывовъ и смотрѣть, какъ волны шумно подкатываютъ къ нему. Сколько жизни въ ихъ бурномъ движеніи! Каждая волна подхватываетъ груды обломковъ, лежащихъ на ея пути, и несетъ ихъ съ собою, пока не истощится запасъ ея силы. На мгновеніе она останавливается, — обезсиленная, катится назадъ и увлекаетъ съ собою обломки. И такъ изо дня въ день, въ теченіе долгихъ лѣтъ и цѣлыхъ столѣтій камни движутся взадъ и впередъ и, перекатываясь цѣлою массою, трутся другъ о друга. Прислушайтесь къ шуму моря... Какъ онъ разнообразенъ! Это не просто шумъ движущейся воды. Ухо различаетъ отрывистые удары передвигаемыхъ камней и грохотъ щебня, перебрасываемаго моремъ...

Вы замѣчали, какъ тротуары улицъ, сложенныя изъ шероховатаго, умышленно иззубреннаго камня, мало-по-малу дѣлаются гладкими и скользкими. Многочисленные пѣшеходы стираютъ ихъ постепенно своими подошвами, уничтожаютъ на нихъ всѣ неровности. То же дѣлаетъ со щебнемъ море, только сила его громаднѣе, — и потому самые крѣпкіе обломки скоро становятся гладкими. Быстро стираются ихъ ребра и углы, уничтожаются всѣ заостренія и выступы, и каждый камень

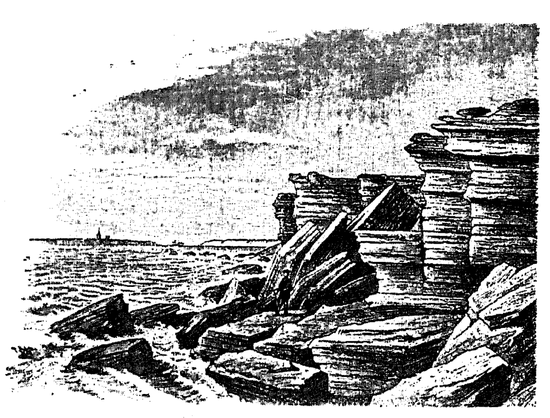

Рис. 126. Груды обломковъ у берега, разрушаемаго волнами.

пріобрѣтаетъ округлую форму. Нерѣдко на берегу попадаются удивительно правильные камешки въ видѣ шариковъ, лепешекъ и яичекъ. Разбивая ихъ и внимательно разсматривая свѣжій изломъ, не трудно признать въ нихъ ту каменную породу, изъ которой слагается берегъ. Такіе правильные, окатанные волнами камни называются *гальками*. Форма ихъ на берегахъ всѣхъ морей болѣе или менѣе одинакова, но какое разнообразіе представится вамъ, если вы станете разбирать гальки, собранныя въ разныхъ странахъ! Тутъ вы найдете и гранитъ, и мраморъ, и песчаникъ, и всевозможныя другія породы. На южномъ берегу Финскаго залива попадаются по преимуществу известняковыя гальки, въ Финляндіи вы находите окатанные кусочки гранита, въ Крыму на берегахъ Чернаго моря—мраморъ, сланецъ, известнякъ. Вблизи жилыхъ мѣстъ въ числѣ галекъ вамъ попадутся окатанные кусочки кирпича, черепковъ разной посуды, стекла и даже деревяшекъ. Своею правильною формою особенно привлекаютъ вниманіе известковыя гальки эстляндскаго побережья, своимъ разнообразіемъ,—крымскія гальки. Туристы охотно собираютъ и тѣ, и другія, предпочитая наиболѣе окатанные экземпляры. И такія коллекціи, вѣроятно, не разъ бывали въ вашихъ рукахъ.

На ряду съ болѣе крупными обломками, море обрабатываетъ и мелкіе, — такъ же шлифуетъ и полируетъ ихъ. Зернышки камней, величиною съ горошину и меньше, называются гравіемъ, еще болѣе мелкія—пескомъ. Мы знаемъ по преимуществу кварцевый песокъ, употребляемый въ обыденной жизни для различныхъ надобностей. Но песокъ можетъ произойти изъ какой угодно породы. Берега коралловыхъ острововъ усѣяны известняковымъ пескомъ, у подножія мѣловыхъ горъ лежатъ безчисленныя мѣловыя песчинки. Каждая песчинка имѣетъ такую же правильную форму, какъ галька и гравій, — шарообразную или яйцевидную. Разсматривая песокъ подъ лупой, мы на дѣлѣ въ этомъ убѣдимся... Впрочемъ, такую форму обнаруживаетъ только морской и рѣчной песокъ. Въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ проточной воды, песчинки имѣютъ острые ребра и углы, и, когда вѣтеръ вздымаетъ ихъ, онѣ больно рѣжутъ лицо и руки.

Не всякій песокъ можетъ скопляться въ большихъ массахъ. Известнякъ легко разъѣдается водою, глинистый сланецъ разсыпается въ тонкій илъ. И только зернышки крѣпкаго кварца не поддаются дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Вотъ почему на берегахъ моря скопляется по преимуществу чистый кварцевый песокъ.

Гальки, гравій и песокъ — еще не послѣднее дѣло моря. Это только матеріалъ для дальнѣйшей работы, для новыхъ сооруженій.

Перенесемся на низкіе берега Балтійскаго моря. Выберемъ вѣтряный день и будемъ слѣдить за волнами. Съ ревомъ взлетаютъ онѣ на берегъ, обремененныя своей ношей, и, откатываясь назадъ,

оставляютъ ея часть. Изъ песка, галекъ и камней выростаетъ длинный береговой валъ. Такъ медленно, изо-дня въ день намывается высокая каменистая гряда. 27 августа 1874 года въ Кронштадтской бухтѣ случилась буря, произведшая не мало опустошеній и въ окрестностяхъ Петербурга. Море выбросило огромныя массы обломочнаго матеріала. Во многихъ мѣстахъ на берегу, покрытомъ дерномъ, образовался валъ изъ песка, галекъ и гравія. Между Лахтой и Лисьимъ Носомъ онъ тянулся на протяженіи цѣлыхъ девяти верстъ, и высота его достигала $1^1/_2$ аршина.

Такіе же валы нагромождаетъ море и на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Посмотрите на эти безчисленные гафы, изрѣзывающіе берега Балтійскаго моря. Каждый изъ нихъ отдѣленъ узкою полосою суши, которая намыта волнами морскими и сплошь состоитъ изъ гальки, гравія и песка. Вѣтеръ скучиваетъ песокъ въ огромныя дюны и несетъ жителямъ этихъ косъ гибель и разореніе.

Каждый небольшой заливъ Балтійскаго моря превращается въ гафъ, и съ каждымъ годомъ коса, отдѣляющая его, все растетъ и растетъ. Многіе гафы соединены съ моремъ очень узенькими канальчиками и, совсѣмъ отдѣлившись отъ него, превратятся въ озера. Такихъ озеръ огромное множество въ Германіи. Длинною цѣпью тянутся они вдоль берега. Многія изъ нихъ заросли уже осокой и тростникомъ, уже на берегахъ ихъ поселился мохъ-торфяникъ. Нѣкоторыя и совсѣмъ превратились въ непроходимыя трясины. Море стремится выравнять берегъ — разрушить мысы и засыпать заливы.

Тѣ же картины встрѣтимъ мы и на другихъ моряхъ, вездѣ, гдѣ существуютъ низкіе берега. Вѣками наносило Нѣмецкое море къ берегамъ своимъ гравій и песокъ. Выростали огромныя мели, отдѣлялись мелководные заливы. Рѣки несли въ нихъ илъ и превращали ихъ въ болота. Такъ выросла широкая низина, сплошь покрытая непроходимыми трясинами, озерами и пустошами. Въ Германіи эта гладкая, какъ столъ, равнина носитъ названіе маршей. Человѣкъ задумалъ вырвать у моря его созданіе и своимъ трудомъ превратилъ безплодныя марши въ цвѣтущія польдеры. Такъ возникла Голландія.

У сѣверныхъ береговъ Адріатическаго моря мы встрѣчаемъ такіе же заливы, какъ и на Балтійскомъ морѣ. Они носятъ названіе лагунъ. Многочисленные мели и острова сплошь усѣиваютъ ихъ, а дальше вдоль берега тянутся зыбкія болота. На такихъ лагунахъ построена Венеція, — красавица Адріатическихъ водъ. Крѣпкая гранитная дамба защищаетъ ее отъ ярости волнъ морскихъ, а внутри города — вода и вода. Желѣзная дорога, везущая васъ, идетъ по высокой насыпи, въ которой для протока воды устроены цѣлыя сотни арокъ. По обѣ стороны тянутся болота, озера, мели, — сплошь заливаемыя моремъ во время прилива. У

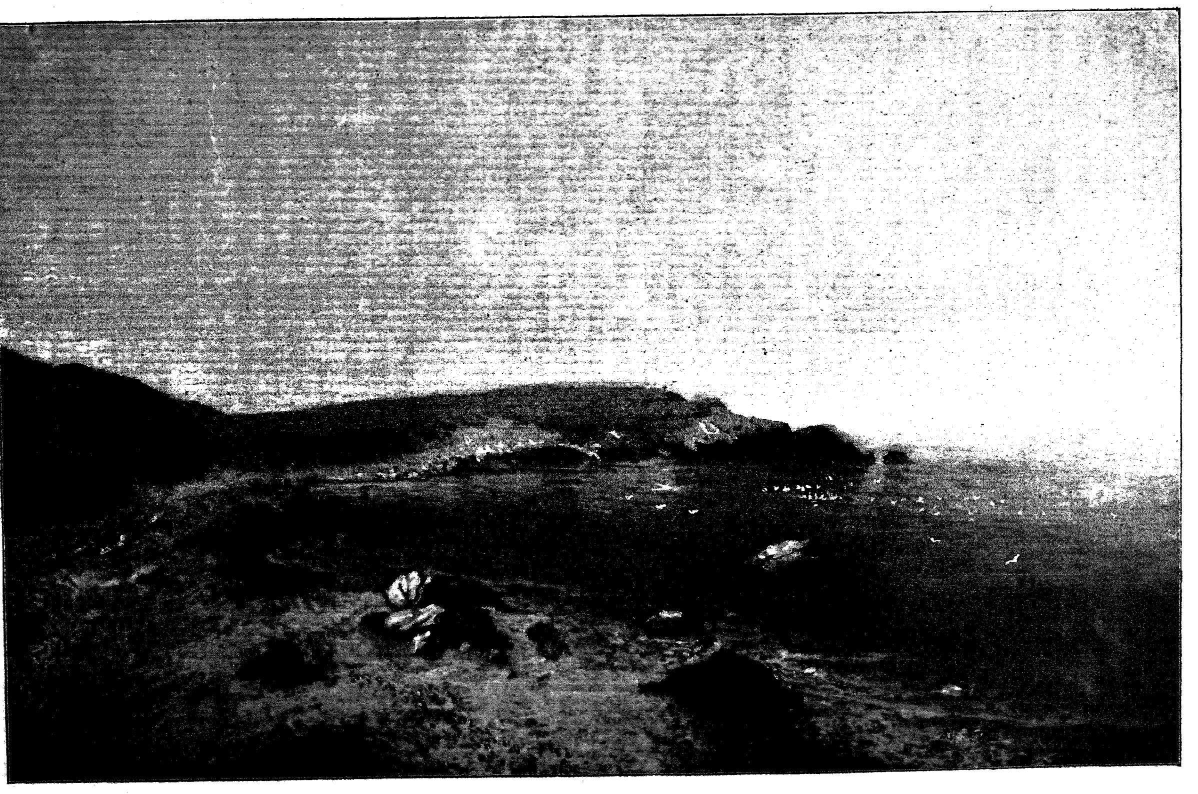

Рис. 127. Штиль. Съ картины художника Судковскаго. (Русскій Музей Императора Александра III).

вокзала ждетъ гондола, которая по узкимъ и длиннымъ каналамъ доставляетъ васъ въ лучшую часть города. Такіе каналы замѣняютъ здѣсь улицы, и кромѣ нихъ существуютъ лишь узенькіе переулки, гдѣ два пѣшехода разойдутся съ трудомъ, и обширныя площади, выложенныя известковою плитой и мраморомъ. Во всемъ городѣ ни одной лошади. Подъѣзды роскошныхъ домовъ спускаются прямо къ каналамъ, и вмѣсто экипажей передъ ними стоятъ гондолы... Черезъ каналы перекинуто около 400 мостовъ.

Подобно Голландіи, Венеція вырвана человѣкомъ изъ волнъ морскихъ. Милліоны свай укрѣпляютъ ея дома, и цѣлые лѣса на противоположномъ берегу пали подъ ударами топора, чтобы дать матеріалъ для постройки этого своеобразнаго города. И такъ-же, какъ въ Голландіи, море не разъ яростно бросалось на городъ и заливало его своею водою. Послѣднее грозное наводненіе случилось въ Венеціи осенью 1902 года. Бѣднѣйшіе жители были разорены, многія зданія пострадали. Въ каналахъ былъ полный разгромъ. И много дней вмѣсто веселыхъ серенадъ, которыя раздаются здѣсь по вечерамъ, слышались горькіе вопли отчаянія.

Вдоль береговъ Гаскони во Франціи также протянулись безчисленныя лагуны, отдѣленныя отъ моря полосою сыпучихъ песковъ. Безплодныя ланды—такое же созданіе моря, какъ и Голландія, но и здѣсь человѣкъ уже торжествуетъ побѣду. Благодаря его труду, безжизненныя пустоши, непроходимыя болота и сыпучіе пески превратились въ одинъ изъ лучшихъ лѣсныхъ уголковъ Европы.

IV.

Громадны пространства суши, намытой моремъ и обработанной человѣкомъ. Но созданіемъ этихъ пространствъ не ограничивается творческая работа волнъ. Песокъ, выброшенный моремъ, покрываетъ не только низменное побережье. Онъ далеко уходитъ подъ поверхность воды и устилаетъ мелкое дно. Въ Финскомъ заливѣ это песчаное дно тянется иногда на сотни саженъ отъ берега. Но чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ все мельче становится песокъ и наконецъ уступаетъ мѣсто глинѣ.

Этотъ песокъ и глина получились не только отъ разрушенія прибрежныхъ утесовъ. Нерѣдко на низкомъ побережьѣ такихъ утесовъ и вовсе не существуетъ. Безчисленные ручьи и рѣки несутъ обильную дань открытому морю. Всюду съ поверхности земли дождевыя воды сносятъ въ нихъ мелкіе продукты разрушенія,— нѣжную глинистую пыль и песокъ. И по пути къ морю сами рѣки и ручьи размываютъ свои берега. Ежегодно приносятся ими огромныя массы обломочнаго матеріала. Какъ только теченіе начинаетъ замедляться, рѣка постепенно роняетъ свою ношу. Крупныя частички ложатся ближе къ берегу, легкій илъ относится на большія

Рис. 128. Буря у мыса Айя. Съ картины художника Айвазовскаго (Русскій Музей Императора Алоксандра III).

разстоянія. Такъ изъ года въ годъ постепенно накопляются на днѣ мелководнаго моря пласты песковъ и глины. Мѣстами у берега скопляются огромныя массы раковинъ, цѣлыхъ и битыхъ. Ихъ выбрасываютъ волны. Среди этихъ раковинъ мы найдемъ многочисленные обломки морскихъ лилій и морскихъ звѣздъ, иглы морскихъ ежей, частички морскихъ губокъ и даже скелеты рыбъ. Изъ года въ годъ это кладбище морскихъ обитателей пополняется новыми безчисленными трупами... Каждая раковина состоитъ изъ того же матеріала, который слагаетъ известняки: это также углекислая известь. Волны дробятъ известковый матеріалъ, съ годами онъ слеживается въ плотную массу, и отдѣльныя части ея спаиваются другъ съ другомъ или посредствомъ ила, или же посредствомъ маленькихъ известковыхъ кристалликовъ, осѣвшихъ изъ воды. Мало-по-малу безчисленные остатки животныхъ превращаются въ плотный камень-известнякъ.

Проходятъ сотни, тысячи и десятки тысячъ лѣтъ. Мелководное море сплошь заполняется пластами песковъ, глинъ и известняковъ и превращается въ сушу. Но сокращается ли поверхность его? Вѣдь въ другихъ мѣстахъ грозныя волны за это время успѣли уже разрушить прибрежныя скалы и заняли ихъ мѣсто. Море измѣнило свои очертанія и отчасти помѣнялось съ сушею мѣстомъ.

Но не вездѣ море мелко. Въ океанѣ глубина достигаетъ пяти, шести, семи и даже девяти съ лишнимъ верстъ. Глубина въ три версты нерѣдко наблюдается вблизи береговъ... Что же находится на днѣ глубокаго моря? Какъ показали многочисленныя наблюденія, въ открытый океанъ вовсе не заносится съ материковъ ни песокъ, ни глина. Вдали отъ береговъ вода отличается изумительною чистотою. И тѣмъ не менѣе въ таинственныхъ нѣдрахъ глубокаго океана идетъ созидательная работа. Впервые это сдѣлалось извѣстнымъ во время постройки подводнаго телеграфа между Англіей и Америкой. При многочисленныхъ промѣрахъ дна удалось извлечь съ огромныхъ глубинъ сѣрый илъ, очень похожій на плохой сортъ бѣлаго писчаго мѣла. Ближайшее изслѣдованіе показало, что онъ состоитъ изъ многочисленныхъ остатковъ микроскопическихъ животныхъ, называемыхъ корненожками. Послѣ этого цѣлыя экспедиціи, снаряженныя разными государствами, ѣздили для изслѣдованія величайшихъ глубинъ, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе раскрывались тайны океана. Теперь мы знаемъ, что бѣлый илъ, до изумительности сходный съ мѣломъ, покрываетъ огромныя пространства морского дна. Тѣ животныя остатки, изъ которыхъ онъ состоитъ, видимо, принадлежатъ обитателямъ верхнихъ слоевъ воды и только послѣ своей смерти падаютъ на дно.

Въ наиболѣе глубокихъ частяхъ океана находили на днѣ красную глину. При самомъ тщательномъ изслѣдованіи въ ней не уда-

лось замѣтить даже слѣдовъ животныхъ и растеній. Долго ученые останавливались въ недоумѣніи передъ этою загадочною породой. Откуда берется она на днѣ моря? На этотъ вопросъ никто не умѣлъ дать отвѣта.

Въ августѣ 1883 года весь міръ былъ пораженъ грозною катастрофой, которая разыгралась въ Зондскомъ проливѣ близъ островов Суматры и Явы. Расположенный здѣсь небольшой островокъ произвелъ грозное изверженіе [1]). Отъ страшнаго взрыва на морѣ поднялись огромныя волны и унесли до 40.000 человѣческихъ жертвъ. Чудовищная пасть вулкана выбросила несмѣтныя количества пепла. Густыми тучами носился онъ надъ сосѣдними островками, а мельчайшія частички его были развѣяны по всему міру.

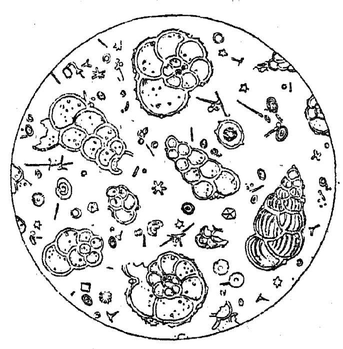

Рис. 129. Мѣлъ, разсматриваемый подъ микроскопомъ.

Рис. 130. Бѣлый илъ глубокаго моря подъ микроскопомъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ во многихъ мѣстахъ Европы выпала мельчайшая вулканическая пыль, покрывшая землю, точно снѣгомъ. Долго еще носилась она въ воздухѣ, и, благодаря ея присутствію, небо послѣ заката солнца окрашивалось въ пурпурный цвѣтъ.

Весь ученый міръ былъ заинтересованъ этою пылью. Ее тщательно собирали и изслѣдовали. Никому раньше и въ голову не приходило, чтобы вулканическій пепелъ могъ разноситься на такія огромныя пространства. Тутъ невольно явилась мысль, да не изъ пепла ли и состоитъ красная глина глубокаго моря? Вновь произведенныя изслѣдованія обнаружили дѣйствительно огромное сходство ея съ пылью, которая была собрана въ разныхъ мѣстахъ Европы. Открытіе обрадовало всѣхъ. Но явились тотчасъ и сомнѣ-

[1]) См. въ книгѣ А. П. Нечаева „Между огнемъ и льдомъ“ статью „Великія катастрофы“.

нія. Катастрофы, подобныя изверженію Кракатау—величайшая рѣдкость. Въ теченіе всей человѣческой исторіи наблюдался только единственный примѣръ такого грознаго дѣйствія вулканическихъ силъ. Какія же несмѣтные милліоны лѣтъ нужны для того, чтобы на днѣ океана скопился сколько-нибудь замѣтный слой вулканическаго пепла? И опять красная глина осталась загадкой.

Прошли годы и вдругъ одною экспедиціей вмѣстѣ съ красною глиной былъ извлеченъ со дна моря зубъ гигантской акулы хархародонта, давно уже вымершей. Этотъ зубъ лежалъ на поверхности красной глины. Хархародонтъ никогда не былъ современникомъ человѣка, и по самымъ скромнымъ расчетамъ цѣлые милліоны лѣтъ протекли съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ существовать на землѣ. Загадка разъяснилась. Красная глина накопляется изумительно медленно. Въ милліоны лѣтъ она не могла закрыть упавшаго на ея поверхность зуба. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что она, и въ самомъ дѣлѣ, вулканическій пепелъ.

Нѣтъ такого мѣста на днѣ моря, гдѣ не происходило бы накопленія осадковъ. Таинственныя нѣдра океановъ и морей - огромная мастерская природы, гдѣ медленно, но непрерывно совершается созиданіе тѣхъ горныхъ породъ, изъ которыхъ слагается земная кора и ея высокія горы.

V.

Но какимъ образомъ породы, образовавшіяся на днѣ моря, попадаютъ на поверхность материковъ? На землѣ немного такихъ мѣстъ, которыя съ древнѣйшихъ временъ остаются сушею. Почти каждый клочекъ земли въ ту или другую эпоху ея исторіи заливался водами моря. Подъ вліяніемъ подземныхъ силъ земная кора находится въ постоянномъ колебаніи [1]); однѣ ея части поднимаются, другія—опускаются. Такія измѣненія происходятъ такъ медленно, что мы ихъ не замѣчаемъ и только по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ оказывается, что суша уменьшила свои размѣры и море вторглось на ея мѣсто, или наоборотъ, твердая земля появилась тамъ, гдѣ еще недавно шумѣли морскія волны. Во многихъ мѣстахъ города и селенія, нѣкогда стоявшіе на самомъ берегу моря, теперь отодвинулись отъ него на цѣлыя версты. Съ другой стороны подъ водою вблизи берега находятъ остатки человѣческихъ жилищъ, разныя орудія и утварь.

Въ 105 году до Р. Х. былъ построенъ на берегу Неаполитанскаго залива храмъ бога Сераписа. Съ теченіемъ лѣтъ онъ разрушился, и развалины его скрылись подъ водою. Произведенныя здѣсь раскопки показали, что полъ храма усыпанъ морскимъ пескомъ и раковинами, а три сохранившіяся колонны изъѣдены слизнякомъ-

---

[1]) См. въ книжкѣ „Между огнемъ и льдомъ“ статью „Въ мірѣ міровъ“.

камнеточцемъ, который живетъ только въ морской водѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что между 105 годомъ и нашимъ временемъ здѣсь происходило опусканіе: берегъ Неаполитанскаго залива сталъ дномъ моря, и храмъ скрылся подъ водою. Вслѣдъ затѣмъ произошло поднятіе, и храмъ снова оказался на сушѣ.

То же самое наблюдается и въ другихъ мѣстахъ; такъ, напр., къ юго-западу отъ Стокгольма найдены глубоко подъ землею различные предметы человѣческаго обихода: лодка, якорь и желѣзные гвозди, а еще глубже была встрѣчена рыбачья хижина, покрытая сверху морскими осадками. Въ городѣ Мальме въ южной Швеціи во время сильныхъ вѣтровъ вода заливаетъ одну изъ улицъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ при раскопкахъ была обнаружена въ этомъ мѣстѣ древняя улица, лежащая на восемь футовъ ниже настоящей. Изслѣдованіе показало, что земля приподнята здѣсь искусственно послѣ происшедшаго опусканія. Такія же явленія наблюдаются и въ другихъ городахъ этой мѣстности.

Несомнѣнное поднятіе происходитъ на сѣверѣ Россіи. Многія селенія, построенныя во времена Іоанна Грознаго на самомъ берегу моря, теперь удалены отъ него на 5—6 километровъ. По свидѣтельству лѣтописей Соловецкаго монастыря, которыя ведутся съ его основанія, т. е. съ 1429 года, многія прекрасныя гавани острововъ теперь уже обмелѣли. Всего лучше поднятіе берега замѣтно на гранитной набережной Соловецкаго острова, на которой во время отлива отлично видны линіи, обозначающія высоту прежняго уровня воды. Эти линіи происходятъ оттого, что гранитъ различнымъ образомъ вывѣтривается въ водѣ и въ воздухѣ.

Весь Скандинавскій полуостровъ находится, повидимому, въ непрерывномъ колебаніи. На западномъ берегу его замѣтны явные слѣды поднятія. На обрывахъ скалъ, высоко надъ уровнемъ моря видны длинныя прямыя линіи и узенькія ступени, выбитыя морскими волнами. Теперь даже во время высокаго прилива море не достигаетъ ихъ, а между тѣмъ на этихъ ступеняхъ въ большомъ количествѣ находятъ раковины морскихъ обитателей. И тѣмъ не менѣе во времена глубокой древности этотъ же берегъ опускался. Обратите вниманіе на своеобразныя очертанія полуострова, — на эти безчисленные подводные камни-шхеры и прихотливо вѣтвящіеся фіорды. Нигдѣ болѣе въ Европѣ, кромѣ сѣвера Британскихъ острововъ, вы не найдете такой причудливой береговой линіи. Трудно представить себѣ всю мрачность фіордовыхъ ущелій. Крутыми высокими стѣнами нависли надъ ними огромныя черныя скалы. Шумные водопады скатываются съ ихъ вершинъ, и подъ могучими струями низвергающейся воды свободно проходятъ мелкія суда. Въ глубокое ущелье Лезифіорда не проникаетъ ни одинъ солнечный лучъ. Гигантскія стѣны его вздымаются на высоту до одной версты, а черныя воды скрываютъ подъ собой глубины въ 200 саженъ.

Первый морякъ, отважившійся плыть по тихимъ и темнымъ водамъ этого фіорда, долженъ былъ подвигаться впередъ съ нѣкоторымъ страхомъ, спрашивая себя при каждомъ поворотѣ, не встрѣтится ли ему какое-нибудь грозное божество. Даже и теперь путешественники не безъ трепета вступаютъ въ это ущелье.

Всѣ эти фіорды—не что иное, какъ затопленныя долины рѣкъ, а всѣ безчисленные каменистые острова и подводные камни, окаймляющіе Скандинавію,—вершины затопленныхъ горъ. Въ незапамятныя времена Скандинавскій полуостровъ въ своей западной части опустился глубоко въ нѣдра океана, и теперь опять происходитъ постепенное его поднятіе.

Можно было бы привести много такихъ же примѣровъ, и всѣ они показали бы намъ, что земная кора, которую мы привыкли считать неподвижной, на самомъ дѣлѣ не знаетъ покоя, и отдѣльныя части ея то поднимаются, то опускаются.

Иногда опусканіе длится въ теченіе долгихъ вѣковъ и тысячелѣтій, и тогда море постепенно завладѣваетъ сушею. Волны подкатываются къ берегамъ и разрушаютъ ихъ. Вторгаясь все дальше и дальше на мѣсто опустившагося материка, онѣ заливаютъ огромныя пространства и разрушаютъ высокія горы. Точно ножемъ срѣзаютъ онѣ всѣ неровности и на размытой, сглаженной поверхности отлагаютъ пласты галекъ, песковъ, глины, известняковъ. И когда, по прошествіи многихъ вѣковъ, материкъ станетъ подниматься и море снова сократитъ свои размѣры, мы уже не найдемъ прежнихъ горъ, длинныхъ долинъ и глубокихъ котловинъ; на ихъ мѣстѣ будетъ разстилаться однообразная равнина, покрытая горизонтальными пластами тѣхъ породъ, которыя отложились на днѣ моря. Рѣки промоютъ въ нихъ глубокія долины, и по отвѣснымъ обрывамъ ихъ береговъ мы, какъ по книгѣ, прочтемъ прошлое страны.

Только въ немногихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ на землѣ остатки древнѣйшей земной коры. Она состоитъ изъ гнейсовъ, гранитовъ и другихъ сходныхъ съ ними породъ. Огромными глыбами выдвигается она и среди моря, и на сушѣ. Поверхность земли здѣсь, неровная, заваленная обломками, и высокихъ горъ на ней нѣтъ: онѣ успѣли уже давно разрушиться.

Таковъ, напр., весь Скандинавскій полуостровъ, а въ Россіи—Финляндско-Олонецкая глыба и Галицко-Подольская возвышенность. Нерѣдко граниты и гнейсы выдвигаются въ среднихъ частяхъ горныхъ хребтовъ и образуютъ высочайшія вершины земного шара; мы найдемъ ихъ и въ Альпахъ, и на Кавказѣ, и въ Гималаяхъ; здѣсь выдвинули ихъ подземныя силы изъ глубочайшихъ нѣдръ земной коры, и къ нимъ съ той и съ другой сторонъ прилегаютъ болѣе молодыя породы.

На всемъ остальномъ пространствѣ земли мы находимъ глины,

пески, песчаники, глинистые сланцы и известняки,—все тѣ породы, которыя образовались на днѣ мелкаго моря. Въ немногихъ мѣстахъ выдвигаются отложенія глубокаго моря — бѣлый писчій мѣлъ. Въ Россіи мѣловыя горы встрѣчаются на Волгѣ за Саратовомъ, и вообще на югѣ Россіи.

VI.

Въ окрестностяхъ Петербурга есть удивительный уголокъ— рѣчка Поповка за Павловскомъ. Каждую весну отправляются туда

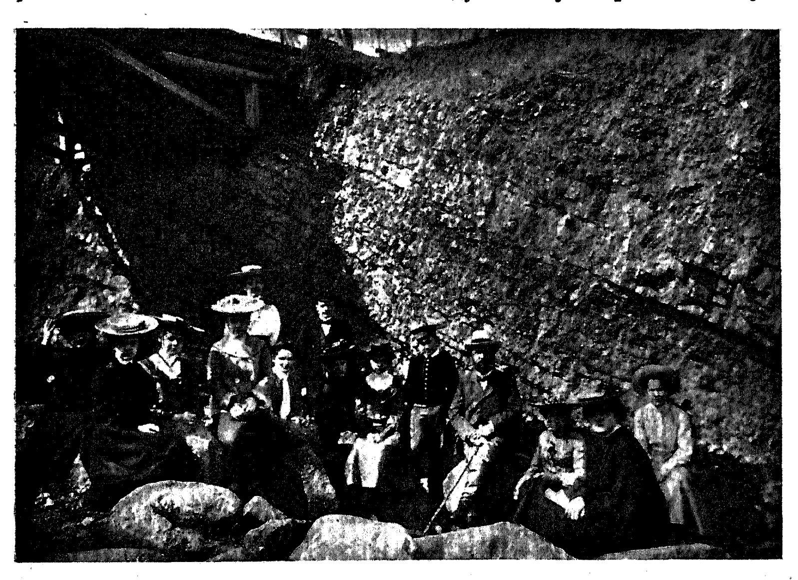

Рис. 131. Берегъ рѣчки Поповки, сложенный изъ известняковъ. На камняхъ расположились экскурсанты: ученицы гимназіи Э. П. Шаффе.

толпы молодежи, чтобы познакомиться съ дивными берегами этой рѣчки, и по тѣмъ пластамъ, изъ которыхъ они слагаются, прочитать одну изъ страницъ исторіи земли (рис. 131).

Положимъ, и мы съ вами, читатель, отправились туда. Поѣздъ доставилъ насъ къ комфортабельному Павловскому вокзалу, куда ежедневно по вечерамъ стекается нарядная публика послушать музыку. Отъ вокзала нашъ путь идетъ по улицамъ Павловска и по прекрасной Царскославянской дорогѣ. Миновавъ небольшой лѣсокъ, мы черезъ полчаса попадемъ въ деревню Пязелево. Здѣсь въ одной изъ крестьянскихъ избъ мы можемъ оставить лишнія вещи, чтобы

совершить прогулку налегкѣ. Мы можемъ заказать также самоваръ, молоко и яйца, чтобы на обратномъ пути подкрѣпить силы.

Сейчасъ же за деревней мы встрѣтимъ мостъ, перекинутый черезъ рѣчку Поповку. Перейдя его, мы спустимся внизъ и пойдемъ берегомъ. Рѣчка не велика; узенькимъ мелководнымъ потокомъ вьется она, дѣлая зигзаги; ее легко перейти въ бродъ. Но за то долина ея—глубокое ущелье съ отвѣсными каменными берегами, и чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ все выше становятся они. Маленькій ручеекъ глубоко врѣзался въ толщу земной коры и показалъ намъ, изъ чего она сложена. Съ той и съ другой стороны высятся живописные обрывы, прорѣзанные глубокими оврагами. Тутъ и тамъ вершины ихъ увѣнчаны земляными столбами. Мѣстами у подножія ихъ—груды обломковъ, обвалившихся сверху. Дно рѣки усѣяно галькою и гравіемъ.

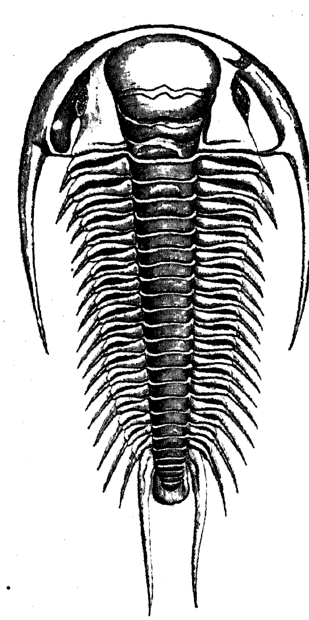

Рис. 132. Трилобитъ.

У самаго моста берегъ слагается изъ синей лѣпной глины. Дальше надъ нею видны слои горючаго глинистаго сланца, совсѣмъ разрушившагося, распавшагося на отдѣльныя плитки. Идя дальше, мы встрѣтимъ высокіе известняковые обрывы, а подъ ними своеобразный зеленовато-синій песокъ. Мѣстами изъ подъ горючихъ сланцевъ выдвигается бѣлый песчаникъ съ многочисленными остатками раковинъ.

Внимательно разсматривая камни, лежащіе на днѣ рѣчки, мы найдемъ среди нихъ не мало прекрасныхъ минераловъ. Прежде всего ваше вниманіе привлекутъ красивые блестящіе желваки и шарики желѣзнаго колчедана. Они залегаютъ въ большомъ количествѣ въ пластахъ горючаго сланца и при разрушеніи послѣдняго выпадаютъ въ рѣку. Любопытны также большіе шары известковаго шпата,—такъ называемые антракониты. Въ числѣ вашихъ находокъ могутъ оказаться и окаменѣлые остатки древнѣйшихъ раковъ—трилобитовъ (рис. 132). Вода вымываетъ ихъ изъ толщи известняковъ. Если мы выбьемъ кусокъ такого известняка и станемъ разсматривать его черезъ лупу, то найдемъ въ немъ много мелкихъ обломковъ раковинъ.

Интересенъ горючій сланецъ. При накаливаніи на огнѣ онъ тлѣетъ, распространяя запахъ асфальта. Цвѣтъ его черный, какъ

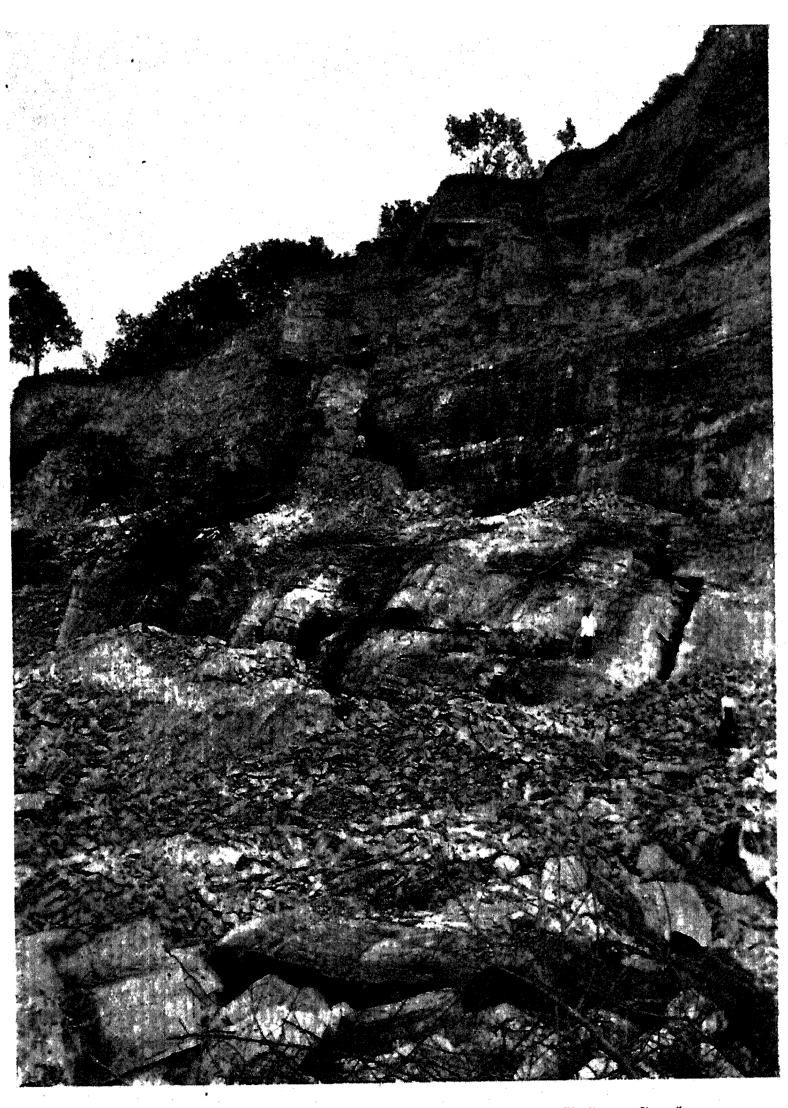

Рис. 133. Высокій берегъ Финскаго залива у дер. Тойла. Съ фотогр. Е. В. Лермонтовой.

у угля. Этотъ сланецъ—не что иное, какъ плотно слежавшаяся и окаменѣлая глина. Давнымъ давно въ эту глину попали растительные и животные остатки. Безъ доступа воздуха они не могли сгнить и только обуглились, сообщивъ сланцу темный цвѣтъ и способность горѣть.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раскинулся теперь Павловскъ съ его дачами и паркомъ, нѣкогда шумѣли морскія волны. На днѣ моря постепенно накоплялись пески, глины, известняки. Подземныя силы выдвинули ихъ на поверхность земли. Рѣка промыла въ нихъ глубокое ущелье... Цѣлые милліоны лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ море покинуло эти мѣста. Въ водахъ его жили только самыя простыя животныя существа, и ихъ остатки мы теперь находимъ въ известнякахъ и рѣдко въ другихъ породахъ Поповки.

Если мы затѣмъ отправимся на южный берегъ Финскаго залива, въ Нарву или Іеве, то и тамъ найдемъ такіе же обрывы. Вдоль всего эстляндскаго побережья высокою стѣною протянулся обрывъ, извѣстный подъ названіемъ глинта (рис. 133) Это—древній берегъ, у подножія котораго вѣками копился обломочный матеріалъ, давно уже превращенный волнами въ гальку и гравій. Самъ глинтъ сложенъ изъ тѣхъ же породъ, которыя мы встрѣтимъ подъ Павловскомъ. Особенно любопытенъ здѣсь известнякъ. Въ немъ поразительное множество окаменѣлыхъ остатковъ животныхъ и, порывшись въ кучахъ щебня, который въ изобиліи разсѣянъ кругомъ, вы можете собрать цѣлыя коллекціи каменныхъ раковинъ.

Отправимся на Волгу, къ подножію знаменитыхъ Жигулей. И тамъ знакомая картина! Высокіе обрывы ихъ сплошь состоятъ изъ известняковъ, переполненныхъ остатками животныхъ, но уже болѣе сложныхъ и разнообразныхъ. Тутъ и иглы морскихъ ежей, и членики морскихъ лилій, а на ряду съ ними въ громадномъ множествѣ всевозможныя раковины и обломки коралловъ.

Отправимся въ любую горную страну, и тамъ въ толщѣ каменныхъ породъ мы встрѣтимъ многочисленные остатки вымершихъ животныхъ. Слѣдя, въ какомъ порядкѣ лежатъ пласты другъ на другѣ и выбирая изъ нихъ окаменѣлости, мы можемъ представить себѣ картины прошлаго земли, узнать, какія прежде жили животныя на землѣ и въ какомъ порядкѣ они смѣняли другъ друга. Много свѣтлыхъ умовъ поработало надъ разборкою окаменѣлостей, и мы теперь уже знаемъ, что жизнь на землѣ развивалась постепенно, начиная съ простѣйшихъ существъ и переходя къ болѣе сложнымъ. Пласты горныхъ породъ разсказали ученымъ исторію земли [1]).

Большинство горныхъ породъ, слагающихъ земную кору вмѣстѣ съ ея высокими горами, образовалось на днѣ моря. Теперь жаръ

[1]) См. книгу Гетчинсона „Вымершія животныя".

Рис. 134. Животный міръ кембрійскихъ морей.

и холодъ, вода и вѣтеръ неустанно работаютъ надъ ихъ разрушеніемъ. Ручьи и рѣки сносятъ обломки въ море, и тамъ мало-помалу накопляются новые пласты песковъ, глинъ и известняковъ. Рано или поздно подземныя силы снова выдвинутъ ихъ на дневной свѣтъ, и опять начнется разрушеніе! Такъ на землѣ совершается непрерывный и вѣчный круговоротъ, и ни одна крупинка разрушеннаго камня не пропадаетъ безслѣдно. Безъ конца мѣняются формы, но матеріалъ, изъ котораго онѣ созданы, сохраняется съ первыхъ моментовъ длинной исторіи земли.

Въ этомъ круговоротѣ участвуемъ и мы. Наше тѣло создалось изъ принятой нами пищи. Растенія, давшія кормъ скоту, мясо котораго мы ѣдимъ, и сами, послужившія намъ пищей, построили свои ткани изъ матеріала, взятаго изъ воды, земли и воздуха. Изъ этого же матеріала построилось и наше тѣло. И когда мы умремъ, тѣло наше вернется въ землю и поступитъ въ общій круговоротъ. И снова изъ того же матеріала возникнутъ новыя существа.

Мы — частичка громаднаго міра земли. Наша жизнь — только звено въ длинной цѣпи превращеній. Но мы, эта ничтожная частичка необъятнаго и разнообразнаго міра, обладаемъ разумомъ, и среди всѣхъ безчисленныхъ твореній только мы одни постигаемъ законы природы, проникаемъ въ сокровенный смыслъ ея явленій. Мы считаемъ себя господами земли. И на это даетъ намъ право нашъ разумъ и наши знанія.

Пусть идутъ вѣка, пусть всемогущая природа уничтожаетъ наши дѣла и насъ самихъ, но, пока существуетъ человѣчество, не забудутся тѣ, кто своимъ умомъ и знаніемъ внесъ посильную лепту въ великое творческое дѣло, которымъ человѣкъ подымается надъ другими существами!

Цѣна — 1 р. 90 к.

Въ переплетѣ 2 р. 20 к.